

DK 275

. A39A3

1997

с.1

Gen

В.И.Алидин

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ
И ВРЕМЯ
(1951—1986)**

**Издательство “Ветеран МП”
1997**

ББК 66. 3(2)

А 557

Алидин В.И.

А 557 Государственная безопасность и время. — Издательство
"Ветеран МП", 1997 — 400 с.

ISBN 5-88987-004-1

ББК 66. 3(2)

© В.И.Алидин, 1997

***Храните Честь, Славу,
Достоинство,
Берегите Отечество Наше!***

Виктор Иванович Алидин

ОТ АВТОРА

В ЖИЗНИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА есть такие моменты, которые остаются в памяти на долгие годы. Связаны они, как правило, с крутыми поворотами в судьбе. Не обошла эта доля и меня. По правде сказать, острых моментов на моем жизненном пути, сложном и долгом, оказалось предостаточно, хватило бы и не на одного человека. Но один, особый, неожиданно, и как говорится, раз и навсегда, определил всю мою последующую жизнь.

Было ли это мне предназначено судьбой, не знаю?.. Судьбу, говорят в народе, не выбирают, она сама выбирает нас. Хорошо, если она окажется счастливой, тогда считай, что в жизни твоей все состоится. Мне хоть и нелегкая выпала планида, наперед скажу, с судьбою повезло. И сегодня, в свои 85 лет, я остаюсь ею вполне доволен, как дай Бог каждому.

То, о чем пойдет мой рассказ, началось с телеграммы из Москвы. Меня срочно вызвали в Центральный Комитет партии. Случилось это в 1951 году.

Мне предстояло новое назначение, но каким будет характер новой работы, я даже не догадывался. Ясно было одно, что с Украиной я расстаюсь надолго, может навсегда. Мне искренне жаль было попрощаться с ее талантливым народом, у которого я учился трудолюбию, терпению, мужеству и мудрости. На этой опаленной жестокими сражениями земле я выдержал суровое испытание на прочность характера и силу духа, на верность Родине. Принимая участие в обороне Киева вместе с другими товарищами, я создавал народное ополчение, организовывал партизанские отряды и партийное подполье. Мне довелось участвовать в боях с немцами, ходить в рукопашную и побеждать. На Украине я прошел большую школу жизни, состоялся как партийный работник, руководитель и организатор. И самое главное, здесь оставались мои друзья, дорогие сердцу места, с которыми были связаны многие светлые воспоминания.

Так завершался один из значительных этапов моей жизни. Впереди была Москва, новое назначение. В ЦК партии, куда явился по прибытию, мне сказали, что принято решение направить меня на работу в органы государственной безопасности.

Не скрою, назначение для меня оказалось больше, чем неожиданным. Это в корне меняло всю прежнюю жизнь; придется вживаться не только в новую роль, но прежде всего, совладать со своими чувствами. Мне, пережившему время кровавых «чисток», было над чем поразмышлять. Положение в стране оставалось сложным, борьба за власть не утихла. Сильно постаревший Сталин все еще оставался лидером пар-

тии и государства, но страной уже правили его молодые сподвижники. Крепки были позиции и у всесильного Лаврентия Берия. Словом, все не так просто. Но работа есть работа и ее кому-то надо делать. Для себя я твердо решил, что какие бы обстоятельства не диктовала мне чекистская жизнь, исполнять свой долг я стану только честно, чистыми руками решать вопросы, связанные с судьбами людей, только по справедливости.

Органы государственной безопасности — политический аппарат в структуре власти. Они оперативно обеспечивают выполнение государственной политики специальными средствами. Главная их задача — стоять на страже государственных интересов, и выполнять ее может только сильная и высококвалифицированная организация, беззаветно преданная своему делу, своему народу, своему Отечеству.

Органы госбезопасности нашей страны были именно такой четко отлаженной структурой. И не их вина, а беда, что в отдельные периоды своей деятельности они беспрекословно выполняли не закон, одобренный всенародно, а волю лидеров страны. То, что госбезопасность была у нас структурой профессиональной, во всех отношениях надежной, эффективной, утверждать это дает право мой 35-летний опыт чекистской работы. За эти долгие годы я много видел, многое узнал, во многих делах сам принимал участие и сегодня с высоты прожитых лет мне хочется поведать читателям, особенно молодым, о том, как в невыносимо тяжелых испытаниях выковывался характер моего поколения, рассказать о героических и трагических страницах деятельности чекистов, их участии в значительных операциях, имевших государственное значение, о сложной ситуации, в которой оказалось, опять же не по своей вине, нынешнее поколение сотрудников госбезопасности.

Из моего повествования читателю предстоит узнать ранее неизвестные подробности из жизни и работы многих исторических личностей, с которыми я встречался неоднократно, познакомиться с еще неопубликованными документами.

Надеюсь мой взгляд, свободный от стереотипов, позволит читателю по-новому осмыслить многие события из нашего недавнего прошлого, воспринять их глубже и ярче.

Буду весьма признателен, если мои воспоминания, суждения и выводы, порой расходящиеся с сегодняшней официальной точкой зрения на определенные исторические моменты, заинтересуют читателя. Я ему заранее благодарен.

Виктор Алидин.

Глава 1

ДОРОГА В МОСКВУ

ИТАК, Я ЛЕЧУ в Москву по срочному вызову Центрального Комитета партии. О его причине в правительственной телеграмме ни строчки. Делаю для себя вывод, что в Херсон, где после Киева я проработал чуть больше двух лет, уже не вернусь. Об этом мне намекали и коллеги, прощаясь со мной с теплой грустью.

Двухмоторный «Дуглас», — а именно этот тип самолетов был в те послевоенные годы основным на пассажирских трассах, — надсадно ревел, то и дело проваливался в воздушные ямы, но неудобств я не замечал. Мысли мои целиком занимал предстоящий разговор в ЦК партии, после которого мне, по всей вероятности, придется настраиваться на новую работу. Какой она будет, при всем моем воображении, я не знал и знать не мог. Таков был в то время в ЦК порядок.

Лететь до Москвы предстояло не один час. Занять себя в самолете особенно не чем. Если бы можно было почитать... Но в такой трясучке об этом нечего и думать. Нынешнему воздушному путешественнику на скоростных и комфортабельных «Ту», «Яках», «Илах» трудно поверить мне на слово, но тогда полет проходил именно так, как я рассказываю.

Устроившись, насколько это оказалось возможно, поудобнее, у иллюминатора, я смотрел на проплывающую под крылом самолета широкую степь и думал о прошлом, о годах армейской срочной службы и работе на Украине, «о друзьях-товарищах, о боях, пожарищах», о всем добром и недобром. Всякого хватило на мою долю за долгие годы жизни на Украине. Хорошего, естественно, больше. Я бы даже сказал, что Украина, для меня, потомственного тверяка, стала второй родиной. Искренне жаль расставаться с этим краем, с его добрыми и трудолюбивыми людьми, с дороги-

ми товарищами, с которыми строил новую жизнь, сражался против немецких захватчиков, делил хлеб-соль в тяжелые годы послевоенной разрухи. И чем дальше уносил меня самолет, тем острее я чувствовал, что украинский этап моей жизни завершен. Впереди была Москва и новая, неизвестная пока жизнь и работа.

С Украиной судьба счастливо связала меня в далеком 1933 году. Я прибыл туда для прохождения срочной армейской службы, да так и остался.

Родился я в октябре 1911 года в старинном волжском городке Кимры Тверской губернии. Здесь прошли мои детские и юные годы, здесь сформировалось и общественное сознание. Отец, Иван Макарович Алидин, мастер-кожевник, с малых лет работал на местном кожевенном заводе, мать, Екатерина Ивановна, занималась домашним хозяйством, хотя, по правде сказать, хозяйства-то у нас никакого и не было, как и своего дома — лишь угол в полуподвале, где и растила нас четверых детей мать. Жили бедно, но духом не падали. Не мы одни перебивались тогда с хлеба на воду.

В 1927 году я закончил трудовую школу 2-й ступени и первым в нашей семье получил среднее образование. Брат Иван и сестры, Вера и Александра, из-за отсутствия средств учиться не смогли, по той же причине мне не удалось продолжить учебу. Моим «университетом» стала обувная фабрика «Красная звезда».

Что такое нужда, я узнал с малых лет. Потому идеи коммунистов, стремившихся облегчить жизнь рабочего и крестьянина, мне близки и понятны. Скорее сердцем, чем разумом, я почувствовал, что мое место в этом движении и в 1925 году вступил в комсомол. А когда мне в 1932 году исполнилось двадцать лет, стал членом партии.

Годы эти были чрезвычайно сложными в истории нашей страны. У меня, молодого человека, еще свежи в памяти дни похорон В. И. Ленина. Помнилось и как началась борьба с троцкизмом. Скажу откровенно, мы, молодежь, тогда еще не воспринимали Сталина как лидера партии. В повседневной политической жизни чаще звучали слова «ленинизм», «троцкизм». Развернувшаяся политическая полемика нас особо не трогала, молодость есть молодость... Мы продолжали жить интересами своего возраста.

Хорошо помню годы НЭПа. Они внесли заметное оживление в экономику страны, нашего города. Развернулось частное предпринимательство. По праздникам людей радовали шумные многолюдные ярмарки — с каруселями, цирковыми представлениями, раешниками. Устраивались и торги, в которых участвовали даже иностранные фирмы. Открылось много частных магазинов, появились в продаже всевозможные товары и продукты. Правда, доступно все это оказалось только богатым и зажиточным людям. Простые труженики продолжали жить в нужде, порой, впроголодь. В этой обстановке радовало лишь одно, что им стало легче найти работу. Со свертыванием НЭПа вновь резко пошел на спад уровень жизни. Разорялись мелкие предприниматели, стала расти безработица, закрывались один за другим магазины, ухудшилось снабжение горожан продуктами питания, даже хлебом.

Именно в эти годы была проведена коллективизация на селе. В районах создавались МТС и политотделы МТС, наделенные чрезвычайными полномочиями. Началось выселение кулаков и так называемых подкулачников. Старожилы железнодорожной станции Савелово и сейчас помнят ночные коивои раскулаченных, плач женщин и детей. Нередко в черные списки попадали семьи, которые провинились только тем, что их дом покрывала железная крыша. Подкулачником считался всякий, кто не хотел вступать в колхоз. Между тем деревни пустели. Голодно стало и в нашем городе. Прекратил свое существование местный рынок, из мясных продуктов, и то лишь по случаю, можно было купить одну конину.

Свертывание НЭПа, насильственная коллективизация большинства крестьянских хозяйств, массовая высылка зажиточных крестьян в Сибирь подорвали на долгие годы экономику деревни, больно ударили по трудовому народу, привели к голоду с трагическими последствиями. И мне пришлось испытать на себе эту беду.

Трудное это было время — начало 30-х годов. Именно тогда, меня, молодого фабричного рабочего парня, по путевке горкома комсомола направили на работу в районное управление НКВД, в уголовный розыск. За короткий срок я прошел все должностные ступени. В начале 1932 года меня утвердили начальником уголовного розыска. В моем подчинении оказалось двенадцать оперативных сотрудников, из них я — самый молодой.

Скажу сразу: совесть моя чиста. Как работник НКВД, я не принимал участия в акциях по переселению людей из их родных гнезд. В эти тревожные дни я почти круглосуточно занимался борьбой с уголовной преступностью, захлестнувшей город и район.

Наша группа из всех сил противостояла преступникам, нередко действуя в смертельно опасной обстановке. Прошло много лет, а я не могу забыть, как однажды зимой поздним вечером в притоне мне удалось задержать вооруженного бандита Федора Кринкина. Или другой случай. Мы шли по следу одной банды. Чувствуя, что ее настигают, банда решила оторваться от нас, пересекла топкое болото и наверняка бы ушла, если бы мы пошли за ними в обход. Но мы не прекратили преследования и, несмотря на то, что я вместе с конем провалился в трясины и еле выбрался, банду мы настигли и взяли без потерь. Таких удачных операций по раскрытию преступлений и по поимке преступников на моем счету немало. Как дорогую реликвию молодости до сих пор храню документ Кимрского горисполкома о награждении меня в годовщину Октябрьской революции боевым оружием. Эту награду вся наша группа восприняла как высокую оценку работы по ликвидации преступности.

Вспоминая детство и юность, милый моему сердцу родной город Кимры, который как я в то время мог надеяться, станет территориально для меня поближе, я не могу сейчас не сказать, что хоть и не велик для России этот городок, но он дал немало людей, чьи имена хорошо известны — это и писатель Александр Фадеев, и авиаконструктор Андрей Туполев, и талантливые артистки Таня и Нина Сазоновы, и генерал армии Семен Васягин, и отважный командир полка, летчик-истребитель Николай Большаков и много других, может быть менее знаменитых, но не менее прекрасных русских людей.

Осенью 1933 года моя деятельность на посту начальника уголовного розыска закончилась. Я был призван на срочную службу в армию. Основной ее период пришелся на пребывание в 56 полку НКВД. Штаб его находился в Киеве, многочисленные гарнизоны подразделений полка размещались как в городе, так и в близлежащих районах.

Довоенный Киев восхищал меня своей красотой. В облике этого древнего города с его памятниками старины и постройками

более современного стиля оказалось столько милой привлекательности, что им нельзя было не залюбоваться. А как любил я пройтись по его чистым и уютным улицам, особенно в пору весеннего цветения, когда каштаны покрывались бело-розовым цветом, и их кроны казались висящими в воздухе люстрами! В эти дни улицы выглядели сплошными цветущими коридорами, окаймленными вдоль тротуаров непрерывными лентами цветников.

А как прекрасен Киев зимой! Климат здесь мягкий, сильные морозы редки, в целом преобладают южные циклоны. Даже сам облик и характер киевлян, на мой взгляд, под стать природным условиям — это красивые, добрые, отзывчивые люди.

Полк, в котором я служил, занимался охраной стратегически важных объектов — мостов на железных дорогах и магистральных шоссе. В состав полка, кроме стрелковых, входили подразделения полевой и зенитной артиллерии, а также дивизион бронепоездов, который одновременно служил школой по подготовке младших командиров. Входили в полк и другие подразделения.

Командовал им Павел Артемьевич Артемьев, впоследствии генерал-полковник, командующий войсками Московского военного округа, активный участник обороны Москвы в годы войны. Он уже в ту пору выделялся своими военными знаниями и опытом, пользовался большим авторитетом среди подчиненных и уважением вышестоящих командиров.

Комиссар бригады, в которую входил наш полк, — Н. А. Антипенко, — впоследствии стал членом военного совета Центрального фронта. Он доктор наук, автор известных мемуаров «На главном направлении». Хорошо подготовленными командирами были заместитель комполка по политчасти Костенко, начальник штаба Простов, секретарь партбюро полка Юровский и другие. Я с большим уважением вспоминаю своих командиров и наставников, под началом которых мне пришлось проходить срочную военную службу.

Много доброго осталось в моей памяти о месяцах учебы в бронешколе. Командир учебного дивизиона И. Г. Христенко отлично знал свое дело, он еще в годы гражданской войны командовал бронепоездом и часто рассказывал нам о боевых эпизодах, о том, как громили они вооруженные банды. Высокого роста, с красивой седой шевелюрой, он имел завидную военную выправ-

ку. Мы знали, что в прошлом Христенко окончил гимназию. Все мы по-солдатски любили этого человека высокой культуры.

Комиссар бронешколы В. В. Боеничев — под стать командиру. Он умел найти подход к любому курсанту, заботился о быте личного состава. В то время у него не было семьи и большую часть времени он проводил в дивизионе. Помню, Боеничев замечательно играл на баяне и часто приходил к нам в часы досуга.

Во время учебы коммунисты избрали меня парторгом подразделения. Именно здесь мне довелось пройти школу низовой партийной работы. Летом на собрании коммунистов бронепоездов военного округа, прибывших на лагерные сборы, меня избрали секретарем партбюро объединенной парторганизации.

Успешно закончив школу младшего начсостава бронепоездов, получив звание старшины, я был назначен командиром бронедрезины учебного бронедивизиона, но пробыл в этом качестве недолго.

В мае 1935 года меня избрали секретарем бюро ВЛКСМ полка. Это была офицерская должность, но я тогда еще такого звания не имел. Комсомольская организация насчитывала более 1200 человек, работа с ними, а также с другими молодыми воинами считалась важным направлением в обеспечении боевой и политической подготовки.

Здание, где размещался штаб полка и ряд подразделений, расположилось рядом с Киевским паровозовагоноремонтным заводом имени Январского восстания и паровозным депо имени Андреева. Эти предприятия шефствовали над полком. Красноармейцы часто встречались с рабочими в цехах завода и депо, а те, в свою очередь, посещали подразделения части. Я и до сих пор считаю важнейшим делом поддержание связей воинских частей с трудовыми коллективами. Рабочий коллектив приучает молодежь к труду, помогает выбрать профессию, что очень важно для солдат срочной службы.

С глубоким вниманием слушали мы, армейская молодежь, рассказы старых рабочих о героической истории Главных железнодорожных мастерских Украины. Стены цехов и заводской двор многое видели, помнили... О многом они могли бы поведать людям. То, о чем я говорю, известно сегодня не всем. И будет ли оно известно завтра? А ведь это — наша история. Отсюда 17 января 1918 года уходили отстаивать советскую власть боевые дружины

рабочих. Из 300 дружинников большинство погибли в сражениях, а вернувшихся расстреляли «синежупанники» здесь же, у заводской стены, о чем напоминает и сегодня мемориальная доска.

Рабочие главных железнодорожных мастерских, на базе которых возник завод имени Январского восстания, имели славные революционные традиции, активно участвовали в борьбе за власть Советов. В вагоноремонтном цехе, наиболее просторном, происходили бурные митинги и собрания. Взобравшись на мостовой кран, здесь выступали ветераны партии, соратники В. И. Ленина — А. В. Луначарский, Г. И. Петровский, П. П. Постышев, С. В. Косиор. Горячо говорил с молодыми рабочими Николай Островский, бывший одно время секретарем комсомольской организации завода. Под сводами цехов этого славного предприятия родилась и впервые прозвучала любимая песня молодежи тех лет: «Наш паровоз вперед лети...».

Мы пристально следили за состоянием здоровья Николая Алексеевича Островского. Прикованный к постели, он по-прежнему горел молодым задором, мобилизуя молодежь на самоотверженный труд. В те дни мы впервые прочитали его пронизанную живым огнем веры в светлое будущее книгу «Как закалялась сталь».

Крепкая братская дружба связала нас с рабочей молодежью паровозоремонтного депо имени Андреева. Здесь проходили профилактические осмотры и обслуживание паровозными бригадами бронепоездов нашего полка.

Итак, я оказался в самой гуще комсомольской жизни. Помню, еще в Харькове, где начиналась моя военная служба, мне поручили выступить с приветствием от имени воинов гарнизона на отчетно-выборной партийной конференции Основьянского района. Я впервые выступал на таком ответственном форуме. Очень волновался и старался собраться до предела, говорил без подготовки, без заранее составленного текста, недолго, но, как мне сказали товарищи, горячо и убедительно. Зал встретил мои слова аплодисментами. Я был счастлив: в президиуме вместе с другими аплодировал мне и Павел Петрович Постышев (впоследствии погибший в результате сталинских репрессий).

В конце 1933 — начале 1934 года ЦК КП(б) Украины и руководящие органы республики переехали из Харькова в Киев. Отныне Киев стал столицей советской Украины. Нашему полку

поручили нести оперативную службу по обеспечению этого переезда.

Полк, в котором я служил, входил в состав войск Украинского пограничного округа. Мне, как секретарю комсомольской организации, приходилось периодически участвовать в работе разного рода собраний, семинаров. Памятным для меня остался IX съезд комсомола Украины, на котором довелось слушать выступление секретаря ЦК КП(б)У П. П. Постышева. Он доходчиво и просто говорил о жизни молодежи, вспоминал свою жизнь подростком, рассказывал о своей семье, детях. Все это западало в душу.

Запомнилось так же совещание руководящего командно-политического состава Киевского гарнизона. Мы слушали доклад о международном положении и задачах армейских коммунистов. В докладе говорилось об обострении международной обстановки, об авантюризме и опасных планах немецкого фашизма, об угрозе войны, о необходимости повышать боевую готовность войск Красной Армии. Обо всем этом я потом рассказывал комсомольскому активу полка.

В этот период в частях округа развернулась пропаганда парашютного спорта. Командование нашей части поддержало инициативу комсомольцев по подготовке парашютистов на базе парашотно-десантной службы войск НКВД округа. Порядок был такой. Вначале надо было пройти облет на самолете вместе с летчиком-инструктором, затем изучить парашют и готовиться к прыжку.

Нас приветливо встретил старший летчик-инструктор парашотно-десантной службы Н. А. Остряков. После короткого разговора он пригласил меня к самолету. Предстоял первый в моей жизни полет. Мы поднялись в воздух, высота была небольшая. Летчик выключил мотор, перешел на планирование. Затем обернулся, и, глядя мне в глаза, стал пояснять:

— Вы встаете, перебрасываете одну ногу через борт кабины, затем другую, выходите на крыло самолета...

Я мысленно выполнил все его указания, а он продолжал:

— Вот вам подана команда прыгать, сумели бы?

Я посмотрел на землю, увидел леса, поля, водоемы и твердо ответил:

— Да, сумел бы!.

Но в те дни стать парашютистом мне не пришлось. Парашютную подготовку временно приостановили, так как наш наставник — летчик-инструктор Николай Остряков — уехал добровольцем в Испанию для участия в войне на стороне республиканской армии. Один из лучших летчиков-истребителей ВВС республики, он дрался во многих воздушных боях и за проявленный героизм был удостоен редкого в то время звания Героя Советского Союза. Инициатива полковых активистов переключилась на другие важные дела. Их у нас всегда хватало.

К нам прибыл новый командир полка Великанов (П. А. Артемьев уехал для продолжения службы в Москву). Новый командир настойчиво обучал командный и политический состав части (к которому принадлежал теперь и я) военным наукам: топографии, управлению подразделениями в бою, тактике, сооружению укрытий полевого типа, стрельбе... Учил применять наши знания в боевых условиях.

Мне приходилось выезжать в подразделения, принимать участие в боевой и политической подготовке, в проведении стрельб. Запомнилась поездка в дивизион командира Соляника, в район железнодорожного моста через реку Тетерев. Не думал и не гадал, что пройдет немного времени — и немецкие танки в сопровождении мотопехоты прорвутся к охраняемому подразделением полка железнодорожному мосту и что именно здесь, на этом участке, силы Киевского укрепрайона дадут им жестокий бой. Враг будет остановлен и после новых безуспешных попыток продвинуться вперед изменит направление своего удара...

Помню небольшой гарнизон полка на охране Печкинского шоссе моста через Днепр в районе села Окуниново. Комсомольская организация его состояла из девяти человек. Условия службы здесь были очень тяжелые. Печкинский мост, длиной более полутора километров, упирался в безлесные песчаные берега Днепра. Подъезды к нему охранялись боевыми нарядами, размещенными в дотах с ходами сообщения. Караулы имели на вооружении пулеметы, винтовки, гранаты. Кругом — открытая местность. В летнее время бойцов изрядно изводило палящее солнце, зимой донимала стужа и пронизывающие ветры. Все это сильно затрудняло несение караульной службы, но солдат есть солдат, и он с честью выполнял свой воинский долг...

Разве мог я тогда представить, что наступит день, когда по этому мосту после тяжелых боев с танковой группой гитлеровского генерала Гудериана будет отступать истекающая кровью наша 5-я армия Юго-Западного фронта, а на плечах ее на мост ворвутся немецкие танки и сходу захватят плацдарм на левом берегу Днепра...

Сегодня мы знаем, что командование 5-й армии в сложившихся условиях не смогло организовать безопасную переправу войск через Печкинский мост. Танки противника вошли на него в общей колонне отходивших советских солдат. Трагически закончился этот неожиданный прорыв: армия вскоре перестала существовать.

Но до начала войны еще далеко. Летом 1936 года меня направили в учебный дивизион бронепоездов, стоявших на запасной железнодорожной ветке у села Лепляво, недалеко от Канева. Кругом желтели пески, поросшие редкими кустами лозняка. В этом районе предстояло провести учебные артиллерийские стрельбы из орудий бронепоезда по танкам-мишеням, а также по закрытым целям. У сегодняшних солдат это, пожалуй, вызовет улыбку, но в те годы нам было не до смеха. На расстоянии 600 метров от бронепоезда установили фанерный щит-мишень, за ним оборудовали укрытие-окоп для наблюдателя. Чтобы окоп не заплывал песком, стенки его укрепляли два щита из плетеной лозы. Наблюдатель обязан был после каждого артиллерийского выстрела отметить попадание или промах и сообщать об этом по полевому телефону, установленному в окопе.

Я вызвался быть наблюдателем в окопе и, надо сказать, пережил немало тревожных минут. Стрельба велась редкими выстрелами. Сначала в телефонную трубку слышалась команда «Огонь!», затем появлялась дырка в щите и одновременно доносился звук артиллерийского выстрела. Снаряд, ударившись о поверхность песчаника, рикошетил и с воем летел в сторону. Сидеть в окопе небезопасно, но я гордился тем, что нахожусь под огнем, испытывая свою храбрость и выдержку.

Надо сказать и о грустных мыслях, навеванных увиденным на этих стрельбах. Командир бронедивизиона Иван Григорьевич Христенко жаловался, что снарядов для стрельбы выдали мало, среди них встречаются боеприпасы еще времен империалистической войны и стрельбу ими вести опасно. Поэтому, зарядив 76-

миллиметровую пушку таким снарядом, расчет выходил из башни бронепоезда, и выстрел производился рывком веревки, протянутой от затвора.

Несмотря на трудности, боевые стрельбы прошли успешно, артиллеристы и пулеметчики показали высокие результаты.

На учениях нам лицом к лицу пришлось столкнуться с большим людским горем. В результате неурожая, и в еще большей степени в связи с неограниченным выкачиванием хлеба из колхозов, в украинских селах свирепствовал голод. Мы все это видели своими глазами, жили в домах расположенного неподалеку от стрельбища села Лепляво. Красноармейцы делились с селянами всем, чем могли. У полевых кухонь бронедивизиона постоянно кормились исхудавшие сельские ребятишки.

Надо сказать, что вообще-то военнослужащие срочной службы, в силу военного распорядка, не имели достаточно тесной связи с населением, не всегда знали о конкретных нуждах и повседневной жизни людей. Однако весть о голоде и нужде на Украине доходила и до армии. Красноармейцы получали из дому горькие письма, в которых родные и близкие сетовали о голоде, холоде, нужде...

Закончились боевые стрельбы, проведен разбор учения, бронедивизион двинулся на зимние квартиры. Вместе с комсоргом дивизиона Валентином Чельшевым мы лежали, подперев головы ладонями, на броне пушечной башни. Нас окружала дивная украинская ночь, черное августовское небо усыпано яркими звездами. Огромная луна будто катилась за нами вслед по султанам кукурузного поля, легкий теплый ветерок обдавал наши лица, мы молчали и думали каждый о своем. Шла к концу моя срочная служба в армии, впереди — новая жизнь. Что ждет меня в ней?

Я знал, что положение в стране очень тяжелое. Еще не отменена карточная система, люди живут впроголодь. Но большинство народа не теряет веры в перемены к лучшему. Сравнительно недавно прошел XVII съезд ВКП(б). В печати он широко отмечался как «съезд победителей», который констатировал, что задачи индустриализации страны решаются успешно, а на селе происходят революционные перемены.

Ситуация в стране круто изменилась после убийства С. М. Кирова. В Киеве, в войсках, в нашем полку проходили бурные собрания, митинги, на которых высказывались требования ко

всем коммунистам и трудящимся повышать революционную бдительность, разоблачать в рядах партии «врагов народа» и беспощадно бороться с ними. Настойчиво внедрялось в сознание утверждение о том, что в ряды партии пробралась «пятая колонна», опасная организованная сила, которая стремится подорвать партию изнутри, а этого нельзя допустить.

Возникали сомнения: неужели так много «врагов народа» пробралось в партию, откуда они взялись в таком количестве? Тем более, что мы узнавали об арестах честных и преданных своему делу людей, таких как начальник политотдела округа Сороцкий или командир бригады Чистов. Волна арестов прокатилась среди командного состава армии.

Где была правда и кто мог ответить на этот вопрос? В армейскую среду стали проникать слухи об арестах среди гражданских партийных работников. Я успокаивал себя тем, что партия во всем разберется, и она, видимо, принимает для этого необходимые, обоснованные меры. Так думали и другие рядовые коммунисты.

Холодная броня пушечной башни не остудила мои горячие мысли о будущем. Как встретит меня гражданская жизнь? Смогу ли я найти в ней себя? Что буду делать, где работать, сумею ли содержать семью в такое трудное время? Все эти нелегкие вопросы волновали меня в ту памятную августовскую ночь 1936 года. Вперед уходило в бесконечность сверкающее полотно железной дороги, по которой мчался наш бронепоезд. Мелькали освещенные лунным светом поля, леса, села, распластавшиеся на взгорьях. Вот остался позади мирно спящий полустанок, его пустынная платформа и стоявший на ней дежурный с сигнальным фонарем. Уходила в прошлое моя срочная служба в армии...

В начале 1937 года, уже после демобилизации, я встал на партийный учет в Печорском райкоме партии Киева, по месту жительства. Жил я в доме командного состава, занимал комнату в квартире, где проживали еще две семьи военнослужащих. С трудом, постепенно осваивался в новых гражданских условиях. Невозможно было понять смысл событий, происходящих в партийной жизни города. В Киеве шли массовые аресты руководящих работников партийных комитетов, государственных учреждений и общественных организаций. Эта обстановка буквально подавляла меня.

В Москве только что прошел судебный процесс по обвинению Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева в государственной измене. Печать клеймила позором «антипартийную, антигосударственную» деятельность осужденных. Этот процесс сыграл роль политического детонатора, взорвавшего весь прежний уклад внутрипартийной жизни ВКП(б). Наступило смутное время всеобщей неуверенности, подозрительности, а вскоре произвола и беззакония. У рядовых коммунистов возникали вопросы: как могло такое произойти, когда известные в партии люди, работавшие вместе с Лениным, вдруг стали преступниками?! Однако решительность, с какой вышестоящее партийное руководство убеждало в правильности своих действий, подавляла сомнения рядовых коммунистов.

В один из дней 1937 года я присутствовал на собрании Киевского городского партийного актива, проходившим в летнем театре Марининского парка, на которое был приглашен как секретарь парторганизации научно-исследовательского института ортопедии и травматологии, в котором теперь я работал. В президиуме собрания С.В.Косиор, П.П.Постышев, Г.И.Петровский, А.Н.Любченко, И.Э.Якир, А.Г.Шлихтер, М.М.Хатаевич, В.А.Балицкий, С.А.Кудрявцев и другие. Руководители республики и Киевской области не знали, что встречаются с партийным активом в последний раз. Пройдет немного времени, и все они, кроме Шлихтера, будут арестованы, а впоследствии — расстреляны. И только Любченко, предвидя неизбежный арест, покончит с собой — застрелится. Вскоре отстранят от работы и Г. И. Петровского.

О чем говорили на том партактиве? Как обычно обсуждали вопросы внутрипартийной жизни, речь шла о повышении бдительности, о решительной борьбе с «врагами народа». Выступавшие одобряли разгром группы Зиновьева, гневно осуждали «враждебную» деятельность ее членов. Об этом говорил в своем выступлении и С.В.Косиор. Но вот на трибуну один за другим стали подниматься ораторы — провокаторы (не могу подобрать иных слов), выступившие с «разоблачительными» речами. Они требовали от руководителей Украины рассказать о своих знакомствах и связях с «врагами народа». Было ясно, что кто-то готовит очередной удар по командным кадрам республики. Мы расходились с этого партийного актива с тяжелым чувством. У всех было

предчувствие каких-то грозных, неотвратимых событий. И они вскоре грянули, не миновав и наш институт.

В НИИ, где я работал, резко обострилась борьба научных школ, а точнее сказать, началось сведение личных счетов. Нечестные и бездарные люди активно проявляли показную бдительность. Главные события, конечно, происходили на уровне руководства институтом. Директором у нас в то время была ветеран партии Елена Самойловна Затонская, жена члена Политбюро ЦК КП(б)У, наркома просвещения Украины В.П.Затонского, с которым я также был знаком. Однажды, придя на работу, Затонская сообщила мне, что ночью в их квартире был обыск, мужа арестовали, хотя он ни в чем не виновен. С большим волнением попросила меня взять на хранение партийный билет, обронив, что ее, наверное, тоже арестуют, и она не хочет, чтобы ее билет подвергся такому же позору.

Елену Самойловну Затонскую я глубоко уважал не только как умного руководителя научного коллектива, но и как доброго, чуткого товарища. Однажды в конце рабочего дня она вдруг спросила меня:

— Виктор Иванович, могу я побывать у вас дома?

Я, конечно, согласился, хотя чувствовал себя, сказать честно, очень неловко. Мы с женой жили в комнатухе, где кроме солдатской кровати, грубого стола, покрытого простыней, и двух стульев ничего не было. Правда, теперь к этому казенному имуществу прибавилась и табуретка, на которой стояло металлическое корыто, служившее нашей дочери детской кроваткой. Елена Самойловна увидела наш быт своими собственными глазами, и вскоре институт выделил нам посильную материальную помощь, а коллеги из институтской мастерской соорудили нехитрую детскую кроватку. Этот душевный поступок Е.С.Затонской остался для нас с женой памятным на всю жизнь. Позже, по примеру Елены Самойловны, я всегда стремился вникать в нужды своих подчиненных по работе, своих избирателей, бывать у них в семьях, не оставляя в беде.

А в тот страшный день я держал в руках ее партбилет и старался убедить женщину, что арест мужа — досадное недоразумение, вскоре все выяснится и его освободят. Но Елена Самойловна настояла на своем. Я взял партбилет, как договорились, на хранение. Забегая вперед, скажу: в своих предположениях я оказался

наивным человеком, сталинщина не знала пощады — вслед за мужем арестовали и Затонскую с детьми...

Недолго, всего лишь месяца три, я проработал в институте. В середине года был вызван в Кировский райком партии и после соответствующей беседы утвержден помощником секретаря райкома по апелляциям. Новое назначение принял с большой ответственностью. Однако через несколько дней, явившись на новую работу, узнал, что первый секретарь райкома Смородин, с которым я совсем недавно беседовал о своих должностных обязанностях, арестован. Это был опытный работник, честный человек, верный сын советского народа. Вскоре его расстреляли вместе с другими безвинно арестованными коммунистами.

Так, в тревожной обстановке началась моя работа в райкоме партии, первым секретарем которого был избран и утвержден инженер завода «Арсенал» Ф.К.Чеботарев — умелый организатор, отличный специалист, знающий производство, и к тому же смелый человек. Он стал для меня хорошим наставником. В райкоме Чеботарев не задержался, вскоре получил назначение на должность директора прославленного «Арсенала».

Тем временем обстановка в городе продолжала осложняться. В эти дни были арестованы секретари Киевского обкома и горкома партии, все первые секретари райкомов города, многие народные комиссары республики, ряд хозяйственных руководителей. Аресту подверглись также члены комитета партизан гражданской войны. Лавина репрессий зловеще катилась по республике, каждая ночь приносила известия о новых жертвах. Органы НКВД проводили аресты самостоятельно, на местах ими никто не руководил, контроль со стороны партийных органов за их деятельностью отсутствовал.

Мы, поколение людей, на чью долю выпало жить в это смутное время, видели и чувствовали: что-то неладное, жестокое, страшное происходит в Москве и на местах. Многие догадывались, что в верхнем эшелоне руководства партии, страны, вооруженных силах идет жестокая борьба за власть.

Самое страшное заключалось в том, что репрессивная политика Сталина всколыхнула огромную волну местного карьеризма и авантюризма. Репрессии, беззаконие на местах стали практически неуправляемыми. Масса случайных людей пробивалась к власти, на руководящие посты часто буквально по костям своих

вчерашних соратников по борьбе, товарищей по работе. Буря жестокого местного карьеризма раздувала пламя людской трагедии, в которой были загублены сотни тысяч человеческих жизней.

Сегодня я много думаю о том, смогли бы мы, низовые партийные работники, все честные коммунисты встать тогда на защиту правого дела? Что смог бы, например, сделать я, вчерашний армейский комсомольский работник, не успевший еще освоиться в киевской партийной среде? Жестокие репрессивные меры по отношению к «врагам народа» официальная пропаганда настойчиво преподносила как изъявление воли народа, трудящихся масс. Центральная и местная печать взахлеб кричали о справедливости самой суровой кары для «вредителей» и «отщепенцев». Вызывал недоумение, а подчас попросту сбивал с толку, противоречил здравому смыслу и тот факт, что известнейшие в партии и государстве люди, вчерашние наши авторитеты, проходившие по судебным процессам, признавали себя виновными в немыслимых преступлениях, о чем широко вещала печать. Где была правда?

Тревожная обстановка сохранялась и в канун надвигавшейся войны. Она еще не началась, а страна уже понесла огромные людские потери, в том числе и в командных кадрах армии. Здесь также проводились беспощадные массовые репрессии. Существование такого понятия как «враг народа» никто толком не знал. Как партийные органы, так и рядовые коммунисты оставались в полном неведении, за что подвергались арестам их товарищи по партии.

На поверхность повсеместно всплывали разного рода карьеристы, демагоги, клеветники, анонимщики, которые были в ту пору на первых ролях и безнаказанно творили свои черные дела. С одной из таких «доброжелательниц» меня свела судьба в Киеве. Я до сих пор помню эту дородную, уверенную в себе женщину, ее недобрые глаза. На счету Николаенко было более двухсот загубленных судеб. А ведь почти у каждой из жертв — дети, родители, друзья... Николаенко считалась хорошим специалистом, имела высшее образование. Она удвоила свое рвение по «выкорчевке врагов» после похвального отзыва о ней Сталина в одном из выступлений. Я уже работал заведующим отделом Киевского горкома партии, когда Николаенко пришла ко мне на прием с заявлением о путевке в санаторий. Сказала со вздохом: «Устала в борьбе с врагами народа». Так и сказала, я хорошо запомнил ее

слова. Она очень удивилась, когда получила отказ. Криво усмехнулась: «Ничего, доберемся и до вас!» — и хлопнула дверью...

Трагедией времени были не только повальные аресты руководящих работников, но и массовые исключения коммунистов из партии по обвинению в связях с «врагами народа». Как правило, это были работники более низкого ранга, имевшие естественные служебные контакты с арестованными впоследствии руководителями. В такой обстановке руководящие кадры теряли уверенность в себе, оказывались психологически надломленными.

Районные партийные организации, как и аппараты райкомов партии, в предвоенный период были небольшими. Райкомы занимались решением многочисленных вопросов, связанных с жизнью района, работники аппарата трудились до поздней ночи. В одну из основных обязанностей райкому было вменено разбирательство персональных дел коммунистов. На бюро теперь еженедельно рассматривалось по двадцать-двадцать пять таких дел. Численность районных партийных организаций повсеместно сокращалась...

По-разному партийные организации узнавали об аресте своих руководителей, членов партии. Бывало, от родственников, чаще — в случае невыхода на работу. В первичных парторганизациях, а затем и в райкомах партии, коммунистов, арестованных органами НКВД, исключали из партии механически. Таково было указание руководящих инстанций. Известны многочисленные факты, когда исключения проводились в порядке перестраховки. Такие случаи, к сожалению, имели место и в том райкоме, где мне довелось работать. Расскажу об одном из них.

Партийная организация Дворца пионеров исключила из кандидатов в члены партии директора Федорову за связь с «врагом народа». Суть дела состояла в том, что она по своим пионерским делам встречалась с работником ЦК ЛКСМУ, арестованным органами НКВД. Мы все отлично знали Федорову. Она была молода, недавно выдвинута на должность директора, мы верили в ее честность и искренность, но женщину все же исключили из кандидатов в члены партии. Вскоре, правда, эта очевидная несправедливость была исправлена, и Федорову восстановили.

Но бывали случаи и иного толка. Так, партийный комитет НКВД объявил выговор заместителю своего наркома Каменскому за то, что он когда-то состоял в партии анархистов и утаил этот

факт своей биографии. Мною было вынесено на бюро райкома предложение исключить его из рядов партии за неискренность. Бюро райкома согласилось с предложением и исключило Каменского. Руководство и партком НКВД были крайне недовольны таким решением.

Мои отношения с парткомом еще более осложнились после другой истории. Исключили из партии сотрудника за якобы враждебное отношение к деятельности НКВД. При этом не представили никаких материалов, проливающих свет на обстоятельства, при которых конкретно выражалось это «враждебное отношение». Сам сотрудник в беседе со мной объяснил, что его исключили за отказ выполнить личный приказ наркома НКВД УССР Успенского, принуждавшего на допросах избивать арестованных. В прошлом артист, парень работал в НКВД недавно и был потрясен случившимся. Когда я обратился к секретарю парткома наркомата Александровичу с просьбой дать райкому письменную справку о мотивах исключения этого человека из партии, мне задали угрожающий вопрос: «Вы что не верите органам НКВД?» И все же я отказался докладывать дело об исключении молодого коммуниста из партии на бюро райкома в связи с отсутствием необходимых материалов. Меня заменил первый секретарь райкома. Он выступил перед членами бюро и рассказал, что ему лично звонили из наркомата и просили решить вопрос без представления дополнительных документов. Вскоре исключенный из партии чекист был арестован.

Никто не мог считать себя застрахованным от ареста. Как говорили в народе, «от беды до сумы один шаг». Однажды беда пришла к нашим соседям по дому — семье чекиста М. Ц. Давыдова. Это был тихий, молчаливый человек, имевший то ли среднее, то ли неполное среднее образование и выполнявший в управлении НКВД техническую работу. Когда мне стало известно, что Давыдов и его жена, домохозяйка, арестованы как «враги народа», а их малолетний сын передан родственникам, я был потрясен. Этот случай ошеломил не только нас с женой, но и всех соседей, знавших семью Давыдовых. Через некоторое время к нам пришла жена Давыдова, исхудавшая, с котомочкой за плечами. Рассказала, что она — прямо из тюрьмы, деться ей некуда, квартира уже занята другими людьми, и попросила ее приютить. Конечно, мы ее приняли, и она осталась у нас жить. Я убеждал ее,

как мог, что допущена ошибка, и она обязательно будет исправлена. Вскоре ко мне на работу пришел сотрудник НКВД для беседы о Давыдове. Расспрашивал, что я о нем могу сказать. Служебная деятельность соседа мне была неизвестна, но я хорошо знал его как честного человека, семьянина и дал ему положительную характеристику. Вскоре Давыдова освободили из-под стражи, восстановили на работе. Семье вернули квартиру. Оказалось, что под арест он попал в связи с пропажей служебного документа, который, как потом выяснилось, лежал в сейфе у его начальника.

Обстановка в райкоме партии была по-прежнему угнетающей. По ночам сотрудники НКВД в отделе учета выбирали данные на интересующих их коммунистов. Готовились новые аресты.

В период работы секретарем парторганизации НИИ, а затем в райкоме я неоднократно выступал на собраниях партийного актива района с различными конструктивными предложениями. Может, именно это послужило причиной предложения на очередном пленуме райкома партии избрать меня одним из секретарей райкома. Однако выяснилось, что для этого мне не хватает нескольких месяцев партийного стажа (по Уставу требовалось пять лет).

Проработав полгода в райкоме — помощником секретаря по апелляциям, — в январе 1938 года я был утвержден инструктором Киевского горкома партии. Начало года было для всех обнадеживающим. Оно обещало большие перемены для партии и страны в целом. В январе состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором было принято известное постановление ЦК: «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Народ вздохнул с облегчением. Появилась надежда, что волна репрессий прекратится, но этого, к сожалению, не произошло.

Январь ознаменовался еще одним важным событием. По решению ЦК партии на Украину с группой ответственных работников аппарата ЦК прибыл Никита Сергеевич Хрушев, работавший до этого первым секретарем МК и МГК партии. Он возглавил республиканскую партийную организацию, вторым секретарем избрали М. А. Бурмистенко. С приходом нового руководства в жизни Украины практически ничего не изменилось. По-прежнему страшные жертвова репрессий без сбоев перемалывали челове-

ские судьбы, правда, аресты уже шли с благословения Н. С. Хрущева. Был арестован секретарь ЦК Компартии республики С. А. Кудрявцев, его место занял Д. С. Коротченко, успевший с момента приезда на Украину поработать уже первым секретарем Днепропетровского обкома партии. Незадолго до этого арестовали секретарей Киевских обкома и горкома партии Костенко и Егорова. Первым секретарем обкома и горкома партии избрали Н. С. Хрущева. Теперь он одновременно возглавлял республиканскую, областную и городскую партийные организации, вторым секретарем у него в обкоме стал З. Т. Сердюк, в горкоме Т. В. Шамрило. Сердюк в отличие от Шамрило, ранее работавшего секретарем парторганизации одного из киевских предприятий, был посланцем Москвы. Думаю, читателю небезынтересно было бы узнать, как его избирали секретарем обкома.

Областная партийная конференция, на которую я был избран делегатом, проходила в Доме Красной Армии. Она запомнилась мне необычной процедурой голосования. Так, в состав обкома были предварительно выдвинуты кандидатуры для избрания, среди них — Н. С. Хрущев и З. Т. Сердюк. При объявлении результатов голосования оказалось, что Сердюк не набрал необходимой половины голосов и, таким образом, оказался неизбранным в состав обкома партии. И тогда Н. С. Хрущев, выйдя из-за стола президиума на авансцену, заявил, что избрание З. Т. Сердюка тайным голосованием — результат вражеских действий. Он потребовал, чтобы все тут же переголосовали открытым голосованием и предложил не утверждать протокол счетной комиссии с результатами тайного голосования по кандидатуре З. Т. Сердюка.

Лично я думаю, что З. Т. Сердюк не набрал необходимого количества голосов не потому, что был недостаточно хорошим работником. Просто значительная часть делегатов не хотела избирать секретарем обкома партии присланного из Москвы человека. При открытом голосовании Сердюк единогласно был избран в состав обкома партии, а затем и вторым секретарем обкома.

Что касается горкома, где я недавно стал работать, все руководство, вплоть до заместителя заведующего отделом Чагарова, который вел со мной беседу при приеме на работу, сидело в тюрьме по стандартному обвинению «враг народа», а нас остава-

лось в аппарате горкома всего семь инструкторов из разных отделов. Словом, горком бездействовал, актив, руководители предприятий и организаций перестали к нам заходить, боясь последствий. Именно в эти дни я случайно встретился на улице со своим армейским сослуживцем, — он был теперь сотрудником НКВД. Тепло поздоровавшись, мы, как это обычно принято, завели разговор о том, кто как живет, кем и где работает. Узнав, что я тружусь в горкоме партии, мой товарищ, сменившись в лице, вдруг неожиданно вспомнил, что очень спешит и торопливо, с оглядкой по сторонам, буркнув что-то похожее на «до свидания», удалился. Мне стало стыдно за этого трусливого человека.

Безвластие в горкоме вскоре закончилось, оживилась в городе партийная жизнь. Стали проводиться различные совещания, семинары, заработало бюро горкома. С этого времени я стал встречаться с Н. С. Хрущевым. Рассказ об этих встречах ждет читателя впереди. Тогда же началось широкое и горячее обсуждение в городской партийной организации решений январского (1938 года) Пленума ЦК. Директивой центральных партийных органов настойчиво внедрялась в сознание народа мысль, что все аресты, расстрелы, массовые исключения коммунистов из партии — дело рук местных партийных комитетов и враждебных элементов, пробравшихся в органы государственной безопасности. Допущенные ошибки, говорилось в резолюции Пленума, надо решительно исправить, а виновных наказать.

Такое объяснение событий как бы снимало вину со Сталина и его окружения. Выходило, что имевшие место расправы над коммунистами и беспартийными не есть суть политики Сталина, центра, а следствие произвола и беззаконий, допущенных на местах. Но в Киеве спросить за это было не с кого — всех более или менее заметных руководителей арестовали, и этим как бы подтверждалась их вина.

Решения январского Пленума ЦК были явно направлены на успокоение страстей в партии и в народе. Они как бы демонстрировали мудрую, справедливую позицию центра.

Сразу же после январского Пленума ЦК в Киеве прошли два показательных судебных процесса над сотрудниками госбезопасности по обвинению их в нарушениях законов. У многих партработников и членов актива, присутствовавших на этих процессах, сложилось впечатление, что они были проведены специально,

чтобы успокоить общественное мнение. На одном из заседаний суда присутствовал и я. Жутко было слышать показания подсудимых о незаконных арестах, об изощренных пытках, избиениях и издевательствах, о том, как арестованных заставляли признаваться в преступлениях, выдуманных следователем. Материалы суда свидетельствовали о жестокой обстановке произвола в органах НКВД, когда практически шло соревнование — кто больше арестует людей и выбьет признаний из обвиняемых. Тяжелым откровением прозвучали для нас слова одного из подсудимых, который рассказал, как планировались репрессии в одной из областей Украины, где, по мнению руководителей акции, «лежала неподнятая целина». Всех, кто проходил по делу, приговорили к расстрелу. Мы восприняли этот приговор с горьким чувством. Сложилось убеждение, что осужденные рядовые чекисты были больше жертвами, чем преступниками...

Страшная участь постигла многих честных чекистов этого поколения. Если человек отказывался нарушить закон, применить недозволенные приемы следствия, его арестовывали и расстреливали как «врага народа». Аналогичной была, однако, и судьба тех, кто безропотно выполнял любые приказы. Их также судили и приговаривали к смертной казни. Немногим, попавшим в эти чудовищные жернова истребления, удалось уцелеть.

После Пленума ЦК местные органы НКВД были лишены права внесудебного рассмотрения дел обвиняемых, что, как казалось нам тогда, было очень важной мерой для обуздания стихии репрессий на местах.

Я хорошо помню, как киевляне старались по ночам обходить Институтскую улицу, где сквозь зеленые кроны деревьев из открытых окон здания НКВД доносились крики истязаемых.

Незавидную судьбу своих подчиненных разделил и сам нарком внутренних дел Украины А. И. Успенский, погубивший немало честных людей, лично принимавший участие в избиениях арестованных во время допросов. Предвидя неизбежный исход, весной 1938 года он бежал из города с подложным паспортом. Но вскоре был опознан (за пределами Украины), судим и расстрелян. На посту наркома внутренних дел УССР его сменил И. А. Серов, прибывший из Москвы вместе с Хрущевым и много усердствовавший в организации и проведении процессов над работниками

органов НКВД. Размах арестов после процессов несколько сузился, теперь они, похоже, велись по конкретным командам.

Как и предыдущий, 1938 год выдался для Украины годом тревог и тяжелейших испытаний. Партийная работа в городской и районных организациях Киева постепенно стала налаживаться, приближался XVIII съезд ВКП(б). Теперь на бюро горкома рассматривались многие вопросы, в подготовке которых мне приходилось принимать непосредственное участие.

Бюро горкома, выполняя решения Пленума ЦК об ошибках при исключении коммунистов из партии, знакомилось теперь и с отчетами райкомов по этому вопросу. Приходилось также рассматривать большое количество персональных дел коммунистов, необоснованно исключенных из партии. Дела арестованных никто не пересматривал, это никому даже в голову не приходило.

Вскоре некоторая часть ранее арестованных коммунистов была освобождена из-под стражи, и люди стали обращаться в горком с просьбой восстановить их в партии. Помню, ко мне пришел герой гражданской войны, комкор Николай Николаевич Криворучко. Он рассказал, что освобожден из-под следствия и уже обращался по своему вопросу в Киевский военный округ, но его там не приняли. Высокий, исхудавший, с черной повязкой на глазу, он долго рассказывал мне о своей судьбе. Глаз ему выбили следователи во время допроса: кавалер двух орденов Красного Знамени Криворучко оказал сопротивление своим палачам. Беседа наша была продолжительной. Я подробно объяснил комкору, как ему надо теперь поступить, куда обратиться, по какой форме. Но, видимо, ничего этого Николай Николаевич сделать не успел. Вскоре стало известно, что он вновь арестован. В 1940 году его расстреляли.

В марте 1939 года прошел XVIII съезд партии. С его завершением на страницах газет, в выступлениях по радио, на партийных активах и собраниях все настойчивее зазвучало предостережение о растущей напряженности в мире, о приближающейся военной опасности.

Месяца через два после съезда я был приглашен в ЦК КП(б)У на прием к Н. С. Хрущеву. Новое здание Центрального комитета партии на Владимирской горке было только что введено в строй. С волнением входил я, в то время молодой коммунист, в кабинет Никиты Сергеевича. С большими руководителями лично

мне не доводилось раньше встречаться, я видел их обычно только издалека. Состоялась простая, непринужденная беседа. Поговорив со мной по разным вопросам, касающимся жизни городской парторганизации, Н. С. Хрущев сказал, что товарищи рекомендуют меня на должность заместителя заведующего организационно-инструкторским отделом горкома партии, и он лично это предложение поддерживает. Неожиданно Никита Сергеевич спросил:

— Виктор Иванович, вы родились в Тверской губернии, а знаете, почему тверяков козлами называют? — И продолжил: — В первую империалистическую в окопах среди солдат ходила побасенка, что в Тверской губернии у мужика на крыше дома выросла трава. И тогда мужик попытался затянуть к траве козла на крышу, но у него из этого ничего не получилось, недогадлив был. Вот и стали солдат из Тверской губернии обзывать козлами.

Мы посмеялись, пошутили, поговорили еще о партийных делах, и на этом моя первая встреча с Н.С.Хрущевым завершилась. Во время беседы я стеснялся осмотреться, но уходя, окинул взглядом его кабинет. В глаза бросилась строгая обстановка, до блеска натертый пол и ковровая дорожка во всю длину кабинета. Через открытые окна виднелся голубоватый Днепр, синели заднепровские дали.

Не трудно представить мое состояние в этот день. Я понимал, что мои обязанности теперь усложняются. Хотелось оправдать оказанное доверие. В октябре у меня состоялась еще одна встреча с Н.С.Хрущевым, после которой я был утвержден заведующим орготдела горкома партии.

Я понимал, что успешно выполнять свои новые обязанности смогу лишь в том случае, если изучу украинский язык. Мне взялась помогать жена. Хотелось освоить язык основательно. Иначе как можно познать душу украинского народа, среди которого я теперь жил, его историю, культуру, искусство. С большой настойчивостью мы приступили к занятиям. Украинский я одолел, стал читать газеты, книги, вести беседы с людьми, освоил и разговорную речь, однажды даже выступил с докладом на украинском языке на пленуме горкома партии, на котором присутствовал Н.С.Хрущев.

Не менее важным событием стало для меня избрание членом партбюро и заместителем секретаря объединенной парторганизации.

ции работников горкома и обкома. Я понимал всю глубину ответственности перед коммунистами аппарата. С чувством благодарности вспоминаю нашего секретаря партбюро Тульчинского, который впоследствии погиб на войне. Человек высокой культуры, историк по образованию, он хорошо владел словом. Люди с увлечением слушали его доклады, лекции, выступления. Тульчинского отличало внимательное отношение к окружающим, его уважали товарищи.

Работа в горкоме партии расширила горизонты моего познания общественной жизни, дала возможность обрести большой опыт, воспитала великую веру в дело партии, в творческие возможности народа. У меня не было в жизни сомнений в правильности избранного пути. Я жил по девизу: «Иду на беду». Всегда как мог помогал людям преодолевать трудности, лишения, беды. Были в истории нашей партии ошибки и промахи, но неоспоримо и то, что партия брала на свои плечи самые сложные исторические задачи. Я всегда жил жизнью партии, радовался ее успехам, тяжело переживал ошибки и промахи. Притягательная сила партий (и потому к ней тянулись люди) — стремление создать счастливую жизнь для всего трудового народа. Ей верили, с ней связывали надежды. Не все получалось, но были тому свои исторические причины.

Как-то в откровенном разговоре с женой я поведал ей свое жизненное кредо:

— Не сердись и не делай поспешных выводов, Лида, — сказал я ей, — но если мне разложить свою жизнь на части, то первую — главную — я отдал бы партии, вторую — тебе и детям, а остальное — на что хватит.

Так я живу и до сих пор.

Но вернусь к событиям, связанным с решениями XVIII съезда ВКП(б). В парторганизациях города внимательно изучали документы съезда. За краткими формулировками его резолюций просматривалась сложная обстановка в партии, в хозяйстве страны, в международной и внутренней обстановке. С настороженностью читали члены партии один из абзацев Отчетного доклада ЦК съезду, в котором говорилось: «Нужно признать, что буржуазии и ее агентам в рабочем классе удалось в известной мере отравить душу рабочего класса ядом сомнений и неверия».

Это было, по сути своей, политическое обоснование нового раунда возможной борьбы с «врагами народа», своего рода предварительная заявка на продолжение репрессий. К счастью, репрессии в Киеве в этому времени прекратились.

В те дни мы, партийные работники, трудились с большим напряжением сил. Жили тяжело. Никто никаких привилегий не имел, не получали мы надбавок или каких-либо пайков. Все лечились в общегородской больнице, жили на скромную зарплату, а точнее говоря, еле сводили концы с концами. Но об этом как-то не думалось, считали наши трудности временными. Все помыслы и энергия мы направляли на укрепление экономики и оборонно-способности страны, принимая меры к совершенствованию организаторской работы, к поиску ее новых форм и методов.

С большим уважением вспоминаю киевских партийных работников, своих друзей-товарищей: первого секретаря Подольского райкома Ивана Игнатьевича Миронова и заведующего отделом обкома Сергея Александровича Лысенко. Мы вместе работали и дружили семьями. Воистину так: человек, не имеющий друзей, нищ. В наших судьбах было много общего. Иван Миронов, в прошлом коногон с юзовских шахт, участвовал в гражданской войне. В семнадцать лет пошел воевать за счастливую жизнь для бедняков. Сергей Лысенко — выходец из бедной крестьянской семьи, позже стал учителем сельской школы, сеял «разумное и доброе». Ну, а мне довелось начать свою трудовую деятельность рабочим на фабрике.

В редкие минуты отдыха мы выходили втроем на склоны Днепра, на Владимирскую горку. Спорили о будущем, изливали друг другу сокровенное — боль души. И все чаще сходились на мысли о надвигающейся военной угрозе. Отсюда с высоты хорошо просматривались подольские улочки. Где-то на горизонте угадывалось устье Десны, прямо у ног, под кручами правого берега, плескался Днепр, желтели замечательные пляжи Труханового острова. Направо дымились трубы индустриальной Дарницы. Прекрасный вид открывался с Владимирской горки весной во время половодья, когда могучий Славутич разливался по необозримым просторам и крупные льдины его с грохотом бились о ледорезы днепровских мостов.

Красив был довоенный Киев. Каскады парков, скверов, зеленые летом улицы, море цветов, световая реклама — все это соз-

давало удивительно, радующую глаз картину. Незабываемы весенние рассветы над Киевом, когда с первыми лучами солнца в парках заливались соловьи, благоухала сирень. Киевляне жили, трудились, радовались любой доброй вести об улучшении жизни в стране. И с тревогой всматривались в грозные всполохи войны на Западе. Часто мы подолгу задерживались на работе, а возвращаясь домой, горячо обсуждали сложную международную обстановку. И не раз, глядя в свое будущее, задавались вопросом: «А что, если грянет?». В том, что война приближалась, сомнений не было. Вопрос стоял один — когда?..

Мои воспоминания об Украине были бы не полны, если бы в них отсутствовали страницы о самых драматических событиях, связанных с героической борьбой нашего народа против гитлеровских захватчиков. Думаю, что право на такой рассказ я имею, как один из непосредственных участников подготовки Киева к обороне и как один из его защитников. Рассказ мой — это свидетельство очевидца. По понятным причинам я был посвящен не во все стратегические планы командования, но в мою компетенцию заведующего организационно-инструкторским отделом Киевского горкома партии входило много из того, о чем читателю, надеюсь, будет интересно узнать.

На вопрос: когда?.. стоявший в то время перед каждым из нас, мы получили ответ ранним утром 22 июня 1941 года.

В моей квартире раздался телефонный звонок. Взволнованный голос дежурного по горкому партии произнес:

— Виктор Иванович, тревога! Приказано вам срочно явиться в горком. Подробности на месте.

Это была война. Первое, что я узнал по прибытию в горком: немцы нанесли бомбовый удар по аэродрому на Соломенке и военному городку летного состава. К счастью все обошлось без потерь: аэродром оказался пуст, самолеты перебазировались на полевые аэродромы.

Рано утром состоялось совещание первых секретарей райкомов и руководящих работников горкома партии, на котором были определены первоочередные меры по подготовке Киева к жизни в условиях войны и обозначены задачи руководства городской парторганизации и Советов. Решением бюро на меня была возложена ответственность за создание народного ополчения, парти-

занских, истребительных отрядов и участие в организации партийного подполья.

Поручение, прямо скажу, трудное, но с ним я в основном справился. Вскоре в городе было создано одиннадцать полков народного ополчения, численностью каждый не менее тысячи человек, во всех районах Киева были организованы партизанские отряды численностью 100-150 человек. Вопрос о партийном подполье мне приходилось решать вместе с секретарями горкома Т.В.Шамрило и К.П.Ивкиным. Желающих биться с врагом и на фронте и в его тылу было более, чем достаточно, особенно из числа молодых коммунистов и комсомольцев, но среди добровольцев много нашлось и беспартийных, показавших себя впоследствии настоящими патриотами.

На девятнадцатый день войны Киев оказался лицом к лицу с ненавистным врагом. Созданные гражданские вооруженные силы, вместе с частями 37-й армии в жестоких кровопролитных боях на рубежах киевского укрепрайона проявили себя достойно. Немцам так и не удалось взять город штурмом. В середине августа боевые действия немецких войск заметно активизировались. Теперь, правда, они не лезли в лоб, а старались обойти город с флангов. Обстановка требовала решительных действий. Народные ополченцы продолжали упорно драться с врагом, по большей части его же оружием: своего уже не хватало бойцам действующей армии.

Запомнился один из эпизодов тех дней. В первых числах сентября второй секретарь ЦК Компартии Украины Бурмистенко дал указание срочно сформировать и вооружить два новых полка народного ополчения численностью до двух тысяч человек. Работа эта по-прежнему оставалась за мной. К этому времени в городе остались лишь пожилые люди и школьники старших классов. Среди них оказалось немало желающих вступить в народное ополчение, но оружия не нашлось никакого. Чтобы хоть что-то раздобыть, мы с Яковом Пашко, заведующим одного из отделов горкома, имея полномочия республиканского ЦК, выехали в штаб фронта в Бровары. Мы непременно хотели встретиться с командующим, поскольку по опыту уже знали, что без его личного указания получить оружие, да еще для двух полков, невозможно. Штаб-квартира командующего располагалась в простой деревен-

ской хате. Мы решили не уходить до тех пор, пока не встретимся с генералом Кирпоносом.

Ждать пришлось недолго, из-за дома появилась группа военных во главе с главнокомандующим Юго-Западным направлением маршалом С.М.Буденным. Я впервые так близко видел легендарного военачальника Гражданской войны. Он оказался ниже среднего роста, широкоплеч, полевая форма на нем сидела безукоризненно. Сам он мне показался спокойным, приветливым, Мы с Пашко наблюдали, как ему представились и кратко доложили о положении на своих боевых участках командиры двух дивизий, оба они только что вышли из боя, вид у них был усталый, но держались командиры, что называется, молодцом, не потеряв военной выправки. Семена Михайловича сопровождали член военного совета направления Н.С.Хрущев, командующий Юго-Западным фронтом М.П.Кирпонос, начальник штаба фронта М.А.Пуркаев и член военного совета фронта М.А.Бурмистенко.

Улучив момент, я доложил М.А.Бурмистенко, что прибыл в штаб просить оружие для двух полков ополчения. Просьбу тут же рассмотрели и удовлетворили.

Дни и ночи кипели на киевском направлении жестокие бои. Нам, горкомовским работникам, стало известно, что положение Юго-Западного фронта и судьба Киева обсуждались в Комитете обороны и в Ставке. Подробностей мы, конечно, не знали. Теперь, по прошествии многих лет, стало известно, что уже 8 августа Сталин по телефону разговаривал с генералом Кирпоносом и просил его сделать все возможное, чтобы Киев выстоял, обещал помочь свежими силами. Кирпонос со своей стороны заверил Сталина, что все мысли и стремления лично его, а также членов военного совета фронта направлены на то, чтобы Киев отстоять. Свои слова командующий подтверждал реальными делами: войска фронта дрались героически. Киевская оборона оставалась неприступной, но силы были неравны и 15 сентября 1941 года в районе города Лохвицы Полтавской области немцы замкнули в кольцо все войска фронта.

18 сентября Киев пришлось оставить. Части и соединения 37-й армии, вместе с подразделениями народного ополчения, истребительными батальонами, несколькими партизанскими отрядами, подразделениями МПВО города еще в течение десяти суток, днем и ночью вели кровопролитные бои на левобережье

Днепра. Отчаянно сражались экипажи бронепоездов 56-го полка НКВД и народного ополчения. 20 сентября на совещании командного состава бронепоездов в Дарнице было принято решение с боями прорываться из окружения. Для этого предстояло миновать по железной дороге десять больших станций, занятых неприятелем, преодолеть около 250 километров пути, не имея возможности пополнить запасы угля и воды для паровозов. С 21 по 24 сентября пять бронепоездов (из них два 56-го полка войск НКВД и три народного ополчения) вместе с частями Красной Армии с боями продвигались вперед. По пути они выбили врага из населенных пунктов Кучаково, Барышевка, Березань. Головным прорывался бронепоезд 56-го полка НКВД под командованием майора Панькова. На перегоне Кучаково — Барышевка гитлеровцы попытались его захватить. Бой длился около трех часов. Противник, потеряв шесть танков и четыре самоходных орудия, вынужден был пропустить бронепоезд. Шесть часов длился бой на перегоне Барышевка—Березань. Сильным огнем ополченцы-железнодорожники выбили немцев из Березани и вышли на перегон к станции Переяславская. Однако дальше гитлеровцы на большом протяжении разрушили путь, разломав шпалы по оси колеи. Продвижение стало невозможным. К вечеру машинисты бронепоездов доложили об отсутствии воды и топлива для паровозов. На совещании командиров приняли решение: бронепоезда взорвать, а личному составу продолжить выход из окружения вместе с войсками армии. Так закончилась судьба броневых великанов.

20 сентября в районе Пирятино близ хутора Шумейково в тяжелом бою погиб штаб Юго-Западного фронта вместе с командующим генерал-полковником М.П. Кирпоносом.

На память пришло мое личное участие в боях. Первый бой мне пришлось принять 20 сентября с немецким автоматчиком, переодетыми в нашу солдатскую форму в районе деревни Иванково, Барышевского района. А затем пошли очередные бои и атаки. Сражались мы и днем и ночью, почти без сна и без пищи. Пришлось послушать смертельные песни летящих пуль, осколков мин и гранат, побывать под ударами авиационных бомб. Эта была перековка характера, воспитание твердой воли. В бою человек становился зверем. Успей убить врага, опоздаешь — будешь убит сам.

Армия таяла, несла огромные людские и материальные потери, особенно в тяжелой боевой технике. Части смешались между собой, появились стихийные боевые отряды, множество мелких разрозненных групп. Боевая деятельность держалась на воле, храбрости и отваге командиров, вокруг которых объединялись бойцы, хлебнувшие военного лиха.

25 сентября в районе с. Борщи, неподалеку от районного центра Березань, оставшиеся части 37-й армии были разбиты, армия перестала существовать, продолжая действовать разрозненными боевыми отрядами.

Трагические минуты в жизни особенно долго остаются в памяти. Эта память и поныне жива во мне. Наш отряд киевских партийных работников в количестве двадцати человек только что вышел из боя, форсировав болото, которое находилось под перекрестным огнем немецкой артиллерии. Ночь с 23 на 24 сентября выдалась темной, непроглядной. Мы проходили через огневые позиции нашей тяжелой артиллерии. Пушки били непрерывно, лицо обдавало горячим воздухом и пороховой гарью, на усталость и голод старались не обращать внимание. Страх не было, держались только на силе воли и желании поскорее пробиться к своим на восток. Поочередно спали на дне окопа, на связках камыша, взятого от крестьянских хат. Все происходившее воспринималось как во сне.

Утром мучительно трудно было открыть глаза. У моей щеки пригелась полевая мышь, ей видимо тоже не хотелось уходить от тепла. Когда мы выбрались из окопа, взору представилась страшная картина. Пушки, которые еще с вечера били по врагу, теперь молчали, брошенные артиллеристами. У машин были выломаны борта, кругом валялось стрелковое оружие и боеприпасы. Виднелись оставленные открытыми сейфы, вокруг них груды денег. Солдаты, не обращая внимания, ходили по ним. Молча, с поникшими головами наблюдали мы этот хаос и разброд. Навязчиво лезла в голову житейская мудрость: «чем сильнее боль, тем она короче, чем дольше она длится, тем становится меньше...»

Мы решили разыскать армейское командование, попытаться выяснить обстановку, предложить помощь нашего отряда. У церкви увидели группу генералов во главе с командующим 37-й армии А. А. Власовым. Они внимательно рассматривали карту.

Пройдет время и слова «Власов», «власовцы» станут для советских людей нарицательным выражением предательства.

Неуместным и даже иелепым выглядел этот военный совет среди всеобщего разброда и хаоса. Было очевидно, что управлять войсками генералы уже не могут. Мы решили не вмешиваться в их дела и действовать самостоятельно. Ночью под шрапнельным огнем немецкой артиллерии, при свете горящей переправы мы вброд начали форсировать большое болото. Это был очень тяжелый переход, погибло много гражданских и военных людей. Вышли на сушу под утро. И снова бой. Форсировав реку Трубеж, углубились в лес, но и там нам пришлось отстреливаться от сидящих на деревьях немецких «кукушек». Встретили боевую группу военных. Они, как и мы, не знали, что делать. Решили вместе пробиваться по дороге, но неожиданно нас встретил пушечный и пулеметный огонь противника. Отряд рассеялся. Ночью в полусне я бродил по лесу, освещенному луной, где-то рядом бродили люди, такие же, как и я, горемыки.

Но тут на лесной поляне я обнаружил большое скопление военных, разобрался. Оказалось это 56-й полк НКВД, в котором я проходил срочную службу. Состоялась радостная встреча с комиссаром полка Копейкиным и другими командирами. Мне дали новые носки и портянки, накормили. Договорились, что я вместе с полком пойду в бой, к которому шла подготовка. Полк еще вполне боеспособен, в строю — четыре 76-ти миллиметровые пушки и достаточно снарядов.

Меня нестерпимо клонило ко сну. Прилег около первой попавшейся сосны и уснул непробудным сном. Проснулся, но людей из полка уже не увидел. Я, конечно, расстроился, но надо было действовать, искать выход из положения. Вдали слышал крики «Ура». Значит наши устремились в этом направлении. По дороге встретил группу моряков Днепровской военной флотилии, которые несли двух раненых. Двинулись вместе дальше. Под утро встретили вполне боеспособный отряд численностью до двух тысяч человек под командованием полковника Орлова. Узнав, что следующей ночью отряд пойдет на прорыв немецких позиций, мы присоединились к нему.

С началом темноты отряд пошел в атаку. Команды не было слышно, масса бойцов неожиданно пришла в движение и устремилась на позиции врага. Наступали вначале молча, затем дви-

жение ускорилося, ударили наши пулеметы и автоматы, послышались резкие хлопки винтовочных выстрелов, взрывы гранат, загремело тысячеголосое «Ура!». Чем дальше мы углублялись в лес, тем труднее было ориентироваться. Где свои, где противник — неясно. По силе огня угадывалось направление атаки. Помогали крики, русская речь, и возгласы «Ура».

Вести огонь не знаешь куда, цели не видно, можно попасть в своих. Лучше всего в такой обстановке стрелять в упор из револьвера. Я переложил карабин в левую руку, в правой у меня «маузер». Мы пробились к дороге, на которой разгромили немецкую походную колонну и какой-то конный обоз.

Бой не утихал. Вдруг рядом со мной оказался немец в плаще. В руке он держал клинок, — видимо, это потерявший в перестрелке коня кавалерист. На мне был похожий плащ и немец, приняв меня за своего, что-то стал говорить. Я не ответил, молчу. Тут он догадался, резким движением выхватил у меня карабин и занес над головой клинок. Я увернулся, отскочил в сторону за дерево и покончил с ним выстрелом из «маузера».

Впереди послышалось «Ура». Значит там наши. Я бросился их догонять. Бегу через мелкий кустарник, за ним начинается поле и вторая линия немецких заслонов. Бегу вдоль окопа. Взлетают осветительные ракеты, но передовые группы отряда уже ворвались в траншею. Крушат врага гранатами, штыками, выстрелами в упор. Я ринулся вдоль траншеи, перепрыгнул через убитых солдат вражеского пулеметного расчета и вскоре оказался среди большой группы наших бойцов, прорвавших заслон неприятеля. Мы рванулись в поле. В небо одна за другой взлетали ракеты. Все пространство было как на ладони. Взяли направление на восток. Впереди шла группа из пяти отчаянных бойцов. Возглавлял ее герой-красноармеец без шинели, без головного убора и в гимнастерке без ремня. В руке он держал плоский штык от немецкой винтовки. Группа без шума и выстрелов снимала немецких дозорных, уничтожала пулеметные расчеты.

Поле мы преодолевали перебежками, периодически падая на землю. Все кругом ярко освещалось ракетами. Бежали, падали, вставали и снова бежали, призывая на помощь последние силы. Во рту пересохло, и я с жадностью припал к лужице в колее полевой дороги. Нас становилось все меньше и меньше, никто не знал, где мы, куда надо двигаться. В темноте вдруг встретился мой

знакомый — Щербина Александр Меркурьевич, начальник хозяйственного отдела НКВД УССР. С ним был боец-пограничник Семен Костылев. Решили держаться вместе. Вскоре мы оказались в кустарнике, обнаружили стог сена. Нас уже набралось человек семь, решили до утра залечь в сене, двигаться дальше не было сил.

Утро 27 сентября запомнилось мне на всю жизнь. Я проснулся от выстрела. Выскочил из стога, и все понял: кто-то из наших убил немца, подошедшего брать сено. Разобравшись в обстановке, увидели, что находимся на поляне, покрытой редким кустарником. Бойцы, наши товарищи по ночлегу, разбежались, кто куда. Остались мы вдвоем — Александр Щербина, Семен Костылев и я. Двинулись навстречу восходящему солнцу. В кустах валялось много брошенного стрелкового оружия. Каждый выбрал себе по карабину. Свой прежний я утратил в ночном бою, но при мне сохранилась сумка от противогаза, наполненная винтовочными патронами и обоймами к «маузеру», там же лежали и гранаты. Запалы к ним я хранил в нагрудных карманах гимнастерки.

На краю кустарника мы огляделись и вдруг увидели немецкую артиллерийскую батарею и группу солдат, стоявших возле орудий. Немцы нас увидели. Деваться некуда — пошли в их сторону, стараясь сохранить спокойствие, которое так необходимо в бою, особенно в критические минуты. Не доходя до гитлеровцев метров пятьдесят, мы рывком вскинули карабины, дали по немцам по выстрелу, а сами бросились в конопляник.

На меже одного из крестьянских хозяйств залегли, чтобы отдышаться (уже после войны я наведалься туда и узнал, что это было хозяйство колхозницы Лебедь). Было раннее утро, над нами сияло чистое голубое небо, сверху нависали густые кроны фруктовых деревьев. Неподалеку вкопан в землю аккуратный столик со скамеечками. И тут раздались выстрелы. Пули буквально просвистели над нашими головами. Неподалеку замелькали серо-зеленые шинели немецких солдат. Заняли круговую оборону и повели ответный огонь из карабинов. Вскоре с радостью заметили, что гитлеровцы начали покидать ближние к нам позиции. Перестрелка какое-то время еще продолжалась, затем рядом с нами разорвалось несколько гранат. Меня осыпало землей и камнями. Я ощутил, как что-то тяжелое закатилось мне под ноги.

зашарил руками по траве, пытаясь ухватить и отбросить в сторону неразорвавшуюся гранату. Проходят секунды, но взрыва нет. Смерть снова пощадила меня. В разные стороны полетели наши гранаты. В стане немцев прогремели мощные взрывы, бой шел уже больше часа. Одной из немецких гранат был убит А.М. Щербина, он умер сразу без крика и стога на ребре межи. Нас осталось двое.

Мы продолжали бой, но уже поняли, что выхода нет. Силы слишком неравны, мы окружены. Помню, со стороны улицы на нас выскочил немец. Заметив нас, бросился на землю и пытался укрыться за небольшим кустом. Двумя выстрелами убили его. Положение — безвыходное, и мы решили застрелиться. Я взвел курок маузера, на миг вспомнил семью. Костылев пополз к телу Щербины и взял его револьвер.

Странно, но перед смертью нестерпимо захотелось есть. В эти минуты пуля разбила приклад карабина Костылева, для стрельбы он уже не годился. Семен истекал кровью от трех ранений, он попросил меня прикрыть его огнем, а сам пополз к ближайшему убитому немцу. Скоро возвратился: кроме винтовки с патронами и штыка в руках он держал банку консервов, флягу с медом и часы с красным циферблатом. Время на них я помню точно — 7.20.

Мы успели вскрыть штыком консервы, но съесть их не удалось, вновь загревели выстрелы. У нас осталось по одной гранате. Решили бросить в сторону немцев. Бросили. Граната Костылева разорвалась, моя — нет. Было страшно обидно — граната оказалась последней.

В 1944 году, работая в Киеве в ЦК КП(б)У, я вместе и И.И.Мироновым, секретарем Подольского райкома партии и сыном А.М. Щербины побывали на месте боя. Оказалось, что в селе за все время войны наш бой стал единственным. Один из убитых нами немцев имел «железный крест». Крестьяне рассказывали нам, что тело Щербины, изрешеченное пулями и осколками гранат, похоронено здесь же на усадьбе. После освобождения села от немцев прах погибшего перенесли в общую братскую могилу. Немцы в отместку за наш бой расстреляли большую группу пленных. И еще одна поразительная деталь. Я вспомнил при встрече с крестьянами, как бросил последнюю гранату и жалел, что она не

разорвалась. И тогда одна из колхозниц рассказала, что граната упала у входа в погреб, где она сидела с тремя детьми.

Вот ведь как бывает...

Наступила минута затишья. В этот момент впереди из кукурузы на нас выскочил здоровенный рыжий немец, в мундире без шинели. Он что-то громко кричал. Я поднял карабин и выстрелил в него, немец согнулся и дико завыл. Мы с Костылевым быстро перебежали в кукурузник, откуда возник фашист и, преодолев небольшое расстояние, увидели перед собой широкое болото, заросшее камышом.

Появилась надежда на спасение, мы бросились вперед в болото, зашли довольно далеко, опустились в воду и замерли. Немцы открыли активный огонь, но нас не задела ни одна пуля.

Днем, сидя в болоте, мы определили направление на восток, и, когда стемнело, бесшумно поползли. Выбирались с помощью винтовок, клали их плашмя и преодолевали трясины попластунски.

Но вот мы на твердой земле. Теперь задача быстрее и как можно дальше уйти от места боя, чтобы оторваться от преследования немцев. Шли полем, от грязи одежда задеревенела, терла в кровь ноги, но мы продолжали идти... Судьба и на этот раз подарила нам жизнь.

Нам предстоял тернистый путь по тылам врага, сопряженный со смертью. В пути нас кормили колхозники, в хаты которых мы заходили на ночь. Дорога, и снова дорога... По нашим подсчетам, мы уже отмахали не менее двухсот пятидесяти километров, а сколько еще впереди?

Тяжелые раздумья усиливало плохое физическое состояние. Хотелось как-то понять происходившие события, осмыслить ход только что прожитых дней, дать оценку тому, с чем не хотело мириться сознание. Мое самочувствие не располагало к глубоким размышлениям, но проклятые вопросы помимо воли лезли в голову, требуя ответа. Как же все это в конце концов случилось? Почему немцам за короткий срок удалось так глубоко вторгнуться на нашу землю? Почему Красная Армия оказалась неспособной остановить врага?

Мне вдруг вспомнилась литография, распространявшаяся в самом начале войны, — своеобразная вариация на тему известной картины Васнецова: в позе трех былинных богатырей сидели

на конях маршалы Ворошилов, Тимошенко и Буденный, назначенные соответственно командующими Северным, Центральным и Юго-Западным направлениями театра военных действий. Но они были героями уже далекой Гражданской войны, горячими сторонниками кавалерии, а немец губил нас танками, минометами, бомбовыми ударами... И теперь, когда мы тайком, тревожно озираясь, двигались вдаль от проезжих дорог по своей родной земле, которая вдруг стала для нас вражеским тылом, мне особенно больно стало вспоминать, сколько хвастливых слов произносили о могуществе нашей армии. Какими далекими от истины казались мне сейчас бравадные мелодии и бодрые слова наших предвоенных песен.

До полудня двигались мы по дну противотанкового рва. Шли в полную неизвестность, и каждый километр пути мог обернуться для нас смертельной опасностью. Нас было двое. Мы вышли живыми из тяжелого неравного боя. Мы видели друг друга в этом бою и каждый из нас был уверен, что в новой схватке с врагом он может рассчитывать на своего товарища.

Как я уже говорил, после нашего последнего боя Семен остался в одном летнем обмундировании и без головного убора. Я дал ему свой плащ надетый по верх телогрейки.

В этот день мы совершили пятнадцатикилометровый марш, и к вечеру вошли в село Панфилы, где немцев не было. В хате колхозника Алексея Даниленко нас встретили приветливо и дружелюбно. После девятидневных боев это было первое жилое помещение, где мы расположились в тепле и домашнем уюте. Поели хлеба, картошки с салом, напились чаю. Мне и Семену дали головные уборы, кое-что из чистой одежды — разом стало легче. Утром продолжили путь.

Вечером принимаем решение: пробиваться на восток, сколько бы для этого не потребовалось времени и сил. В бой без крайней нужды не вступать. В случае неожиданной встречи с немцами стремиться оторваться. Если придется все же ввязаться в бой, драться до последней возможности, а при безвыходном положении — стреляться.

Мне не давали покоя мысли о моих товарищах, киевских партийных работниках. Где они? Живы ли? Душа болела за 37-ю армию и отряды киевского народного ополчения? Какова судьба

моих товарищей по работе, близких друзей, оказавшихся в этой трагической обстановке?

Я продолжал терзаться по поводу оперативно-тактических действий наших войск в условиях окружения. Задача армии, как мне казалось — не пробиваться из окружения любой ценой, а вести бои, стараясь нанести противнику наибольший урон. Военские части должны уметь воевать в любых условиях, в том числе в боевом окружении. То, что мне пришлось наблюдать, было как раз противоположным: выйти к своим стало самоцелью, мы стремились пробиться любой ценой, неся при этом крупные неоправданные потери.

В условиях окружения важно сохранить целостность воинского подразделения и, по возможности, сохранить боевую технику, главную ударную силу в бою. В ходе сражения при определенных обстоятельствах вполне возможно и допустимо дробление войсковых частей и соединений. Ведь выйдя к своим, надо снова воевать и в этом состоит назначение армии.

Некоторые командиры 37-й армии преждевременно отдавали приказ пробиваться к своим мелкими группами. Ориентировали подчиненных на сознательное дробление частей. Невольно приходила в голову мысль, что эта идея подброшена в наши войска противником.

В действиях командования 37-й армии в условиях окружения не было должной волевой распорядительности, особенно в борьбе за сохранение живучести воинских частей. В тяжелом бою у Переяслава, в районе Киева, один из командиров дивизии, попав в трудную обстановку, собрал командный состав и объявил о роспуске частей, дал установку выходить из окружения мелкими группами...

Двигались мы со скоростью черепахи, раны давали о себе знать. Я все ближе и ближе сходил к своему спутнику. Я рассказал ему о себе, объяснил, что имею воинское звание батальонного комиссара. Оказалось, что Семен Васильевич Костылев родом с Волги, из Ярославской области. В верховьях этой великой реки родился и я. Мой боевой товарищ был немногословен, да, видимо, наше постоянное напряжение не располагало к длительным беседам. Нам часто приходилось попадать почти в безвыходное положение, когда недалеко от нас находились немцы,

казался неизбежным бой, а, следовательно, и наша гибель. И все же мы выходили из трудных положений.

В памяти всплыли две особо опасные встречи с немцами в нашем тяжелом скитании по тылам немецких войск.

День был на исходе, когда мы осторожно вошли в Алексеевку. Здесь у хозяйки крайней хаты узнали, что на другом краю села остановились немцы. Дальше двигаться опасно, в поле пешехода можно легко обнаружить. Мы сидим вместе с хозяином в саду, и, как бы в подтверждение моих мыслей, метрах в двадцати от нас проносится немецкий мотоциклист.

Принимаем решение переночевать в хате гостеприимных хозяев. Мы знали, что они рискуют жизнью. Кто они? Глава семьи, оставивший армию и вернувшийся домой, о чем он думает? Как настроен? Не попытается ли выслужиться перед немцами и предать нас?

Попросили его, чтобы он не отлучался из дома, пока мы не оставим село. Внимательно наблюдали за действиями жены хозяина во дворе усадьбы. Словно невзначай показали им наше оружие. Но те спокойно хлопотали по хозяйству, покрикивая время от времени на троих шаловливых детей. Вечером нас пригласили в хату, хозяйка приготовила ужин, и мы с удовольствием поели. За едой узнали, что село расположено недалеко от полотна недействующей теперь железной дороги. По ней мы можем идти в нужном направлении.

Обстановка обязывала нас быть суровыми: легли спать на пол у порога, дремали по очереди. Как только забрезжил рассвет, покинули село. В дорогу заботливая женщина дала нам по куску хлеба и сала. Я и до сих пор прошу прощения у наших соотечественников за вынужденную недоверчивость, самоуправство и грубость! Но по другому поступить мы не могли. Такое было время...

В поле стояла предрассветная дымка, и это помогло нам незамеченными покинуть село. Пройдя два-три километра, мы действительно вышли к железной дороге и зашагали по шпалам вперед на восток.

Постоянно возникала одна и та же мысль: вот если бы каждый боец уничтожил хотя бы одного захватчика, с немецкой армией давно бы покончили. Но к сожалению, пришлось подчас видеть другое: не все вели себя в бою храбро и стойко, даже в тех случаях, когда обстановка позволяла противостоять врагу. Мно-

гие бежали в панике при первом появлении немецких танков. В то время еще не все ожесточились, не осознали до конца ту страшную опасность, которая надвинулась на нашу страну. У красноармейцев, да и у некоторых командиров появилась угнетенность от неудач на фронте. Конечно, не легок переход в сознании людей от мира к войне, но уже пора было понять: война, неумолимая и жестокая, стала зловещей действительностью.

К нам в дороге присоединились еще двое военных, молодых ребят. Стали чувствовать себя бодрее. Голод и холод отступали перед шутками и рассказами о разных забавных военных ситуациях. А над лесной дорогой плыли тяжелые осенние тучи, по обочинам стояли притихшие мокрые деревья. Неожиданно среди лесной тишины послышалась знакомая песня: «Раскинулось море широко...» Кто-то пел ее для себя, не остерегаясь, с упоением и тоской. Мне живо представилось лицо матроса из днепровской флотилии, оказавшегося в окружении в тылу врага.

Низко пролетел запоздалый журавлиный клин, он покидал нашу несчастную Родину с ее безысходным человеческим горем. Монотонное курлыканье журавлей наполняло душу тоской и печалью.

Был и другой случай опасной встречи с немцами, который также запомнился на всю жизнь. При пересечении шоссе, по которому активно передвигались немецкие войска, от нас отстали оба спутника. Мы снова остались вдвоем с Семеном Костылевым.

Был вечер, мы вышли на окраину села Базиловки. Белые хаты просматривались сквозь ветки деревьев, еще сохранивших кое-где золотистую листву. Старик, встретившийся нам на дороге, объяснил, что недалеко от села проходит магистральная дорога и там же расположилась немецкая зенитная батарея. Идти дальше без разведки опасно. Мы залегли между могил на сельском кладбище, откуда просматривалось движение по шоссе. Расположенное на возвышенности кладбище насквозь продувалось холодным осенним ветром. Казалось, что скоро пойдет снег. Телогрейки не спасали от холода, нас колотила сильная дрожь, холод в эту ночь добивал наши измученные тела. Встать в полный рост было опасно, нас могли обнаружить. Мы лежали и терпеливо ждали темноты. Пересечь шоссе можно было только ночью, другого выхода не было.

Принимая такое решение, мы не учли, что ночью ориентироваться намного труднее, особенно если не знаешь местности. За все дни скитаний нам еще ни разу не приходилось двигаться в темное время суток. Как оказалось, шоссе в этом месте круто поворачивало, и мы неизбежно должны были пересечь его во второй раз. Кроме того не учли, что в любом селе, расположенном вдоль магистрали, могут остановиться на ночевку немецкие войска.

Оставив, наконец, кладбище, мы тронулись в путь. Ночь была темная, шли на ощупь, спотыкались о бугры, оступались на ямах. Вскоре кончилась придорожная луговина, и я ощутил под ногами твердое покрытие шоссе, затем обозначилась стерня, по которой мы шли довольно долго.

Неожиданно впереди забелели очертания хат, изгородь усадьбы. Мы вошли в неизвестное село. Шли с вытянутыми вперед руками — настолько густой была тьма. Вдруг мои руки уперлись в холодный металл. Наощупь я определил — немецкая пушка. Чуть правее наткнулся на бронетранспортер и мотоциклы. Стало ясно — в селе немцы. Все произошло неожиданно. Надо было с минуту постоять тихо, одуматься, поискать выход из положения. Я повторял про себя: спокойно, только спокойно...

Всмотревшись в темноту, определил, что стоим у калитки какой-то усадьбы. Вдруг в доме с шумом открылась дверь и слышался веселый говор немцев, вышедших на улицу покурить. Вспыхнули зажигалки, засветились огоньки сигарет. Немцы гоготали и мочились в десяти-пятнадцати шагах от нас. Но вот говор стих, солдаты вошли в дом, хлопнула за последним дверь, стукнул изнутри засов. Наощупь мы прошли между боевой техникой и вскоре оказались на окраине села. Нас спасло то, что немцы оказались слишком беспечными и по ночам не выставляли часовых возле боевой техники и машин. Выйдя на окраину села, наконец, поверили, что удача вновь на нашей стороне.

Двигаясь в темноте через поле, натолкнулись на скирду солом. Оба находились в состоянии почти полного изнеможения. Усталость, голод и холод лишили последних сил. Решили взобраться на скирду и немного отдохнуть. Раны на ногах у меня опять загноились и сильно болели. С большим трудом мне удалось вскарабкаться наверх. Устроив в соломе себе нору и прижавшись друг к другу спинами, мы проспали часа два-три. Пока

спали, выпал снег. Ветром намело у подножья скирды порядочный сугроб.

В эту темную ночь нам сопутствовала еще одна удача: снег выпал после того, как мы вышли из села, иначе немцы легко разыскали бы нас по следам. Проснувшись, поспешили уйти подальше от этого села, занятого оккупантами. Мы долго шли по засыпанной снегом тропе вдоль берега какой-то речушки. Заросшая камышом болотистая пойма вынуждала нас подолгу искать обход. И вот, слава Богу, перед нами село Хвостовцы.

В одной из крайних хат мы узнали, что вчера немцы расстреляли здесь большую группу наших бойцов, выходивших из окружения, и нескольких местных жителей, прятавших их в своих домах. Крестьянин, который рассказывал нам об этом, испуганно оглядывался по сторонам. Вдали показалась цепь немецких солдат, прочесывавших местность...

Преодолев плохо замерзшее, покрытое снегом болото, оказались в небольшом хуторе Хрещатик, в доме Василия Степановича Черного, где нашли отдых и сердечный прием. Отдыхали здесь полтора суток. В этом доме мы встретили офицера Советской Армии — Василия Ивановича, фамилии его не спрашивали, он был старше нас по возрасту, внушал полное доверие, и попросился продолжать путь вместе с нами. Василий Иванович стал нашим спутником до конца движения по тылам противника.

Страшно подумать. Нас мучил больше голода вопрос — где наши? На каких рубежах остановлены немцы и остановлены ли вообще? Единственно, что мы знали — наши с Семеном Костылевым судьбы и наши беды растворились в тысячах других таких же судеб и человеческих бед.

15 октября, как всегда ранним утром, мы тронулись в путь. Километра четыре к железной дороге и не менее двадцати по шпалам — вот наш успех в этот день. Но главная радость была впереди: свободный от немцев коридор, который мы просчитали, привел нас прямо в расположение наших войск. Это случилось в районе железнодорожной станции Глушково, Курской области. За мостом мы увидели красноармейца из боевого охранения. Безмерная радость охватила нас. Дома! Более чем четырехсоткилометровый рейд по территории, занятой врагом, завершен. «Завтра, шестнадцатого октября, мне исполнится тридцать лет. Это ли не второе рождение, — подумал я, — значит будем жить».

Вспоминая те трагические для Киева дни, выход из окружения с боями большой группы работников ЦК, обкома и облисполкома, республиканских ведомств и последовавшая затем на Левобережье гибель большинства из них, как мне кажется, лежит на совести Н.С.Хрущева. Именно он держал этих людей до последнего в Киеве, боясь, что Сталин обвинит его в паникерстве и трусости. Уверен, что каждый из этих работников мог принести больше пользы и на трудовом, и на боевом посту, пусть даже простым солдатом, но Хрущев всем многочисленным высококвалифицированным специалистам дал указание оставаться в осажденном Киеве до особого распоряжения, которого люди так и не дождались.

Другое дело — киевский горком партии, а также партийный, советский и хозяйственный актив города. Им, как говорится, сам Бог велел находится в городе до последнего часа обороны.

И еще об одном. В послевоенной литературе мне неоднократно приходилось встречать всякого рода неточности и сомнительные утверждения при описании обстановки в Киеве летом 1941 года. В частности, в некоторых источниках утверждается, что немцы подвергли Киев ожесточенной бомбардировке и артобстрелу, в результате чего якобы было разрушено много красивых улиц, в том числе и Крещатик. Но подобные утверждения совершенно не соответствуют действительности. Все эти авторы, судя по их писаниям, не были очевидцами происходящего, писали или по заданной программе, или по-наслышке. На самом деле немцы в дни осады Киева не подвергали жилые районы города ни авиационной бомбардировке, ни артобстрелам, за исключением окраин, где шли бои. Нам уже в те дни было ясно, что делают они это намеренно: город им нужен неразрушенный. Они бомбили Киевский и Дарницкий железнодорожные узлы, мосты через Днепр, совершили налет на авиационный завод № 43 и расположенный рядом завод «Большевик».

Мы вместе с Т. В. Шамрило последними из числа партийных работников утром 19 сентября 1941 года покидали Киев. Центр города и его главная улица Крещатик оставались целыми и невредимыми. Отступая, наши части огня по городу не вели.

Считаю необходимым внести в это «белое пятно» прошлой войны ясность, хотя загадки тут никакой нет. После занятия города немцам уничтожать здания в центре не было никакого смысла.

Когда 6 ноября 1943 года я в составе группы партийных работников вошел с передовыми частями нашей армии в город, то содрогнулся. Красавец Крещатик и прилегающие к нему улицы лежали в руинах. Видно было, что разрушения произведены давно — руины густо поросли бурьяном.

Еще в августе 1941 года мне стало известно от секретаря горкома партии Т. В. Шамрило, что в обстановке глубокой тайны в городе заминированы многие здания на Крещатике и прилегающих улицах на случай, если Киев займут немцы. Расчет был построен на том, что оккупанты разместят в лучших зданиях свои штабы и службы, и тогда эти здания взорвут вместе с оккупантами.

Оправдался ли этот расчет? Был ли немцам нанесен планируемый урон? На эти вопросы ответа до сих пор нет. Известно, что операцию эту лично возглавлял нарком внутренних дел Украины В. Т. Сергиенко. Думается, где-то в архивах можно разыскать план, в котором обозначены и масштабы минирования, и как должна была быть проведена эта операция, и с кем согласован этот план, кем он утвержден. Помнится, тогда мне Т. В. Шамрило сказал, что здание обкома и горкома партии на площади Калинина минироваться не будет. При каких обстоятельствах, в какой последовательности и откуда были произведены эти взрывы, после того, как немцы вошли в город? На эти вопросы ответ может быть найден только в результате специального исследования. Надо ли было взрывать Крещатик?

Конечно, нельзя было не учитывать тот факт, что немцы не используют оставленный нами потенциал против нас, и все же я думаю, что вряд ли надо было взывать жилой фонд, служебные здания и даже корпуса заводов. Ведь вскоре нам же самим пришлось все это восстанавливать ценой тяжелейшего труда и многих лишений...

Высказав свои суждения по этому поводу, я естественно не настаиваю принять эти выводы, как говорится, за истину в первой инстанции, тем более, что время постоянно вносит свои коррективы, позволяет нам по мере расширения знаний о том или ином вопросе глубже понимать суть происходившего. Говорю я об этом к тому, что совсем недавно познакомился с двумя любопытными документами, относящимися как раз к тому времени. Первый — это запрос с предложениями к ЦК партии Н. С. Хрущева, кото-

рый он направил в адрес Г. М. Маленкова. Второй документ — незамедлительный ответ И. В. Сталина Хрущеву в связи с его предложениями. Думаю, что читателям небезынтересно будет с этими документами познакомиться, они как раз о том, взрывать или не взрывать, а если взрывать, то как и когда.

9 июля 1941 г.

г. Киев

ЦК ВКП(б) т. Маленкову

Считаем необходимым более точно определить, когда уничтожать имущество МТС и другое оборудование, которое не может быть вывезено. Вносим следующие предложения:

1. В зоне 100 — 150 км от противника местные организации обязаны немедленно приступить к уничтожению всех комбайнов, лобогреек, веялок и других сельскохозяйственных машин. Трактора своим ходом перегонять в глубь страны, остальные трактора, которые не могут быть использованы отступающими частями Красной Армии и которые почему-либо нельзя вывезти в этой зоне, подлежат немедленному уничтожению.

2. В этой же зоне необходимо немедленно раздавать колхозникам страховые и все остальные зерновые и прочие фонды.

3. В этой же зоне немедленно приступить к угону всего скота колхозов, совхозов, волов и молодняка лошадей. Рабочие лошади, которые могут понадобиться отступающим частям Красной Армии, подлежат угону тогда, когда противник подошел на расстояние 10 — 30 километров. Категорически запрещается гнать скот по дорогам, где происходит передвижение войск, скот гнать по посевам, по свекле и по дорогам, которые не использует Красная Армия.

4. Свиньи колхозных ферм и совхозов в этой же зоне должны быть забиты. Мясо и сало необходимо передать воинским частям, колхозникам, рабочим в городах, госпиталям, больницам, ученикам ФЗО. Определенное количество свиней подлежит оставлению в этой зоне в живом виде для прохождения частей Красной Армии. Птица колхозных и совхозных ферм в этой же зоне также подлежит раздаче в убойном виде воинским частям, колхозникам, рабочим.

5. В зоне 100 — 150 км местные органы власти, по согласованию с военным командованием, сами принимают решение о том, какое именно ценное оборудование, погруженное в вагоны,

должно быть уничтожено в эшелонах, вследствие невозможности вывоза сго. Такую директиву военным и местным органам власти надо дать потому, что у нас есть случаи когда, например, часть эшелонов с ценнейшим грузом, погруженных во Львове, досталось неприятелю, так как этим эшелонам противник перерезал путь.

6. В зоне 100—150 км от противника надо уничтожать все ценное оборудование на заводах, хлеб на складах, товары, которые не могли быть вывезены при вынужденном отходе частей Красной Армии.

Секретарь ЦК КП(б) Украины — Хрущев.

Записка И. В. Сталина секретарю ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущеву

10 июля 1941 года 14.00

Киев Хрущеву

1. Ваше предложение об уничтожении всего имущества противоречит установкам, данным в речи Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваше же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100 — 150 км от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство советской властью, расстроить тыл Красной Армии, и создать как в армии, так и среди населения, настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

2. Государственный Комитет Обороны обязывает вас в виду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти уничтожать не касаясь однако, птицы, мелкого скота, и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

3. Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать, с тем, чтобы электростанции надолго не могли действовать.

4. Водопроводов не взрывать.

5. Заводов не взрывать, но снять с оборудования все необходимые ценные части, станки и т.д., чтобы заводы надолго не могли быть восстановлены.

6. После отвода наших частей на левый берег Днепра все мосты взорвать основательно.

7. Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти, взорвать.

8. Что касается эвакуации заводов, дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы со стороны противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя, главным образом, станки и прочее наиболее ценное оборудование.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин

Я намеренно не берусь комментировать эту переписку. Думаю, что читателю и так все понятно, но об одном мне все же хочется сказать. Я не меняю своего мнения, высказанного выше, лишь только потому, что, как и большинство советских, русских людей, был абсолютно уверен в том, что хоть враг и силен, победа все равно за нами — ведь дело наше правое.

С начала 1942 года я стал работать в Центральном Комитете КП(б) Украины. Это был аппарат в несколько десятков человек. Работал инструктором, а с ноября 1942 года стал заместителем заведующего организационно-инструкторского отдела, а позже инспектором ЦК. Мы занимались прежде всего организацией партизанского движения и подпольной работы на оккупированной немцами территории Украины.

За период войны ЦК КП(б)У и штаб партизанского движения Украины находились в Харькове, Воронеже, Ворошиловграде, краткое время в Сталинграде, затем в Саратове, а с октября 1942 по сентябрь 1943 года в городе Москве на Тверском бульваре, 18.

В Чернышевских казармах размещалась партизанская школа, на Трубной площади, в Доме колхозника, находилась база по подготовке кадров для партийной работы в тылу противника. Для решения задач партизанского движения на Украине нам придали авиационный полк дальнего действия под командой В. Гризодубовой. Каждую ночь с подмосковного аэродрома совершали героические рейсы летчики этого полка на партизанские базы в глубокий тыл врага, доставляя организаторов подпольной пар-

тийной работы, партизанского движения, военных специалистов штабной работы, подрывников, военных врачей, оружие и боеприпасы, многочисленное снаряжение. Партизаны и подпольщики наносили мощные удары по врагу на оккупированной им территории.

В Москве существовало военное положение. Немцы находились на подступах к столице, ими были заняты на севере — Ржев, на западе — Калуга, на юге бои шли в районе Ельца. На подмосковном фронте велись бои местного значения.

По ночам двигаться по городу разрешалось только по пропускам. Ночной город зорко охраняли военные патрули, небо над Москвой покрывалось каскадами заградительных аэропланов. Немцы в районе Курско-Орловской дуги готовили крупное наступление. Это было тревожное военное время. Мне пришлось узнать военную Москву, здесь, как уже было сказано, размещался наш партизанский штаб.

Позднее меня наградили медалью «За оборону Москвы».

О партизанском движении, подпольной работе на Украине в годы войны и моем в ней участии я рассказал в книге «Опаленная земля», выпущенной в свет в 1993 году литературно-информационным агентством ЛИНФ.

Завершая военные воспоминания, считаю своим долгом назвать поименно своих дорогих товарищей: и тех, кто дожился до Великой Победы и тех, кто остался на поле брани, с оружием в руках, защищая Киев и родную Украину от лютого врага — гитлеровских фашистов. Раненым вышел, как и я, из тыла противника секретарь Подольского райкома партии И. И. Миронов, удалось вырваться из вражеского кольца инструкторам ЦК компартии Украины П.В.Корнееву и В.С.Костенко, заместителю председателя киевского облисполкома З.А.Олейнику, секретарям киевского и львовского горкомов партии К.Ф.Москальцу и И.Ф.Сидоренко, секретарям Киевских райкомов А.И.Давыдову, П.М.Овчаренко, Ф.П.Остапенко, заведующему отделом горкома партии Я.Е.Папко.

Немилосердной оказалась судьба для секретарей ЦК КП(б)У М.А.Бурмистенко, И.Г.Лысенко, А.С.Николаенко, секретарей киевского обкома Киселева, Вовкобруна, заведующих отделами Лысенко и Хитушко, секретарей киевского горкома партии Т.В.Шамрило, Ф.Ф.Шапошникова, А.П.Каравая и ко многим и

многим другим партийным активистам Киева. Почти полностью погиб состав парторганизаций киевского обкома и горкома партии, где я был заместителем секретаря, погиб и наш секретарь Тульчинский (он воевал в 5-й армии). Позже я узнал, что в одном из сел под Киевом фашисты расстреляли председателя киевского облисполкома Т.Я.Костюка и секретаря обкома партии М.П.Мишина. Вечная им память. Такие огромные потери для республиканской партийной организации еще долгое время оставались невосполнимы.

Война нам, живым, оставила на огромных пространствах истерзанную и опаленную смертоносным огнем землю. В память о всех, кто погиб за нее, предстояло вдохнуть в нее жизнь. И мы это сделали.

Гревели последние залпы орудий и взрывы бомб в поверженном Берлине, близилась великая Победа, впереди виднелась радостная, но трудная мирная жизнь. Нужны были огромные знания, чтобы успешно решать задачи социалистического строительства. Поэтому ко всем сложностям восстановительного периода у меня добавилась еще одна — нехватало образования. Служба в армии, а затем начавшаяся война отодвинула учебу на дальний план. Следовало во что бы то ни стало решить эту трудную задачу.

В мае 1945 года меня зачислили слушателем Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) в Москве, куда принимали со средним образованием. Учеба оказалась очень трудной. Выполняя обязанности заместителя заведующего отделом ЦК, когда приходилось работать до глубокой ночи, я одновременно исполнял обязанности неосвобожденного секретаря парткома парторганизации при Секретариате ЦК КП(б)У (был освобожден один из заместителей секретаря парткома). И к этому теперь добавилась напряженная учеба!

Четыре года пришлось не досыпать, использовать для учебы выходные дни и очередные отпуска, читать огромное количество литературы, учебных пособий, писать курсовые работы, сдавать курсовые экзамены. И вот наступил долгожданный 1949 год, когда я, сдав государственные экзамены на хорошо и отлично, окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), получил диплом о высшем образовании. Теперь я мог уверенно жить и трудиться.

...Полет продолжался. Мерно гудели моторы самолета. Единственно, что отвлекало ненадолго меня от размышлений и воспоминаний — это проносившиеся внизу под облаками знакомые места.

Херсонщина, откуда я улетал, за сравнительно недолгое время моей там работы одним из секретарей обкома партии, стала мне тоже близкой. Край этот на Украине не только своеобразный, интересный, но и благодатный. Раскинувшись на просторах Причерноморской низменности, омываемый с юга Черным и Азовским морями, его словно задумала и создала матушка природа для жизни привольной. Каптановые черноземы под горячими лучами южного солнца способны щедро одаривать живущих здесь людей обильными урожаями яровой и озимой пшеницы, кукурузы, овощами, особенно помидорами. Здесь обильно и великолепно вызревают сочные плоды фруктовых деревьев: яблоки, груши, абрикосы, черешня, вишня. Вдосталь хватает и винограда, и всевозможных ягод, а уж какие тут родятся на бахчах арбузы, дыни и рассказывать ненадобно.

И все бы хорошо, да вот беда — жуткие засухи. Слишком мало выпадает осадков, а без влаги, известное дело, земля мертва. Засуха для землевладельцев прямо-таки бич. Сколько труда не вкладывай, нет дождя — пиши все пропало.

Досада брала еще и от того, что хоть и пересекает область с севера на юг полноводный Днепр, да только земле херсонской от того мало проку. Засуха случалась часто, на каждые десять лет — шесть-семь неурожайные. Но зато когда влаги хватало, возникала другая крайность, и тоже надо сказать обидная, крестьяне не знали, куда девать выращенные хлеба, овощи, фрукты. Идешь, бывало по неубранному полю или саду, сердце буквально сжимается от боли, что столько продукции пропадает на корню. И как тут спастись? Ни лишних элеваторных площадей, ни добавочных мощностей перерабатывающих заводов. После все это, конечно же, появится, но в годы послевоенной разрухи, когда людям жить-то было негде, о новом строительстве только мечталось.

Вспоминая херсонщину тех лет, должен сказать, что это были не самые большие трудности. Пожалуй, самой опутимой проблемой стала катастрофическая нехватка рабочих рук. В области на огромной площади проживало лишь 650 тысяч человек, и только в 80-х годах положение поправится, население возрастет

почти вдвое. Причины на этот счет были разные. Война, как известно, много бед натворила. Тысячи мужчин не вернулись с полей сражений, часть населения разметала по стране эвакуация, но была и еще одна причина, о которой в ту пору не особенно распространялись. Дело заключалось в том, что с херсонщины в принудительном порядке выселили значительное число проживающих здесь многие десятилетия бывших немецких колонистов. Справедливости ради надо сказать, что люди эти давно обрусевшие в своем большинстве работающие, прекрасно знали здешние земли и умели их возделывать. Такую же участь на себе испытали и проживавшие здесь греки, болгары. Что было, то было. Говорю об этом не для того, чтобы задним числом, как это ныне принято, огульно осуждать кого-то за подобную акцию. Шла кровавая захватническая война, а у войны свои суровые законы. Думаю, что вопрос этот понятен и в политическом, и в стратегическом, и в этническом плане. Немцы, даже обрусевшие, оставались немцами.

Одним словом, возвращаясь к проблеме, должен сказать, что рабочих рук на селе в то время было мало. К примеру, у нас оставались такие хозяйства, на значительных площадях сельхозугодий которых трудилось от силы человек по пятьдесят-шестьдесят, к тому же и техники было в обрез: несколько ветхих тракторов, да старенькая автомашина. Обходились больше тягловым скотом — волами, верблюдами, и ишаками. Трудно и бедно жили крестьяне, перебивались кое-как, но у всех была надежда на скорые перемены к лучшему. Вера была. Она и помогла людям не только преодолевать невзгоды, но и совершать для встающей на ноги страны большие и полезные дела.

Я уже говорил, что Херсонщина — край благодатный, но для жизни очень трудный, особенно в пору засух. Тяжелое это было зрелище — потрескавшаяся безжизненная земля, а солнце продолжает палить неимоверно. В небе нет даже намека на самую маленькую тучку. Температура на почве достигает до сорока пяти градусов, босыми ногами на нее и ступить невозможно. Куда ни кинешь взгляд, всюду выжженная степь и так на сотни километров. Единственно, где можно спрятаться живой душе — это небольшие по ширине, уходящие за горизонт лесопосадки карагача и акации. Они хоть как-то скрашивали унылый пейзаж. Должен заметить, что лесополосы, если за ними постоянно ухаживать, дают неплохой хозяйственный эффект. В степи они главный со-

юзник посевов в борьбе с капризами природы. Не знаю, уделяется ли сегодня внимание этому вопросу, но раньше посадка и уход за лесополосами считалось делом государственной важности.

Увидел их сейчас через стекло иллюминатора и вспомнил, как спасали они нас еще от одного злого недуга здешней природы — от песчаных бурь. От них в летнюю жаркую пору доставалось и горожанам, и селянам. Роза ветров пролегла по северному побережью Черного моря. Горячие ветра, возникнув где-то там в районе Каспия, захватывали не только нашу, но и территории Запорожской, Николаевской, Одесской областей. Но Херсонщине приходилось особенно тяжко. Порывы ветра вздымали клубы иссушенной земли и эти тучи пыли, поднимаясь вверх на сотни метров, своей плотной массой закрывали небо, да так, что в округе становилось совсем темно. Пыль проникала всюду, дышалось с трудом. Знойный ветер нередко выдувал почву из-под корней растений, гоня их по степным просторам. Вся эта масса вместе с «перекати поле», забивала лесополосы, заметала дороги. Транспорту приходилось с большим трудом пробиваться до пунктов своего назначения. Но каких бы сюрпризов не преподносила людям природа, они старались не унывать, продолжая много и упорно трудиться.

Свои проблемы были у нас и в промышленности. По тем временам Херсонская область имела достаточно большое промышленное производство и занимала на Украине далеко не последнее место. У нас действовало несколько судостроительных и судоремонтных заводов. Завод имени Петровского выпускал крайне необходимые локомотивы. Работало не менее важное для области консервное производство. Кстати уже в 50-х годах мы снабжали консервированными овощами, фруктами, томатным соком не только близлежащие регионы, но и районы крайнего Севера, там где эта продукция пользовалась повышенным спросом.

Особенно значительными стали развернувшиеся в области новостройки: Каховская ГЭС, канал Днепр — Керчь.

Другой крупный объект — судостроительный завод. На нем намечалось начать строительство сухих доков, многотоннажных танкеров и других крупнотоннажных кораблей. Строители возводили его днем и ночью. С балкона обкома партии в ночную пору можно было видеть целый каскад отсветов от работы сварочных

аппаратов. Красивое это было зрелище, даже дух захватывало. И еще одна сложная стройка — крупнейший в республике текстильный комбинат. Его работу предполагалось развернуть на базе недавно внедренного в области выращивания суходольных сортов хлопка. Дело — крайне хлопотливое. Хлопок давал очень низкие урожаи (семь-восемь центнеров с гектара), а уход за ним требовал большой отдачи. Прополка и сборка велись вручную. Растения эти низкорослые, хлопок приходилось собирать ползком на коленях. Вся тяжелая работа выполнялась женщинами. Конечно же, мы в меру возможностей старались создавать им сносные условия, помогали чем могли и в то же время отчетливо понимали, что все равно остаемся в неоплатном долгу. Нужны ли были такие жертвы? А что делать? Надо же во что-то одевать людей. Узбекского хлопка не хватало. Это потом, когда страна разбогатеет на продаже нефти и газа, она станет покупать хлопок за границей. После войны нам платить за него было нечем.

Полет продолжался. Ни гул работающих моторов, ни тряска не отвлекали меня. Вот уже и область осталась позади, а я в мыслях оставался еще там на прежней работе, со своими товарищами.

Руководящие кадры в области подобрались в основном хорошие, знающие свое дело. Областную партийную организацию возглавлял Г. Е. Гришко, генерал-майор, недавно вернувшийся из армии. Бок о бок со мной трудились секретари обкома В. П. Онищенко, Н. А. Даниленко, С. И. Кулик. Работали, как и все члены бюро обкома, дружно. Хорошим организатором хозяйственных дел оказался и председатель исполкома облсовета Барыльник. Нагрузки все мы испытывали огромные (работать приходилось каждый день с раннего утра до позднего вечера, иногда и ночь прихватывали), но никто никогда не пытался переложить дела со своих плеч на чужие.

В сфере большой политики мы практически не участвовали, знали круг своих задач и стремились решать их четко, оперативно, что позволяло нам обеспечивать выполнение государственных планов в промышленности и сельском хозяйстве, в сфере финансов и социальной жизни населения. Область находилась на хорошем счету у руководства республики, но полного удовлетворения мы не испытывали, видя воочию, что народу живется еще очень трудно.

В июле 1950 года область перевыполнила план по сдаче пшеницы государству. Вроде был повод порадоваться, но нам — не до этого. В пяти присивашских районах назревала большая беда. Здесь в течение нескольких последних лет совершенно не выпадало снега, а летом — ни одного дождя. Засуха в том году еще больше усугубила положение, зерна даже на семена собрали не полностью. Для населения этих районов встал вопрос, что есть самим, чем кормить скотину.

Оставить людей в беде мы не имели права, но нужно было точно знать, кому и чем помочь, кому такая помощь нужна в первую очередь. На бюро обкома решили безотлагательно выехать на места, увидеть все своими глазами и после этого принимать необходимые решения. Я срочно выехал в Сивашский район. Вместе с секретарем райкома партии мы отправились в один из ближайших колхозов. Не успели войти в правление, как нас окружила большая толпа колхозников. Разговор с самого начала оказался, что называется, крутым. Особенно нервничали женщины. Они, буквально со слезами на глазах, рассказывали нам о нагрянувшей беде. Сам их вид без слов свидетельствовал о том, что они находятся в отчаянном положении.

— Посмотрите, что делается, — говорила одна из женщин, — лето в разгаре, а нам нечего есть. Даже на приусадебных участках все погорело. Как жить, чем кормить семью, детей?..

Труден был тот разговор. А состоялся он во всех домах, которые мы посетили вместе с секретарем райкома партии. Своими глазами увидели, что ни у кого никаких запасов в доме нет. Лежали небольшие кучки мелкого картофеля, собранного с огородов, и — больше ничего. Как объяснили колхозницы, они варили эту картошку вместе с травой. Тем и кормились, Картина ужасная.

Полные горьких раздумий вернулись мы в правление колхоза. Стиснув зубы, искал я выход из создавшегося положения. А ведь область выполнила план хлебозаготовок, в том числе и за эти пять районов, но хлеба у людей все равно нет. Правда, в колхозах района оставалось семенное зерно, да немного фуражного, но запас этот считался неприкосновенным. Раздать его, значит весной остаться без посевного материала. Придется просить у государства семенную ссуду, да еще взгреют по последнее число за самоуправство.

«А как же люди», — думал я, глядя в окно на улицу, где толпа колхозников становилась все больше и больше. Нет, просто так я отсюда уехать не мог. Надо решаться. И я это решение принял. Когда вышел к колхозникам и объявил, что всем будет выдано семенное зерно на трудодни, даже дети умолкли. Притихшая вдруг толпа прекрасно поняла, как не просто мне далось принять столь ответственное решение, ведь семенной фонд всегда считался у крестьянина священным. Молча расходились колхозники по своим домам, а мы покидали это бедствующее село с тяжелым чувством.

На следующий день в область на самолете с группой республиканских работников прибыл Н. С. Хрущев. Это была его плановая деловая поездка. Собрание областного актива решили провести в Каховке. До отъезда на место, Н. С. Хрущев успел побеседовать с секретарями обкома партии на предмет выяснения обстановки в области. Такая беседа у него состоялась и со мной. Поинтересовавшись как мне здесь живется и работается, Никита Сергеевич попросил рассказать о моей последней поездке по районам области. Я подробно доложил ему о том, с чем пришлось столкнуться мне в присивашских районах, об огромном бедствии, которое терпят местные крестьяне из-за жестокой засухи. Не утаил я и о принятом мной решении. Хрущев сначала крепко поругал меня, напирая на то, что это последнее дело раздавать семенной фонд, можно было подождать ссуды и сделать все законным порядком, но к концу разговора вдруг сменил гнев на милость, сказав уже по-товарищески просто, что, видимо, в той обстановке иного решения принять невозможно. Посчитал, что я поступил правильно, надо быстрее помочь людям. На том наш разговор и закончился.

Это была очередная моя встреча с Никитой Сергеевичем. Кстати, должен сказать, что жизнь этого противоречивого, но безусловно незаурядного человека, мне достаточно хорошо известна. Работая в период войны и послевоенные годы в аппарате ЦК партии Украины, я встречался с Н. С. Хрущевым на всех этапах его деятельности.

На совещание в Каховку вместе с Н. С. Хрущевым отправилась целая кавалькада машин с работниками областных организаций. Не доезжая до Днепра, машина Никиты Сергеевича вдруг

оказалась в яме, наполненной водой. Хрущев, выбравшись из машины, едко пошутил:

— Жалуетесь, что у вас тут воды нет, а первого секретаря ЦК чуть не искупали...

Машину пришлось вытаскивать общими усилиями, участвовал в этом и сам Никита Сергеевич. Помню, я подошел к небольшой куче битого известняка, нагнувшись стал поднимать одну из известковых плит, чтобы бросить ее под колеса. Вдруг из-под плиты на уровень моего лица взметнулась большая черная змея. На какую-то долю секунду я увидел ее голову и жало. Плита упала, и змея уползла в груды камней. В начале стоял я в каком-то оцепенении, но затем понес камень к машине и сбросил его в яму с водой. Отойдя в сторону, я продолжал переживать случившиеся. Я не верю в мистику, спиритизм и гадания, но, размышляя о том факте, однозначно пришел к выводу — появление передо мной змеи — предзнаменование судьбы, как будто кто-то мне подсказывал, что в моей жизни произойдут серьезные изменения, и они станут такими же неожиданными, значительными и опасными. Это вскоре нашло свое подтверждение, о чем я расскажу позднее.

Машину Н. С. Хрущева из ямы вытащили, вскоре кортеж прибыл в Каховку, где в зале заседаний райкома партии началось совещание по вопросам сельского хозяйства. Нового сказали немного. Главный разговор шел о том, чтобы быстрее провести лушевку стерни и посеять просо. Вегетационный период этой культуры всего 38 дней и надо получить на земле второй урожай, который дал бы большую прибавку продовольственного зерна.

Н.С. Хрущев вел совещание вяло, в его речи и разговорах отсутствовал былой огонек, он видимо уже знал, что вместо него первым секретарем ЦК КП(б)У станет Л.Г. Мельников, а ему уготовано место первого секретаря МК и МГК партии — явное понижение, еще один удар Сталина по престижу и авторитету Хрущева. Из Каховки Никита Сергеевич выехал в Запорожье, где его ждало подобное же совещание.

Лето 1951 года было как всегда жарким, знойным. Ожидаемого урожая не получилось. Уборка пшеницы проходила с большими трудностями, сельскохозяйственная техника, особенно трактора и комбайны, были сильно изношены, часто выходили из строя, нехватало запасных частей, с перебоями доставлялось

горючее: Люди на страде в полном смысле слова мучались, но самоотверженно трудились.

Однажды при поездке по районам области я наблюдал причудливый мираж: далеко в степи виднелся древний замок, с башнями и крепостными стенами. Свернув с дороги, мы с водителем поехали по стерне в сторону этого видения. Степь была ровная, и скоро мы прибыли к цели. Замок оказался стоящий на пшеничном поле комбайн, рядом с ним сидел на земле могучего телосложения комбайнер и горько плакал. Его дети, мальчик и девочка, принесли отцу в поле еду — большой арбуз и краюшку хлеба. В этом состоял весь обед комбайнера. Дети, прижавшись друг к другу, с болью смотрели на отца. Я спросил, что случилось, почему он плачет? Комбайнер с горечью ответил, что комбайн вышел из строя, он давно ждет приезда ремонтников, а их нет и нет. Время идет, если он не выполнит норму уборки хлеба, то ничего не заработает, и семья станет голодать.

Да, человек в беде. Я обещал ему помочь. Комбайнер показал нам направление, где в настоящее время может находиться ремонтная мастерская. Мы вскоре разыскали ремонтников. Рассказав им о случившемся, я попросил не откладывая поехать к месту, где бедовал комбайнер. Вскоре рабочие мастерских приступили к ремонту, пообещав быстро ввести технику в строй. Включился в ремонт и комбайнер, он повеселел, взбодрился, долго благодарил нас за помощь. Пожелав ему успехов в уборке, мы отбыли в город, где нас ждали неотложные дела.

Работа в области шла своим чередом. Возникали не раз сложные ситуации, и мы без промедления принимали нужные решения. В один из жарких летних дней в обком партии прибыло закрытое письмо ЦК ВКП(б) о неблагоприятном положении в министерстве государственной безопасности СССР и преступной деятельности министра государственной безопасности Абакумова.

Члены бюро обкома партии собрались для ознакомления с этим очень важным документом, с большим вниманием и тревогой восприняв его содержание. Думаю, что и нынешнему поколению читателей небезынтересно познакомиться с этим письмом, тем более, что публикуется оно в печати впервые.

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК ВКП(б)

Центральным комитетам компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии, министерствам государственной

безопасности союзных и автономных республик., краевым и областным управлениям МГБ.

О НЕБЛАГОПОЛУЧНОМ ПОЛОЖЕНИИ В МИНИСТЕРСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Центральный Комитет ВКП(б) считает необходимым довести до сведения ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, министерств государственной безопасности союзных и автономных республик, краевых и областных управлений МГБ нижеследующее постановление ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 года.

2 июля 1951 года ЦК ВКП(б) получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина, в котором он сигнализирует о неблагоприятном положении дел в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра Государственной безопасности Абакумова.

Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП(б) создал Комиссию Политбюро в составе тт. Маленкова, Берия, Шкирятова, Игнатьева и поручил ей проверить факты, сообщенные т. Рюминым.

В процессе проверки комиссия допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ Леонова, его заместителей тт. Лихачева и Комарова, начальника второго Главного управления МГБ т. Шубнякова, заместителя начальника отдела Второго главного управления т. Тангиева, помощника следственной части т. Путинцева, заместителей министра государственной безопасности тт. Огольцова и Питовранова, а также заслушала объяснения Абакумова.

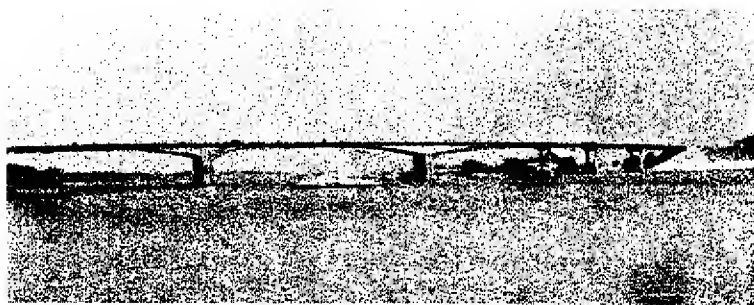
Ввиду того, что в ходе проверки подтвердились факты, изложенные в заявлении т. Рюмина, ЦК ВКП(б) решил незамедлительно отстранить Абакумова от обязанностей министра государственной безопасности и поручил первому заместителю министра т. Огольцову исполнять временно обязанности министра государственной безопасности.

Это было 4 июля с.г.

На основании результатов проверки Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) установила следующие неоспоримые факты:

1. В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявлявший резкое отношение к советской власти, — врач Этингер. При допросе старшим следователем МГБ т. Рюминым

Родина — город Кимры Тверской области

Здесь я родился, рос, учился и работал

Иван Макарович Алидин

Екатерина Ивановна Алидина

сестры и братья

Вера

Александра

Иван
В 1942 году в бою с немцами погиб
под Орлом

Виктор

Первый пионерский отряд в Кимрах (1922 г.)

Выпускной класс средней школы (1927 г.)

И.Г.Дерябин — заместитель
начальника уголовного розыска

В.Алидин — начальник Кимрского
уголовного розыска (1932—1933)

КИЕВ

Члены бюро ВЛКСМ полка

Виктор Алидин — Ответственный секретарь бюро ВЛКСМ 56-го полка НКВД (1935—1937)

Беседа с комсомольцами

ЮГО-ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Командующий Юго-западным
направлением Маршал Советского
Союза С.М.Буденный

Член военного совета направления
первый секретарь ЦК КП(б)У
Н.С.Хрущев

Начальник штаба направления
генерал-полковник М.А.Пуркаев

Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П.Кирпонос, член Военного совета фронта второй секретарь ЦК КП(б) М.А.Бурмистенко, начальник штаба, генерал-лейтенант В.И.Тупиков

ОБОРОНА КИЕВА

Секретарь Киевского обкома партии
М.П.Мишин

Молодые ополченцы Киева. Июль 1941 г.

Секретарь Киевского горкома партии
Т.В.Шамрило

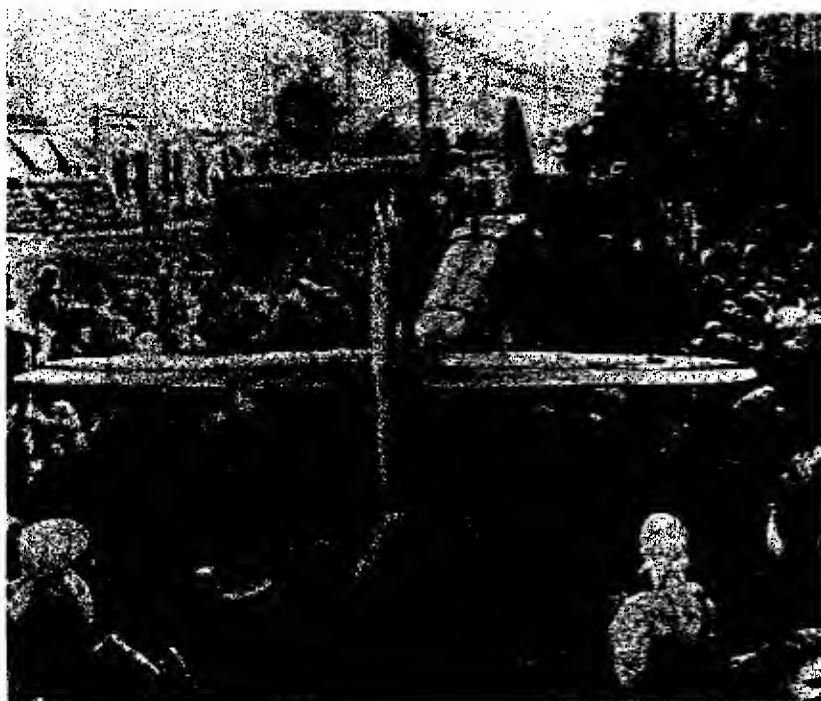
Председатель Киевского
облсполкома Т.Я.Костюк

Июль 1941 г. Оборонительные работы на подступах к Киеву

Июль 1941 г. Сбитый немецкий самолет. Митинг на Крещатике у здания горкома партии

Председатель Киевского
горисполкома И.С.Шевцов

Секретарь Киевского горкома партии
по строительству К.Ф.Москалец

Заведующий оргинструкторским
отделом Киевского горкома партии
В.И.Алидин

Секретарь Октябрьского райкома
партии Киева А.И.Давыдов

Командир партизанского отряда
«Победа или смерть» С.П.Осечкин

Командир бронепоезда «А»
народного ополчения А.С.Тихоход

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Секретарь ЦК КП(б)У
Д.С.Коротченко

Начальник УШПД Т.А.Строкач

Заведующий оргинстр.отделом
ЦК КП(б)У А.Н.Злейко

Секретарь Киевского подпольного
горкома КП(б)У К.П.Ивкин

Май 1942 г. Купянск, Харьковская обл. Работники ЦК КП(б) Украины

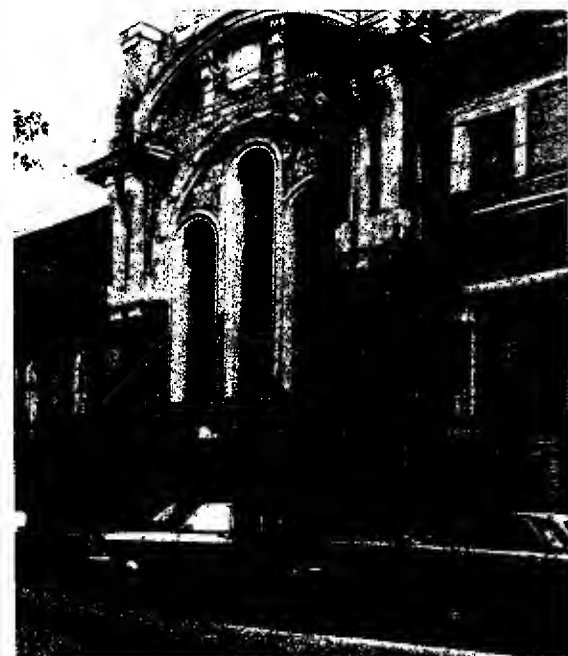

Апрель 1943 г. Секретарь ЦК КП(б) Украины Д.С.Коротченко в тылу противника с командирами партизанских соединений. С л е в а н а п р а в о: С.Ф.Маликов, А.Н.Сабуров, Д.С.Коротченко, Новиков, А.Ф.Федоров, С.А.Ковпак, С.В.Руднев, В.А.Карасев

Москва. Тверской бульвар,
Сент.1942 — сент.1943 г.
Здесь находились ЦК КП(б)У и штаб
партизанского движения Украины

1981 г. В.И.Алидин, А.Ф.Федоров

Иосиф Виссарионович Сталин

Никита Сергеевич Хрущев

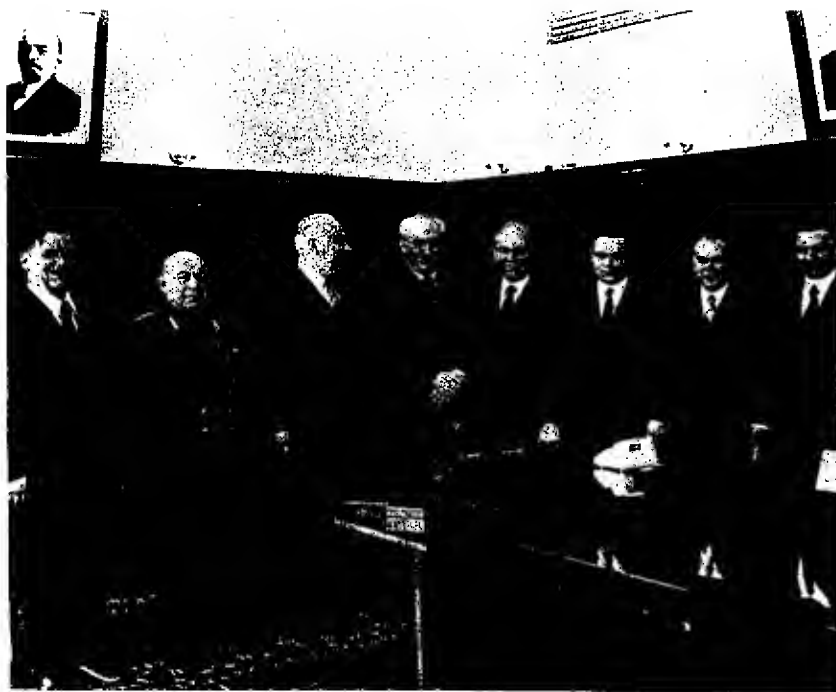
Леонид Ильич Брежнев

Юрий Владимирович Андропов

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ

Председатель КГБ Ю.В.Андропов и его заместители

арестованный Этингер без какого-либо нажима, признал, что при лечении т. Щербакова А. С. имел террористические намерения и практически принял все меры к тому, чтобы сократить его жизнь.

ЦК ВКП(б) считает это показание Этингера заслуживающим серьезного внимания. Среди врачей несомненно существует за-конспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В.В. Куйбышева и Максима Горького. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения.

Однако министр госбезопасности Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности, в присутствии следователя Рюмина, зам. начальника следственной части Лихачева, а также в присутствии преступника Этингера, признал показания Этингера надуманными, заявив, что это дело не заслуживает внимания, заведет МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую и холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер в тюрьме.

Таким образом погасив дело Этингера, Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства.

2. В августе 1950 года в Германии был арестован бывший заместитель генерального директора акционерного общества «ВИСМУТ» Салиманов, бежавший в мае к американцам. Салиманов — крупный государственный преступник. Изменив Родине, он выдал американцам важные сведения. Несмотря на то, что прошел почти год с момента ареста Салиманова, Абакумов до сих пор скрывает от Центрального Комитета ход следствия по этому делу, хотя это дело имеет большое государственное значение. При выяснении комиссией Политбюро — почему Абакумов

скрыл от ЦК результаты следствия по делу Салиманова, сколько-нибудь вразумительных объяснений Абакумов дать не мог.

Таким образом, Абакумов обманул партию и по этому делу.

3. В январе 1952 года в Москве были арестованы участники еврейской антисоветской молодежной организации. При допросе некоторые из арестованных признались в том, что имели террористические замыслы в отношении руководителей партии и правительства. Однако в протоколах допроса участников этой организации, представленных в ЦК ВКП(б), были исключены, по указанию Абакумова, признания арестованных в их террористических замыслах. Допрошенные комиссией Политбюро по этому вопросу начальник следственной части Леонов, его заместитель Лихачев, а также заместитель министра государственной безопасности т. Огольцов подтвердили, что показания арестованных об их террористических намерениях действительно не были включены в протоколы допроса. Указанные товарищи пытались объяснить преступную фальсификацию протоколов, посланных в ЦК ВКП(б), намерением произвести дополнительную проверку. Но, несмотря на важность факта о террористических замыслах участников антисоветской молодежной организации и на то, что прошло достаточно времени, — никаких дополнительных сообщений из МГБ в ЦК ВКП(б) послано не было.

Следовательно, и по этому делу Абакумов обманул партию.

4. В МГБ грубо нарушается установленный Правительством порядок следствия, согласно которому допрос арестованного должен фиксироваться соответствующим образом оформленным протоколом, а протокол должен сообщаться в ЦК ВКП(б). В МГБ укоренилась неправильная практика составления так называемых обобщенных протоколов допроса арестованных на основании накопленных следователями заметок и черновых записей. Эта вредная и антигосударственная практика в следственной работе привела к безответственности среди работников аппарата МГБ, способствует затяжке сроков расследования дел о серьезных преступлениях, дает возможность скрывать от партии положение дел в МГБ. Далее, в нарушение закона об ограниченных сроках ведения следствия, в МГБ имеется много фактов недопустимой затяжки окончания следственных дел на очень длительные сроки. В центральном аппарате МГБ есть следственные дела, которые

ведутся два — три года, тогда как, согласно закону, полагается вести следствие не более двух месяцев.

Таким образом Абакумов не только обманывал партию, но и грубым образом нарушал постановления ЦК ВКП(б) и правительства.

5. ЦК считает нужным отметить, что будучи вызванным сначала в Политбюро, а затем в комиссию ЦК ВКП(б), Абакумов встал на путь голого отрицания установленных фактов, свидетельствующих о неблагополучном положении в работе МГБ, при разговоре вновь пытался обмануть партию, не обнаружил понимания совершенных им преступлений и не проявил никаких признаков готовности раскаться в совершенных им преступлениях.

На основании вышеизложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять Абакумова В.С. с работы министра государственной безопасности СССР, как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, исключить из рядов ВКП(б) и передать его дело в суд.

2. Снять с занимаемых должностей начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Леонова и заместителя начальника следственной части Лихачева, как способствовавших Абакумову обманывать партию, и исключить их из партии.

3. Объявить выговор первому заместителю министра т. Огольцову и заместителю министра т. Питовранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ. .

4. Обязать МГБ СССР возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера и еврейской антисоветской молодежной организации.

5. Назначить члена комиссии Политбюро по проверке работы МГБ и заведующего отделом партийных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) т. Игнатьева С.Д. представителем ЦК ВКП(б) в Министерстве государственной безопасности. ЦК ВКП(б) уверен, что ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии всемерно усилят свое внимание и помощь органам МГБ, не пожалеют сил для того, чтобы с полным сознанием своего долга и ответственности перед советским народом, партией и правительством, на основе большевистской критики, при помощи и под руководством ЦК компартий союзных республик, областных (краевых) и городских комитетов партии, быстрее покончить с

недостатками в работе органов МГБ, навести в них большевистский порядок, повысить партийность в работе чекистов, обеспечить неуклонное и точное выполнение органами МГБ законов нашего государства, директив партии, правительства.

ЦК ВКП(б) уверен, что ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии всемерно усилят свое внимание и помощь органам МГБ в их сложной и ответственной работе, повысят заботу о дальнейшем воспитании и идейной закалки работников органов МГБ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

13 июля 1951 г.

Членов бюро обкома встревожило содержание письма. На местах было относительно тихо. Обнаруживали и арестовывали, главным образом, предателей Родины, служивших немцам в период войны, участвовавших в истязаниях и расстрелах советских людей. За последние годы, до описываемого времени, в Херсонской области никто не арестовывался по политическим мотивам.

Письмо ЦК членами бюро обкома не обсуждалось и было принято к сведению и руководству....

Прошло не так уж и много времени с момента знакомства с этим закрытым письмом, как в обком партии пришла телеграмма из Москвы, в которой сообщалось о том, чтобы я незамедлительно прибыл в Центральный Комитет ВКП(б).

Так я оказался в самолете, который нес меня на своих крыльях в столицу.

До приземления оставалось совсем немного времени. Откинувшись на спинку сиденья, я мысленно еще раз, как бы со стороны взглянул сам на себя. Кажется, совсем немного времени прошло с тех пор, как я служил рядовым солдатом в армии. Судьба неумолимо вела меня по избранному ею пути. Я вновь у нее в руках. Мне скоро сорок лет, и за этот короткий срок я прошел большую жизнь — опыт труда и боевых испытаний. Судьба дала мне высшее образование, воспитала твердую волю и решимость, научила любить людей, беспредельно служить народному делу. Меня не страшила неизвестность, я готов был к новой трудной работе. Жизнь продолжалась. За моими плечами лежала длинная, непростая, порой даже опасная дорога, по которой я шел с гордо поднятой головой.

Глава 2

В МИНИСТЕРСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

САМОЛЕТ ПРИБЫЛ на Внуковский аэродром, я вступил на Московскую землю. Не был здесь с июня 1943 года, с тех пор, как с группой работников ЦК КП(б) Украины, возглавляемой секретарем ЦК партии Д.С. Коротченко, вылетел самолетом на Орловско-Курскую дугу. Ставка Верховного главнокомандующего разработала план нанесения сокрушительного удара по немецким войскам на этом направлении, в связи с чем появилась вероятность начала освобождения Украины. Замысел Ставки воплотился успешно.

Наши войска, наголову разгромив немецко-фашистских завоевателей на Орловско-Курской дуге, погнали их дальше на Запад. Пробыв некоторое время в войсках Воронежского фронта, проехав на автомашине вдоль линии наступающих войск, мы прибыли на Степной фронт, который 23 августа 1943 года освободил от немцев Харьков. Стала восстанавливаться советская власть в освобождаемых городах и селах Украины.

С тех пор прошло более семи лет, в течение которых украинский народ огромными усилиями восстанавливал народное хозяйство, залечивал раны, нанесенные войной. Я был рад, что вместе с украинским народом и товарищами по партии участвовал в этом важном для страны процессе. Созидать во все времена считалось благородным делом.

И вот я снова в Москве. Меня встретил работник Управления делами ЦК, на автомобиле доставил в гостиницу «Москва», где в то время обычно проживали прибывшие по вызову товарищи. Сказав, что меня известят, как только возникнет необходимость, он распрощался и ушел. В этот день вызова не было.

На следующий день мне позвонили по телефону и пригласили на Старую площадь, в здание ЦК, в организационно-инструкторский отдел на прием к заведующему. В приемной находились два человека, секретарь Тульского обкома партии С. Н. Лялин и секретарь Кировоградского обкома КП(б)У Н. Р. Мионов, с которым мы были хорошо знакомы по партийной работе. Разговорились. Оказалось, что мы приглашены по одному делу. Речь шла о направлении нас на руководящую работу в Министерство государственной безопасности СССР.

В приемную зашел Виталий Голик, секретарь Винницкого обкома партии, которого я тоже хорошо знал по партизанскому движению. Обменявшись накоротке информацией о событиях в КГБ в связи с известным письмом, мы договорились, что если будем работать в госбезопасности, то поведем решительную борьбу с нарушениями закона и никогда не допустим того, о чем совсем недавно нам довелось узнать. Забегая вперед, скажу: как показала жизнь, слово свое мы сдержали. Твердо, решительно наводили порядок и в КГБ.

Вскоре меня пригласили зайти в кабинет. Заведующий отделом организационно-партийной работы ЦК Семен Денисович Игнатьев встретил тепло и приветливо. Он спросил, знаком ли я с закрытым письмом ЦК «О положении дел в органах государственной безопасности». Я ответил утвердительно.

— Так вот, — сказал он, — я по поручению товарища Сталина вместе с группой работников ЦК в течение месяца проверял деятельность министерства и обнаружил там серьезные нарушения законодательства и преступления со стороны бывшего министра Абакумова и других работников министерства.

Проверка возникла на основе заявления старшего следователя Следственного управления МГБ Рюмина, который сообщил в письме Сталину не только о грубых нарушениях законов в деятельности госбезопасности и бывшего министра Абакумова, а также о существовании террористической организации, орудующей среди врачей, лечащих руководителей партии и правительства. По итогам проверки мне пришлось готовить докладную записку в Политбюро, а также текст закрытого письма ЦК местным партийным организациям. Абакумов и некоторые другие руководящие работники министерства арестованы. Рюмина принял и вел с ним беседу лично товарищ Сталин. Он утвердил его замес-

тителем министра государственной безопасности и выразил надежду на то, что новое руководство поможет до конца разоблачить террористическую группу.

Как сообщил мне Семен Денисович, Сталин назначил его, министром госбезопасности. Он аргументировал его назначение тем, что Игнатъев проводил проверку работы министерства, вскрыл там серьезные нарушения, знает теперь положение дел и сможет навести там порядок.

— Я вот теперь при двух должностях, — продолжал Игнатъев, — подбираю руководящие кадры министерства, тех с кем будем исправлять положение. Товарищ Сталин рекомендовал взять на работу в министерство группу секретарей обкомов партии. Намечено более двадцати человек. В связи с этим вызвали и вас.

Мне предложили работать в министерстве государственной безопасности, причем предоставлялась возможность выбора: или начальником политуправления пограничных войск, или секретарем партийного комитета МГБ СССР, или в одно из оперативных управлений. При этом Игнатъев подчеркнул, что мне будет быстрее и легче других познать профессиональную сторону деятельности министерства, так как я в молодости уже был на оперативной работе в системе НКВД, а период войны, в ЦК партии Украины занимался организацией партизанского движения и партийного подполья.

Я подтвердил, что это действительно так, но наверное будет много и такого, с чем придется встретиться впервые.

У меня, честно говоря, не было желания идти на работу в госбезопасность. Слава о ее деятельности шла плохая, какие-то темные дела творились там. Я понимал, что это и опасно. Но партийная дисциплина взяла верх, и я дал согласие, попросив направить в одно из оперативных подразделений, мотивируя это тем, что на такого рода работе, быстрее смогу профессионально освоить порученное дело, принесу пользу государству. На этом и порешили. Мне было все равно в какое оперативное управление я попаду, так как сути работы ни одного из них я не знал.

Утвердили меня заместителем начальника Седьмого управления МГБ, присвоив мне, майору запаса, воинское звание — подполковник. А вообще-то новая должность считалась генеральской.

Через четвертый подъезд я впервые вошел в здание министерства государственной безопасности на Лубянской площади. Мне выделили кабинет, довольно скромный, без приемной и секретаря, с выходом прямо в коридор, персональную автомашину, рассказали о материальном довольствии (примерно таком же, что я получал в области). На другой день мне показали квартиру в новом доме на Смоленской площади, излишне большую по площади и довольно неудобную для проживания.

Из нового кабинета позвонил по «ВЧ» в область, информировал первого секретаря обкома партии о назначении на новую должность, попросил его передать семье, чтобы готовились к переезду. Собственно особых забот у моих домочадцев не было, поскольку значительную часть багажа мы даже не распаковывали после переезда из Киева в Херсон. Мое сообщение Г.Е. Гришко выслушал с большим сожалением.

Получив у нового начальства согласие на короткий отпуск, я вылетел самолетом в Херсон. Состоялись теплые, душевные, товарищеские проводы. На обеде по этому случаю присутствовали все члены бюро обкома партии и другие товарищи по работе, расставаться с которыми было очень жаль.

Но вот все дела закончены, и моя семья из шести человек — жена, трое детей, дочери — Жанна и Валя — школьницы, двухлетний сын Саша, и няня Елена Карловна, отправилась поездом к новому месту жительства. Старшая дочь Галя с мужем, военным, жила в другом городе. На второй день мы прибыли в столицу. Обустроить квартиру помогли новые товарищи по работе, которые отнеслись ко мне с добрым чувством.

Сразу по приезду я поспешил на Лубянку. Днем и большую часть ночи теперь приходилось проводить на службе. Такой сложился стиль деятельности государственного аппарата в Москве. На плечи жены легли все заботы по уходу за семьей. Трое детей в условиях большого города требовали повышенного внимания. Что касается меня, то я их теперь видел редко, больше спящими или в выходной день, который мы старались проводить вместе.

На работе я стремился как можно глубже вникнуть в обстановку министерства, особенно на своем направлении. Первые дни ушли на встречи, знакомства и беседы со своими новыми товарищами. Состоялась встреча с начальником Седьмого Управления МГБ полковником Михаилом Головковым и его замес-

тителем Николаем Ляпуновым. Из задушевной товарищеской беседы я понял, что они положительно восприняли мое назначение и готовы к дружной совместной работе. М. Н. Головков и Н.А. Ляпунов многие годы работали в органах госбезопасности, имели большой профессиональный опыт, и как я понял, весьма успешно работали по обеспечению государственной безопасности.

Прежде, чем рассказать об интересной и поучительной для меня беседе, должен заметить, что буквально через несколько дней после моего назначения М. Н. Головков был переведен на должность начальника Управления МГБ СССР по городу Москве и Московской области. Поработать мне с ним не пришлось. А вот с вновь назначенным начальником Управления Н.А. Ляпуновым мы быстро нашли общий язык. Николай Алексеевич оказался высококвалифицированным профессионалом чекистской работы. Будучи увлекательным собеседником, он к тому же обладал и чувством живого юмора. Как говорится, с таким не заскучаешь.

Я возвращаюсь вновь к нашей встрече и прошедшей беседе. Мои собеседники прочитали мне лекцию, а, вернее, целый рассказ «об основах профессиональной деятельности органов государственной безопасности». Мне все это было крайне необходимо в дальнейшей работе, и поэтому слушал я с большим интересом. Рассказывал Головков, а Ляпунов время от времени вставлял замечания.

Аппарат министерства предназначался для обеспечения государственной безопасности страны. Само министерство состояло из ряда гласных и частично негласных подразделений, делящихся на три основные категории: главные управления, управления и самостоятельные отделы. Каждое такое подразделение имело только ему присущее направление оперативной деятельности, в сферу его работы не могли вмешиваться другие подразделения.

Деятельность органов госбезопасности строилась таким образом, чтобы они получали информацию о всех сторонах общественной жизни страны, информировали о важных с точки зрения государственной безопасности событиях и фактах органы власти, принимали, в соответствии с законодательством, при необходимости меры оперативного воздействия на отрицательные явления.

Структуры аппарата госбезопасности могли меняться в связи с требованиями политической обстановки и конкретного времени деятельности. Во главе министерства стояли министр, его замес-

тители, Коллегия МГБ. Существовал Секретариат министерства, подчиненный министру, являвшийся особо доверенным аппаратом ведомства, через который проходили все документы государственной и оперативной важности.

К моменту нашей беседы, которая проходила в сентябре 1951 года, существовала следующая структура МГБ:

Первое главное управление (внешняя разведка). Вело политическую разведку за границей (военную — проводило Главное разведывательное управление генштаба Министерства обороны).

Второе главное управление (контрразведка). Вело борьбу со шпионажем.

Третье главное управление (военная контрразведка). Осуществляло работу в армии и на флоте.

Четвертое управление (политический розыск). Вело работу в военный и послевоенный период по розыску политических преступников, особенно скрывавшихся от правосудия изменников Родины.

Пятое управление (борьба с антисоветской деятельностью). Вело работу во всех основных идеологических организациях. Именно для этого направления действий органов госбезопасности характерно наибольшее количество арестов и незаконных.

Шестое управление (контрразведка на железнодорожном, морском и воздушном транспорте). Занималось антидиверсионной деятельностью, предотвращением опасных ситуаций, контролем важных эксплуатационно-хозяйственных вопросов на транспорте.

Седьмое управление (наружная разведка). Выполняло задачи, связанные с оперативной разработкой особо опасных лиц, участвовало в борьбе со шпионажем, осуществляло негласное документирование сложных общественных процессов, подготовку установочных данных на лиц, интересующих подразделения госбезопасности.

Восьмое главное управление (шифровальное и дешифровальное). Работало по своему прямому назначению.

Девятое управление (правительственная охрана). Обеспечивало охрану руководства страны.

Инспекторское управление. Осуществляло проверку деятельности подразделений в центре и на местах.

Следственная часть по особо важным делам (на правах Управления). Вела следственную работу (именно здесь был основной очаг беззакония, фальсификации следственных дел, незаконных арестов и издевательств над арестованными).

В министерстве действовал аппарат **Особого совещания**, небольшой по численности, но зловеющий по своим действиям.

В здании на Лубянке находился следственный изолятор, который сотрудники называли внутренней тюрьмой. В этот период заканчивалось строительство новой тюрьмы в Лефортово.

Управление хозяйственной службы. Обеспечивало военнотехническое, материальное снабжение, вооружение, медицинское обеспечение личного состава органов государственной безопасности и пограничных войск. Управление — громоздкое, сложное для руководства. В связи с этим его разукрупнили, создав самостоятельное медицинское управление, и в составе Главного Управления пограничных войск — Управление вооружения и материально-вещевого довольствия.

Кроме перечисленных Главков и Управлений в составе министерства существовали десять самостоятельных отделов, подчиненных непосредственно руководителям МГБ. Каждый из них состоял из четырех отделов оперативной техники, отделов по мобилизационной работе, по борьбе с терроризмом, по оперативной работе в сфере атомной промышленности, а также отделов по хранению архивов и оперативным учетам; планово-финансовый отдел и комендантский.

Головков и Ляпунов с обеспокоенностью отмечали нестабильность структуры подразделений министерства, что, по их мнению, наносило ущерб делу.

Основной задачей в работе оперативных подразделений министерства считалось своевременное получение достоверной информации государственной и оперативной важности. В этом состояла сила и могущество аппарата государственной безопасности. Оперативная информация дает возможность руководству страны наиболее успешно решать вопросы внешней и внутренней политики, а также умело и квалифицированно вести агентурнооперативную работу. Информация добывается агентурным путем,

оперативно-техническими средствами, а также при посредстве иных каналов.

В беседе мне настоятельно дали понять, что главным оружием деятельности органов государственной безопасности является агентура, агентурно-оперативная работа. Каждое оперативное подразделение имеет конкретную, точно обозначенную сферу оперативной деятельности, агентурный аппарат и отличается ярко выраженным профессиональным характером. Агентура каждого подразделения должна наиболее полно освещать сферу деятельности данного направления. Товарищи говорили мне, что работа с агентурой требует от сотрудников высокой профессиональной подготовки и мастерства. Там, где не создан надежный, квалифицированный агентурный аппарат, не может быть и речи об успешной оперативной работе. Это — богатство органов госбезопасности, надо дорожить его помощью в обеспечении государственной безопасности, строго соблюдать правила конспирации. Агентурная работа и ведение агентурно-оперативных разработок — основное содержание деятельности оперативных работников государственной безопасности.

Наш разговор длился несколько часов. Мы выпили немало чашек кофе и выкурили уйму папирос. Я входил в курс своей новой работы, усваивал основы оперативного мышления.

Вскоре министр государственной безопасности Семен Денисович Игнатьев провел семинар начальников и заместителей Главных управлений, Управлений и самостоятельных отделов, на котором его участники выступили с краткими докладами об оперативной деятельности. Это было очень полезное мероприятие для всего руководящего состава, особенно для нас, вновь пришедших на работу в органы государственной безопасности. Я начал знакомиться с руководящим и оперативным составом Управления, с работой подразделений. Мне важно было понять характер проводимой оперативной работы, прочувствовать обстановку в министерстве, выделить для себя важнейшие оперативные мероприятия, проводимые в центральных структурах МГБ.

Вскоре я уяснил для себя, что в министерстве не предпринималось каких-либо серьезных мер по прекращению незаконных, произвола, фальсификации следственных дел.

Закрытое письмо ЦК партии о нарушениях законности в деятельности министерства государственной безопасности было лишь политическим маневром, имитацией борьбы за справедливость. В жизни все продолжалось по-старому. Стало ясно, что в руководстве страны, в верхнем его эшелоне идет непримиримая борьба за власть. Жестокие меры, проводимые в стране в отношении руководящих кадров, продолжали приниматься в соответствии с привычным стилем работы Сталина. Вождь сметал со своего пути все, что мешало ему управлять государством.

Идя на работу в органы государственной безопасности, я хорошо знал, что политика репрессий, начатая в 30-е годы, не только не прекратилась, а, наоборот, в новых послевоенных условиях начала принимать более зловещие для общества формы. За период войны выросли новые выдающиеся военные кадры — Жуков, Василевский, Рокоссовский, командующий военно-морскими силами Кузнецов, командующий военно-воздушным флотом Вершинин и многие другие. На сцене появились крупные организаторы, деятели партии и государства нового поколения. Своей активной жизнедеятельностью они как бы отодвигали Сталина в прошлое, рвались на просторы коммунистического строительства, к новым его высотам. Имя Сталина начинало меркнуть. Он стал уже стар, ближайшее окружение хорошо знало, что он серьезно болен и бывшая работоспособности вождя потеряна. Но Сталин не хотел мириться с этим, не хотел отдавать власть кому бы то ни было. Он пытался удержать ее в своих руках во что бы то ни стало.

В эти послевоенные годы был нанесен репрессивный удар по кадрам нового поколения, которые были способны заменить Сталина. Они уже показали свои руководящие способности, сотворив чудо: за несколько послевоенных лет восстановив довоенный уровень экономики, промышленности и сельскохозяйственного производства в стране.

К новому репрессивному удару Сталин, Берия, Маленков и другие близкие к вождю люди тщательно готовились. 1 декабря 1950 года Военной коллегией Верховного суда СССР были осуждены и приговорены к высшей мере наказания — расстрелу член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совета министров СССР Н.А. Вознесенский, член оргбюро, секретарь ЦК А.А. Кузнецов, член оргбюро ЦК, Председатель Совета минист-

ров РСФСР М.И. Родионов, кандидат в члены ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии П.С. Попков, второй секретарь Ленинградского горкома Я.С. Капустин и председатель Ленинградского Горисполкома П.Г. Лазутин. К длительному тюремному заключению приговорили тогда и других партийных работников, обвинив в создании антипартийной группы и проведении, как было сказано на суде, вредительско-подрывной работы, направленной на противопоставление и отрыв Ленинградской партийной организации от Центрального Комитета партии, превращение ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК.

«Ленинградское дело» — один из актов массовых послевоенных репрессий в отношении кадров в основном нового поколения. Жертвами репрессий тогда стали не только руководители разного ранга ленинградских организаций, но почти все советские государственные деятели, выдвинутые в свое время в Центральный партийный и государственный аппарат, в областные партийные организации страны. Только в Ленинградской области по официальным данным было репрессировано свыше двух тысяч человек. Как стало позже известно, судьбу всего «Ленинградского дела» решала комиссия ЦК, в состав которой входили Маленков, Хрущев, Каганович и Шкирятов — председатель КПК при ЦК партии. Все допросы обвиняемых, проходивших по «делу», вели не следователи МГБ, а члены партийной комиссии.

События развивались следующим образом. В феврале 1949 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) товарищей Родионова М.И. и Попкова П.С.», в котором говорилось, что их «противогосударственные действия явились следствием нездорового, небольшевистского уклона, выражавшегося в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, охаивании ЦК ВКП(б), в попытках представить себя в качестве особых защитников Ленинграда, в попытках создать противостояние между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)». Этим же постановлением Политбюро ЦК Кузнецова, Попкова и Родионова связали с занимаемых ими постов. Расследованием дела занимался лично Маленков с работниками аппарата ЦК. Позднее к этому «делу»

подключилось МГБ во главе с Абакумовым. Приговор огласили в час ночи, в два никого из осужденных уже не было в живых.

13 августа 1949 года в кабинете Маленкова без санкции прокурора были арестованы Кузнецов, Попков, Родионов, Лазутин, Соловьев. До этого освободили с поста председателя Госплана СССР Вознесенского, который тоже был арестован.

Спустя несколько лет КПК при ЦК КПСС признает фальсификацию «Ленинградского дела» и в решении по этому вопросу укажет:

«С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г.М.Маленков лично руководил следствием по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия — мучительные пытки, побои и истязания. Для создания видимости существования в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Маленкова были произведены массовые аресты...»

Всех осужденных по так называемому «Ленинградскому делу» реабилитировали в апреле 1954 года.

Помню, я очень больно переживал ленинградскую трагедию. Мне не верилось, что такие люди как Вознесенский, Кузнецов и другие товарищи, защитники города Ленина, после войны вдруг окажутся «врагами народа».

Еще больше я разуверился в справедливости приговоров, когда в декабре 1951 года арестовали и отдали под суд маршала артиллерии, заместителя военного министра Н.Д.Яковлева, начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника И.И.Волкотрубенко (с ним, кстати, я познакомился в августе 1941 года в Киеве в штабе Юго-Западного фронта, когда решался вопрос о вооружении народного ополчения), заместителя министра вооружения И.А.Мирзоханова. В феврале 1952 года все они были осуждены.

В этот же период были заведены уголовные дела на группу «еврейских националистов» Лозовского. История этого вопроса такова. В годы войны в Советском Союзе был создан Еврейский антифашистский комитет, сыгравший важную роль в разоблачении звериного облика фашизма и получении гуманитарной помощи из-за границы. После войны некоторые члены этого комитета пытались развернуть движение за создание еврейской авто-

номии на территории нашей страны. Как известно, наше правительство с пониманием отнеслось к возникшему в стране и за рубежом движению за создание такой автономии и указом Верховного Совета СССР была образована Еврейская автономная область на Дальнем Востоке. Такое решение, видимо не устраивало многих еврейских националистов и они «пробивали» решение этого вопроса на более приемлемом для них уровне, настаивая на организации собственной автономии в Крыму.

Сталин и его окружение, как станет позже известно, решили нанести политический удар по этим людям, используя сфабрикованное уголовное дело против сионистов. Был ликвидирован Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), одновременно возникло дело по обвинению главных деятелей ЕАК во враждебной деятельности.

По делу ЕАК привлекли большую группу людей, в том числе секретаря Еврейского антифашистского комитета поэта Исаака Фефера, академика, директора Института физиологии АМН СССР Лину Штерн, поэта Переца Маркеша, бывшего начальника Совинформбюро Соломона Лозовского, главного врача Центральной больницы им. Боткина Бориса Шимелновича, журналиста Леона Тальми и других людей. Тринадцать человек Военная Коллегия Верховного суда приговорила к расстрелу. По обвинению в сионизме привлекли к уголовной ответственности большое число лиц еврейской национальности. Арестованы и решением особого совещания МГБ СССР приговорены к ссылке ряд жён видных государственных деятелей еврейской национальности за связи с националистами и за активные контакты с послом государства Израиль в СССР Голдой Мейер. Среди осуждённых: жена В.М. Молотова, Полина Жемчужина, жена министра путей сообщения СССР, генерала армии А.В. Хрулева и другие.

Пройдёт много лет и фальсификация этого дела станет признана, будет дана приближённая к правде оценка. В постановлении партийной комиссии говорилось:

«Непосредственным предлогом к возбуждению уголовного дела на руководителей ЕАК послужили, как это установлено в последствии, сфальсифицированные и полученные в результате незаконных методов следствия показания старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР И.И. Гольштейна, арестованного 19 декабря 1947 года, старшего научного сотруд-

ника Института мировой литературы АН СССР З.Н. Гринберга, арестованного 28 декабря 1947 года. В своих показаниях они утверждали о якобы проводимой С.А. Лозовским, И.С. Фефером и другими членами ЕАК антисоветской националистической деятельности. Протоколы допросов И.И. Гольдштейна и З.Н. Гринберга, изобличающие указанных лиц, 10 января и 1 марта 1948 годы были направлены министром госбезопасности В.С. Абакумовым в ЦК ВКП(б).

...Установлено, что прямую ответственность за незаконные репрессии лиц, привлеченных по «делу Еврейского антифашистского комитета», несет Г.М. Маленков, который имел непосредственное отношение к следствию и судебному разбирательству. 13 января 1949 года он вызывал к себе С.А. Лозовского и в процессе длительной беседы, на которой присутствовал председатель КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов, домогался от С.А. Лозовского признания в проведении им преступной деятельности. В этих целях Г.М.Маленковым было использовано направленное пять лет назад (15 февраля 1944 года), за подписью С.М.Михозлса, Ш.Эпштейна и С.Фефера (членов ЕАК) и отредактированное С.А.Лозовским письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики. После беседы Г.М.Маленков и Н.М.Шкирятов составили на имя Сталина записку с предложением вывести С.А.Лозовского из членов ЦК ВКП(б) со следующей формулировкой: «За политически неблагонадежные связи и недостойное члена ЦК поведение». Установлено, что следствие велось с грубыми нарушениями закона и применением недозволённых методов для получения «признательных показаний».

... Обвинение невинных людей и вынесение им несправедливого приговора было predetermined заранее вышестоящим руководством. 3 апреля 1952 года С.Д.Игнатьев направил Сталину обвинительное заключение, сопровождавшееся предложением о мере наказания — расстрелу всех обвиняемых, кроме академика Лины Штерн».

В конце 1951 — начале 1952 года смерть еще гуляла по зданию на Лубянке. Как-то раз во второй половине апреля 1952 года, я, войдя в четвертый подъезд здания, поднимался по лестнице. На третьем этаже в колонном зале шло очередное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, где рассматривалось в это вре-

мя дело Еврейского антифашистского комитета. Вдруг на секунду дверь распахнулась (кто-то выходил), и я ясно услышал голос Штерн, дававшей суду показания. Ошибки не было, она была единственной женщиной среди обвиняемых.

В одной из недавно изданных книг, со ссылкой на документ 1953 года, хранящийся в архивах МВД, сообщается история убийства Михоэлса, известного артиста еврейской сцены.

«В процессе проверки материалов на Михоэлса, — говорилось в документе, — выяснилось, что в феврале 1948 года в г. Минске, бывшим заместителем министра МВД СССР Огольцовым совместно с бывшим министром ГБ Белорусской ССР Цанавой по поручению министра госбезопасности Абакумова была проведена незаконная акция по физической ликвидации Михоэлса.

В связи с этим в МВД СССР был допрошен Абакумов и получены объяснения Огольцова и Цанавы об обстоятельствах проведения этой преступной операции. Абакумов показал: «Насколько я помню, в 1948 году глава советского правительства И. В. Сталин дал мне срочное задание — быстро организовать работниками МВД СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным людям. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилию его я не помню, прибыл в Минск. Когда об этом было доложено И. В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию...

...Было принято следующее решение — через агентуру пригласить Михоэлса в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице, где он проживал, привезти его на территорию загородной дачи Цанавы Л. Ф., где и ликвидировать его, а потом труп вывезти на малолюдную улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машины... Так и было сделано. Во имя тайны убрали и агента МГБ В.И. Голубова, который поехал с Михоэлсом в гости... (На даче они были раздавлены грузовой машиной)».

Стыдно и обидно за столь возмутительные действия Сталина и исполнителей его воли. Но что можно было сделать? Любого, ослушавшегося его, непременно уничтожили бы. Страшное было это время.

Военная коллегия Верховного суда СССР в этом зале заседала: часто, здесь все приспособили: ниже этажом — внутренняя тюрьма (позже ликвидированная), еще ниже — подвал, где рас-

стреливали обреченных. Жутко даже вспоминать об этой чудовищной машине, созданной инквизиторами.

С первых дней пребывания на Лубянке мы, вновь пришедшие на работу в госбезопасность, все больше и больше вникая в работу чекистов, восхищались героической стороной их деятельности, рыцарским стилем тяжелого труда, который они отдавали на защиту интересов государства и народа и вместе с тем все сильнее возмущались «черными делами» этого ведомства, которые нам становились известны. Могучий силовой аппарат нередко использовался властителями государства в угоду их преступной политики, сумасбродства и политического эгоизма в борьбе за власть.

Становилось известно много нового, неоправданно жестокого, о прошлой деятельности органов госбезопасности, но самое прескверное, что все это продолжалось и теперь на наших глазах. На душе было тревожно. Работа опасная, можно легко попасть в чудовищную мясорубку. Не зря в народе пели частушки:

*«Эх, яблочко, куда ты котишься,
на Лубянку попадешь, не воротишься»...*

Здесь арестовывали и расстреливали действительных преступников, но часто уничтожали и невинных людей.

Хороший мой друг и товарищ, известный с периода войны по партизанскому движению на Украине, доверительно сообщил мне, что его «подставили» руководить грязным делом, связанным с физическим уничтожением известного руководителя украинских националистов Степана Бендеры, находившегося за границей. Он не успел возглавить проведение этой акции. Агент-террорист оказался неуправляемым. 15 октября 1951 года в Мюнхене самостоятельно убил Степана Бендеру, затем явился в Мюнхенскую полицию и признался в совершенном им преступлении. Как стало известно, он решил, что лучше сидеть в тюрьме, чем жить под страхом ликвидации украинскими националистами.

Обстановка в министерстве в конце 1951 и в 1952 году оставалась напряженной. Начались аресты среди руководящего состава министерства. Так случилось, что в моем присутствии в коридоре был арестован заместитель министра, начальник Третьего управления военной контрразведки С. Гоглидзе. Арестовали без

каких-либо доводов другого заместителя министра А.П.Питовранова, правда, вскоре он был освобожден. Уволили в отставку первого заместителя министра С.И.Огольцова, которого определили работать в Москве на одном из военных заводов заместителем директора по режиму. Подверглись аресту генералы Цанава, Райхман, Судоплатов и некоторые другие. Сняли с работы секретаря парткома МГБ Рогова.

Чистка в руководящем звене шла методично. Устроители ее в этом деле знали толк. Официально ее рассматривали как реакцию на известное закрытое письмо ЦК партии о крупных недостатках в работе министерства государственной безопасности и о преступной деятельности его руководителя В.С.Абакумова. Сталин, пользуясь этим случаем, решил еще основательнее укрепить свое влияние на МГБ через нового министра С.Д.Игнатьева. Семен Денисович — видный партийный и государственный деятель, хороший организатор, много сделал полезного для защиты страны в годы Великой Отечественной войны в области производства и поставки армии вооружения и снаряжения. Спокойный, рассудительный, контактный с товарищами, он пользовался большим авторитетом. Но была у Семена Денисовича и слабость. По характеру мягкий, он полностью подчинялся требованиям вышестоящего руководства, особенно робел перед Сталиным и беспрекословно исполнял любое указание. Этим был и опасен.

Сталин, я это знал точно, часто вызывал Игнатьева в Кремль и требовал от него решительных мер по наведению порядка в МГБ. Речь, конечно, шла о продолжении репрессивной политики и новых арестах. Семен Денисович как-то при встрече в доверительной беседе сказал мне, что совершил большую глупость. Под влиянием беседы со Сталиным, а затем под нажимом старшего следователя МГБ СССР М.Д.Рюмина написал в докладной записке по итогам проверки деятельности Абакумова о возможности существования нескрытой террористической группы среди медицинского персонала. С тревогой в голосе он поведал о том, что, назначая его министром, Сталин наемкнул:

— Вот вы, товарищ Игнатьев, доложили после проверки работы МГБ о вероятности существования террористической группы среди врачей. Теперь вам и карты в руки. Надеемся, что вы террористическую группу раскроете.

Игнатьев таким образом оказался связанным по рукам и ногам. Очувтившись в водовороте провокации, он взвалил на себя задачу отрабатывать для Сталина это грязное дело, имея на руках всего лишь разоблачительное письмо врача центральной кремлевской больницы Лидии Тимошук на имя начальника сталинской охраны генерала Власика о существовании группы врачей-убийц. Письму дан ход, автор его награжден орденом Ленина, с текстом уже ознакомились некоторые близкие к Сталину члены Политбюро. Кстати, Н.С.Хрущев в своих мемуарах вспоминает, как знакомил его Сталин с этим письмом. Таким образом, уже на этой стадии постепенно готовилось общественное мнение о существовании законспирированной террористической группы среди врачей.

Словом, маховик раскручен, многочисленные аресты врачей начались. Министр в этом деле дал полный простор и самостоятельность действий своему заместителю, мастеру провокаций М.Д.Рюмину.

Впервые сообщение ТАСС об аресте «врачей-вредителей» радио передало 13 января 1953 года. Вот его текст:

«Некоторое время тому назад органами госбезопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М.С., врач-терапевт; профессор Коган Б.Б., врач-терапевт; профессор Егоров П.И., врач-терапевт; профессор Фельдман, врач-отоляринголог; профессор Этингер В.Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А.М., врач-невропатолог; Майоров Г.И., врач-терапевт. Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье...

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А.Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт, назначали противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим, и тем самым умертвили товарища А.А.Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А.С.Щербакова, неправильно применили при его лечении сильнодействующие

лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти.

Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского, маршала Говорова, маршала Конева, генерала армии Штеменко, адмирала Левченко. Однако арест расстроил их злые планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи, ставшие извергами рода человеческого, растоптавшие священное знамя охраны здоровья и осквернившие честь деятелей науки состояли в наемных агентах иностранной разведки. Большинство участников террористической группы (Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и др.) были связаны с международной еврейской сионистской националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания международной помощи евреям других стран. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность, в т.ч. в Советском Союзе...

Арестованный Вовси признался, что получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР», от сионистской организации «Джойнт», через врача Шимелова и известного еврейского буржуазного националиста Михозлса...

Участники террористической группы Виноградов, Коган оказались давними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время».

Как видит читатель, большинство арестованных врачей были лицами еврейской национальности. Сообщение вызвало огромную тревогу и беспокойство в стране. Никто не мог предсказать, что последует за этими действиями органов безопасности. Всколыхнулась волна подозрительности в отношении медицинских работников. Посыпались многочисленные жалобы на подозрительно плохое лечение. В то же время большинство народа поняло, что это очередная фальсификация — откуда бы взялись в одном уголовном деле столько шпионов.

Сейчас я с благодарностью вспоминаю слова моего коллеги по Управлению Николая Алексеевича Ляпунова, который, найдя удобный момент, сказал:

— Виктор Иванович, вы новый человек, не пачкайте руки, не участвуйте в арестах, мои руки уже измазаны этой грязью, сделаем это без вас.

И они это делали.

В этот период Управление провело несколько важных мероприятий. В один из дней от начальника Второго главного управления МГБ генерал-лейтенанта П.В. Федотова нам стало известно, что ночью американцы переправили самолетом через границу в район Подмосковья диверсионную группу и сбросили ее на парашютах. В составе этой группы находился наш агент, внедренный в период войны в немецкую разведывательную школу. Американцы во время разгрома немцев на территории Германии использовали возможности этой школы, подготовленных в ней диверсантов против нашей страны.

Агент сообщил, что диверсанты приземлились удачно, шпионское снаряжение и оружие закопали в лесу и теперь уже находятся в Москве. Он указал, в какое время они появятся на улице 25 Октября, около аптеки. Задача наших сотрудников — по приметам обнаружить на улице в потоке людей эту группу и захватить ее. Все прошло, как по расписанию, диверсанты были в разгар дня нами захвачены. Ошеломленные неожиданной встречей с чекистами, они даже не оказали никакого сопротивления. Вскоре было найдено все их шпионско-диверсионное снаряжение и доставлено в Москву.

До последнего времени в зале чекистской славы в Центральном клубе госбезопасности демонстрировалось захваченное в ходе этой операции шпионское снаряжение. Меня удивила только одна деталь. Оказывается в ожидании захвата, от аптеки на улице 25 Октября на удалении друг от друга тянулась цепочка оперативных работников, вплоть до четвертого подъезда здания МГБ, а затем по коридорам до приемной министра, где находился генерал Федотов, который, получив сообщение о задержании диверсантов, немедленно доложил об этом министру.

Я воочию убедился, что между подразделениями КГБ существует непримиримое соперничество. Придавалось большое значение тому, кто быстрее доложит руководству важное сообщение. Надо было быть на виду. В этой операции участвовали сотрудники Управлений разведки, военной контрразведки, Второго глав-

ного управления и Седьмого управления. Так что делал это генерал Федотов продуманно и лавры победителя достались ему.

Где-то в начале 1952 года, перед XIX съездом партии сотрудник управления охраны Кремля Журавлев проговорился о своем замысле совершить террористический акт против Сталина. Он сразу же скрылся. Проводился его активный розыск. В один из дней сотрудники нашего Управления установили местонахождение Журавлева в одной из квартир дома на Арбате, мимо которого почти каждый день следовал на автомобиле Сталин к загородной даче в Кунцево. На место срочно выехали начальник отдела Г.П. Бутенко и его заместитель М.Д. Боровлев. Они решительно, оперативно и грамотно задержали Журавлева. При осмотре квартиры обнаружили две боевые винтовки.

Можно привести и другие важные оперативные мероприятия, повседневные в деятельности чекистов.

Меня очень беспокоило Отделение арестов и обысков, находившееся в составе Управления. На его работе лежало неизгладимое пятно горя и несчастий невинно арестованных людей. Возглавлял это отделение из семнадцати сотрудников, полковник Петр Михайлович Шепилов — пожилой человек, всегда молчаливый, угрюмый. Ходил он тихо, сгорбившись, шаркающей походкой, как будто на плечах его висел непомерно тяжелый груз. Руки у него всегда были в карманах, под мышкой большая в красном переплете книга с ордерами на обыски и аресты. Даже руководству Управления запрещали знакомиться с содержанием этой книги. Оперативные работники министерства знали, что если Шепилов шел с книгой в сторону кабинета министра или его заместителя, курирующего следствие, значит сегодня будут аресты, обыски, плач и горе людей.

Как-то ко мне зашел один из сотрудников этого отделения. Он был явно пьян и имел вид ненормального человека.

— Я хочу познакомиться с вами, новым человеком, — сказал он.

Я попросил этого сотрудника присесть к столу и сказал, что готов его выслушать. Говорил он недолго, основная мысль заключалась в том, что он очень любит свою работу, ему нравится ходить ночами по квартирам, участвовать в обысках и арестах. Я перебил рассказ:

— Помилуйте! Как можно любить такую мерзкую работу, видеть чужое горе, слышать плач детей, рыться в грязном белье, ведь это приходится делать по нужде, выполнять предписанный ордер.

Он неожиданно замолчал, диким взглядом посмотрел на меня, встал и, оглядываясь, вышел из комнаты. Как мне затем рассказали, работавшие с ним сотрудники, он участвовал в расстрелах осужденных, стал психически ненормальным, очень много пил даже на работе. На него просто прекратили обращать внимание.

Вскоре Отделение обысков и арестов в полном его составе из Управления изъяли и передали в следственную часть министерства. Я был очень доволен таким исходом дела.

Горькая судьба постигла П.В. Шепилова. Он был уволен на пенсию, жена у него умерла. Шепилов остался один на целом свете. Где-то в начале 80-х годов, когда я уже работал начальником Московского управления госбезопасности, Шепилов дважды приходил ко мне на прием, это был уже глубокий старик. Он говорил, что одинок в этой жизни, все от него отвернулись, у него нет ни родных, ни знакомых, и он хочет застрелиться. Я ответил ему:

— Петр Михайлович, принять такое решение дело ваше, сугубо личное, но делать это не рекомендую, надо набраться мужества и до конца жизни нести свой крест.

Я попытался подбодрить его, напомнив, что он очень многое знает из прошлой своей работы и мог бы написать свои воспоминания. Я даже прикрепил с этой целью к нему в помощь двух сотрудников, но он вскоре умер. Когда зашел вопрос о его наследстве, сразу же нашлись и родные, и близкие, и знакомые.

В служебную работу я входил довольно быстро, подходил к делу все более профессионально. Труднее было вписаться в новый, более сложный и утомительный ритм. Утром работу начинали в 10.00 — 10.30, затем в 17.00 — перерыв на обед, примерно до 19.00. За это время удавалось поспать и затем вновь работа до двух-трех часов ночи. И так каждый день, иногда и в воскресенье. В ночные часы работоспособность падала, сотрудники больше ходили по кабинетам знакомых руководящих работников.

Такой распорядок рабочего времени существовал во всех партийных органах и государственных учреждениях, хотя и не

был узаконен. Его практически приспособляли к стилю работы Сталина, который работал по ночам, а за ним все члены Политбюро и нижестоящие работники. Такой распорядок буквально изматывал людей, не вызываясь практически никакой необходимостью.

Известен такой случай, связанный с Н.С. Хрущевым. Будучи секретарем МК и МГК КПСС, он как и все другие члены Политбюро, работал до поздней ночи. Вынуждены были так поступать и все руководящие работники аппарата обкома и горкома партии, советских и хозяйственных органов Москвы и области. Где-то к полуночи они часто позванивали по телефону в приемную Н.С. Хрущева и задавали один вопрос — «сидит?» Получив ответ, что хозяин еще на работе, раздосадованные клали трубку. Узнав про это, Хрущев в один из поздних вечеров переключил телефон из приемной на себя. Ночью, подняв трубку звонившего телефона и услышав вопрос — «сидит?» громко ответил — «сидит! сидит!» Абонент, услышав голос Хрущева, быстро положил трубку. С тех пор вопросы в приемную стали задавать более изобретательно.

Возник подобный казус с ночной работой и у меня. В конце июня 1953 года, где-то около трех часов ночи, я приехал с работы на дачу в поселок Болшево. Только приготовился ко сну, зазвенел телефон, говорили из приемной заместителя министра Масленникова. Он срочно вызывал меня к себе. Пришлось возвращать отпущенную машину и где-то в половине пятого утра я прибыл в приемную генерала армии И.И. Масленникова, которого на работе уже не было. Я расстроился, позвонил ему по правительственному телефону на квартиру и доложил, что явился по вызову. Масленников спросонья ответил:

— Не помню, по какому вопросу вас вызывал.

Сказал еще что-то невнятное и положил трубку. Было около шести часов утра, возвращаться на дачу смысла не было, и я приступил к работе.

Я взялся за трудное дело написать книгу о деятельности органов госбезопасности. Это довольно сложная задача, и я отчетливо сознаю, что она вряд ли в полной мере может быть решена одним человеком. Слишком многогранна деятельность органов госбезопасности, как и сама политика, в сфере которой она протекает. Менялась политика, изменялись стратегия и тактика органов безопасности, приемы, формы и методы их работы, лишь

вечно живой оставалась история органов государственной безопасности, стоявших на защите интересов нашего Отечества. За этой историей тянется длинный шлейф героических дел и черного дыма позора. Таков тяжелый удел чекистов, держащих в руках щит и меч, так было, так есть, так, видимо, и будет.

Нельзя оправдать позора преступлений и произвола сталинского правления, его может смыть только торжество закона, правды и справедливости, но неоспоримо и то, что деятельность органов госбезопасности обязательно кому-то, какой-то части населения была не по нутру, ненавистна, неприемлема. Ведь вот какой парадокс в жизни бывает: несколько лет тому назад определенные действия людей считались по закону, по статьям уголовного кодекса тягчайшим преступлением перед государством, чекисты, оберегая интересы государства, привлекали таких людей к ответственности на законном основании. Но вот прошел относительно небольшой срок, появились новые законы, такие действия людей не стали наказуемы, наоборот, лица, их когда-то совершившие, стали героями, а чекисты — виноватыми. Для журналистов такие ситуации становятся хлебом насущным, на чекистов же льются потоки грязи.

Ну как тут не вспомнить народную байку. Приходит домой подвыпивший муж, спрашивает жену: «Марья, ты меня боишься?» «Боюсь, Иван», — говорит жена. «Ах так, ты меня боишься, что я тебе, зверь, что ли», — и побил жену. Через некоторое время вновь спрашивает: «Марья, так ты меня боишься?!» — «Нет, Иван, не боюсь, что ты зверь, что ли.» «Ах, так ты меня не боишься?» — и опять побил жену. В таком положении оказались чекисты перед историей, о них больше говорят плохое, чем объективно оценивают их деятельность.

Работа в органах государственной безопасности дело политическое, государственное. Ты должен отдавать себе отчет, какой политике, какому общественному строю служишь. Меняется строй, приходит новая политика, но вечной задачей чекистов остается — верно служить Родине, беречь Отечество.

Задачи, решаемые органами государственной безопасности, обширны, многогранны. Основные направления политической и оперативной их деятельности определяются законами и положениями. Политическое направление работы — это вопросы внешней и внутренней политики государства, на которые нацелены

аппараты внешней разведки (за границей) и контрразведки (внутри страны). В сфере деятельности разведки и контрразведки оценивается положение дел, определяется оперативная обстановка, разрабатываются планы действий, утверждаются структура и штабы оперативных подразделений, средств обеспечения оперативной деятельности, и, в первую очередь, решается задача подбора и расстановки профессионально подготовленных кадров. Эти положения действуют во всех оперативных подразделениях госбезопасности с учетом специфики их работы.

С большим вниманием осваивали эти азы мы, новички, по приходу на работу в министерство госбезопасности. Не последней задачей стало изучение помещений огромного здания на площади Дзержинского 2. Надо было знать, где располагается руководство министерства, каждого из подразделений. А ведь коридоры здания протянулись на несколько километров.

Для нас, новобранцев-чекистов, но людей уже достаточно знающих жизнь, стали быстро выявляться серьезные недостатки в кадровой работе. Большинство оперативных работников не имело даже среднего образования, литературу читали мало, театр посещали редко, имели низкий культурный уровень. Таким, что ни скажешь, все сделают. Я убедился в этом на практике своей работы.

Вскоре руководить кадровой работой в министерстве государственной безопасности пришел Алексей Алексеевич Епишев, бывший первый секретарь Одесского обкома партии. Это нас воодушевило. Мы знали его по военной и партийной работе как крупного организатора, принципиального человека, хорошего, внимательного товарища.

Чтобы иметь сильные органы госбезопасности, необходимы грамотные люди, которые кроме общего образования имели бы надежную профессиональную подготовку. Такая линия в работе была министерством принята. Мы требовали от сотрудников своих подразделений завершения среднего образования, а затем обосновали твердое требование: лица, работающие с агентурой, должны обязательно иметь высшее образование.

Приведу некоторые данные о кадрах. Среди личного состава Седьмого управления, в котором мне довелось работать, только восемь процентов имели среднее образование.

Вспоминаются прямо-таки анекдотичные случаи. Работал у нас довольно почитаемый и уважаемый начальник отдела полковник Г.П.Бутенко. Я как-то ознакомился с его личным делом и обнаружил интересную деталь. Он работал в органах более двадцати лет. Когда поступал на службу, писал в анкете, что у него образование три класса начальной школы. Через пять лет в очередной анкете он уже писал, что закончил семилетку, через следующие пять лет указал на наличие среднего образования, а в последней его анкете значилось, что у него незаконченное высшее. Я решил побеседовать с ним.

— Как же так получилось? — спросил я.

Он спокойно ответил, что здесь нет ничего удивительного:

— Я жил, трудился и рос, стал умнее, начитаннее, вот я по мере своего роста и определял себе степень общеобразовательной подготовки.

Трудно такому человеку было возразить. Формально он, безусловно, был не прав, а по существу жизнь действительно делала его более образованным. Вскоре, выслужив 25 лет, он ушел в отставку.

Примерно такой же образовательный уровень имели и другие начальники отделов. Но это были честные, трудолюбивые люди, в основном фронтовики, война не дала им возможности получить в свое время образование. Правда, многие из них без отрыва от работы учились в вечерних школах и заочных отделениях ВУЗов, получая среднее и высшее образование.

Моя работа в Седьмом управлении продолжалась. Я начал осуществлять серьезные меры по совершенствованию оперативной деятельности сотрудников, как в сфере оперативного поиска, так и в агентурной работе. Серьезно занялся совершенствованием оперативной техники. Ее было много, но к сожалению она отражала уже прошлый день и в ряде случаев оказалась просто примитивной. Пришлось принять участие в разработке технических заданий на создание новой техники. В этот период я познакомился с очень талантливым инженером Скворцовым, человеком из плеяды ранее арестованных специалистов, находившихся вместе с другими в известной «шараге», описанной в книге Солженицина. После освобождения его оставили работать в органах госбезопасности в качестве вольнонаемного специалиста.

Не скрою, мои усилия в развитии и совершенствовании оперативной техники со временем дали свои положительные плоды, были созданы и внедрены в работу уникальные образцы оперативной техники, значительно расширившие возможности в нашей чекистской работе.

Конечно, не все у меня на первых порах шло гладко. Возникали серьезные проблемы. Работа для меня новая, слабо знал я свои кадры, и их возможности, не хватало профессионализма, особенно в вопросах оперативной техники, медленно шло ознакомление с теми оперативными подразделениями, с которыми осуществлялось взаимодействие. Замечал я за собой и другие недостатки. Это, наверное, естественно для человека, познающего новое для себя дело. Я понимал свои просчеты и старался быстрее их устранить.

Важное направление моей служебной деятельности в этот период — участие в охране руководителей партии и правительства, в основном И.В. Сталина. Мы эту работу проводили совместно с Управлением правительственной охраны. По приказу Деятого управления осуществляло личную охрану в служебных помещениях и местах жительства, наше — на улицах, особенно при проведении массовых мероприятий. Я много раз видел Сталина с близкого расстояния, иногда находился буквально рядом (в смотровой ложе домика на Тушинском аэродроме во время авиационного парада, во время празднования годовщины Октябрьской революции в Большом театре), но лично с ним никогда не разговаривал. Как-то раз мы с женой находились близко от Сталина, в ложе, непосредственно примыкающей к сцене. Удивился тому, что Сталин на портретах выглядит солидным, представительным, впечатляющим, а на самом деле он был невысокого роста, сутуловатый, с лицом покрытым щербинками. Видел я Сталина на небольшом расстоянии и на Красной площади во время празднования 7 ноября в 1951 и 1952 годах.

Постепенно я втягивался в общественную жизнь. Весной 1952 года состоялась конференция парторганизации министерства, на которой я выступал по отчетному докладу парткома. На этой же конференции был избран членом парткома. Секретарем партийного комитета министерства стал Аставин Сергей Тимофеевич, умный и толковый партийный работник.

Мы в парткоме понимали, коль ЦК партии отметил серьезные недостатки и даже извращения, нарушения законности в работе министерства, то естественно главной задачей надо было считать мобилизацию коммунистов на устранение всего того, что мешало работе. Но на этом пути вставали серьезные трудности. Как только приступали к изучению того или иного вопроса, руководители подразделений, ссылаясь на конспирацию, старались утаить многие важные моменты. Конечно, конспирацию следовало соблюдать, но одновременно приходилось находить формы и методы борьбы с нарушениями законности в этих специфических условиях.

Я был членом партийного комитета министерства госбезопасности более восемнадцати лет, поэтому считаю себя вправе заявить, что несмотря ни на какие уловки служб, новые формы работы мы внедряли и имели возможность с пользой для дела влиять на ход оперативной деятельности.

Система оперативной работы безусловно являлась прерогативой начальствующего состава, каждого на своем направлении, ибо она исходила из общей линии руководящего начала в министерстве, из общей государственной политики. Но мы считали, что партийная организация обязана знать содержание проводимой работы и уровень деятельности того или иного подразделения, их недостатки, чтобы своевременно направлять усилия коммунистов на их устранение.

Все понятно в общих чертах и рассуждениях, но как докопаться, например, до того, как работают коммунисты аппарата «Особого совещания» — ведь нарушения законности идут главным образом от него. «Особое совещание» — святая-святых, место, куда посторонним даже взглянуть строжайше запрещалось. Но мы решили пойти на риск и ознакомиться с работой его парторганизации, тем более, что обстановка сложилась благоприятная. Министр С.Д. Игнатьев начинания парткома поддерживал, а у нас намерения были вполне законные.

Секретарь парткома С.Т. Астафин поручил эту работу выполнить мне. Стояла середина 1952 года, как раз накануне съезда партии. «Особое совещание» размещалось в нескольких комнатах. Штат его был небольшим, в составе парторганизации насчитывалось всего тринадцать коммунистов, в основном женщин, возглавляемым Пожарской. Я долго разыскивал комнаты

«Особого совещания» — все, к кому не обращался отвечали незнанием, — но все же отыскал укромно расположенные комнаты этого чудовищного порождения времени.

Состоялась беседа с Пожарской — простая, откровенная. Она рассказала, что так называемые заседания «Особого совещания» вел один или реже два заместителя министра государственной безопасности, уполномоченные на то министром. «Заседание» слово условное, так как чаще всего участвовал в нем один человек. Руководителю «заседания» вручался проект протокола, в котором приводились очень краткие данные на обвиняемых. За каждой порядковой цифрой следовала фамилия, имя, отчество, год рождения, формулировка обвинения и мера наказания. Обвиняемые на «заседании» «Особого совещания» не присутствовали. Существовали, как правило, три меры наказания: ВМН (расстрел), десять лет лагерей или пять лет ссылки. Пожарская показала мне один из таких «Протоколов», где определялись меры наказания, которые на данное время уже привели в исполнение.

«Протокол» имел вид тетради размером в развернутый машинописный лист. Каждый лист изготовлен типографским способом. После заполнения машинописного текста листы укладывались в мягкую обложку серого цвета. Текст расположен в длину листа. Слева по вертикали пробиты два отверстия, через которые вложенные в папку листы завязывались шнурком. Все — для удобства пользования.

В конце протокола не были указаны должности лиц, его подписавших. «Особые совещания» проводились по предварительно установленным дням, в зависимости от поступивших дел для рассмотрения. Собственно не дел, а лишь заключений, подписанных руководителями местных органов КГБ или подразделений центрального аппарата. В заключении кратко излагалась суть преступления обвиняемого, решение о направлении дела на «Особое совещание» и предлагаемая мера наказания. Ведущий заседания имел право изменить эту меру.

Сотрудники аппарата «Особого совещания» обеспечивали подготовку протоколов заседаний. Они работали по территориальному принципу: за каждым закреплялись местные территориальные органы госбезопасности. Эти сотрудники готовили протоколы вместе с представителями местных органов госбезо-

пасности, приезжавших в Москву с делами, и они же затем докладывали их на заседании «Особого совещания», на котором присутствовали ведущий заседания, докладчик и территориальный куратор.

На каждом заседании рассматривалось, как правило, от тридцати до сорока дел. Все упрощали до предела. Это была настоящая «мельница смерти». Я слушал рассказ Пожарской с чувством омерзения и ужаса. Мне показалось, что секретарь парторганизации старалась специально рассказать мне как можно больше, так как иного случая поведать об их страшной работе могло больше и не представиться.

Пожарская показала мне и один из «протоколов-тетрадей» по уже законченному заседанию «Особого совещания».

Я, естественно, не запомнил значившихся там лиц, но одна фамилия врезалась мне в память на всю жизнь. В протоколе значилось: Рычагов (это был известный летчик, дважды Герой Советского Союза). Антисоветская деятельность, мера наказания — расстрел. Всего несколько слов, а человека не стало. Внизу «протокола» стояла единственная подпись — «И. Серов».

С тяжелым чувством я закончил беседу с секретарем парторганизации. Пожарская рассказывала обо всем спокойно, как об обыкновенном, привычном деле. Сотрудники этого аппарата работали по многу лет, их не меняли, они привыкли к тому, что происходило с их участием, стали послушными работниками «машины смерти».

Мы с секретарем парткома Сергеем Аставиным решили, об этом ознакомлении с работой парторганизации «Особого совещания» никому не рассказывать и вопрос закрыть. Ворошить такое «черное» дело нам не под силу. Если бы об этом узнал Сталин, нам, видимо, не поздоровилось бы.

В октябре 1952 года состоялся XIX съезд ВКП(б). Событие исключительное, так как партийных съездов не было с довоенных лет. Съезд проходил в большом зале Кремлевского дворца. Мне посчастливилось присутствовать на нескольких заседаниях, слушать выступления делегатов.

Сталин был уже серьезно болен. С отчетным докладом ЦК выступал Г.М. Маленков. В конце работы съезда Иосиф Виссарионович поднялся на трибуну с небольшой, но значительной по содержанию речью-напутствием, завещанием коммунистам. Я

был рад тому, что присутствовал в это время в зале, слушал речь человека-легенды. И.В. Сталин несомненно предвидел необходимость укрепления руководства партии за счет новых молодых сил, учитывал, что после выхода его из строя развернется активная борьба за лидерство в партии и государстве, за власть. На съезде избрали большую группу новых секретарей ЦК, ведающих различными отраслями работы. Руководящие кадры партии пополнились видными деятелями партии, проявившими себя в годы войны.

По всякому можно оценивать деятельность И.В. Сталина. Но никто не может опровергнуть того исторического факта, что он, претворяя на практике идеи марксизма-ленинизма, сумел повести за собой партию, коммунистов, советский народ на строительство социализма, на построение могучего социалистического государства и добился значительных результатов.

Да, у него были крупные ошибки, изъяны, за ним после смерти тянется кровавый след деспотичных действий, но нельзя не видеть, что все это в основном касалось верхушечной части общества, где велась сложная борьба за власть. В современной борьбе идей, а она ведется в самых широких формах, я уверен, слишком преувеличены издержки социалистического строя и ошибки Сталина. И. В. Сталин совмещал в своем облике двоякий образ. С одной стороны, — жестокий инквизитор, унесший жизнь множества невинных людей, с другой, — видный идеолог и организатор государственного строительства, обеспечивший переход нашей страны на новый высокий уровень. Нельзя отрицать и того, что Сталин — талантливый полководец, обеспечивший военную победу над фашистской Германией.

Борьба за власть, уходящая в прошлое истории человечества, всегда сопровождалась кровавыми последствиями. Гибли государства от меча Александра Македонского, короли добывали ее ценой потоков крови. Революциями и восстаниями, кровавыми гражданскими войнами полна история народов, правлений диктаторов, тиранов, властелинов. Гитлер в борьбе за власть уничтожил многие миллионы людей. А разве нынешние лидеры «российской демократии» ведут себя по иному. Разве расстрел из пушек Российского парламента не акт кровавых репрессий, да таких, каких еще не знала история. Разве правители так называемых развитых капиталистических стран не умерщвляют голодом

миллионы людей в странах третьего мира, грабя их народное достояние.

Меняются формы и методы борьбы за власть, но она была, есть и будет пока существуют антагонистические классы, пока богатеи распоряжаются судьбой бедных.

Сталин, к тому же, был, безусловно, больным человеком. Именно болезнь, как мне думается, усилила в нем черты деспотизма, закулисного интригантства, восточной хитрости и коварства. Она породила в нем опасную для политического деятеля подозрительность к людям. В руководстве Политбюро Сталин действовал не вместе с его членами, а командовал ими, а те вели себя послушно. Он применял жестокие меры к своим товарищам по руководству партией. Сталин требовал от всех людей государства, в том числе от членов Политбюро ЦК, неуклонного выполнения его воли и действий. И горе было тому, кто ставил под сомнение словом и делом его линию. Он иезуитски отлучал в чем-то провинившихся членов Политбюро от всякого общения с ним в течение длительного времени. Подвергнутых этой экзекуции Сталин не приглашал на заседания Политбюро и другие важные мероприятия, не вызывал к себе, не звонил по телефону. Они находились в полной служебной изоляции. Такие меры коснулись поочередно Молотова, Хрущева, Ворошилова, Кагановича. Сталин уничтожил брата Кагановича, подвергал ссылке жену Молотова, жену члена ЦК, министра путей сообщения Хрулева, жену сына Хрущева. Он был чрезвычайно подозрителен даже к близким ему людям. Уже после съезда Сталин неожиданно освободил от работы своих верных помощников, трудившихся с ним долгие годы — Поскребышева и Власика. Допускались им и другие, явно ненормальные поступки. Он, например, хранил лекарства только у себя, готовил их к приему только сам.

Как-то раз, уже после смерти вождя, мне вместе с другими товарищами довелось побывать на даче Сталина в Липках, что расположена на Бабушкинском шоссе. Здесь сам он бывал редко. Многое показалось мне в диковинку. Запомнился, например, очень больших размеров бильярдный стол, раза в полтора больше обычного. Мы на нем даже поиграли. Комендант дачи, работавший здесь еще при жизни вождя, рассказал нам, что однажды Сталин, проходя по переходному коридору дачи, из-под оконных занавесей увидел носки сапог. Он спокойно прошел мимо, но

приказал все занавеси укоротить на полметра. Оказалось, что работник охраны не успел уйти перед его проходом и спрятался за оконную занавеску. Комендант рассказал, что на даче был установлен такой порядок, при котором никто не мог без предварительного разрешения Сталина подойти к нему или показаться на глаза. Мы вышли на открытый балкон одноэтажной дачи. Комендант тут же заметил, что Сталин обычно после отдыха, выходя на балкон, давал знак Власику, находившемуся на удалении, подойти к нему.

К особенностям личности Сталина необходимо также отнести аскетизм, влиявший на формирование его характера. Еще работая в ЦК КП(б) Украины мне довелось не раз встречаться с секретарем ЦК партии Украины Н.С.Патоличевым. Он многое рассказывал мне о своих встречах со Сталиным, в том числе и о том, как его пригласили на обед в кремлевскую квартиру Сталина. Патоличев особенно подчеркивал скромность его жилища. Квартира небольшая, мебель старая, потрепанная. После смерти Сталина часть мебели перевезли на склад в гаражное помещение подведомственного мне подразделения. И я увидел ее собственными глазами. Мебель действительно была крайне изношена, покрытие дивана протерто до дыр.

Сталин жил одиноко. После смерти жены с детьми встречался редко. Сын Василий рос самостоятельно и отличался большими отклонениями, много пил. Сталин не получал зарплаты, с деньгами дела не имел, одевался скромно и однообразно. Запасов одежды не держал. Общался как правило в круту своих избранных соратников по Политбюро за обеденным столом на даче в нерабочее время.

В последние месяцы перед смертью И.В.Сталина особенно бросалось в глаза его болезненное поведение. Он мало кого принимал, а министра госбезопасности С.Д.Игнатьева попросту игнорировал. Лично контролировал ход расследования дела врачей, принимал с докладами заместителя министра госбезопасности Рюмина. О болезненном состоянии Сталина можно судить по воспоминаниям Н.С.Хрущева, который пишет, что Сталин однажды при нем звонил по телефону С.Д.Игнатьеву и, говоря о деле врачей, «требовал от Игнатьева — несчастных врачей надо бить и бить, душить нещадно, заковать их в кандалы...».

В министерстве дела шли из рук вон плохо, никакой уверенности в работе. В этой обстановке, через Маленкова и Игнатьева мне стало известно, что Сталин придает очень большое значение работе наружной разведки МГБ. Он дал указание подготовить этот вопрос к рассмотрению на Политбюро ЦК. Это вызывало тревогу. Седьмое управление не играло столь значительной роли в деятельности министерства госбезопасности, но указание Сталина — закон.

В министерстве подготовили докладные записки и проект постановления Политбюро ЦК: «О состоянии и мерах совершенствования деятельности наружной разведки МГБ СССР» Документы направили в ЦК партии. Там была создана комиссия во главе с Л.И.Брежневым, в состав которой вошли секретари ЦК Михайлов, Пегов, Аристов, Зимянин, министр МГБ Игнатьев и другие. Для работы в комиссии привлекли и меня. Комиссия заседала несколько раз, подготовила вопрос для доклада Сталину, но рассмотрение его так и не состоялось...

В ночь на 1 марта 1953 года у Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Каждый последующий день в печати и по радио передавались сообщения о ходе его болезни. Страна жила в тревоге и ожиданиях. 5 марта 1953 года Иосиф Виссарионович Сталин умер. Закончилась великая и вместе с тем трагическая эпоха в жизни нашего Отечества.

Глава 3

ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ

МНОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, сталкиваясь с литературными произведениями мемуарного жанра, утверждают, что их авторы субъективно излагают события и факты, преподнося их читателям в выгодном для них самих свете, стремятся показать себя людьми, игравшими важную роль в происходивших событиях. Боже упаси, чтобы такие мотивы мог уловить читатель в моих воспоминаниях. Стремлюсь изложить события и факты объективно, наиболее полно и точно, такими, какими я видел их своими глазами.

Смерть И.В. Сталина прогремела по всей планете и по нашей советской земле грозным обвалом. Ушел из жизни великий человек, совершивший эпохальные деяния — хорошие ли плохие. Его заветной мечтой было разрушить до основания ненавистный капиталистический строй, ликвидировать класс буржуазии, эксплуатирующий трудовые массы, и на его обломках построить новый социалистический строй.

Но великие дела не всегда посильны даже великим людям. Многого удалось сделать Сталину. Было создано могучее советское социалистическое государство с мощной индустрией и развитым коллективным сельским хозяйством. Быстрыми темпами шло развитие науки, культуры, образования. Но главное заключалось в том, что идеи социализма овладели умами людей, которые уверовали в справедливую, лучшую жизнь, хотя для ее достижения и придется преодолеть огромные трудности.

И.В. Сталин не только идеолог социализма, но и талантливый организатор. Он вел за собой трудящихся на труд и смертный бой. Сталин сумел поднять страну на смертельную схватку с немецким фашизмом, на разгром гитлеровских орд, вторгшихся на нашу землю. Под его руководством страна одержала великую

Победу над гитлеровской Германией. Она сумела быстро залечить раны, нанесенные войной, восстановить экономику, доведя ее до довоенного уровня. Дважды снижались цены на промышленные товары и продукты питания. Жить стало легче.

В связи со смертью И.В. Сталина, люди вспомнили все то хорошее, что он сделал для советского народа и могучего лагеря социалистических стран, возникших после войны. Но вспомнили также и жестокие меры, которые он применял, руководя огромной страной — репрессии, массовые депортации народов страны, проводившиеся с грубым нарушением законов, с особой жестокостью и бесчеловечностью.

Надо сказать, что население более объективно подходило к оценке репрессивных действий И.В.Сталина, чем политические силы, приходившие к власти в последующее время. Для утверждения своей власти они всячески преувеличивали грехи Сталина, хотя были сами по горло замешаны в этих преступлениях. Ведь было уже широко известно, что репрессии Сталина коснулись главным образом партийных кадров, чиновничества разных рангов, видных представителей интеллигенции, военных кадров, несогласных с политикой Сталина. Рядовых рабочих, колхозников, массы интеллигенции и служащих репрессии в основном коснулись при проведении раскулачивания и депортаций.

Однако и в этом случае депортация иногда проводилась в связи с жесткой государственной необходимостью. Например, переселение немцев Поволжья было в какой-то степени оправдано. Шла жестокая война, немецкие войска подошли к Москве, к Волге и почти два миллиона немцев, находящихся на территории автономной республики немцев Поволжья, на берегу Волги в районе Саратова, безусловно представляли опасность.

В июле 1942 года, когда развернулись кровопролитные бои в Сталинграде, я побывал в городе Энгельсе, столице республики немцев Поволжья, где в это время дислоцировалась партизанская школа украинского штаба партизанского движения, и убедился на месте, что выселение немцев проводилось вполне своевременно.

Совсем по-другому обстояло дело с выселением калмыков, чеченцев, крымских татар и других народов в 1944 году, когда фронт покатился на Запад и немцы повсюду отступали. Здесь следовало, конечно, повнимательнее разобраться в обстановке и тщательнее выявлять лиц, которые действительно проявили себя

как предатели нашей Родины, сотрудничая с немцами. В связи с массовым выселением народов этих республик и ликвидацией их автономии пострадало и немало невинных людей.

При всем том не следует забывать, что шла война, которая требовала жестких мер по обеспечению безопасности тыла нашей Родины. Надо объективно оценивать ход событий, и давать справедливую оценку проводимых государством мер. В истории многочисленных войн между народами известно применение и более жестоких мер, чинимых военными властями во имя победы над своими противниками.

Сталин умер. И сразу же вышли наружу затаенные мысли и суждения о действиях этой легендарной личности. В верхних эшелонах развернулась борьба за власть. Сотрудники министерства государственной безопасности внимательно наблюдали за обстановкой в стране. Министр госбезопасности С.Д. Игнатьев, его заместители и руководители оперативных управлений министерства собирали и тщательно анализировали всю поступающую информацию. Сложность состояла в том, что Игнатьев к этому времени уже не пользовался авторитетом в руководящих кругах, практически очутившись в изоляции. Он имел выход только на Г.М. Маленкова.

А знать, кто придет к власти, встанет во главе партии и государства, каковы окажутся первые его шаги, что станет с силовыми структурами государства — нам было необходимо.

Будучи хорошо осведомлены о коварстве и жестокости Л.П. Берии и его сподвижников, затаившихся до поры до времени в разных властных структурах, и ясно себе представляя, что в случае прихода этой команды к власти, кровавая трагедия в стране может повториться в более широком масштабе, мы постоянно оставались на чеку.

В эти тревожные дни в Москве и по всей стране проходили траурные церемонии. Смерть И.В. Сталина повергла советский народ в смятение и отчаяние. Нескончаемым потоком тянулись люди по Большой Дмитровке к Дому Союзов, где для прощания установили гроб с телом вождя. Люди шли молча, с лицами, полными горя и скорби, многие плакали. Желавших проститься оказалось так много, что организованный поток движения нарушился. Люди пытались прорваться к центру города всякими возможными путями. Центр города, подходы к дому Союзов оцепи-

ли наряды войск и милиции. Толпы пытались прорваться через перегороженные машинами улицы. В ряде мест возникла давка, упавших топтали ногами. Называлась цифра погибших — около двухсот человек.

В каком тяжелом психическом состоянии находились люди мне лично пришлось наблюдать на Новой площади. Будучи ответственным дежурным по министерству госбезопасности, я наблюдал с пятого этажа здания министерства, как толпа людей в несколько тысяч человек двигалась в сплошном круговороте. Люди шли и шли, даже не ощущая того, что они не продвигаются вперед. Невыносимо тяжело было мне видеть все это.

Каждый траурный день нескончаемым потоком шли к гробу вождя советские люди и прибывшие из-за границы многочисленные делегации, возлагая венки и цветы в память о И.В. Сталине. Шли делегации заводов и фабрик, сельских районов, партийных и советских организаций, деятелей науки и культуры, трудящиеся столицы.

С Лубянской площади вышла делегация министерства государственной безопасности с венком, на ленте которого значилось: «И.В. Сталину от сотрудников государственной безопасности страны». В составе делегации — члены Коллегии МГБ и партийного комитета министерства, в том числе и я. С глубокой скорбью возложили мы венок к гробу руководителя партии и государства, а потом стояли в почетном карауле, прощаясь с легендарным человеком. Я стоял в карауле трижды, видел неподдельную скорбь проходивших мимо гроба людей. Рядом с помещением, где мы готовились к выходу в почетный караул, находилась комната для членов Политбюро. Они постоянно сменяли друг друга в Доме Союзов.

У меня до сих пор в память о тех незабываемых днях сохранился именной пропуск № 1142, выданный для прохода на Красную площадь «на похороны Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС, генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина». На Красной площади я стоял на левой трибуне. В полдень показалась похоронная процессия, двигавшаяся от дома Союзов к Кремлевскому спуску.

Кругом стояла тишина, лишь слышались надрывные звуки траурных мелодий. Вот процессия поравнялась с трибуной, впереди нее на расстоянии пятидесяти — семидесяти метров шел

заместитель министра внутренних дел Иван Александрович Серов, за ним — генералы, которые несли на красных подушечках правительственные награды Сталина, затем показалась автомашина с орудийным лафетом на прицепе, где стоял гроб с телом И.В. Сталина, закрытый сверху стеклянным колпаком. На гранитной лицевой панели Мавзолея, куда должны были внести гроб, уже были слова: «ЛЕНИН — СТАЛИН»^{*}.

За гробом следовали члены Политбюро ЦК КПСС и дети Сталина: Василий и Светлана. За ними — видные работники партии и государства, руководители иностранных и других делегаций. Гроб с телом Сталина поставили на постамент перед входом в Мавзолей. Через несколько минут состоялся траурный митинг. С речами выступили Л.П. Берия и другие члены ЦК и правительства. Затем гроб внесли в Мавзолей. Прогревели орудийные залпы, чеканным шагом прошли войска.

В один из дней после похорон делегация МГБ СССР посетила Мавзолей Ленина — Сталина. Мы вновь увидели прах незабвенного основателя советского государства, а рядом с ним — И.В. Сталина. Молча прошли мы мимо скорбных гробов, низко поклонившись великим людям. И вместе с тем я испытывал чувство какой-то неловкости, несправедливости. Да, эти великие люди стояли у истоков революционной борьбы в России, руководили пролетарской революцией, возглавляли Коммунистическую партию, советское государство, и в то же время они принадлежали к разным эпохам, действовали на разных этапах развития страны и по-разному видели пути ее развития. Сталин внес огромный положительный вклад в строительство социализма, но вместе с ним в Мавзолей потянулся шемящий душу кровавый след массовых репрессий и гибели невинных людей. Рядом с Лениным Сталин не мог лежать в Мавзолее, это было и неестественно и несправедливо.

Не стало Сталина. Казалось в государстве образовался вакуум политической власти. Довольно широко было известно о недружелюбных отношениях между членами Политбюро, происходившем между ними соперничестве. Все задавали вопрос — что

^{*} Панель была изготовлена на Долгопрудненском камнеобрабатывающем заводе, куда и возвращена после выноса из Мавзолея тела Сталина и захоронения его в могиле.

же будет дальше, как образуется жизнь страны, кто придет к власти?..

Было трудно представить, кто может заменить вождя. За тридцатилетний срок сталинского руководства страна из нищей и отсталой превратилась в великую державу мира. Наш народ сердцем поверил в идею социализма, лелеял мечту о будущей счастливой обеспеченной жизни. Жили трудно, порой голодали, ходили полураздетые, но были полны оптимизма, пламенного энтузиазма, выражавшего терпение и силу в преодолении всех трудностей.

Люди верили в Сталина-вождя, руководителя советского социалистического государства. Его слова не расходились с делами. Он крайне редко выступал с докладами, речами, статьями или давал интервью в печати. Сталин не выскакивал из машины, демонстрируя показную связь с народом, его называли «кремлевским затворником». Но он знал жизнь людей, настроения масс, поэтому каждое его слово было в цель, западало в души, с энтузиазмом воспринималось, высоко ценилось. В народе знали — если Сталин сказал, то это будет сделано. В апреле 1988 года в прессе появилась статья, в которой справедливо указывалось: «оставаясь на позициях исторической правды мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбе за социализм, защиту его завоеваний, так и грубые политические ошибки, произвол, допущенные им и его окружением, за которые наш народ заплатил великую цену и которые имели тяжелые последствия для жизни нашего общества». Никакие политические выверты не сотрут в памяти народной это великое имя. Он звал народ к справедливой жизни при социализме, к народной власти и лучшей доле.

Большинство трудового народа в полной мере теоретически не сознавали, что такое социализм, и принимали его как синоним будущей хорошей жизни людей труда, когда все будут жить в достатке, без эксплуататоров, будет народная власть, духовная свобода, поэтому люди были решительно за социализм, активно участвовали в строительстве нового социалистического общества.

И вот теперь вставал вопрос — кто поведет страну вперед, кто может справиться с задачей руководства партией и государством. Важно было сохранить могучий социалистический лагерь, дружбу народов нашей страны, социалистический патриотизм,

коллективизм в жизни народов, как основы нашего общества. СССР стал могучей державой мира, обеспечившей себе в военном отношении твердый паритет среди капиталистических государств во главе с США. На новом этапе нужен был новый авторитетный лидер страны и профессиональное ядро руководителей.

Еще шли траурные дни, а за кулисами событий наследники Сталина вели активный сговор о расстановке все тех же членов Политбюро на руководящие посты партии и государства. В конце концов первым секретарем ЦК КПСС утвердили Никиту Сергеевича Хрущева, председателем Совета министров СССР Георгия Максимилиановича Маленкова, остальные члены Политбюро практически сохранили свои прежние государственные посты, а некоторые получили дополнительные должности. К.Е. Ворошилов оставался председателем Президиума Верховного Совета СССР, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Л.П. Берия, А.И. Микоян продолжали выполнять свои прежние обязанности заместителей председателя Совета министров СССР. Одновременно В.М. Молотов оставался министром иностранных дел СССР.

Именно вокруг названных членов Политбюро и развивались главные события. Каждый из них, как показало время, на случай прихода к власти, на ключевые партийные и государственные посты за кулисами готовил свои команды.

Руководящее звено министерства государственной безопасности очень интересовал вопрос, кто же будет возглавлять силовые структуры государства. Совершенно очевидно, что тот, кто окажется способным оказывать на них решающее влияние, тот и сможет стабилизировать обстановку в руководящем звене партии и государства, обеспечить твердое руководство страной. Чекисты центра хорошо знали, что между членами Политбюро нет единства, что некоторые из них пытались захватить власть, растолкать других и вместе со своими единомышленниками повести страну по только им известному пути.

Никита Сергеевич Хрущев не выглядел убедительным руководителем. В центральных органах партии и государства он до этого времени не работал. Имея опыт работы в Москве, Московской области и на Украине, он слыл преуспевающим тружеником «провинциального масштаба».

Но Хрущев дружил с министром обороны СССР Н.А. Булганиным и с его помощью имел возможность претендовать на ведущее положение в руководящем звене.

Г.М. Маленков, связанный с Л.П. Берия участием в проводимой репрессивной политике, станет, конечно, поддерживать Лаврентия Павловича. Это звено Маленков — Берия представляло большую опасность для страны, что и подтвердили дальнейшие события. Л.П. Берия, продолжая оставаться заместителем председателя Совета Министров СССР, получил важный пост министра внутренних дел СССР.

Свершилось то, чего особенно опасалось большинство чекистов, особенно кадры, пришедшие недавно на руководящую работу в органы государственной безопасности по решению Центрального Комитета партии. Однако следует отметить, что определенная часть руководящего состава органов государственной безопасности с радостью и карьеристскими надеждами восприняли назначение Л.П. Берия. Работавшие ранее под его руководством, связанные с его чудовищной незаконной «деятельностью», они надеялись, что заживут вновь вольготно и вседозволенно.

Берия немедленно приступил к исполнению своих обязанностей министра внутренних дел и предпринимал энергичные, активные меры к тому, чтобы как можно быстрее прибрать к рукам все силовые структуры, действовавшие внутри страны. В день его назначения министром министерство государственной безопасности СССР ликвидировали и вместо него в составе министерства внутренних дел создали Главное управление государственной безопасности с передачей ему всех функций бывшего МГБ СССР. В министерстве образовали две коллегии, одна по делам МВД, вторая — госбезопасности. Правда, в этом составе они практически так и не начали свою работу. Таким образом в государстве был создан огромной мощи силовой аппарат, опасный для общества. Не оставалось сомнений в том, что Берия использует его для захвата власти. Это понимали Н.С. Хрущев, Г.М. Маленков, другие члены Политбюро ЦК партии. Такое же мнение сложилось в широких кругах правительственных структур и общественности.

Новая власть оказалась непрочной, продолжалась жестокая борьба за главенство между членами Политбюро, образовывались закулисные группировки, накапливались силы, которые в любой

момент могли снова проявить себя. Партия и трудящиеся страны с большим беспокойством следили за развитием событий. Внимательно наблюдали за становлением у нас новой власти и в странах социалистического лагеря, а также руководящие круги капиталистических держав.

Можно с уверенностью утверждать, что Л.П. Берия, еще задолго до смерти И.В. Сталина просчитал ход событий после его кончины, разработал план действий и все вытекающие из него организационные мероприятия. О том, что Сталин в последнее время был неизлечимо болен и неспособен работать, хорошо знали члены Политбюро, особенно Л.П. Берия, прекрасно осведомленный о всех интимных сторонах жизни вождя.

В первый же день, после объявления о ликвидации МГБ СССР, состоялось решение ЦК КПСС об освобождении от должности министра МГБ СССР С.Д. Игнатьева. Он перешел на работу секретарем ЦК КПСС. Берия незамедлительно издал приказ об освобождении от работы почти всех сотрудников, направленных в свое время ЦК партии на работу в органы государственной безопасности. Уволили заместителя министра МГБ А.А. Епишева, возглавлявшего кадровую работу, С.Н. Лялина, заместителя министра по техническим вопросам, заместителей начальников главков и управлений Н.Р. Миронова, В. Голика, Можара и других — всего более двадцати человек. В этой группе оказался и я.

В эти дни в газете «Правда», извещавшей о ликвидации МГБ СССР, появилась передовая статья, написанная несомненно с участием Берии, в которой говорилось о необходимости укрепления аппарата госбезопасности в системе министерства внутренних дел. Сообщалось, что бывший министр МГБ С.Д. Игнатьев, в это время уже утвержденный секретарем ЦК партии, и прибывшие вместе с ним в органы госбезопасности партийные работники (речь шла о нас) за время работы в этом ведомстве нанесли в результате своего неквалифицированного руководства большой вред и тем самым ослабили деятельность органов безопасности.

Мы понимали, что это суть нашего будущего обвинения и, возможно, ареста. Политическая формула была подготовлена.

Нам всем, освобожденным от должностей, предложили покинуть занимаемые кабинеты, в одночасье отобрали служебные автомашины. Одних направили на работу в местные органы госбезопасности, других — в различные министерства и ведомства.

Я более двух месяцев не работал, находился дома, никто мною не интересовался. Помню как-то в марте месяце я вместе с Виталием Голиковым, тоже освобожденным от работы, выезжал даже на зимнюю рыбалку. О таком удовольствии до недавнего времени и не мечталось. Но надо же было куда-то расходовать время и подледный лов оказался кстати.

В связи с ликвидацией министерства госбезопасности, был упразднен и партийный комитет МГБ СССР, членом которого я являлся. Парторганизацию госбезопасности механически переподчинили парткому МВД СССР.

Берия, освободив большую группу бывших секретарей обкомов партии, навязывал мнение, что на работу в госбезопасность их привлек лично С.Д. Игнатьев, возглавлявший созданную тогда комиссию ЦК, которая доложила о крупных недостатках в работе этого ведомства, о грубых нарушениях законности бывшим министром МГБ Абакумовым, снятым Сталиным с работы и арестованным. Берия стремился доказать, что недочеты в работе министерства Игнатьев преувеличил и проверку провел некомпетентно, без знания дела. Берия стремился обелить, оправдать деятельность МГБ, так как корни беззаконий тянулись лично к нему. В то же время он открыто утверждал (в том числе и в печати), что Игнатьев, назначенный Сталиным министром госбезопасности, вместе с пришедшими с ним работниками в результате неумелых действий повел дело к развалу, и что он, Берия, придя теперь вновь к руководству, поправит положение, возвратя госбезопасности былую славу.

Я подробно пишу о событиях, которые произошли в течение практически нескольких дней. То, что Берия готовился к захвату власти, становилось нам все более ясным. Факты и события это подтверждали. В день освобождения нас от работы в госбезопасности на наши и другие руководящие должности назначили людей, ранее работавших с Берия. Теперь из укромных «уголков», где они до времени пребывали в тени, прибыли к местам своей старой работы известные инквизиторы Б. В Кобулов, И.А. Серов, С.Н. Круглов, Б.П. Овчинников, начальник Следственного управления, создатель множества сфальсифицированных дел и крупных политических процессов генерал-лейтенант Л.Е. Влодзимирский, генерал-лейтенант М.И. Журавлев, генерал-лейтенант Никольский и другие.

Началась новая чистка кадров в подразделениях центра и в местных органах безопасности. Берия, борясь за власть, стремился изменить свой облик перед партией, народом и членами Политбюро. Вместо железного маршала, непримиримого борца с «врагами народа», чем он был славен при жизни Сталина, пытался показать себя активным политическим деятелем, призванным исправить политику и ошибки вождя. У него, видимо, заранее были подготовлены тезисы новой либеральной политики, с которыми он стал выступать. Это касалось прежде всего амнистии политических заключенных; прекращения дела врачей и наказания людей, его создавших; сокращения и удешевления государственного аппарата; исправления ошибок во взаимоотношениях с Югославией и т.д.

Находясь в вынужденном бездействии, я продолжал активные контакты с товарищами, отстраненными вместе со мной от работы, а так же с теми, продолжавшими работать в системе госбезопасности, с которыми я сохранил хорошие отношения. Мы располагали довольно широкой и подробной информацией о событиях в верхнем эшелоне власти, а так же в подразделениях государственной безопасности. Нас очень интересовало, какая линия победит — Хрущева-Булганина или Маленкова-Берия. От этого зависела будущая политика партии и государства: либо мира и творческой работы, либо новой большой крови и истязаний невинных людей.

У чекистов в их деятельности нет и не может быть своей политики, работа органов госбезопасности строго подчинена идеям партии и государства. Как утверждалось, органы государственной безопасности — это «инструмент партии и государства... ее вооруженный отряд, ее верный помощник».

Где-то в конце апреля 1953 года я был вызван к заместителю министра внутренних дел по кадрам Б.П. Овчинникову, который после знакомства со мной, предложил мне возглавить самостоятельный отдел «П» МВД СССР, пояснив, что он призван заниматься поселениями, лицами, сосланными в Сибирь, Казахстан, Узбекистан, Алтайский край и другие отдаленные места страны. В беседе он подчеркивал, что эта линия работы имеет важное политическое значение и требует умелого руководства.

Я, уже долгое время не имея других предложений, согласился на эту должность, хотя смутно представлял себе содержание

своей будущей служебной деятельности. В беседе я сказал, что был направлен ЦК с должности секретаря обкома партии на работу в органы госбезопасности и просил при первой возможности вернуть меня на работу в одно из подразделений знакомого мне направления.

Отдел «П» МВД СССР располагался в здании на улице Огарева, 6. В аппарате — до ста сотрудников. Большинство офицеров с высшим юридическим образованием. Было жаль, что занимаясь правовыми вопросами, они без пользы для дела копались в огромных очагах человеческого горя, произвола, беззакония и бесправия. Этим предстояло заниматься и мне. Заместители начальника отдела, Борис Васильевич Новиков и Алексей Николаевич Карамышев, опытные юристы, замечательные работники стали мне хорошими товарищами.

Отдел оказался по-существу штабным подразделением, так как «объекты работы» располагались за несколько тысяч километров на востоке, но положение дел в местах поселения его работникам было хорошо известно. Главная задача отдела «П» состояла в обеспечении твердого режима в местах поселения, которое базировалось на решениях Верховного Совета и правительства страны, а также на разного рода инструкциях и распоряжениях.

Как известно, административные поселения в нашей стране возникли впервые в 1929 году, когда на основе политического лозунга того времени о «ликвидации кулачества на базе сплошной коллективизации» проводилась массовая принудительная ссылка кулаков и зажиточных крестьян в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока.

Это была первая департация наиболее преуспевающей части крестьянства. Я лично помню эти годы по Кимрскому району Тверской губернии, когда толпы крестьян с поклажей в руках вместе со стариками и детьми по ночам двигались к железнодорожной станции Савелово, под вооруженным конвоем милиции, для погрузки и отправки их этапом в районы Сибири. По достоверной информации мне известно, что допускались грубейшие беззакония и произвол при проведении этой беспрецедентной акции. Пользы было мало, а вреда, страданий и горя людского неоправданно много. Средние слои крестьянства и бедняки молчаливо поддержали это мероприятие властей, так как получали

для себя выгоду — землю и имущество сосланных. В местах поселений кулаков создавался строгий административный режим, но сосланные быстро освоились в новых условиях, обзавелись хозяйством и вскоре надобность в контроле над ними отпала.

Уже в начале 30-х годов Сталин и властные политические структуры страны поняли, что можно и нужно таким способом проводить чистки общества, минуя законы и судебные органы, без лишнего шума убирать неугодных людей. В центральном аппарате ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление), а также в республиканских, краевых и областных аппаратах создали специальные «тройки», придав им крайне широкие судебные функции. В их состав входили: руководители органов госбезопасности, первые секретари партийных комитетов, прокуроры.

«Тройки» имели неограниченные полномочия по определению состава преступных лиц, а также вынесения любой меры наказания вплоть до расстрела. Этот чудовищный механизм начал действовать с огромной силой. Тысячи людей уничтожили, заключили в тюрьмы и лагеря. Отправили в ссылку в отдаленные места Сибири и Дальнего Востока. Еще по своей работе в 1930 — 1933 годах в Кимрах, в уголовном розыске, я помню, как получил указание подготовить списки и справки на СОЭ (социально-опасный элемент) — имелись ввиду злостно хулиганствующие люди, — для рассмотрения на «тройке» в Твери.

Таким образом выдворили из города десятка полтора озлобленных хулиганов, наводивших страх на местное население. Всех их по решению «троек» приговорили к ссылке. Если иметь ввиду подобную операцию в масштабе страны, то можно себе представить, какое огромное количество народа высылалось в Сибирь и на Дальний Восток. Сибирь уже тогда наполнялась огромным количеством ссыльных. Именно в те годы стали популярны слова знаменитой эмигрантской песенки:

*А я Сибири...Сибири не боюсь,
Сибирь ведь тоже русская земля*

Люди в Сибири жили и трудились часто в неимоверно тяжелых условиях.

Трагедия массовых административных выселений вновь возникла в годы Великой Отечественной войны. В конце 1941 года немецкие войска подошли к Москве, но были разбиты. Угроза нового наступления немцев между тем не отпала. Летом 1942 года они развернули активное наступление на Юге. Ринулись на Северный Кавказ, к берегам Волги, развернулась жестокая битва за Сталинград. Севернее его немцы подошли к Камышину, а там рукой подать до автономной республики немцев Поволжья, где проживало более двух миллионов немцев. Выше я уже об этом писал, но повторю снова, можно ли было рисковать в этой обстановке и не предпринимать мер упреждающего порядка в отношении немцев, проживавших в стратегически важном районе страны? Безусловно нет! Следовало решиться на трудный тяжелый шаг, и он был сделан.

По постановлению Верховного Совета, правительства страны, Государственного Комитета. Обороны было решено депортировать все немецкое население республики немцев Поволжья, а также всех других советских немцев, проживающих на территории страны, в Казахстан, Алтайский край, и другие места Сибири и Дальнего Востока. Всего оказалось на поселении более 2,5 млн. немцев. В тяжелых условиях обживались они на новых местах. Депортацию провели безапелляционно, твердо, неотвратно, не взирая на чины, звания и заслуги.

Депортация немцев Поволжья в годы войны — исторически необходимая мера, но беззаконие и произвол по отношению к ним состоял в том, что после войны и до настоящего времени они не возвращены на свою прежнюю территорию проживания, как и прежде, остались на положении поселенцев, в отношении них долго существовал строгий административный режим.

В 1944 году, когда в войне обозначился явный перелом в нашу сторону, когда немецкие войска, отчаянно сопротивляясь, уже отступали по всем фронтам, была, как я уже писал об этом, проведена массовая депортация ряда народов Кавказа. Ликвидировали Чечено-Ингушскую, Кабардино-Балкарскую, Калмыцкую, Крымскую республики. Все народы коренной национальности переселили в Сибирь и районы Дальнего Востока. С Юга Украины и побережья Кавказа выслали в отдаленные районы страны греков и болгар. Из Грузии депортировали большое число турок.

Как мне стало известно из документов, а также из информации сотрудников отдела, хорошо знающих вопрос о поселенцах, департация горных народов Кавказа проходила в зимних условиях, а у большинства людей не было подходящей одежды. Конвоирование и погрузку людей в вагоны, а также сопровождение эшелонов к месту поселения, проводили внутренние войска МВД, возглавляемые генералом армии И.И. Масленниковым. При выселении царил произвол. Департация стала величайшей трагедией того времени.

Определенная часть чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар, — как мне стало известно, — в период подхода немецких войск к территориям этих республик вела себя предательски. Создавались вооруженные формирования, велись боевые действия против советских войск. Командовали такими отрядами немецкие офицеры, переброшенные через линию фронта. Банды чеченцев, ингушей убивали представителей советской власти, стреляли из-за угла в военнослужащих Красной армии.

Определенная часть крымских татар после занятия немцами Крыма завязала активные связи с турецкими властями, открыла в Крыму турецкое дипломатическое представительство, активно и жестоко боролась с крымскими партизанами и русским населением. Фактов измены, предательства, преступлений против советской власти можно привести достаточно. И в то же время таких предателей оказалось не так много. Большая часть народов Северного Кавказа твердо стояла на страже интересов нашей Родины, не щадя жизни боролась против немецко-фашистских захватчиков.

История департации большого контингента народов, проведенная Сталиным и руководством страны, тема предстоящих глубоких исследований учеными и политиками, но коль мне довелось, хоть и не долго (менее года) соприкоснуться с этой проблемой, позволю себе высказать свое мнение.

Если департация немцев Поволжья, по моему твердому убеждению, проводилась в начале войны вполне обоснованно, — судьбами Родины рисковать было нельзя, — то выселение горских народов — чечено-ингушей, кабардино-балкар, калмыков, крымских татар, а также других народов по национальному признаку было несправедливым.

К тому времени явно обозначился разгром немецко-фашистских захватчиков. Их армии, получая мощные удары наших войск, катились на Запад. Опасность почти миновала. Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Крым уже находились в глубоком тылу наших войск. Представлялась полная возможность внимательно разобраться во всем происходящем в этих автономных республиках в период их оккупации немцами. Но этого сделано не было. Приняли более простой и позорный путь — выселить население далеко вглубь страны.

На новой работе это мнение еще более укрепилось во мне. Я твердо решил сделать все возможное, чтобы хоть как-то развязать этот тяжелейший политический узел. На поселениях находилось более пяти миллионов человек. Я понимал, что мне придется нелегко, можно сломать голову, так как за этим политическим узлом стояли влиятельные силы, которые рвались тогда к власти. Самыми активными участниками департаций, беззакония, жестокости и унижений народов Северного Кавказа были генералы МВД — Круглов, Серов, Масленников, Добрынин, да и многие другие участники, вольные или невольные пособники совершенных позорных акций.

Следующая группа поселенцев — члены украинских, белорусских, литовских, латвийских и эстонских националистических банд, вторая по масштабам, вслед за немцами, группа численностью в несколько сот тысяч человек. Многие из них продолжали активную деятельность в местах поселений, имели связь с бандами и националистическим подпольем на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

Решать что-либо с этой категорией поселенцев было преждевременно. В западных областях Украины, Белоруссии и в республиках Прибалтики еще бушевали бои с повстанцами, действовали националистические банды и подполье.

В категорию поселенцев входили также лица, сосланные по решению «Особого совещания». Таких было немало. К тому же существовало положение, что политическим ссыльным, по истечении срока, не разрешалось возвратиться к прежнему месту жительства.

Шел огромный поток писем поселенцев с просьбами и жалобами. Количество их исчислялось мешками. Запомнились некоторые из писем, рассмотренные мною в тот период.

Так, поступило письмо известного московского хирурга с мировым именем, доктора наук, профессора Юдина. Он писал о том, что сослан на пять лет по решению «Особого совещания» сам не знает за что. Но вот и срок прошел, а о нем забыли, возвратиться в Москву не разрешают. Я запросил его следственное дело. Оказывается профессор Юдин, проезжая на служебной автомашине по площади Дзержинского, указал на здание МГБ и сказал: «Летал вольный воробей и чирикал, сел на это здание и больше не чирикает». В машине находились водитель и медсестра, которая о высказывании Юдина написала в МГБ. По материалам дела было видно, что следователи накапливали компромат на маршала Г.К. Жукова и маршала артиллерии Н.А. Воронова. Чувствовалось, что они выполняли чей-то заказ. Не добыв каких либо материалов, кроме злополучного высказывания, следователи направили дело Юдина в «Особое совещание», и он был осужден.

Работая хирургом в местной больнице на поселении, Юдин спас много человеческих жизней. Следственное дело на профессора Юдина за отсутствием состава преступления было прекращено. Профессор возвратился в Москву и приступил к работе в больнице скорой помощи им. Склифасовского.

Примерно такое же заявление мы получили от поселенца Николая Петровича Старостина, известного московского спартаковского футболиста, сосланного по решению «Особого совещания». Н.П. Старостин писал, что пострадал, сам не знает за что. «Приклеили» ему злоупотребления в спортивном магазине, где он работал, а на самом деле его сослали специально, чтобы удалить из команды «Спартак» и тем самым ослабить ее, увеличив шансы команды «Динамо» в первенстве по футболу. Мною было рассмотрено следственное дело Н.П. Старостина. Каких-либо конкретных доказательств обвинения в деле не было. Н.П. Старостин возвратился в Москву, где по-прежнему боролся за славу спартаковского футбольного клуба. По приезде в Москву, он позвонил мне по телефону, просил принять, чтобы выразить благодарность за проявленное к нему внимание, но я был очень занят, так и не сумел с ним встретиться, и мы ограничились беседой по телефону.

Несправедливых ситуаций оказалось так много, что мой темперамент и характер не позволил проводить дальше проверок и

исследований. Если вопрос был для меня ясен, я принимал личное и окончательное решение об освобождении людей, попавших в беду. В этой обстановке я нажил себе недоброжелателей. Таким оказался начальник отделения полковник Абрамов, который написал пространное заявление в ЦК партии, обвиняя меня в незаконных действиях по освобождению поселенцев и других «грехах» по службе. Я был вызван в связи с этим в ЦК КПСС, где подробно объяснил обстановку. Мои действия признали правильными. Я доложил, что готовлю предложение об устранении произвола и беззаконий в отношении многочисленного контингента поселенцев. Аппарат отдела и здесь поддержал меня.

Большую помощь оказали мне мои заместители Б.В. Новиков и А. Н. Карамышев. Правда они предупредили меня, что на этом деле можно сломать голову, так как за ним стоят довольно влиятельные люди, получившие за операции по выселению высокие ордена и звания. Я уже писал, что организаторами и исполнителями массовых депортаций народов, установления жесткого режима в местах поселений помимо самого Л.П. Берия были министр внутренних дел С.Н. Круглов и его заместитель И.А. Серов. К ним можно добавить В.М.Молотова, министра госбезопасности В.Н. Меркулова и многих других, которые продолжали находиться у власти на важных постах.

Политический узел, который пришлось развязывать мне в тяжелые годы, касался огромного количества людей. В местах поселений творились бесправие, беззаконие и произвол. Здесь решением правительства был установлен жесткий режим. Лицам сосланных национальностей предписывалось проживать в новых местах постоянно (вечно). Ни один из поселенцев не имел права отлучиться из определенного ему города или населенного пункта и мог передвигаться только в пределах установленного места жительства. Каждый взрослый поселенец обязан был еженедельно являться в местный орган МВД для регистрации. Всякое передвижение за пределы установленного населенного пункта считалось побегом и виновный привлекался к уголовной ответственности.

Заместитель председателя Совета Министров СССР В.М. Молотов подписал распоряжение о том, что все младенцы, родители которых поселенцы, становятся после рождения также поселенцами и подлежат взятию на учет. Этим же распоряжением

регламентировалось, что все бытовые и другие вопросы жизни поселенцев решаются местными органами советской власти.

В местах поселений были созданы спецкомендатуры, которые обеспечивали там режимную службу.

Существовала масса вопиющих противоречий, несуразных явлений, грубых нарушений прав личности и их достоинства. Среди поселенцев оказалось немало видных, заслуженных людей, Героев Советского Союза (например, дважды Герой Советского Союза, командир соединения крымских партизан Козлов), Герои Социалистического Труда, выдающиеся ученые и общественные деятели. В ссылке находилось семь с половиной тысяч членов КПСС. Образовалось немало смешанных семей: муж — поселенец, жена — свободная, или наоборот. В таких семьях рождались дети. В связи с этим часто возникали вопросы, на основании каких правовых или административных правил следует брать их на учет. Молодых поселенцев лишали всяких прав участия в общественной жизни.

Менее чем за два месяца наш отдел подготовил предложения о неотложных мерах по поселенцам. Документ — небольшой, всего несколько страниц, включал в себя перечень вопросов, требующих своего решения в работе по поселенцам. Определелись три группы вопросов: 1) изменить некоторые положения режима для поселенцев; 2) в связи с этим отменить распоряжение Совета Министров СССР, подписанное Молотовым о регистрации, как поселенцев, всех младенцев, родившихся в этих семьях. (Оно рассматривалось нами как незаконное и аморальное); 3) провести разъяснительную работу среди поселенцев, объяснив, что они перемещены в связи с военной обстановкой и вопрос об их возвращении на старое место жительства будет решаться постепенно, по мере образования соответствующих для этого условий.

Многу приведены лишь некоторые пункты перечня для решения проблем, возникших в этой важной политической ситуации.

Предложения мы направили руководству министерства внутренних дел страны. Меня поддержал заместитель министра внутренних дел Владимир Петрович Петушков, курировавший деятельность нашего отдела.

Где-то во второй половине июня 1953 года у первого заместителя министра генерал-полковника С.Н. Круглова состоялось

совещание, на котором присутствовали И.А. Серов, В.П. Петушков, генерал-лейтенант Л.Я. Влодзимерский и я. Были рассмотрены внесенные мною предложения. Не успел Сергей Никифорович Крутлов дочитать до конца подготовленный в отделе документ, как И.А.Серов вскочил с места и нервно заходил по кабинету. Затем он бурно отреагировал на мои предложения, сказав:

— Мы в войну в тяжелейших условиях выполнили решение партии и правительства, выселили этих людей, а теперь неясно, откуда взявшийся Алидин хочет очернить нашу работу, пустив ее под откос. Я возражаю против этих предложений.

Надо отдать должное С.Н. Крутлову, который довольно резко оборвал Серова, подчеркнув, что не он один осуществлял выселение этих людей, но прошло время, изменились условия, в работе по поселенцам появилось много проблем и теперь следует с ними тщательно разобраться. Алидин прав, представив предложения по этому вопросу. Надо еще раз посоветоваться, определить направление и принять конкретные меры. Видимо правильно поставлен вопрос о предоставлении больших прав отделу в решении возникающих текущих вопросов.

А.Н. Крутлова поддержали. Я был доволен тем, что эта проблема постепенно находит свое решение. Но меня удивил и насторожил вежливый вкрадчивый разговор со мной по телефону Л.П. Берия. 26 июня 1953 года примерно в 10 часов утра в кабинете на Огарева, где я работал, раздался звонок аппарата правительственной связи. Я поднял трубку и услышал:

— Виктор Иванович, здравствуйте, говорит Лаврентий Павлович Берия, я хотел бы с вами встретиться и, если у вас будет возможность, будьте добры, завтра утром к 10 часам зайдите, пожалуйста, ко мне.

Я ответил, что, конечно, прибуду. Мне стало ясно: Берия ознакомился с моими предложениями и завтра предстоит с ним серьезный разговор. Каким он будет? Что сулит мне предстоящая встреча, к которой я начал действительно готовиться. 27 июня, придя на работу, я позвонил в приемную Берия, сообщил, что вызван на встречу.

Мне ответили коротко и резко:

— Он арестован.

Как оказалось, Берия арестовали 26 июня, примерно в 11.00, вскоре после его звонка ко мне. Конечно, я предполагал такой исход, но все же случившееся стало для меня неожиданностью.

Пройдет много лет, и мы узнаем некоторые подробности об этом аресте. В 1990 году было опубликовано посмертное письмо маршала Советского Союза К.С. Москаленко, озаглавленное: «Политическое событие общегосударственного значения».

Приведу полный текст письма:

«В девять часов утра 25 июня 1953 года мне позвонил по телефону АТС Кремля Хрущев Н.С.. Поздоровавшись, он спросил:

— Имются в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как вы преданы ей?

Подумав я ответил:

— Такие люди имеются, и партии они преданы беззаветно.

После этого Хрущев сказал, чтобы я взял этих людей с собой и приезжал с ними в Кремль к председателю Совета Министров СССР тов. Маленкову Г.М. в кабинет, где раньше работал Сталин И.В. Тут же он добавил, чтобы я взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигары. Я ответил, что заберу с собой все перечисленное, однако, курить бросил еще на войне в 1944 году.

Хрущев засмеялся и сказал, что сигары могут потребоваться не те, которые я имею в виду. Только тогда я догадался, что надо взять с собой оружие. В конце разговора он сказал, что сейчас позвонит министр обороны тов. Булганин Н.А. Намек Хрущева на то, что надо взять с собой оружие, навел меня на мысль, что предстоит выполнить какое-то важное задание Президиума ЦК КПСС...

Нажатием кнопки электрического сигнала я тут же вызвал офицера для особых поручений майора Юферева В.И., начальника штаба генерал-майора Баксова А.И., начальника политуправления полковника Зуба И.Г. и сказал им — надо ехать в Кремль, взяв с собой оружие, но так как его ни у кого не было, то я вызвал коменданта штаба майора М.Г. Хижняка и приказал ему принести и выдать пистолеты и патроны. Так как группа была маленькая, то я позвонил начальнику штаба ВВС (бывшему начальнику штаба округа ПВО) генерал-майору Батищкову П.Ф. и предложил ему прибыть ко мне, имея с собой оружие.

Вскоре после этого последовал звонок министра обороны маршала Булганина Н.А., который сказал, что ему звонил Хру-

щев и предложил мне прибыть сначала к нему, т.е. к Булганину... Со своей группой, уже вооруженной, я прибыл к министру обороны. Принял меня Булганин сначала одного.

Он сказал, что звонил ему Хрущев, вот я тебя и вызвал. Нужно арестовать Берия, охрана у него в Кремле сильная и большая, преданная ему. Сколько у тебя человек? Я ответил: Со мной пять человек, что все они фронтовики, испытанные в боях и надежные люди, преданные коммунистической партии, советскому правительству и народу. На что он ответил:

— Это все хорошо, но очень мало людей.

Тут же спросил:

— Кого ты считаешь можно еще привлечь, но без промедления?

Я ответил:

— Вашего заместителя маршала Василевского.

Он сразу почему-то отверг эту кандидатуру. В свою очередь я его спросил, кто находится сейчас в министерстве из влиятельных военных людей. Он сказал:

— Жуков Г.К.

Тогда я предложил его взять. Он согласился, но чтобы Жуков был без оружия. И все же так как нас было мало, то он спросил:

— Кого ты считаешь еще можно пригласить?

Первым я назвал заместителя начальника Главного политического управления Брежнева Л.И., которого я знал по войне в составе первого и четвертого Украинских фронтов как храброго и мужественного генерала, политработника, преданного партии и народу. С ним многократно я встречался в боевых условиях.

Вторым я назвал генерал-лейтенанта Шатилова, тоже заместителя начальника Главпура, бывшего начальника политуправления 1-го Украинского фронта.

Третьим я назвал генерал-лейтенанта танковых войск Гетмана, бывшего командира танкового корпуса нашего фронта. Четвертым был назван генерал-полковник артиллерии Неделин, которого я также знал по войне. Пятым Булганин предложил взять члена военного Совета МВО генерал-полковника Пронина А.М.

Так как времени было мало, то все они были без оружия. Только у Брежнева Л.И. был пистолет, который дал ему Булганин.

Почему Хрущев обратился именно ко мне, я затрудняюсь ответить. После ареста Берия... при очередном докладе Маленкову, он как то сказал мне и генеральному прокурору Руденко Р.А., что прежде, чем обратиться к тов. Москаленко К.С. для проведения этой операции, мы обратились к одному из маршалов Советского Союза, но он отказался сделать это. Кто этот маршал мы с товарищем Руденко не спрашивали...

Знал меня Хрущев только по войне... по боевым действиям на фронте. Изредка мы встречаались после войны. Отношение ко мне Сталина в то время также было хорошим, как и во время войны. Берия лично ранее я не знал и не встречался с ним, знал о нем только по печати. Поэтому предложение Хрущева Н.С., уточненное Булганиным, я воспринял как поручение нашей партии, нашего ЦК, его Президиума. Должен отметить, что и все члены Президиума ЦК как Молотов В.М., Маленков Г.М., Ворошилов К.Е. и другие относились ко мне хорошо. И вот часов в 11.00 дня 26 июня мы по предложению Булганина Н.А. сели в его машину и поехали в Кремль. Его машина имела правительственные сигналы и не подлежала проверке при въезде в Кремль. Подъехав к зданию Совета министров я вместе с Булганиным поднялся на лифте, а Баксов А.И., Батицкий П.Ф., Зуб И.Г. и Юферев В.И. поднялись по лестнице. Вслед за ними на другой машине подъехали Жуков Г.К., Брежнев Л.И., Шатилов, Неделин, Гетман и Пронин А.М. Всех нас Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову.

Через несколько минут к нам вышли Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов. Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведет себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит за ними, кто куда ездит, с кем члены Президиума встречаются, грубит со всеми и т.д. Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума, а потом по условленному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берию.

К этому времени он еще не прибыл. Вскоре они ушли в кабинет Маленкова. Когда все собрались, в том числе и Берия, началось заседание Президиума ЦК КПСС.

Хотя заседание длилось недолго, нам казалось наоборот, очень долго. За это время каждый из нас пережил, передумал многое. В приемной все время находилось человек 15 — 17 людей в штатской и военной одежде. Это порученцы и лица, охраняющие и прикрепленные. А больше всего это люди от Берии. Никто конечно не знал и не предугадывал, что сейчас произойдет, все беседовали на разные темы.

Примерно через час, т.е. в 13.00 26 июня 1953 г. последовал условленный сигнал и мы, пять человек вооруженных, шестой — т. Жуков — быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Тов. Маленков объявил: именем советского закона арестовать Берию. Все обнажили оружие, я направил его прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх. В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы увели его в комнату отдыха председателя Совета Министров, а все члены Президиума и кандидаты в члены остались проводить заседание, там же остался и Жуков.

Все это произошло так неожиданно для Берии, что он полностью растерялся. При аресте в его портфеле был лист бумаги, весь исписанный красным карандашом: «Тревога, тревога, тревога», и там много раз повторяется это слово на листе бумаги.

Видимо, когда начали говорить о Берии на заседании, да еще критиковать его действия, он сразу почувствовал опасность и имел в виду передать этот лист охране Кремля.

Кроме членов Президиума Булганина, Маленкова, Молотова и Хрущева, по-видимому, никто не знал и не ожидал ареста Берии.

После всего происшедшего заседание длилось еще минут 15—20, потом все члены Президиума уехали домой. Остались мы, пять человек: я, Батицкий, Баксов, Зуб и Юферов с глазу на глаз с Берией. Снаружи, со стороны приемной, все двери охраняли тов. Брежнев, Гегман, Неделин, Пронин и Шаталин.

Берия нервничал, пытался подходить к окну, несколько раз просился в уборную, мы все пять человек с обнаженным оружием несколько раз сопровождали его туда и обратно. Видно было по всему, что он хотел как-то дать сигнал охране МГБ, которая всюду и везде стояла в военной форме и в штатском платье, но с оружием. Долго тянулось время, мы были голодны, помощник Маленкова Суханов организовал чай. Но темнота все еще не наступала, чтобы вывезти Берию из Кремля незаметно. Поздно

вечером, часа в 22-23, вдруг внезапно появились в приемной первый заместитель Берия генерал армии Масленников и генерал-лейтенант Власик. Они подняли шум, требовали разъяснений, что здесь происходит. Я вышел и им ответил:

— Вы не шумите.

Суханов тут же позволил Булганину. Он приказал передать им немедленно удалиться из Кремля, а потом он попросил дать трубку Масленникову. Что они там говорили, не знаю, но положив трубку, они оба сразу же удалились. Впоследствии, когда разбиралось дело Берии, Масленников застрелился.

В ночь с 26 на 27 июня, примерно около 24 часов с помощью Суханова (помощника Маленкова) я вызвал пять легковых машин ЗИС-110 с правительственными сигналами и послал их в штаб Московского округа ПВО на ул. Кирова. К этому времени по моему распоряжению было подготовлено 30 офицеров-коммунистов из штаба округа под командованием начальника оперативного управления полковника т. Ерастова. Все они были вооружены и привезены в Кремль без проверки на пяти машинах, и как только прибыли, то сразу же заменили охрану в Кремле внутри. После этого, окруженный охраной, Берия был выведен наружу и посажен в машину ЗИС-110 на среднее сидение. Там же были сопровождавшие его вооруженные тов. Баксов, Зуб и Юфев. Сам я сел в другую машину спереди, рядом с шофером, в другой машине были посажены шесть из прибывших офицеров из ПВО. Двумя этими машинами мы проехали без остановки через Спасские ворота и повезли Берию на гарнизонную гауптвахту города Москвы.

На следующий день, то есть 27.06.1953 года, в субботу, когда я с тов. Батицким, Гетманом и другими были в канцелярии гауптвахты, ко мне явились заместители Берии генерал-полковники Круглов и Серов. Они имели поручение Хрущева и Маленкова вместе со мной вести следствие по делу Берии, который обвинялся в злоупотреблении властью и других преступлениях. Я почувствовал себя неудобно, так как обвинялся их начальник и, вдруг, его заместители будут вести следствие. Тогда я потребовал, чтобы при допросе присутствовали вместе со мной т. Батицкий и т. Гетман. Серов и Круглов категорически наотрез отказались от такого предложения. Долго мы спорили и ни к чему не пришли. Я позвонил в ЦК Маленкову. Никого не оказалось. Мне ответили, что

все члены Президиума ЦК находятся в театре на премьере «Декабристы» или «Война и мир». Позвонил я туда и попросил к аппарату Маленкова или Хрущева. Подошел первый, и когда я доложил, в чем дело, он, посоветовавшись с другими товарищами, сказал мне:

— Приезжайте все трое сюда в театр.

Во время антракта в особой комнате Большого театра собрался весь состав Президиума ЦК. Серов и Крутлов доложили, что я и мои товарищи неправильно обращаемся с Берией, порядок содержания его неверный, что я сам не хочу с ними вести следствие и т.д.

Дали слово мне. Я сказал:

— Я не юрист и не чекист, как правильно и как неправильно обращаться с Берией я не знаю. Я воин и коммунист. Вы мне сказали, что Берия — враг нашей партии и народа, поэтому все мы, в том числе и я, относимся к нему как к врагу. Но мы ничего плохого к нему не допускаем. Если я в чем не прав, подскажите и я исправлю.

Выступили Маленков и Хрущев и сказали, что действия тов. Москаленко — правильные, Президиум их одобряет, и тут же сказали, что следствие будет вести вновь назначенный генеральный прокурор т. Руденко Р.А. в присутствии Москаленко.

После этого Серов и Крутлов вышли, а мне предложили сесть... за стол и выпить рюмку вина за хорошую, успешную и, как сказал Маленков, чистую работу. Поведение Серова и Крутлова меня несколько озадачило и встревожило.

У меня была чистая совесть перед партией, перед народом и его вооруженными силами, как при жизни Сталина, так и после его смерти. Через месяц-два после ареста Берии стали поступать анонимные письма с угрозами расправиться со мной за Берию. Часть этих писем я уничтожил, а часть посылал Серову, бывшему председателю Комитета госбезопасности. Но он ничего не сделал по ним.

После возвращения из Большого театра для большей надежности мы перевели Берия во двор штаба МВО, в бункер, заглубленный в земле, сделанный как временный командный пункт штаба округа. 29 июня 1953 года ко мне прибыл генеральный прокурор т. Руденко Роман Андреевич и мы вместе с ним, в течение шести месяцев день и ночь вели следствие. Основной допрос

вел Руденко, часто и я задавал Берии вопросы, записывал юрист-следователь некто Цареградский. Следствие велось долго, трудно и тяжело. Ведь к нему никаких физических или психологических методов не применялось, никто ему ничем не угрожал. Показания он давал только после улик при представлении ему документов за его подписью или с его резолюцией, и только после полного изобличения он сознавался.

Я не буду подробно описывать о преступлениях Берии. Они изложены в обвинительном заключении по Делу 0029 — 53 Г. Кроме того, еще более подробно преступления Берии изложены в 33 томах, составленных генеральным прокурором СССР т. Руденко Р.А. Скажу лишь одно, что следствие велось трудно и напряженно в течение шести месяцев. Часто Берия всю вину взваливал на Сталина, зная, что Сталина нет в живых. Кроме того, Берия часто в начале писал письма в Президиум ЦК, чтобы они пересмотрели свое решение, что мол он не виновен и т.д. Потом начал писать письма только Маленкову, жалуясь, что допущена ошибка в отношении его ареста, что мол расправятся сначала со мной, а потом с тобой, т.е. Маленковым. Все эти письма мы докладывали членам Президиума — Маленкову, Хрущеву и Булганину. А потом получили указание больше ему не давать ни бумаги, ни карандаши, ни ручки, т.е. запретить писать, что и было исполнено.

По истечении шести месяцев следствие было закончено и состоялся суд, о чем известно нашим гражданам из печати.

24 декабря 1953 года Берия был осужден и расстрелян, а труп сожжен.

На второй день, т.е. 25 декабря 1953 года, меня вызвал министр обороны СССР тов. Булганин. Он предложил написать реляцию на пять человек — Батицкого, Юферева, Зуба, Баксова и меня для присвоения звания Героя Советского Союза. Первым трем первичного, а последним двум — второго. Я категорически отказался это сделать, мотивируя тем, что мы ничего такого не сделали. Он мне сказал:

— Ты не понимаешь, ты не сознаешь, какое большое, прямо революционное дело вы сделали, устранив такого опасного человека как Берия и его клан

И дальше развил эту мысль. Я вторично отказался делать такое представление. Тогда он предложил написать реляции на

нескольких человек для награждения орденом Красное Знамя и Красная Звезда.

К. Москаленко»

Вслед за Берией последовали аресты его ближайших соучастников по преступлениям — Кобулова, Мешака, Влодзимерского и других. Меркулов, Абакумов, Гоглидзе, Цанава, Деканозов и некоторые другие, арестованные еще при жизни Сталина, находились под следствием.

Таким образом был нанесен решительный удар по Берии и его активному окружению, долгое время творившему в стране произвол, беззаконие, уничтожение честных людей. Эта важная мера в борьбе за власть привела к установлению стабильности власти и правопорядка в государстве.

В МВД СССР министром был назначен Сергей Никифорович Круглов. Он уже занимал эту должность с декабря 1945 по февраль 1956 года, с перерывом (март-июнь 1953), когда проводилась реорганизация министерства. Первым заместителем министра назначили секретаря ЦК КПСС Шаталина, без освобождения его от должности в ЦК. Шаталин практически выполнял роль комиссара при Круглове, без него не решался ни один важный вопрос. В это время еще продолжала действовать структура, когда в составе МВД находился и аппарат госбезопасности. Заместителем министра внутренних дел по кадрам утвердили заведующего отделом административных органов Московского обкома КПСС К.Ф. Лунева.

Министерство внутренних дел в этот период занималось в первую очередь вопросами кадровой политики. Всех лиц, пришедших с Берия, уволили со службы, а всех партийных работников, в том числе и меня, освобожденных приказом Берия от руководящей работы в органах госбезопасности, вернули на работу в аппарат госбезопасности на прежние должности. А кое-кого даже повысили. В этот период началась активная подготовка к новой реорганизации.

В феврале 1954 года был создан Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. Председателем КГБ назначили генерал-полковника И.А.Серова, его первым заместителем К.Ф.Лунева. Началось размежевание МВД и КГБ, приведе-

* «Московские новости», № 23 от 10 июня 1990 г.

ние их структур и штатов в соответствии со сложившимся положением. Внимание к решению профессиональных вопросов в этот период ослабло. Как говорят, для работы времени не хватало.

Н.С. Хрущев знал, что на Серове лежит кровь множества невиновных людей, но в этой обстановке он подбирал на роль председателя КГБ человека, который будет полностью зависеть от него и которому можно доверить деликатные поручения.

В 1938-1939 годах Н.С. Хрущев и И.А. Серов вместе работали на Украине. Никита Сергеевич первым секретарем ЦК КП(б)У, И.А. Серов министром МВД. Я хорошо знаю обстановку этого периода (выше уже говорил, что работал в Киевском горкоме партии). Шли еще незаконные аресты руководящих партийных и государственных работников, видных представителей интеллигенции. В этих арестах принимали участие и Хрущев и Серов. Именно в период их совместной работы арестовали третьего секретаря ЦКП(б)У Кудрявцева, до этого работавшего первым секретарем Киевского обкома партии, а также: второго секретаря обкома Костенко, секретаря горкома Егорова, заместителя заведующего отделом Чагарова и других. Все они были вскоре расстреляны. Словом, этими беззакониями Хрущев и Серов оказались накрепко связаны. Назначение Серова стало таким образом удобно и тому и другому: Серов покрывал незаконные действия Хрущева, последний, в свою очередь, прикрывал преступную деятельность Серова.

Видимо вспомнил Н.С. Хрущев и еще один важный факт своих отношений с Серовым. В конце 1938 года произошла неприятная история с сыном Н.С. Хрущева от первого брака Леонидом. Он оказался участником банды уголовных преступников. Н.С. Хрущев уговаривал Серова прекратить дело в отношении сына, но тогда Серов не согласился.

Следствие довели до конца, состоялся суд. Большинство участников преступной группы приговорили к расстрелу. Как в дальнейшем станет известно, Хрущев обратился к Сталину с просьбой пощадить сына, утверждая, что тот случайно втянут в банду и вовсе не пропавший человек. Сын Никиты Сергеевича отделался десятью годами лишения свободы. В этот период мы с женой жили в Киеве на улице Левашевской через дом, где жил Н.С. Хрущев и не раз встречали Леонида и их маленькую дочку Юлю, которую впоследствии удочерил Н.С. Хрущев.

В начале войны, находясь в заключении, Леонид попросил направить его на фронт. Его просьбу удовлетворили, он закончил военное училище, стал летчиком. Но в армии Леонид вел себя недостойно, пьянствовал, выделялся дерзкими поступками. В одной из пьянок застрелил сослуживца, военного летчика, снова был арестован, судим, приговорен к высшей мере и расстрелян. Н.С. Хрущев вновь просил Сталина пощадить сына, катался в истерике у него в ногах, но Сталин отказал ему в этой просьбе.

После смерти Сталина Н.С. Хрущев был инициатором разоблачения его культа личности. Нет сомнения в том, что политические мотивы разоблачения глубокими корнями связаны с личными обидами, нанесенными Сталиным Н.С. Хрущеву. Он мстил ему беспощадно.

Жену Леонида Хрущева, Сизову, немку по национальности, сослали на поселение в Сибирь.

Хрущев несомненно помнил, что Серов не исполнил его просьбы выручить Леонида из беды. Теперь же этот человек оказался в зависимости от Хрущева и всячески старался выслужиться, видя в нем своего нового хозяина.

Мне в 1955 году стало известно, что Никита Сергеевич поручил Серову изъять из архивов госбезопасности все документы, на которых в связи с репрессиями стояла подпись Хрущева. В строгом секрете под руководством Серова работала специально созданная группа. В нее входил начальник секретариата КГБ Доброхотов и только что присланный из аппарата ЦК партии начальник спецотдела (архивного) КГБ. Было изъято немало документов с подписями Хрущева и передано ему. Одновременно, по поручению Никиты Сергеевича из архивов изъяли документы, где санкционировали массовые репрессии Сталин, Маленков, Молотов, Берия, Каганович, Ворошилов и другие члены Политбюро. Они тоже попали к Хрущеву. Эти обличительные документы он в дальнейшем использовал при разоблачении преступной деятельности этих людей. Серов служил Хрущеву верой и правдой.

«Новые» руководители наперебой старались проводить амнистию политических заключенных. Это вытекало из логики событий. Арест Берия с обвинением его в массовом нарушении законности, в аресте невиновных людей требовал немедленного исправления беззаконий, освобождения из лагерей и ссылки сотен тысяч людей. Была создана и обнародована целая система мер в

центре и на местах, связанная с амнистией. Многих чекистов в этот период обязали заняться пересмотром дел осужденных, преобладающее количество которых оказались сфабрированными. Их прекращали за отсутствием состава преступления.

Над всей деятельностью органов государственной безопасности витала печальная пелена раскаяния, стыда и позора, желания скорее исправить допущенный произвол, вернуть людям их доброе имя, недопустить подобного никогда в будущем. Чекисты приняли твердое решение: в дальнейшем законность и право должны считаться непреложной основой их деятельности. И эту клятву они сдержали в последующие годы. Честные чекисты, а их было большинство, решительно выявляли нарушителей законности, привлекали их к строгой ответственности.

Н.С.Хрущев активно утверждал свою личность как лидера партии. В июле 1953 года состоялся Пленум ЦК КПСС, который одобрил решительные действия по ликвидации преступной деятельности Берия и его сообщников. Позже будет расшифрована стенограмма Пленума ЦК. Станут известны имена тех, кто выступал на Пленуме, — Хрущев, Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов. Эти люди сами участвовали в организации репрессий, поощряли беззаконие и произвол, но они, конечно, об этом не сказали и не покались.

Возможно, что Н.С.Хрущев, работая с начала 1938 года на Украине, чуть меньше, чем другие члены Политбюро, оказался замешанным в выдаче санкций на аресты и расстрелы невинных людей. Конечно, аресты проходили не без его участия, как в Москве, так и особенно на Украине, но надо отдать должное его смелому поступку — разоблачению и аресту Берия, очищению руководящего звена партии от таких деспотов, как Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов. Его заслуги в разоблачении культа личности Сталина безусловно велики.

На Пленуме ЦК Н.С.Хрущев сказал: «Разведывательная и контрразведывательная работа оказалась запущенной, заброшенной... Необходимо все поставить на свое место и обязать органы МВД вести работу в полном соответствии с решением ЦК по активной разведке против наших внешних врагов. Настоятельно необходимо, как совершенно правильно говорил тов. Маленков, укрепить руководство партией во всех звеньях и покончить навсегда с нарушением норм отношения партии и МВД, повысить

идейное воспитание чекистских кадров, поднять ответственность партийных органов за осуществление повседневного и конкретного руководства органами, постоянно добиваясь повышения государственной безопасности».

Говоря о Берия, он подчеркнул: «... нет никакой нужды преувеличивать личность этого злодея. Партийные массы и народ его не знают, он нигде не был, не знал жизни партийных организаций. Руководящие кадры знали его как человека дерзкого и грубого, а теперь узнали как провокатора и изменника».

На Пленуме ЦК выступил вновь назначенный на должность министра внутренних дел СССР Н.С.Круглов. Он подробно рассказал о преступной деятельности Берия. «Нет сомнения, — сказал Круглов, — что если бы его не остановили тюрьмой, то в своих вражеских целях он пошел бы далеко в борьбе против нашей партии. Как теперь стало совершенно ясно, мог попытаться использовать и аппарат МВД. Но этот прохвост просчитался и на этот раз. В огромном своем большинстве, за исключением небольшой кучки особо приближенных людей к Берия, коллектив МВД предан нашей партии, ее ленинско-сталинскому ЦК и никаким бериям не удастся использовать его в своих гнусных целях. Однако в настоящее время надо критически осмыслить все поведение Берия в течение последних трех месяцев в МВД. Многое выступает в ином, истинном смысле, и становится понятным его антипартийное враждебное лицо. Становится понятным, что он хотел и учитывал в своих гнусных планах использовать систему МВД.

С этой целью, под знаком особой конспирации, все вопросы разведки и контрразведки решались им и Кобуловым. Наша задача сейчас — помочь полностью, до конца разоблачить этого проходимца, трижды предателя, жулика, провокатора, наглого и самодовольно стоявшего среди нашего руководства, а наше руководство является гордостью народа и гордостью партии. Этот интриган, клеветник, провокатор по призванию, аморальный подлец до мозга костей соединял в себе величайшую подлость и величайшую наглость. Следствие выявит всю враждебную деятельность Берия, но и сейчас некоторые его меры, по нашему мнению, можно считать вредительскими и антигосударственными. Особенно по вопросам разведки.

Сейчас известно нам, что в апреле и мае этого года Берия одновременно вызвал в Москву около половины работников резидентур МВД. Большая часть вызванных работников находилась в Москве два — три месяца».

Далее начались вопросы:

М о л о т о в: — Откуда вызваны?

К р у г л о в: — Вячеслав Михайлович, из-за границы, из капиталистических стран.

М а л е н к о в: — Таких работников было вызвано несколько сот человек».

Круглов продолжал: «В настоящее время находятся около двухсот человек, которые в течение двух — трех месяцев живут в Москве, о которых вопрос не решается. За это время работа резидентур МВД ослабла. Потеряны связи со многими ценными агентами. Резидентуры советской разведки в капиталистических странах оказались оголенными и были оставлены без руководства в течение длительного времени (*Голос: — Это сознательно делалось*). Совершенно верно. В Москве в течение трех месяцев сидел уполномоченный МВД по Германии и его заместители, и в момент подготовки мятежа в Германии Берия принял решение о сокращении аппарата уполномоченного в ГДР в семь раз. Решили упразднить инструкторский аппарат в Германии, оставив только советнические функции. Таким образом, чекистский аппарат в Германии за это время был также резко ослаблен.

Сомнительным является и огульное охаивание Берия, всего, что есть в закордонной разведке. Он неоднократно заявлял, что разведки нет, что нет никакой агентуры, никакой ценной информации, нет никаких кадров и все надо начинать на голом месте. В то же время, как сейчас стало известно, Берия и Кобулов ориентировались на отказ от целого ряда агентурных мероприятий и многие материалы по иностранной разведке не были доложены ЦК партии. Ряд фактов с назначением руководящих работников МВД наводит на мысль, что Берия преследует цель иметь на участках верных себе людей, без учета политической принадлежности их партии. Ряд назначений таких людей как Райхман, Эйтингон, Судоплатов, Мешик, Мильштейн и других, которые абсолютно не пользуются политическим доверием коллектива, и были до его прихода изгнаны из органов МВД, как в настоящее время

стало известно, надо рассматривать как желание иметь при себе до конца преданных ему людей.

Берия подверг резкому сокращению и чистке разведывательное управление. За короткий срок было уволено большое количество людей, взятых в органы по партийной мобилизации.

Большое внимание привлекает создание в последнее время Берия, в обход утвержденной Центральным Комитетом структуры министерства, нового отдела, лично подчиненного ему, и не известно чем занимающегося. Даже кадры подбирались в этот отдел помимо управления кадров министерства. В этот отдел берет-ся тот же Эйтингон, только что освобожденный из тюрьмы, некто Василевский, пользующийся сомнительной репутацией, близкий человек Берия, некто Правдин, по национальности француз и т.д.

Последнее время, вновь назначенный резидент в Финляндии Котов сообщил, что в бытность свою на приеме у Берия, тот предложил ему посетить министра внутренних дел Финляндии ренегата Лейно, которого, якобы, неправильно оттолкнули финские коммунисты. Берия дал понять тов. Котову, что с Лейно надо встречаться. Это указание Берия выглядит крайне подозрительным, так как нельзя считать нормальным встречу наших советских работников за границей с лицами, которые являются ренегатами и предателями рабочего движения».

Завершая свое выступление, министр Круглов сказал, что в системе министерства внутренних дел, вернее бывшего МГБ, за последнее время сложилось крайне тяжелое положение. В течение последних трех лет там шла непрерывная ломка и реорганизация. Это сильно расшатало аппарат. Но работающие в министерстве коммунисты хорошо знают, что под руководством партии, учтя все уроки, они сделают все для укрепления органов безопасности.

Сергей Никифорович Круглов, как мне показалось за короткий срок совместной работы, оказался действительно наиболее порядочным человеком в руководящем составе МВД. Он занимался главным образом вопросами общественной безопасности, милицескими делами. Стоял как бы в стороне от проблем государственной безопасности и менее других был замешан в нарушении законности. Его выступление на пленуме казалось искренним, хотя он далеко не полностью вскрыл преступную деятельность Берия, так как просто слабо знал этот участок работы. Тем не менее Круглов был человеком принципиальным, склонным

глубоко осознавать допущенные ошибки и их исправлять. Это мое личное мнение, сложившееся в то время, когда мы рассматривали у него мои предложения по решительному исправлению ошибок, допущенных при массовой департации горских народов Кавказа и некоторых других национальных групп в период войны. С.Н. Круглов, — как я уже писал выше, — резко осадил тогда И.А. Серова, пытавшегося грубо прервать мой доклад. Круглов не только заслушал мои предложения по исправлению ошибок, но, как мне стало известно, после моего ухода из отдела «П» МВД СССР, доработал наши предложения и внес их на рассмотрение ЦК. Политбюро одобрило их и приняло меры к решительному, поэтапному исправлению недостатков в национальной политике, допущенных в период Великой Отечественной войны.

Были восстановлены национальные автономии балкарцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаровцев, созданы условия для всестороннего развития этих народов в системе государства. Очень жаль, что не удалось полностью разрешить проблему немцев Поволжья, крымских татар и некоторых других народов. Я рад, что в положительном решении вопроса с поселениями заложен и мой труд, моя борьба за справедливость, за осуществление прав малых народов нашей страны.

Возвращение репрессированных народов в родные места многие связывают с именем Н.С.Хрущева. В общем-то это происходило в его время и, несомненно, он одним из первых в ЦК партии, высказавшихся за восстановление справедливости, имеет право на добрую память. Чеченцы, к примеру, свою благодарность за этот акт милосердия выразили тем, что в 1991 году одной из лучших площадей города Грозного присвоили имя Н.С. Хрущева. Осталась ли целой эта площадь после вооруженного конфликта, носит ли по-прежнему имя выдающегося реформатора?.. Мне это, к сожалению, не известно. Знаю лишь только то, что это был единственный случай в нашей стране увековечивания памяти Н.С. Хрущева.

Я не ограничился только подготовкой предложений по вопросу о насильственно переселенных народах, защитой их в руководстве МВД, но, уже вернувшись на работу в органы госбезопасности, эмоционально выступил на отчетно-выборной партийной конференции КГБ, рассказав о чудовищно несправедливом отношении к департированным народам. Приведа конкретные

цифры и факты, я обрисовал страшные картины департаций, бесчеловечных отношений к поселенцам, разоблачил преступные действия бывшего заместителя министра МВД, позже председателя КГБ при СМ СССР, в этот момент начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба министерства обороны СССР генерала армии И. Серова; бывшего начальника ГУЛАГа, в то время начальника Седьмого управления КГБ, ставленника Серова, генерал-лейтенанта Г.П. Добрынина и других «героев» департаций, которые принесли народам огромное горе и страдания. Я потребовал на партконференции привлечения их к строгой ответственности, выводе Серова из членов ЦК, снятия с должности начальника Разведывательного управления министерства обороны, лишения незаконно полученных орденов.

Меня активно поддержал новый председатель КГБ при СМ СССР А.Н. Шелепин. Правда восторжествовала. Вопрос был рассмотрен в ЦК и решен положительно. Серов снят с должности начальника ГРУ; понижен в воинском звании с генерала армии до генерал-майора. У него, как и у других «деятелей» департаций, отобрали незаслуженно полученные правительственные награды. Все эти меры органически вплелись в ликвидацию последствий преступной деятельности Берии и его окружения.

1953 год можно назвать годом решительных ударов по беззаконию, произволу, чудовищным преступлениям против народа, подпитанными культом личности Сталина и совершенными его ближайшим окружением. Преступники понесли заслуженное наказание. Учитывая особо важное политическое значение предстоящего суда над Берия и его сообщниками, для рассмотрения этого дела в судебном заседании решением Правительства было создано Специальное Судебное Присутствие. Председателем его стал маршал Советского Союза И.С. Конев, членами — Н.М. Шверник (председатель ВЦСПС), Е.А. Зейдин, (первый заместитель председателя Верховного Суда), Н.А. Михайлов, (секретарь московского горкома КПСС), М.И. Кучава, (председатель совета профсоюзов Грузинской ССР), Л.А. Громов, (председатель московского городского совета), К.Ф. Лунев, (заместитель министра внутренних дел СССР) и К.С. Москаленко (генерал армии).

Следствие, как уже знает читатель, длилось почти полгода. 17 декабря 1953 г. в печати появилось сообщение «В прокуратуре СССР», в котором сообщалось:

«Следствие по делу Берия и других заговорщиков закончено. Начавшийся на следующий день суд завершился 23 декабря. В обвинительном приговоре Л.П.Берия обвинялся в том, что он «сколотил враждебную советскому государству изменническую группу заговорщиков, которые ставили своей целью использовать органы внутренних дел против коммунистической партии и советского правительства, поставив МВД над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского строя, реставрации капитализма и установления господства буржуазии»».

По делу Л.П.Берия как сообщники проходили: В.Н.Меркулов, бывший министр государственной безопасности, а в последнее время министр государственного контроля СССР; В.Г.Деканозов, министр внутренних дел Грузинской ССР; Б.З.Кобулов, заместитель министра внутренних дел СССР; П.Я.Мешик, министр внутренних дел Украинской ССР; С.А.Гоглидзе, начальник Третьего управления МВД СССР; Л.Е.Влодзимирский, начальник следственной части по особо важным делам МВД.

Все шестеро в последний день суда после вынесенного приговора были расстреляны. О ходе суда я имел определенную информацию от непосредственных участников судебного процесса. Суд проходил в зале заседаний штаба Московского военного округа. Подсудимые содержались в подземных помещениях запасного командного пункта, вход в который находился во дворе здания штаба военного округа. Охрану и конвоирование заключенных в зал суда осуществляла специальная команда офицеров военного округа.

Я неоднократно бывал в штабе военного округа. Как-то раз, когда я сидел в кабинете — а он окнами выходил во двор, — член военного совета округа генерал-полковник Грушевого, Константин Степанович, показав жестом руки на недалеко расположенную дверь гаражного помещения, сказал, что она ведет в бункер, где как раз и находился под арестом Берия, и там же был расстрелян.

Акты о приведении в исполнение приговора Специального Судебного Присутствия гласили:

«Акт

1953 года, декабря 23 дня.

Сего числа в 19 часов 50 минут на основании предписания председателя Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года за номером 003 мною, комендантом Специального Судебного Присутствия генерал-полковником Батицким П.Ф. в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р.А. и генерала армии Москаленко К.С. приведен в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия по отношению к осужденному к высшей мере наказания — расстрелу Берия Лаврентия Павловича.

Генерал-полковник Батицкий

Генеральный прокурор СССР Руденко

Генерал армии Москаленко.»

«Акт

23 декабря 1953 года

Зам. министра внутренних дел тов.Лунев, зам.главного военного прокурора тов.Китаев в присутствии генерал-полковника тов.Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора тов.Сапильника привели в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года над осужденными:

1. Кобуловым Богданом Захаровичем, 1904 года рождения,
2. Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 года рождения,
3. Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 года рождения,
4. Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 года рождения,
5. Влодзимерским Львом Емельяновичем, 1902 года рождения,
6. Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 года рождения, к высшей мере наказания — расстрелу.

23 декабря 1953 года в 21 час 20 минут вышеуказанные осужденные расстреляны.

Смерть констатировал врач (подпись).»

О процессе над Берия мне позже рассказывали выступавшие на суде в качестве свидетелей генерал-лейтенант Григорий Заболотный, только что вернувшийся из заключения Алексей Снегов (он отбыл 18 лет из 20, к которым был незаконно приговорен), а также член Специального Судебного Присутствия К.Ф.Лунев. Последний, будучи уже на пенсии, не раз заходил ко мне в Московское управление КГБ, где я позже работал.

Со Снеговым я поддерживал в то время близкие отношения по службе, помогая ему обустроиться после возвращения из лагеря. Я даже посетил его как-то раз дома на Кропоткинской улице, где он жил с женой в огромной, совершенно пустой квартире. Он много рассказывал мне о лагерной жизни, о своей работе в Закавказье, по которой хорошо знал Берия.

Надо сказать, что соратников Берия арестовывали еще задолго до суда над ним. Так, 12 июня 1951 года арестовали министра МГБ СССР В.С.Абакумова и вместе с ним начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР генерал-майора А.Леонова, его заместителей полковников В.Комарова, М.Лихачева и Л.Шварцмана, начальника секретариата министерства полковника И.Чернова и его заместителя полковника Я.Бровермана.

Сталин, который тогда еще был жив, как видно, пытался устранить лишних свидетелей своих противозаконных действий.

Следствие велось долго, состоялось еще несколько заседаний Военной Коллегии Верховного Суда СССР, на которых рассматривались дела о государственном преступлении участников злодейств Берия.

Наконец, 14 декабря 1954 года в здании дома офицеров Ленинградского военного округа открылось военное заседание выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда под председательством генерал-лейтенанта юстиции Е.Л.Зейдина. Государственным обвинителем на процессе был Генеральный прокурор СССР Р.А.Руденко.

Вместе с Абакумовым судили Леонова, Чернова, Комарова, Лихачева, Бровермана. Все обвиняемые были признаны виновными в тягчайших преступлениях и приговорены к расстрелу. В 12 часов 15 минут 19 декабря 1954 года в Ленинграде сразу же после оглашения приговора бывший министр госбезопасности В.С.Абакумов был расстрелян.

1953 год стал годом крутого поворота в жизни страны. Арест и осуждение Берия и его сообщников вселили в Никиту Сергеевича Хрущева твердую уверенность. Силловые структуры стали полностью находиться под его влиянием и стали ему подвластны. Кучка его непримиримых противников в лице Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним секретаря ЦК КПСС Шепилова уже не представляла серьезной опасности, т.к. находилась в значительной изоляции от партии и государственных структур. Их судьбу предстояло решить в самое ближайшее время.

Просматривался новый политический курс партии и государства. Это давало возможность органам госбезопасности четко определить политическое и оперативное направление своей деятельности.

Шло к исходу тревожное время.

В сентябре 1953 года состоялся очередной Пленум ЦК КПСС, обсудивший вопросы аграрной политики. Состоялось важное решение о расширении прав колхозов и совхозов в планировании сельскохозяйственного производства, был взят курс на увеличение кредитования сельского хозяйства и приняты другие меры, призванные улучшить жизнь села. Началась разработка мер по совершенствованию промышленного производства, особенно по развитию машиностроения и внедрению в производство передовой технологии. Ходили упорные слухи о предстоящих реформах в общественной жизни страны.

Подули свежие ветры демократии.

Глава 4

УХАБЫ ДЕМОКРАТИИ

СМЕРТЬ И. В. СТАЛИНА потрясла нашу страну, но советские люди не пали духом, еще больше сплотились вокруг идеи построения социализма. Уже проявились огромные успехи в экономке, создавалась развитая промышленность, сельское хозяйство, развивалась передовая наука, поднималась духовная культура народа. Крепла уверенность в правильности выбора социалистического пути.

Трудом народа был создан великий Союз Советских Социалистических республик, могучее государство, которое вышло на соревнование с высокоразвитой капиталистической Америкой. С нами теперь шел рядом окрепнувший социалистический лагерь стран народной демократии. Советские люди в союзе с народами государств антигитлеровской коалиции, разбив фашистскую Германию, освободили Европу от фашистской тирании. Страна быстро преодолела послевоенную разруху, жить стало легче, в магазинах появились товары и продукты.

Невосполнимы лишь были утраты родных и близких, павших на полях сражений.

Радость победы дала новый импульс в жизни, повеяло теплом и надеждами. И все же... не принесла она народу большого счастья, великой духовной свободы. Страна находилась на стадии деформированного социализма.

И. В. Сталин считал образцом стратегию В. И. Ленина в социалистическом строительстве и при этом подчеркивал: «Ленинизм — это русский революционный размах и американская деловитость». Но на деле это емкая, сильная, правдивая фраза далеко не всегда являлась символом сталинского руководства. Деловитости в стиле управления нам как раз часто и не хватало, ее уводили в сторону политические амбиции и разного

рода эксперименты над жизнью многих миллионов людей. Примеров тому великое множество. Это и ссылка так называемых «кулаков» в отдаленные места Сибири, и департация народов нескольких автономных республик, и широко применявшиеся массовые репрессии.

Существовавшая в ту пору система управления общественной жизнью оказалась до предела бюрократизированной, построенной на бездумном исполнении приказов. Она не давала возможности в полной мере раскрыть духовные качества людей, рожденные социализмом, такие, как творчество, научная мысль, инициатива, энтузиазм, деловитость. Все это упиралось в рамки постановлений, приказов, инструкций, указаний. Машина управления работала с большим напряжением. Практика социалистического строительства оказалась законсервированной, она не давала раскрыться творчеству, поискам нового и эффективного.

Изначальные основы законодательной, исполнительной и судебной власти принадлежали ЦК КПСС, его руководящему звену. Роль законодательного органа в лице Верховного Совета СССР состояла в рассмотрении уже подготовленных ЦК партии законодательных актов. Исполнительный орган в лице Совета Министров СССР действовал по установкам, данным опять же со Старой площади.

Государственный план развития народного хозяйства, также как и бюджет, разрабатывались и утверждались вначале в ЦК КПСС, а затем формально рассматривались и утверждались в законодательных и исполнительных органах. Никто не имел права без ведома ЦК внести какие-либо изменения в руководящие документы, хотя этого все чаще требовала жизнь. Существовала беспредельная форма бюрократизма, хотя постоянно шли разговоры о борьбе с ним.

Бюрократизма и бумаготворчества не избежали и органы государственной безопасности. Все это я знал из личного опыта работы в парткоме и в государственном аппарате, будучи в течение четырнадцати лет депутатом Верховного Совета РСФСР и четырнадцати лет — членом бюро горкома партии. Серьезные недостатки и ошибки в партийном и государственном строительстве рельефно обнажились после смерти Сталина. Обстановка разрядилась, появилась возможность свободно мыслить и говорить.

Массовые репрессии, начавшиеся еще в 20-х годах, Сталин превратил в главный рычаг управления государством. В первые годы после революции, массовые репрессии применялись против врагов революции — капиталистов, помещиков, царских офицеров, участников антисоветских партий, бандитствующих элементов, оказавших яростное вооруженное сопротивление приходу Советской власти. Тогда такие решительные меры были оправданы.

Но эти времена ушли и, по утверждению самого же Сталина, мы обрели «...полную устойчивость внутреннего положения, и такую прочность власти в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство в мире». А тюрьмы и лагеря по-прежнему были переполнены и теперь уже в большинстве своем невинными людьми. В воздухе тревожно звучали слова Сталина, оправдывающие кровавую тактику репрессий: «очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей должно было привести и действительно привело к дальнейшему укреплению этих организаций».

Закончилась война, крепла боевая дружба народов, а сталинские репрессии продолжались. Шла жестокая борьба за власть. Сталин заглядывал далеко вперед. «Главное, чего особенно добивается буржуазия всех стран и ее реформистские прихвостни, — говорил он, — это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство...».

И.В.Сталин, конечно же, допустил крупные ошибки и просчеты. Из Ленинского плана построения социализма он изъясил его основу — социалистическую демократию, попытавшись построить социализм военного типа с единым мышлением, единым общественным процессом, единством действий всех и вся.

После смерти Сталина перед Н. С. Хрущевым, обозначившим свое лидерство в руководстве страной, и его единомышленниками стояли три важные задачи: устранить со своего пути бывших соратников, которые боролись за власть, или мешали идти к власти; принять первоочередные меры по исправлению ошибок Сталина и утверждению в стране народной демократии; укрепить свое положение в ЦК и в партии в целом. Как уже говорилось в предыдущей главе, аппарат государственной безопасности внимательно наблюдал за этими важными процессами, так

как именно они должны были определять его дальнейшую политику и линию практической деятельности.

Прежде чем рассказать о великом, и вместе с тем сумбурном десятилетии, прожитом нашей страной в последующее время, хочу поделиться с читателями мыслями о личности Никиты Сергеевича Хрущева, как мне думается, значительного человека своего времени.

Хрущев родился в селе Калиновка Курской области. С молодых лет работал шахтером на шахтах Донбасса. Член партии с 1918 года, участник Гражданской войны. С 1929 года слушатель московской Промакадемии. С 1931 года на партийной работе в Москве, с 1935 года первый секретарь МК и МГК ВКП(б). С января 1938 по 1949 год — первый секретарь ЦК КП(б) Украины. Одновременно с 1944 по 1947 год председатель Совета Министров Украины.

Выше я уже говорил, что хорошо знал Н.С. Хрущева, неоднократно встречался с ним, наблюдал его, так сказать, в разных ракурсах деятельности.

В начале 1947 года Н. С. Хрущев попал в немилость к Сталину. В марте он освободил его от должности первого секретаря ЦК КП(б) Украины, назначив на его место Л. М. Кагановича. Хрущев оставался председателем Совета Министров Украины до декабря, когда его вновь утвердили первым секретарем ЦК КП(б) Украины. Председателем Совмина Украины стал второй секретарь ЦК КП(б)У Д.С. Коротченко.

Вскоре Никиту Сергеевича перевели на работу в Москву, где избрали секретарем ЦК ВКП(б) и первым секретарем МК и МГК ВКП(б). На этом посту и застали его события связанные со смертью Сталина.

В Великую Отечественную войну Н.С. Хрущев — член военных советов Юго-Западного направления, Сталинградского, Воронежского и Первого Украинского фронтов. Имел воинское звание генерал-лейтенант.

С марта 1953 года он секретарь, с сентября — первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958-1964 годах еще и председатель Совета Министров СССР. В октябре 1964 года был освобожден от должности первого секретаря ЦК и члена Президиума ЦК КПСС. Как было сказано в постановлении ЦК, за проявления субъективизма и волюнтаризма.

Как я уже сказал, Н.С. Хрущев, при всей противоречивости его натуры, — несомненно выдающийся деятель своего времени, талантливый организатор и вожак народных масс. Он был честным, открытым представителем своего народа, человеком светлой смелой мысли, одаренным оратором, умеющим убедить людей, зажечь их своими замыслами, повести за собой.

Я доволен тем, что почти одиннадцать лет работал на Украине под его руководством.

В январе 1938 г., когда я был утвержден инструктором Киевского горкома партии, на Украину прибыл и приступил к работе Н.С.Хрущев. В канун XVIII съезда ВКП(б) состоялась городская партийная конференция, на которой его избрали первым секретарем Киевского горкома партии, несколько позже он стал и первым секретарем обкома. Тогда же, после бесед с Н.С. Хрущевым, меня сначала утвердили заместителем заведующего, а потом и заведующим организационно-инструкторским отделом Киевского горкома.

Начавшаяся война прервала мои встречи с Н.С.Хрущевым, он отбыл на фронт. В то время, — как я уже писал ранее, — мне поручили создание народного ополчения, партизанских и истребительных отрядов. Участвовал я и в создании Киевского партийного подполья. В августе 1941 года у меня была короткая встреча с Никитой Сергеевичем в Броварах, где в то время находился штаб Юго-Западного фронта.

После того, как Киев оставили наши войска, и я вышел в составе нашей вооруженной группы из окружения, началась моя работа в аппарате Центрального Комитета КП(б)У, несколько месяцев инструктором ЦК партии, а с ноября 1942 года — заместителем заведующего организационно-инструкторского отдела. Занимался главным образом вопросами партизанского движения и подпольной работой на территории Украины, оккупированной немцами. Н.С.Хрущев все время находился в войсках действующей армии.

Текущую работу ЦК возглавлял Д. С. Коротченко, который весь период войны докладывал Н. С Хрущеву о состоянии и планах партизанского движения и подпольной работы и получал от него соответствующие указания.

В военное время очень редко, но я встречался с Никитой Сергеевичем. Так, например, в августе 1942 года ЦК КП(б)У

находился в Саратове, куда из Сталинграда, на короткий период прибыл Н.С. Хрущев.

В студии радиостанции «Днепр», работавшей на население оккупированной Украины, на очередной сеанс передачи собралась небольшая группа украинских товарищей, прибыл и Никита Сергеевич. Передача шла по плану. Запомнился забавный эпизод. Перед микрофоном на стульях, расположенных в ряд, сидели известные украинские артисты — Литвиненко-Вольгемут, Потаржинский и заместитель председателя Совета министров Украины В. С. Старченко. Все они были довольно полного телосложения. Н. С. Хрущев, обращаясь ко всем и показав на них жестом руки, громко сказал:

— Видные представители украинского народа трое на пяти стульях сидят.

Эта фраза вызвала веселое оживление среди присутствующих.

Одна из моих встреч с Хрущевым состоялась в Харькове 24 августа 1943 года, на второй день после изгнания из него немцев. ЦК партии (его передовая оперативная группа) временно разместился в небольшом двухэтажном доме на Юрьевской улице 10. Днем к нам приехал Никита Сергеевич. С ним — Д. С. Коротченко и председатель Верховного совета Украины М. С. Гречуха. Всего человек 10 — 12. Встреча состоялась на пустынной улице, прохожих не было. Расположились полукругом около Хрущева и внимательно выслушали его сообщение о положении на фронте и первоочередных задачах ЦК КП(б)У по восстановлению советской власти и общественной жизни в Харькове и освобожденных городах и районах Украины. Слушали со вниманием, понимая важность и сложность предстоящей работы. Беседа длилась около часа.

В этот же день мы с Д.С.Коротченко и секретарем Харьковского горкома партии В.М.Чураевым во дворе городской поликлиники Лечсанупра провели совещание по результатам беседы с Н.С.Хрущевым с городскими и районными руководителями Харькова. Там же во дворе Д.С.Коротченко, пригласив меня сесть на штабель труб, более часа инструктировал по наиболее срочным задачам, стоящим перед ЦК.

6 ноября 1943 года передовая группа ЦК КП(б)У с войсками вошла в Киев. На второй день, 7 ноября в снежную погоду у па-

мятника Шевченко, напротив Университета состоялся митинг по случаю 26 годовщины Великого Октября. Это было запоминающееся событие.

ЦК партии приступил к восстановлению своего аппарата, а также республиканских организаций.

В 1944 году Н. С. Хрущев вернулся в Киев и теперь стал не только первым секретарем ЦК КП(б)У, но и председателем Совета Министров Украины. Надо сказать, что на военной работе Н.С.Хрущеву не повезло, командующим Юго-Западного направления, куда его направили членом военного совета, были С.М. Буденный и С.К. Тимошенко — военные специалисты старой школы, управлявшие войсками недостаточно умело, в связи с чем в 1941 году под Киевом и в 1942 году под Харьковом наши войска потерпели крупные поражения. Словом, как военный специалист Н.С. Хрущев у Сталина авторитетом не пользовался, и за всю войну его даже не повысили в звании.

С 1944 года встречи с Н. С. Хрущевым у меня стали более частыми. К тому же в этом году меня избрали секретарем парткома парторганизации при секретариате ЦК КП(б)У. В этот период я выполнял ряд ответственных поручений Никиты Сергеевича.

Я должен был получить от всех обкомов партии и командиров партизанских соединений (одновременно секретарей подпольных обкомов партии), отчеты о деятельности в тылу противника и начать обобщение этих важных документов.

9 апреля 1944 года я получил указание от Д.С. Коротченко — срочно вылететь в район Одессы, где войска 4-го Украинского фронта начали бои по освобождению города от немецко-румынских оккупантов. Рано утром 10 апреля вместе с секретарем Одесского обкома партии И.А. Сосновским и другими товарищами я прибыл на военном самолете на аэродром Березовка под Одессой. Я и Сосновский встретились на командном пункте с командующим воздушной армией генералом В. А. Судецем, пояснив, что нам надо немедленно отправиться в Одессу.

— В Одессе еще идут бои, — сказал он, — но коль скоро вы так торопитесь, могу доставить.

Тут же по его приказу к командному пункту подружили два самолета ПО-2. Мы подошли к ним. В задних кабинах, где нам надлежало разместиться, стояли на турелях пулеметы. Нас попро-

силы занять места в самолетах, и я дал пулеметную очередь в воздух, показав, что знаком с этим оружием. Поднялись в воздух, взяв курс на Одессу. Нас прикрывало звено истребителей. Уже после войны, на одном из приемов я оказался рядом с Судецем и напомнил ему эпизод с доставкой нас самолетом в Одессу. Он быстро отлучился и пришел вместе с маршалом авиации Н.М. Скомороховым.

— Вот его звено вас прикрывало в тот день, — сказал, улыбаясь, Судец, — мы долго пытались выяснить ваши фамилии, знали, что ответственные партийные работники украинского ЦК, но кто конкретно, нам не сказали. С тех пор я с маршалами авиации Судецем и Скомороховым поддерживал добрые товарищеские отношения.

Но полет этот не обошелся без приключений. Мы сели в Одессе на крайнюю полосу военного аэродрома; еще ни один из наших самолетов там посадки не делал. На аэродроме стояло много немецких самолетов, поврежденных в результате налета нашей авиации. Среди них запомнился больших размеров шестимоторный транспортный самолет, два мотора на нем висели на лучках проводов. Аэродром был заминирован, и мы передвигались по нему со всеми возможными предосторожностями. Вслед за нами почти одновременно совершили посадку еще два ПО-2, из которых вышли два офицера, вступивших в яростный спор, какому подразделению авиации — морской или наземной предстоит базироваться на этом аэродроме. Мы оставили в споре двух разгоряченных офицеров и двинулись в центр города пешком.

В дороге нас нагнала какая-то военная часть в иностранной форме, идущая строем посреди улицы с полным вооружением. Командир части подошел к нам и на ломаном украинском языке пояснил, что это батальон словацких войск, которых немцы заставили воевать на своей стороне. Перед тем, как немцы оставили Одессу, батальон укрылся в катакомбах и вот теперь переходит на сторону советских войск. Будут просить направить полностью экипированный батальон в армию генерала Свободы. Таким образом мы, хотя и неофициально, оформили переход словацкого батальона на сторону советских войск, провели его на улицу Льва Толстого, где временно располагался обком партии.

Вместе с первым секретарем обкома партии А. Г. Колыбановым мы приняли меры к налаживанию работы водопровода,

электростанции, трампарка, хлебозавода и городской больницы, приняли участие в тушении горевшего в порту элеватора.

В Одессе я пробыл более десяти дней, помогая местным товарищам восстанавливать общественную жизнь в городе. Особое внимание уделил подпольной партийной организации Одессы. Районы города оккупировали румынские войска, здесь всем управляла румынская администрация и в ее действиях отмечалось определенное своеобразие. Оккупационный режим, в какой-то степени либеральный, отличался коварными действиями. Румыны, арестовав коммунистов и просоветски настроенных граждан, на глазах горожан дважды вывозили их группами в парк Шевченко на своеобразные митинги. В одном случае выступил Антонеску, правитель Румынии, в другом — королева этой страны, которые объявили о помиловании арестованных, распустив всех по домам. Таким образом, они притупили остроту настроения и действий коммунистов против оккупантов. Румыны использовали подобные методы и для вербовки среди коммунистов своей агентуры, засылая ее в ряды подполья.

Один из коммунистов в годы румынской оккупации имел в Одессе крупное колбасное производство. Установив связь с подпольщиками, он предложил им крупную сумму денег, но... при этом потребовал расписку, чтобы, как он сказал, отчитаться перед советской властью.

Состоялась трудная беседа с бывшим секретарем подпольного обкома партии Платовым. Выяснилось, что его завербовала румынская секретная служба. Как агент, он должен был давать нужную румынам информацию, причем даже после прихода в Одессу наших войск. Платов признался, что в подполье почти не работал, вел праздный образ жизни, посещая открытые в Одессе многочисленные увеселительные заведения. Румыны его арестовали, завербовали, и перед приходом Советской армии, ночью во время конвоирования по улице ему организовали побег. Их было четверо, трое разбежались в разные стороны, четвертого, подростка, убили.

При проверке деятельности подпольных организаций пришлось еще не раз встречаться с подобными фактами.

Ознакомившись с положением дел в Одессе, мы установили, что действия местных работников не отличались организованностью. В первую очередь это относится к секретарю обкома

А.Г.Колыбанову. По возвращении из командировки я доложил ее результаты и в письменной и в устной форме Н.С. Хрущеву и второму секретарю ЦК партии Д.С. Коротченко. Вскоре А.Г.Колыбанова освободили от должности первого секретаря Одесского обкома партии, а вместо него утвердили Алексея Илларионовича Кириченко, работавшего в ту пору секретарем ЦК КП(б) Украины по кадрам, место которого занял Алексей Алексеевич Епишев, член военного совета 38-й армии, вернувшийся с фронта.

Где-то в начале 1946 года меня пригласил Н. С. Хрущев. Он предложил мне выехать в Харьков с группой работников для проверки деятельности областной парторганизации и ее первого секретаря В.М. Чураева. Я подобрал комиссию из семнадцати опытных руководящих работников. Прибыв в Харьков, мы в течение двух недель внимательно изучали положение дел. Вскрылось немало недостатков в руководстве экономикой области: промышленностью, сельским хозяйством, отраслями науки, культуры, образования. Промахи обнаружились и в организаторской работе, особенно возмущил нас стиль руководящей работы В.М. Чураева. Стал вопрос о его дальнейшем пребывании на занимаемом посту. Мы подготовили подробную докладную записку о результатах проверки, а также проект решения Политбюро ЦК Компартии Украины, где этот вопрос должен был рассматриваться. В материалах указывалось, что В. М. Чураев резко, а иногда в грубой форме высказывал свои претензии к руководящим работникам.

Н. С. Хрущев подробно ознакомился с подготовленными документами и выслушал мой устный доклад. Он подчеркнул, что харьковская партийная организация занимает особо важное место в КП(б)У и к ней надо относиться осторожно, с большим вниманием. Неожиданно он задал мне вопрос:

— Виктор Иванович, Чураев может дальше руководить областью, он честный человек?

Возможно последняя часть вопроса возникла у Хрущева в связи с тем, что, судя по материалам проверки, Чураев приобрел в личное пользование автомобиль.

Я ответил:

— Чураев, по моему мнению, честный человек, опытный партийный руководитель, волевой, инженер по образованию, хорошо знает промышленность и сельское хозяйство.

— Ну это главное, — сказал Хрущев, — доверим ему и дальше руководить областью, а об ошибках и недостатках сформируем, пусть исправляет их.

Он предложил не выносить вопрос на Политбюро, а решить его иным способом. Разговор на этом закончился. Я вышел из кабинета, в него вошел В. М. Чураев, ожидавший в приемной. Я решил его подождать. Минут через тридцать дверь открылась, и Чураев вышел со следами слез на лице. Он сказал, что ему доверили продолжать работу, но обязали исправить недостатки. О работе нашей комиссии Чураев не сказал ни слова.

По результатам проверки, как было условлено, я выступил со статьей «О серьезных недостатках в работе харьковских коммунистов» в журнале «Коммунист Украины». Вскоре в этом же журнале была опубликована еще одна моя статья «Районный комитет партии — орган политического и организационного руководства», в которой также отмечались серьезные недостатки в работе некоторых райкомов партии Харьковской области.

Я выезжал в Днепропетровскую, Полтавскую, Львовскую, Драгобычскую, Станиславскую, Сумскую, Херсонскую, Тернопольскую области по вопросам партийной и государственной работы.

В 1949 году намечался пленум ЦК КП(б)У по вопросу «О массовой политической работе среди населения и культурно-бытовом обслуживании трудящихся». Я, имея поручение выехать в Днепропетровскую область по вопросам сельского хозяйства, одновременно решил проверить, как в области обстоят дела, связанные с повесткой предстоящего пленума.

Вместе с обкомом партии мы создали ряд бригад по проверке работы торговли, общественного питания. Я лично ознакомился с работой горисполкома по приему граждан, рассмотрению их жалоб и заявлений, проверял как областное управление МВД выдает паспорта, что имело важное значение в послевоенное время. Выезжал я и в Кривой Рог, там спускался в шахту, беседовал с шахтерами, побывал в местном дворце культуры, который, как мне сказали, остался без электричества, встречался с секрета-

рем Криворожского горкома партии И. Сиренко, уже знакомом мне по военному периоду.

В результате поездки вскрылось много недостатков в работе руководства Днепропетровской области. По возвращении из командировки я написал докладную записку Н. С. Хрущеву. Прочитав ее, он распорядился размножить этот документ и раздать каждому члену и кандидату в члены ЦК, участникам пленума.

Я был удивлен и, вместе с тем, удовлетворен тем, что после пленума ЦК ко мне в кабинет зашел первый секретарь Днепропетровского обкома партии Леонид Ильич Брежнев и выразил благодарность за оказанную обкому помощь.

Одиннадцать лет работы на Украине рядом с Никитой Сергеевичем Хрущевым дают мне право еще раз сказать о нем, как несомненно талантливом руководителе, глубоко народным деятелем своего времени. Его отличали природные черты характера, свой нетрадиционный стиль работы. В то же время у Хрущева были и серьезные недостатки, не давшие ему возможности впоследствии выполнить свою огромной важности миссию руководителя страны. Постараюсь изложить свои впечатления о характере Н. С. Хрущева, его положительных и отрицательных чертах.

Видимо со временем, а может быть и с возрастом, отрицательные черты характера человека, ранее менее заметные, начинают зреть, выплескиваться на передний план, а он этого не замечает, наоборот считает их своим достоинством.

Никита Сергеевич Хрушев — пламенный оратор. В большинстве случаев он выступал без всяких записей, говорил то, что думал, стремился свою мысль доходчиво донести до людей. Его доклады, речи, беседы слушали с большим вниманием, они запоминались.

Как-то на заседании Политбюро ЦК КП(б)У, на котором я присутствовал, перед рассмотрением вопроса о предстоящем праздновании годовщины Октябрьской революции и докладе на торжественном заседании, которое должно было состояться в Киевском театре оперы и балета, Никита Сергеевич сказал примерно следующее:

— Не люблю выступать на торжественных заседаниях с написанным докладом, как-то формально, казенно получается. Ведь знаю, что в зале присутствует большинство приглашенных чиновников, им уже доклады надоели, а рядом с ними сидят разде-

тые жены, которые идут на торжественное заседание не меня слушать, а себя и наряды показать. Чего я перед ними буду попусту время тратить. Успокаивает только то, что доклад нужен для печати, люди его будут читать.

Он говорил, что любит выступать без записи, прямо высказывать людям свои мысли, замыслы, проблемы, зажигать их убедительным словом, привлечь на свою сторону, добиться, чтобы слово стало делом. Вот тогда появляется желание говорить, не жалея времени.

Н.С. Хрущев всегда чувствовал себя на трибуне уверенно, говорил твердо, громко, призывно, жестикулируя зажатой в кулак правой рукой. Приводил интересные факты, увлекая своими словами слушателей.

Он любил людей, старался быть ближе к ним, знать их жизнь, положение дел на местах. Если сказать кратко, быть рядом с массами. Больше всего времени Никита Сергеевич проводил в разъездах, посещая фабрики, заводы, шахты, особенное внимание уделял сельскому хозяйству. Он знал многих тружеников города и села по имени и отчеству, посещал их дома, не чурался пообедать с хозяевами.

Запомнился один эпизод. В Государственном театре оперы и балета имени Т. Г. Шевченко проходил слет передовиков сельского хозяйства, шло обсуждение проблем сельскохозяйственного производства. На трибуну вышла прославленный свекловод из Переяслав-Хмельницкого района Киевской области — Хобта. Ее, Героя Социалистического Труда, знала вся Украина. Она говорила горячо, уверенно, умно, делилась опытом получения высоких урожаев свеклы, и вдруг, уточняя какой-то эпизод, забыла, когда именно этот эпизод произошел. Хобта запросто обратилась к сидевшему в президиуме Хрущеву:

— Никита Сергеевич, да вы наверное помните, я тогда болела гриппом, и вы прислали мне селедку.

Близкие отношения Хрущева с рядовыми работниками, простыми тружениками были для него вообще характерны. Связь с массами, знание жизни людей, верная служба трудовому народу — таковы основные черты характера Никиты Сергеевича. Руководителю, который знает жизнь народа, его нужды и запросы, легче даются государственные дела, он менее склонен к ошибкам и промахам в работе.

Будучи опытным организатором, хорошо разбирающимся в проблемах промышленности и сельского хозяйства, Хрущев много сделал для восстановления экономики Украины в послевоенный период. Республика лежала в руинах, это была истерзанная, опаленная войной земля. Прошло немного времени и в результате упорного труда людей, поднятых горячим словом на борьбу с разрухой, задымили трубы фабрик и заводов, начали давать уголь шахты Донбасса, стал давать ток Днепрогэс, начал строиться каскад электростанций на Днепре, Киев получил Дашавский газ, сельское хозяйство вышло на новый высокий уровень. Жизнь возродилась.

Никита Сергеевич увлекался всем новым, что возникало в промышленности и сельском хозяйстве, и всячески поддерживал новаторскую мысль. Часто встречался с передовиками производства, иногда вступал с ними в творческие споры. Он жил на улице Мельника, где было небольшое опытное поле. Там Никита Сергеевич сам проводил эксперименты с сельскохозяйственными культурами, а на строительной площадке, экспериментировал, демонстрируя новый способ кладки кирпича.

Хрущев стал инициатором решения крупных проблем в сельском хозяйстве. Это — укрупнение колхозов; создание межколхозных МТС; расширение посевов кукурузы, как важной кормовой культуры и базы для животноводства; внедрение сахарной свеклы, с тем, чтобы обеспечить население страны сахаром и т.д.

Эти эксперименты для республики стали полезными. Если Никита Сергеевич чем-то увлекался и стремился продвинуть дело без разумного просчета, то его поправляли на местах, доказывали свою правоту на конкретных примерах, поправлял его и центр.

Но все бездумные увлечения Хрущева позднее обернулись потерями для страны, когда Никита Сергеевич стал ее руководителем и сдерживающих его центров не стало. Подхалимы же и подпевалы разжигали в нем страсти, восхваляя его «очень важные» начинания.

Итак, я могу констатировать, ссылаясь на многочисленные известные мне факты, что Никита Сергеевич Хрущев обладал многими положительными чертами характера. И все же надо признать, что он не был подготовлен руководить партией, государством, оставаясь в основном руководителем регионального масштаба, такой, например, республикой, как Украина, где в то

время у руководства стояли опытные кадры. Правда, надо признать, что к руководителям Донецкой, Днепропетровской, и Харьковской областей Хрущев относился с некоторой настороженностью.

Многие отрицательные черты характера Н.С.Хрущев унаследовал еще с Украины. А в силу его нового положения в обществе, когда Хрущев получил всю полноту власти, они развились и стали опасными для общества.

Считаю необходимым остановиться на трех наиболее существенных пороках характера и стиля работы Н.С.Хрущева. Он:

- допускал серьезные недостатки в подборе и расстановке кадров;

- совершенно не имел опыта дипломатической деятельности и не был склонен к ней;

- проявлял излишнюю самоуверенность, считая все, что он говорит и делает, единственно правильным;

- не учитывал мнения и советов товарищей по работе.

Работу с кадрами Хрущев вел поверхностно, упрощенно. Встретил человека, поговорил, уверовал в него как работника и тут же выдвигал на важную работу, не заботясь о том, обладает ли тот всеми необходимыми качествами для этой цели, будет ли соответствовать своему новому назначению.

Еще с довоенного времени он знал секретаря Киевского пригородного райкома партии И.Д. Гаврищука, человека, знающего сельское хозяйство, умело руководившего сельским районом, но с работой промышленности, науки, высших учебных заведений, с проблемами творческой интеллигенции мало знакомого. В конце 1939 года в связи с воссоединением Западной Украины потребовались пополнение республики руководящими кадрами. Н. С. Хрущев выдвинул И. Д. Гаврищука на должность первого секретаря Львовского обкома партии.

Львов уже в то время считался важным промышленным и культурным центром. Здесь сосредоточились многие промышленные предприятия, общепризнанные центры культуры, науки и образования, плодотворно работали университет, театр оперы и балета. В городе жило немало видных ученых и писателей, много студентов. Сильным оставалось влияние на население униатской греко-католической церкви, глубоко распространен национализм. Кстати, местные националисты ратовали за воссоединение с вос-

точными областями Украины, в едином самостоятельном свободном Украинском государстве.

В народе ходила тогда такая поговорка: «хотели паны к пуговице кафтан пришить». Конечно, такое широкое поле деятельности недавнему руководителю районного масштаба оказалось явно не под силу. Этого Никита Сергеевич не смог или по своему упрямству не хотел предвидеть и продолжал усугублять свою ошибку, и дальше продвигая Гаврищука. С подачи Хрущева его избрали на XVIII съезде ВКП(б) членом ревизионной комиссии, а в связи с начавшейся вскоре войной назначили членом военного совета 6-й армии Юго-Западного фронта.

Суровая доля досталась этой армии: она была разбита. Гаврищук, оказавшись на оккупированной территории, вел себя по-обывательски. Действовало партийное подполье, полыхало партизанское движение, а он работал себе экспедитором сахарного завода, где и нашли его подпольщики.

Я уже неоднократно говорил, что в период войны участвовал в подпольной работе и партизанском движении на Украине. В начале 1944 года я принимал отчет о работе Винницкого подпольного обкома. Меня буквально обескуражил такой факт — секретарем обкома стал больной туберкулезом беспартийный сельский учитель Корнейчук, а всего лишь его членом — бывший первый секретарь Львовского обкома партии Гаврищук. Он произвел жалкое впечатление, действительно всего лишь «экспедитор сахарного завода».

Пример поучительный, но он ничему не научил Н.С.Хрущева. Уже после войны, Никита Сергеевич снова допустил большую ошибку, назначив секретарем Львовского обкома партии Чучукало, работавшего ранее первым секретарем Сумского обкома. Подход к кандидатуре тот же. Чучукало — опытный агроном, неплохо знал сельское хозяйство. Но необходимыми качествами для руководства общественной жизнью большой Львовской области, как выяснилось, он не обладал. Прямо скажем, культуры ему нехватало.

Еще в период работы в Сумской области, когда ее освободили от немцев, Чучукало дал указание все брошенные противником, в том числе поломанные автомашины, доставить к зданию обкома партии. «Пригодятся для работы на селе», — говорил он. Немцы стояли еще недалеко от Сум и кто-то информировал Чучу-

кало о том, что авиация противника обнаружила большое скопление автомашин около здания обкома. До Чучукало дошли разговоры сотрудников: «А вдруг они сочтут, что здесь расположен штаб, жди тогда бомбового удара» и Чучукало суетливо распорядился срочно растащить машины в разные стороны. Люди тогда посмеялись над поступком Чучукало.

Об отсутствии у него элементарной культуры говорили такие, например, факты. Во время заседания бюро обкома, он умудрялся из открытого окна со второго этажа, громко восклицать:

— Максим, а Максим (так звали обкомовского конюха), чего это наша кобыла дрищет?

Или возьмем такой случай. Чучукало провел решение бюро обкома высчитать из зарплаты заведующего сельхозотделом обкома партии определенную сумму за то, что во время поездки по районам повозка, в которой он ехал, зацепилась за стоявший танк и пострадали медные украшения на сбруе.

Над Чучукало посмеивались и руководители других областей республики. Особенно часто иронизировал над ним секретарь обкома партии, дважды Герой Советского Союза командир партизанского соединения А. Ф. Федоров. Все знали, что Чучукало, сосредотачиваясь во время выступления, собирал лоб в морщины.

Когда Чучукало разглаживал лоб, но при этом начинал говорить не по существу. Заметив это, Федоров громко говорил сидящим с ним рядом:

— Тихе, Чучукало перешел на длинную волну, — и громче восклицал, — Гальмуй, гальмуй! (тормози, тормози!).

Чучукало, над которыми откровенно смеялись, никак не менялся и во время своей работы во Львовской области. В то время здесь ухудшилось снабжение мясом. Секретари обкома партии договорились с одним крестьянином, что он поставит на откорм несколько поросят: каждому секретарю по свинье. Поросята росли и хозяева стали путать, кому какой принадлежит. Решили на уши каждой свиньи повесить бирки с фамилией владельца. Так появился боров Чучукало. Это стало широко известно и, конечно, вызвало усмешки.

Чучукало не пользовался авторитетом среди населения, особенно львовской интеллигенции и вскоре его освободили от своего поста.

Позже, когда Н.С. Хрущев стал руководителем страны, он продолжал допускать ошибки при подборе кадров, что привело к серьезным издержкам в деятельности ведомств, куда пришли к руководству совершенно неподготовленные люди.

Так, министром внутренних дел СССР утвердили Дударова, работавшего до этого заведующим отделом строительства ЦК партии. Тогда говорили, что Хрущев укрепил сразу два участка работы. Однако Дударова вскоре освободили от работы министра МВД, а само министерство ликвидировали, что стало новой ошибкой Хрущева. Остались министерства и управления, в республиках, краях и областях, вошедшие структурно в состав местных советских органов.

Иногда Хрущев доходил до абсурда. Назначил своего зятя, Алексея Аджубея, главного редактора газеты «Известия», личным представителем по международным вопросам. Аджубей стал часто выезжать за границу. Там он вступал в контакты с государственными деятелями, обсуждал важные вопросы межгосударственных отношений. Министерство иностранных дел СССР в этом случае зачастую оказывалось отодвинутым на второй план. В кулуарах поговаривали, что Н.С. Хрущев готовит Алексея Аджубея на роль министра иностранных дел. Появилась расхожая поговорка: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей».

Разительным примером неумелого подбора кадров стало назначение по рекомендации Хрущева секретарем ЦК партии, отвечающим за сельское хозяйство, агронома Полякова. Облюбовал его Хрущев во время своей очередной поездки по стране. Поляков — человек безусловно честный, опытный агроном, умелый организатор сельскохозяйственного производства в совхозе. Однако масштабную руководящую работу вести он не мог, на это не хватало ни опыта, ни умения. Естественно, с работой он не справился. Несколько позже, после освобождения от работы Н.С. Хрущева, на Пленуме ЦК встал вопрос об снятии Полякова.

Как мне рассказывали присутствовавшие на Пленуме товарищи, Поляков попросил разрешения выступить, вышел на трибуну и сказал:

— Да, я не справляюсь с работой, не соответствую должности, я и не хотел тогда соглашаться, меня уговорили. Я уйду, но вас здесь, таких как я, в зале много.

Н.С.Хрущев не сумел подобрать себе команду единомышленников, найти талантливых руководителей, а, может быть, просто не хотел иметь рядом людей, равных себе, а то и посильнее...

В кадровой работе он давал наиболее серьезные промахи.

Никита Сергеевич плохо разбирался и в вопросах международной политики, с этой деятельностью до прихода к власти он просто не сталкивался. Если вспомнить его период работы на Украине, надо признать, что он не проявил там дипломатических способностей. После воссоединения с Западной Украины, ему следовало бы найти компромисс между организацией украинских националистов и органами советской власти. Условия к этому имелись. Переговоры смягчили бы приход советской власти на новые земли, находившиеся под чуждым влиянием. Но этого сделано не было. К такой тонкой дипломатии Н.С.Хрущев не был подготовлен. На территории Западной Украины насильственно установили общественный порядок, свойственный восточным областям.

Вся деятельность Хрущева как дипломата состояла в приеме высоких иностранных гостей, заезжавших иногда в Киев с дружественными визитами, а тут, как говорится, все несложно — наливай и пей. Известно, насколько упрощенно, с грубыми ошибками и просчетами вел Никита Сергеевич дипломатическую работу, когда стал руководителем страны. Действовал он чаще всего как слон в посудной лавке. Достаточно вспомнить Карибский кризис, который чуть не привел нашу страну к трагической войне с американцами, разлад наших отношений с Китаем, восстание в Венгрии и другие серьезные неудачи в международных делах.

В начале 60-х годов по служебным делам я выезжал в Австрию. В один из дней наш посол Виктор Иванович Авилов пригласил меня на прием, проведенный по моей просьбе по всем правилам дипломатического этикета. Я хотел познать все эти тонкости. В красном зале приемов я беседовал с Авиловым, который рассказал мне, что этом зале в мае 1960 года встречались Н.С.Хрущев и Д. Кеннеди. Состоялся очень острый разговор по поводу полета американского самолета-шпиона над территорией Советского Союза. Переговоры в Вене были тогда прерваны и вскоре возник Карибский кризис.

Я в эти дни находился в служебной командировке в Башкирии. В войсках страны объявили боевую тревогу. Я с местными товарищами выехал на ракетную позицию ПВО, побывал на командном пункте полка, познакомился с грозной системой спаренных единым управлением четырех зенитных ракет, которые нам показали. Сила — грозная, но обстановка тревожила, надвигалась опасность войны. Наше счастье, что страна сумела выйти из тяжелейшего положения и сумела предотвратить безумную бойню.

Думаю, что в заслугу Хрущеву этого никак нельзя поставить. Лишь настоятельные требования руководящих товарищей убедили его отдать приказ о выводе с Кубы наших ракет.

Самолубивый и бескомпромиссный, он не допускал никаких возражений против проводимой им линии. Этот опасный порок дорого ему стоил. В трудное время он остался в одиночестве, все наиболее близкие товарищи по работе от него отвернулись.

Я, наверно, несколько увлекся рассказом о личности Никиты Сергеевича. С одной стороны, я вижу, что ухожу в сторону от заданной темы, но, с другой, — все же считаю такое изложение очень важно. Оно дает возможность показать пороки этого незаурядного человека, который вырвавшись на исторический простор, попытался перестроить общество, улучшить социализм и в конце своей деятельности провалился со своими идеями — сделать наш социалистический строй более демократическим.

Из всех руководителей сталинского окружения Н. С. Хрущев выступил против вождя наиболее агрессивно. Конечно, пинать мертвого льва гораздо проще, а главное безопаснее. Почему он это сделал? Далеко не случайно. Я уже упоминал, что И. В. Сталин при жизни, особенно в последние годы, относился к Хрущеву довольно недружелюбно и наносил ему лично горькие обиды. Этого Хрущев Сталину, конечно, простить не мог. Сталин иронически относился к Хрущеву и как к военному, выдерживал его в малом генеральском звании, а после провала Харьковской операции в 1942 году, отозвал с фронта. Никита Сергеевич долго находился в распоряжении Сталина, и только после проведенной «воспитательной работы» его направили на Сталинградский фронт членом военного совета. В тот период на сцене московских театров появилась известная театральная постановка А. Е. Корнейчука «Фронт», острием своим направленная против военной школы периода гражданской войны и таких полководцев как

Буденный, Тимошенко и другие. Хрущев в силу обстоятельств оказался среди этих военных, что тоже ставилось ему в вину. В душе он оправдывал себя тем, что находился на важнейших направлениях театра военных действий.

После войны, в 1946 году Украину постиг неурожай. Республика не только не дала стране планового хлеба, но и сама оказалась в тяжелом продовольственном положении. Сталин направил на Украину комиссию во главе с пресмыкавшимся перед вождем инспектором ЦК ВКП(б) Гусаровым. Комиссия вскрыла крупные недостатки в кадровой работе на Украине, отметила, что на многих руководящих постах находились коммунисты, попавшие в окружение, проживавшие на оккупированной территории и только потом примкнувшие к партизанскому движению. Указывалось, что в республике медленно и недостаточно активно ведется борьба с бандами украинских националистов и их подпольем. По результатам работы комиссии у Хрущева в Москве с кем-то из высокопоставленных руководителей состоялся очень неприятный разговор, а вскоре мы почувствовали, что служебное положение Никиты Сергеевича пошатнулось. Должен сказать, что аппарат это чувствует остро.

В один из этих тревожных декабрьских дней 1946 года я был приглашен к Н. С. Хрущеву. В кабинете у него находился второй секретарь ЦК Д. С. Коротченко. Никита Сергеевич начал разговор прямо и откровенно.

— Кто-то, — сказал он с раздражением в голосе, — в городе распускает слухи, что меня якобы скоро снимут с работы, а также идет болтовня, что дома я «купаюсь» в вине, очень много расходую средств на застолья с друзьями. Прошу Вас, пожалуйста, разберитесь с этим делом. О деталях договоритесь с Демьяном Сергеевичем, он в курсе всех этих разговоров.

Покинув кабинет Хрущева, Коротченко ввел меня в курс дела. К просьбе Никиты Сергеевича он добавил немного, намекнув, что дело это хоть и архиважное, но очень деликатное. Коротченко отрицал какие-либо застолья с обильным употреблением спиртных напитков и, с неудовольствием заметил, что все эти разговоры — сплошной навет, ничего подобного в природе не существует.

— Короче, давай, действуй, — закончил разговор Демьян Сергеевич.

Обо всех разговорах о Хрущеве доложил в ЦК партии министр госбезопасности республики С.Р.Савченко. «Вот отсюда-то, решил я для себя, видимо, и надо начинать разбор всей этой неприятной истории». Заниматься, честно говоря, этим делом мне не очень хотелось, но выбирать себе задание по душе в партийных органах было не принято.

Пригласил на беседу Сергея Романовича Савченко, передал ему существо данного мне поручения и попросил ознакомить со всеми имеющимися в госбезопасности материалами по этому вопросу. Он не возражал, но предложил пройти к нему в министерство, где и документы рядом и сотрудники, с которыми надо будет побеседовать, под рукой. Я согласился.

Мне была предоставлена информация двух агентов. Четверо видных писателей Украины (фамилии агенты назвали) в своем кругу ведут разговоры о том, что Хрущев не будет больше первым секретарем, его скоро отзовут в Москву и будет другой секретарь ЦК КП(б)У. Беседовать с агентами и сотрудниками госбезопасности, получившими это сообщение, было бессмысленно, они вряд ли смогли бы сказать больше того, что изложено в агентурном сообщении.

Я решил пригласить на беседу в ЦК партии этих четверых писателей. На беседу прибыли Юрий Яновский, Иван Ле и еще двое, фамилии которых за давностью времени я запомнил. Беседа оказалась непростой, достаточно деликатной, учитывая влиятельное положение этих писателей в литературной и читательской среде. Я старался говорить с ним как можно доброжелательней, но сказал прямо, что в Киеве пошли разговоры о якобы предстоящем освобождении Хрущева с занимаемого им поста, и что именно они — источники этих слухов.

Не хочу вдаваться в подробности этой беседы (а она, еще раз считаю необходимым сказать, была порой довольно эмоциональной), скажу лишь, что все они подтвердили — разговор такой был, а слухи идут от одного из видных писателей, недавно побывавшего в командировке в Москве. В московских писательских кругах довольно откровенно говорят о предстоящем уходе Н.С.Хрущева с должности первого секретаря ЦК Украины. Беседа закончилась, я поблагодарил их, пообещал Юрию Яновскому прочесть его книгу «Казаки», о чем он попросил меня во время разговора.

Не менее деликатно следовало проверять и сигнал об обилии у Хрущева в доме виноводочных напитков. Не ясно было, с какого края здесь подступиться.

Я вызвал коменданта усадьбы, где жил Никита Сергеевич, майора госбезопасности Божко, с которым провел беседу на эту деликатную тему, сказав, что, видимо, много вина потребляют из хрущевских запасов сотрудники охраны. Но Божко настойчиво утверждал, что порядки у него строгие и охрана тут ни причем. Подтвердил, что напитков расходуется действительно много, но главным образом за счет того, что у Н.С.Хрущева постоянно бывают гости, особенно из числа военных, бывших фронтовых соратников.

Я доложил о результатах проверки сигналов Д.С.Коротченко. Больше меня по этому вопросу не тревожили.

В марте 1947 года Хрущев вновь попал в немилость к Сталину. Он, как я отмечал раньше, был освобожден от должности первого секретаря ЦК КП(б)У и оставлен только председателем Совета Министров. Его не стали вызывать ни на заседания ни на другие мероприятия в Москву. Видимо от переживаний и волнений Хрущев тяжело заболел, на работе в Совете Министров не появлялся и целый год провел в своей усадьбе на улице Мельника.

Тяга к реформаторству не всегда приносила Хрущеву нужные плоды. Если, к примеру, его статья в «Правде» об укрупнении колхозов на Украине нашла в общем-то поддержку у руководства страны и в партийных организациях, то его положение в республике, где он занимал одновременно две должности: первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров (а такого ни в одной республике ни один руководитель себе не позволял) вызвало явное неудовольствие Сталина. По всей вероятности этот шаг Хрущева он расценил как попытку возвыситься, хоть чем-то, но отличиться от других. И тут Никита Сергеевич, как говорится, переиграл самого себя. Он словно не понимал, что не следовало ему подниматься выше, чем хотел этого Сталин.

Самовольство не прошло.

Свои «доброжелатели» завелись у Никиты Сергеевича и в партийном аппарате. Редкое посещение им здания республиканского ЦК партии сразу же было замечено, а он еще к тому же и

заседания Политбюро стал проводить в своем совминовском кабинете.

Я не раз присутствовал на этих заседаниях. Окунувшись с головой в хозяйственные дела, Хрущев все меньше уделял внимания партийной работе. Все это было замечено.

Когда в 1947 году первым секретарем ЦК КП(б)У утвердили Л.М. Кагановича, он привез с собой из Москвы несколько работников, в том числе Н.С. Патоличева, которого избрали секретарем по сельскому хозяйству. Секретарем по промышленности стал Д.С.Коротченко.

Л. М. Каганович ворвался в жизнь партийного аппарата и центральных организаций республики как смерч. Он говорил, что намерен во что бы то ни стало «изменить порочную обстановку». Руководящие кадры, по его мнению, «потеряли бдительность», потворствуют украинскому национализму. Республика не выполнила план хлебных заготовок 1946 года^{*}, поставив страну в тяжелейшее положение.

Мы называли март-декабрь, период пребывания Кагановича у руководства компартии Украины «смутным временем». Это была пора новой, вряд ли необходимой, перестройки аппарата ЦК, время разгона и перестановки кадров, в полном смысле слова откровенного издевательства Кагановича над людьми.

Он ввел поистине демонический стиль в работе. Установил, что все организации, в том числе аппарат ЦК КП(б)У, должен трудиться с девяти утра до двух ночи, с небольшим перерывом на обед и кратким отдыхом. Сам же Каганович появлялся на работе где-то к обеду, успевал даже искупаться в Днепре. Люди от такого режима изнемогали, снижалась их работоспособность. Стиль работы Кагановича доходил до хулиганства. На заседаниях Политбюро, в разговорах с подчиненными он употреблял нецензурные слова, выгонял из кабинета неудобных, бросал в лицо работникам аппарата ЦК документы, которые ему приносили на доклад, учинял обыски в кабинетах. Этого не избежал и я. Однажды поздно ночью в мой кабинет ворвался помощник Кагановича Черняк, прибывший с ним из Москвы, и заявил, что Лазарь Моисеевич приказал изъять и принести ему все, что находится у меня

^{*} Как уже было сказано, в 1946 году на Украине начался сильный неурожай.

в столе и на столе. Все документы и записи, включая личные письма. Последние я Черняку не отдал, заявив по этому поводу категорический протест.

Так и осталась для меня неизвестной судьба изъятых документов, я думаю, Каганович их не смотрел и не читал. Это был его метод держать подчиненных в страхе.

Однажды около часа ночи Каганович позвонил мне по телефону и дал указание вместе со всеми работниками отдела, — а их было около шестидесяти человек, — явиться к нему в кабинет с делами. Сели за большой стол и стоявшие у стен стулья. Каганович заявил, что хочет заслушать доклад о состоянии организационно-партийной работы в партийной организации Украины. Несмотря на то, что заведовал отделом присутствовавший здесь же А.Н.Зленко, а я был лишь его заместителем, Каганович предложил делать доклад мне.

Я заявил, что к такому докладу не готов, материалов под рукой не имею, но, коль требуется, попытаюсь все-таки его сделать. Собрал всю свою волю, память, знания и докладывал в течение получаса. Во время доклада я стоял рядом с креслом Кагановича. Он сидел с закрытыми глазами, и мне даже казалось, что Лазарь Моисеевич спит. Но как только я закончил, он открыл глаза и сказал, что удовлетворен докладом, убедился в моем знакомстве с вопросами организационной работы компартии Украины и предложил утром в десять часов на заседании Политбюро ЦК выступить с докладом по этому вопросу. Было два часа ночи, до доклада оставалось восемь часов. Взяв с собой группу наиболее квалифицированных работников, я прошел с ними ко мне в кабинет. Мы набросали тезисы доклада и проект решения Политбюро ЦК.

На улице уже светило солнце. Я вышел, подставив голову под кран холодной воды и долго старался прийти в себя, ведь я не спал уже двое суток.

Полусонный вошел в зал заседаний. Первым с докладом о состоянии работы с кадрами в республиканской парторганизации выступил Алексей Алексеевич Епишев, секретарь ЦК по кадрам. Его физическое состояние, видимо, мало отличалось от моего. Доклад Епишева был коротким. Каганович встал из-за стола, с криком и бранью обрушившись на докладчика. Доклад, — сказал он, — не подготовлен, знание кадров неудовлетворительное и он снимает вопрос с обсуждения.

Я с большим напряжением ждал своей очереди, в каком-то полусознательном состоянии воспринимая происходящее. Но тут Каганович заявил, что надо снять с обсуждения и второй вопрос, так как он его уже заслушал. С большим трудом я добрался до своего кабинета, сел в кресло, положил голову на ладони и так, сидя за столом, заснул, проспав несколько часов.

Таков был стиль работы Кагановича — изнуряющий, можно сказать даже садистский. В эти дни я был утвержден инспектором ЦК КП(б)У. Несколько позже, в конце года, когда Кагановича освободили от работы на Украине, я узнал о нем еще более чудовищные вещи. Как-то ко мне зашел один из моих заместителей по парткому ЦК Варецкий и сообщил, что Каганович предложил перейти к нему помощником и заниматься слежкой за работниками аппарата ЦК. Это крайне удивило меня. Вести слежку! Такой подлости я даже не ожидал. Видимо такой стиль работы был внедрен в деятельность всех членов Политбюро. Варецкий не успел совершить каких-то непристойных поступков, он раскаивался, просил простить, что дал согласие на предложение Кагановича, так как у него не хватило сил отказаться от такой постыдной роли. В душе я простил ему, больших бед Варецкий наделать не успел.

В декабре 1947 года Хрущев вновь приступил к работе первого секретаря ЦК КП(б)У. Председателем Совмина Украины стал Д. С. Коротченко, вторым секретарем ЦК — Л. Г. Мельников, работавший ранее секретарем Донецкого обкома партии. Здоровье Никиты Сергеевича еще не пришло в норму. Для всех нас было ясно, что дни работы Хрущева на Украине сочтены, а на смену ему готовят Мельникова.

Сталин не давал поднять голову ни одному из своих ближайших соратников. Кагановича по возвращении в Москву назначили министром в министерство стройматериалов.

Я попытался, насколько это мне удалось, восстановить в памяти образ Никиты Сергеевича Хрущева, обрисовать его мятежный характер, вечно ищущий бури, подчеркнуть его беспредельную верность делу партии и народа, его любовь к людям. После смерти Сталина у Н.С. Хрущева было очень мало времени, чтобы воскресить ленинские идеалы демократии.

И вот теперь, после осуждения и расстрела Берия, пытавшегося захватить власть, Хрущеву предстояло отрешиться от бли-

жайших соратников Сталина, повинных в бедах общества и государства. К сожалению, надо признать, что никто из советских вождей с занимаемых ими постов сами никогда в отставку не уходили. «Никогда не прекращалась компрометация новыми вождями вчерашних соратников».

Впервые после прихода к власти Хрущева, кроме Берия и его приспешников, вчерашних вождей не арестовывали, не судили и не расстреливали за их ошибки и тяжелые промахи в их деятельности. Все теперь решалось на демократических основах.

Партия, ее Центральный Комитет по инициативе Н.С. Хрущева вскрыли вред культа личности И. В. Сталина и связанных с ним ошибок, повели против них решительную борьбу. И. В. Сталин на словах говорил о развитии социалистической демократии, а на деле грубо попираал ее, нарушал советские законы, проводил массовые репрессии. Он говорил о недопустимости преувеличения роли отдельной личности в историческом процессе, на деле же содействовал распространению культа собственной личности. Положительные стороны деятельности Сталина были оценены и поддержаны, отрицательные — осуждены и отвергнуты.

Сталинское окружение из состава Политбюро ЦК, особенно Маленков, Молотов и Каганович стремилось цепко сохранить свои позиции в руководстве партией и государством. Будучи накрепко связанными с политикой проводимой Сталиным, они теперь всячески мешали проведению новой либеральной линии Н.С.Хрущева.

В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС. Никита Сергеевич выступил на нем с отчетным докладом о работе ЦК. В его докладе, естественно, не все было сказано из того, что следовало узнать коммунистам и народу об ошибках Сталина и его окружения, и Хрущеву показалось, что доклада недостаточно.

По собственной инициативе на закрытом заседании съезда он сделал еще один доклад «О культе личности И.В. Сталина и путях его преодоления». Это был героический поступок, по сути дела, исповедь перед партией и народом о серьезных нарушениях законности в стране, допущенных Сталиным и его окружением.

Некоторые нынешние «историки» и придворные лизоблюды, кричат о каком-то «новом покаянии», с которым должны были бы выступить коммунисты, бичуя себя за ошибки, допущенные Сталиным.

Более сорока лет тому назад коммунистическая партия нашла в себе мужество во всеуслышание сказать о позоре культа личности Сталина, о надругательстве его режима над невинными жертвами. При этом обошлось без истерик, проклятий, предания анафеме прошлого. Сказано по-деловому, как положено великой в то время партии. Съезд подверг принципиальной критике ошибки, связанные с культом личности И.В. Сталина и наметил меры, обеспечивающие полное преодоление его последствий.

Прошло много лет с того тяжелого для партии и народа времени, поросли травой тропы, дорожки, жизнь уже идет в новом измерении, и новые «вожди» приносят трудовому народу бесчисленные беды и страдания.

Состоявшийся в июне 1957 года Пленум ЦК КПСС принял решительные меры по пресечению враждебной деятельности группы, пытавшейся восстановить старые сталинские порядки в партии и государстве. Пленум вывел из состава ЦК и Президиума ЦК Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним секретаря ЦК партии Шепилова. Н.А. Булганину объявили строгий выговор с предупреждением. Пленум ЦК освободил в последствии его от обязанностей члена Президиума ЦК, а еще раньше он был освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров СССР.

Политическое решение вопроса в борьбе за власть, начавшееся делом Берия и критикой культа личности Сталина, завершилось решительными мерами организационного порядка, отстранением от власти ближайших соратников Сталина. Дорога новому курсу партии и государства, очищенному от криминальных действий, была для Н.С. Хрущева расчищена. Он встал во главе партии и государства и повел решительную борьбу за построение социализма.

Вскоре было заменено руководство всех трех силовых структур государства — освобождены министр обороны — маршал Г.К. Жуков, которого Хрущев боялся как человека с сильными волевыми качествами (на эту должность назначен маршал Родион Яковлевич Малиновский), министр внутренних дел С.Н. Круглов (назначен Дударов, совершенно неподготовленный для такой работы человек), председатель Комитета государственной безопасности И.А. Серов (его место занял бывший первый секретарь

ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин, также неподготовленный для такой роли).

В 1958 году Хрущев, одним махом заменив всех руководителей силовых структур, «надежно» обеспечил свои тылы.

Власть в стране стабилизировалась, возвращение к прошлой сталинской политике репрессий стало немыслимым. Это было великое завоевание советской социалистической демократии. Историки и политики, наверное, еще не имели возможности за бурным развитием исторических событий в нашей стране глубоко проанализировать и воссоздать картину крутого поворота социалистического строительства, всей общественной жизни в послесталинский период. Не смогли в должной мере оценить и роль Н.С. Хрущева, пытавшегося восстановить ленинские черты демократии социализма во всей их широте и предназначении. Но именно во время Хрущева определился тезис о том, что социализм так же не мыслим без свободы, как свобода не может существовать без демократии. Свобода открыто высказывать свои мысли стала великим завоеванием нашего народа.

Голос партии, возвестив «свободу демократии», вывел на поверхность «шестидесятников». На роль зачинателей этого движения сейчас претендуют многие, а ведь это была небольшая группа людей, возглавляемых Петром Якиром, Красным и некоторыми другими. Это они, дети бывших ответственных партийных, государственных и военных работников, вернувшись из ссылки, создали в Москве группу, впервые открыто высказавшую протест беззаконию сталинской политики.

В это же время во весь голос сказали свое слово ученые Сахаров, писатели Твардовский, Пастернак, Солженицын и другие. Некоторые прежде считавшиеся крамольными произведения Твардовского и Солженицына были опубликованы. Книга Пастернака «Доктор Живаго» готовилась к изданию. Воскресла выставка художников-авангардистов, появились на сцене театров ранее запрещенные постановки.

Была попытка реформировать государственные структуры, поставить все на свое место — партия занимается своими делами, ее возглавляет первый секретарь ЦК, Верховный совет СССР занимается законодательством, его возглавляет председатель. Совет Министров, который осуществляет исполнительную власть. Усиливалась и судебная власть.

Однако при этом ситуация оказалась довольно странной. Первый секретарь ЦК, первое лицо в государстве, а по линии международных связей — никто, просто руководитель общественной организации. Сделали отступление и утвердили Н.С. Хрущева одновременно Председателем Совета Министров СССР. Все вернулось к тому, как и было при Сталине.

Не все было продумано в формировании структур власти, ее основополагающих ветвей. Попытались реконструировать экономику государства, дать простор в управлении промышленностью и сельским хозяйством местным органам; ослабить вертикальное командные принципы, предоставив инициативу территориально-региональным органам. Но, как показало время, вся эта реконструкция осталось лишь благим намерением. Ломка старых методов управления привела к нагромождению новых структур, таких, как совнархозы, региональные экономические округа, отдельные (промышленные и сельскохозяйственные) обкомы партии и т. д.

Непродуманные и непросчитанные затеи Хрущева внесли огромную путаницу и неразбериху в сложный механизм управления народным хозяйством, стали очередным непростительным экспериментом на миллионах людей. Новые партийные и хозяйственные структуры создали массу неудобств в повседневной жизни, повлекли за собой недовольство этими нововведениями. А все, как мне думается, шло от того, что Н. С. Хрущев, хоть и страстно желал перемен, но как сын своего времени оставался на позициях жесткой централизации и командного стиля руководства. Это, к великому сожалению, и обусловило противоречие многих хрущевских экономических призывов с его административными реорганизациями.

Командный стиль руководства, который принял Никита Сергеевич, работал на руку практически всем партийным и хозяйственным руководителям. Совнархозовцы, к примеру, сразу же стали чувствовать себя удельными князьками, всюду расцвело местничество, решались в первую очередь вопросы местного значения, упало значение промышленной кооперации во взаимоотношениях между совнархозами, заказы в срок не выполнялись. Стали строиться многочисленные служебные дачи для руководителей, повсеместно создавались платные футбольные команды, и возникли даже соревнования между совнархозами — кто создаст лучший сорт водки.

В октябре 1962 года Н. С. Хрущев написал записку в Президиум ЦК КПСС «О перестройке партийного руководства промышленностью и сельским хозяйством», предложив в ней разделить крайкомы и обкомы партии на промышленные и сельскохозяйственные. Те, кто в этом засомневался, сразу же попал в незрелые руководители. Идею свою Хрущев продвинул, но в практической жизни она обернулась очередной глупостью.

Можно привести и другие факты непродуманных действий Н. С. Хрущева. Так например, он ликвидировал МВД СССР. В Российской Федерации создали Министерство охраны общественного порядка (МООП). Министром стал Вадим Степанович Тихунов, работавший недолгое время заместителем председателя КГБ при СМ СССР, а до этого в аппарате ЦК КПСС. МООП создали также в союзных и автономных республиках, а в краях и областях, его управления, как говорилось выше, подчинили местным советским органам. Даже неискушенный читатель без труда поймет нелепость такого решения. Прервалась оперативная взаимосвязь между аппаратами, обеспечивающими общественную безопасность страны.

Такое же нелепое решение приняли, переведя министерство сельского хозяйства СССР из города Москвы в один из районов Московской области с тем, чтобы оно было «поближе к земле». Неудобств в управлении сельским хозяйством возникло великое множество.

Просторы для совершенствования социализма в стране после смерти Сталина открылись огромные, но Н.С. Хрущев и его послушное безвольное окружение не сумело воспользоваться благоприятной обстановкой, допустило массу ошибок, волюнтаристских, надуманных действий. Ухабы на пути начавшейся демократизации общества в хрущевское десятилетие серьезно повредили совершенствованию социалистического строительства.

Искал новые пути строительства социализма не один Хрущев, многие светлые головы нашей богатой на умы Родины задумывались над вопросом, куда и как страна пойдет дальше. Хрущев волевым порядком определил путь построения коммунизма уже при жизни нашего поколения, по его настоянию была принята утопическая программа партии. Великий ученый нашего времени академик А.Д. Сахаров ратовал, к примеру, за путь конвергенции, за соединение в развитии нашего общества всего передо-

вого, разумного, научного, что наметилось не только в нашем государстве, но и в передовых капиталистических и социалистических странах. Что ж, здесь было над чем подумать. В.И. Ленин на заре социалистической революции призывал нашу молодежь овладевать всем богатством знаний и опыта, которое накопило человечество.

Но в партийной среде, как покажет дальнейшая жизнь, вызревали опасные корни правого оппортунизма, появились лидеры, которые под разными лозунгами и призывами к так называемому народному капитализму, к советской власти без коммунистов и т.п., уже вынашивали коварные планы возврата к капитализму. Очень жаль, что этот опасный процесс не сумели своевременно политически оценить и не дали ему решительный бой. Все эти «лидеры» позже вылезут на поверхность и, не встречая сопротивления партии ввергнут наш многострадальный народ в омут дикого рыночного беспредела.

Хрущев сделал много ошибок и в государственном строительстве. Он недооценил роль органов государственной безопасности, повел линию на умаление значения их аппарата, ликвидацию ряда подразделений и даже пытался сделать этот аппарат чисто гражданским ведомством, лишив его сотрудников воинских чинов и званий. Все это дорого обошлось Хрущеву.

В критический период его деятельности никто не поддержал Никиту Сергеевича, и дальнейшая политическая судьба его оказалась незавидной. Впрочем, я далек от мысли, что КГБ в том качестве, в каком он функционировал в эпоху оттепели, дал бы себя втянуть в политическую интригу. Над всеми нами в достаточной мере властвовал закон.

Политическое реноме Хрущева в годы его последней опалы было окончательно подорвано. Об этом красноречиво свидетельствует стенограмма беседы с ним в Комитете партийного контроля ЦК КПСС. С материалами этой, надо сказать горькой для Хрущева встречи, я познакомился недавно.

Состоялась беседа 10 ноября 1970 года в кабинете А. Я. Пельше. Речь шла о предстоящей публикации в США и некоторых других странах мемуаров Никиты Сергеевича. Из коротких выдержек этой стенограммы, с которыми я хочу познакомить читателя, хорошо видно и отношение к Хрущеву со стороны его

некогда ближайших товарищей, и состояние подавленности, отчаяния, в котором он в ту пору пребывал.

«...т. П е л ь ш е: —... мы хотели бы заслушать ваше объяснение по этому вопросу и ваше отношение к этому делу. Может быть вы прямо скажете нам, кому передавали эти материалы для публикации за рубежом.

т. Х р у щ е в: — Я протестую, т. Пельше. У меня есть свои человеческие достоинства, и я протестую. Я никому не передавал материал. Я коммунист не меньше, чем вы... Больше нечего объяснять. Никогда, никому, никаких воспоминания не передавал, и никогда бы этого не позволил. А то, что я диктовал, считаю, это право каждого гражданина и члена партии. Я отлично помню, что диктовал. Не все можно опубликовать в данное время...

т. П е л ь ш е: —... У нас с вами был разговор, что тот метод, когда широкий круг людей привлечен в написанию ваших мемуаров не подходит, что секреты, которые вами излагаются, могут попасть за рубеж... Вы тогда этот совет не восприняли.

т. Х р у щ е в: — Нет. Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, я говорю, что я недоволен, что я живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему. Я был честным человеком, преданным...

т. П е л ь ш е: — То, что вы диктуете, знают уже многие в Москве.

т. Х р у щ е в: — Мне 77-й год. Я в здравом уме и отвечаю за все слова и действия...

т. П е л ь ш е: — Как выйти из этого положения?

т. Х р у щ е в: — Не знаю. Я совершенно изолирован и фактически нахожусь под домашним арестом, двое ворот и вход и выход контролируются. Это очень позорно. Мне надоело. Помогите моим страданиям.

т. П е л ь ш е: — Никто вас не обижает.

т. Х р у щ е в: — Моральные истязания самые тяжелые... Я хотел бы обратиться к вам, как к председателю Комитета партийного контроля, чтобы вы встали на защиту честного члена партии.

т. П е л ь ш е: — Мы еще будем разбираться с вопросом, о котором идет сегодня речь.

т. Х р у щ е в: — Не пугайте меня, я не боюсь. Я завидую де Голлю. Здоровый был мужик. У меня сейчас тяжелая жизнь...»

Что здесь можно сказать. Трудно оказалось Хрущеву в отставке. Человек властный, самолюбивый, он по-другому и не мог себя чувствовать. Я достаточно хорошо знал Никиту Сергеевича и поэтому его ответы Пельше не удивили меня.

Но вернемся к рассказу о госбезопасности. Новая стратегия и тактика в деятельности их органов рождались в сложившейся обстановке не просто. Этот период можно охарактеризовать следующими принципиальными положениями:

Во-первых, был положен конец всякому беззаконию, бесправию, произволу, каким-либо нарушениям законности в деятельности органов госбезопасности. Такие нарушения в последующие годы почти отсутствовали, а если и возникали, то незамедлительно пресекались. Социалистическая законность стала главным в деятельности органов государственной безопасности. Принимались активные меры по исправлению всех ранее допущенных фактов произвола, проведена амнистия и освобождение из-под стражи и из ссылки всех ранее осужденных по политическим мотивам. Привлекались к ответственности лишь действительно виновные в совершенных беззакониях. Мошный процесс очищения органов госбезопасности от всякой скверны позволил им работать с чистой совестью.

Во-вторых, сотрудники государственной безопасности стали зорко охранять интересы внешней и внутренней политики нашего государства. Четко работала внешняя разведка и контрразведка. В работе контрразведки важное значение придавалось охране государственных секретов, особенно военных.

Как уже было сказано, Н.С. Хрущев допустил серьезную ошибку, недооценивая роль государственной безопасности в стране. Это привело в ряде случаев к неприятию действий Хрущева сотрудниками органов ГБ. На этом вопросе я хочу остановиться подробнее.

В феврале 1954 года в связи с образованием Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР в Центральном клубе КГБ состоялось совещание руководящего состава вновь созданного комитета. Я не присутствовал на этом совещании, так как подразделение, которое я в этот период возглавлял, осталось в системе МВД (я вернулся в КГБ позднее), но товарищи подробно рассказали мне о том, как оно проходило.

Каких-либо интересных подробностей, впрочем, приводить не приходится. Совещание не заняло много времени. На нем с кратким докладом выступил председатель КГБ И.А. Серов, разъяснив руководящему составу задачи организационного периода. Н.С. Хрущев при этом присутствовал, и все с большим интересом ожидали его выступления. И он действительно выступил с относительно небольшой речью, которой разочаровал всех присутствующих в зале. Никита Сергеевич плохо знал работу органов госбезопасности, и делал упор в основном на организационные вопросы. В связи со сложностью международной обстановки, — сказал он, — надо укреплять внешнюю разведку. И в то же время подчеркнул, что роль контрразведки в аппарате госбезопасности непомерно раздута. Что сейчас нет такой оперативной обстановки, которая требовала бы таких огромных штатов для решения контрразведывательных задач внутри страны. Н.С. Хрущев высказался за значительное сокращение штата органов госбезопасности, предложил перевести их на основы общегражданского министерства, отказаться от воинских званий (в Москве мол и так развелось слишком много генералов). Конечно таким выступлением он настроил против себя всех сотрудников госбезопасности.

Хрущев вспомнил период своей работы на Украине, в частности, охарактеризовал деятельность бывшего в то время министра госбезопасности Украины С. Р. Савченко, который, по его словам, вмешивался не в свои дела, а подчиненный ему аппарат распускал провокационные слухи. Он, видимо, хорошо помнил тот случай с распространением слухов о нем, о котором я рассказывал. Тогда Хрущев настоял на переводе Савченко на другую работу. И того действительно назначили начальником Первого главного управления (внешней разведки) МГБ СССР.

Савченко все это слышал, так как находился в президиуме совещания.

После совещания генерал-лейтенанта С.Р. Савченко освободили от работы начальника ПГУ и проводили на пенсию. Вместо него пришел Панюшкин, бывший посол СССР во Франции.

Недолго проработал председателем КГБ и Серов. Он, следует отметить, старался сохранить аппарат госбезопасности в рабочем состоянии, предпринимал действия по реорганизации структуры и сокращения штата министерства, но Хрущеву оказался уже не нужен. Последние годы Серов работал в Главном разведыватель-

ном управлении Генерального штаба Министерства обороны СССР.

Председателем КГБ при СМ СССР по настоянию Хрущева стал заведующий отделом ЦК КПСС, только что пришедший в ЦК с должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ, Александр Николаевич Шелепин.

Известно, что комсомольские организации занимались лишь работой с молодежью и не были напрямую ответственными за другие сферы государственной деятельности. Естественно, что А.Н. Шелепин принес в органы государственной безопасности больше вреда, чем пользы. Он уже в ту пору просчитывал время вперед и не собирался долго засиживаться в органах госбезопасности, рассматривая новую должность как трамплин для продвижения к более высокой власти.

Он выдвинул идею (и практически ее осуществил) по изменению структуры госбезопасности. Ликвидировали Четвертое (розыскное) управление, Пятое (по борьбе с антисоветизмом) и Шестое (транспортное). Их на правах отделов передали во Второе главное управление.

В 1959 году я был утвержден начальником Седьмого управления КГБ. В этом же году нам передали родственные службы из пяти оперативных подразделений Комитета. Седьмое управление теперь насчитывало несколько тысяч оперативных работников с полностью самостоятельным финансовым, материальным, транспортным хозяйством.

Подверглись реорганизации и другие подразделения. Упразднены несколько учебных заведений, вместе со штатом, а само Управление учебных заведений преобразовано в отдел в составе Управления кадров. Ликвидировано медицинское управление и Управление снабжения и вооружений. Их функции переданы в Хозяйственное управление КГБ. В народное хозяйство ушло немало зданий, санаториев, первоклассных совхозов и т.д. Штаты КГБ сократили на десять — двенадцать процентов.

Рабочая обстановка в Комитете госбезопасности в этот период была нарушена. Все подразделения занялись структурными и штатными изменениями. Об оперативной работе заботились мало. Надо сказать откровенно, под руководством А.Н. Шелепина в комитете дров наломали немало. Все разрушенное пришлось в последующие годы восстанавливать с большим трудом. Правда, в

период пребывания А.Н. Шелепина мы провели значительную работу по очистке кадров госбезопасности от лиц, ранее замешанных в нарушении законности и правопорядка. Одновременно началось выдвижение на руководящую работу новых руководителей из числа профессиональных работников, зарекомендовавших себя хорошими оперативниками и организаторами. В этот период начальником Первого главного управления (внешняя разведка) стал генерал-лейтенант Александр Михайлович Сахаровский, видный работник внешней разведки. Начальником Второго главного управления (контрразведка) назначили высококвалифицированного работника, контрразведчика Олега Михайловича Грибанова. Начальником Третьего главного управления стал генерал-лейтенант Н. А. Фадейкин, также хорошо знавший разведывательную и контрразведывательную работу.

Четвертое, Пятое и Шестое управления в процессе организационных мероприятий ликвидировали. Начальником Восьмого управления (шифровальное и дешифровальное направление) стал генерал Серафим Николаевич Лялин, а на Девятое назначен полковник Владимир Яковлевич Чекалов, бывший руководящий комсомольский работник. Начальником Следственного отдела утвердили генерал-майора Николая Федоровича Чистякова, пришедшего с руководящей работы из военной прокуратуры страны и имевшего большой опыт следственной работы. Начальником Управления кадров стал полковник Петр Иванович Васильев, ранее ответственный комсомольский работник. Как я уже сказал выше, меня назначили руководить Седьмым управлением.

Видимо, читатель уже утомился, знакомясь с этим обширным списком руководящих работников государственной безопасности того времени. Поэтому я ограничусь приведенным выше перечнем руководителей основных оперативных подразделений комитета.

Первыми заместителями председателя КГБ были назначены: генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин и Николай Степанович Захаров, кадровые работники госбезопасности; одним из заместителей председателя КГБ стал полковник Вадим Степанович Тикунов, с его прежним послужным списком читатель уже знаком; заместителем председателя Комитета госбезопасности по кадрам стал полковник Ардальон Николаевич Мальтин, работавший ранее ответственным работником КПК при ЦК КПСС.

Руководящий состав комитета госбезопасности таким образом почти полностью обновился. В своей основе это были подготовленные руководящие работники, способные обеспечить работу аппарата государственной безопасности.

А.Н. Шелепин взял линию на выдвижение к руководству Комитетом госбезопасности многих бывших комсомольских работников. Из этой плеяды считаю необходимым выделить лишь некоторых: В.С. Тикунова, ставшего вскоре министром охраны общественно порядка РСФСР; В.Т. Шумилова, начальника Ленинградского управления госбезопасности, пришедшего с должности первого секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ; О.Тутченко, начальника Ростовского управления КГБ, работавшего ранее первым секретарем Ростовского обкома ВЛКСМ; Т.И. Васильева — начальника Управления кадров КГБ и некоторых других, проявивших себя настоящими руководителями чекистских коллективов.

Читатель, видимо, обратил внимание, что в приводимых мною материалах я освещаю главным образом деятельность Центрального аппарата КГБ и в меньшей степени рассказываю о работе местных подразделений госбезопасности. Я бывал в командировках, знакомясь с деятельностью органов госбезопасности на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Казахстане, Грузии, Армении, в Ленинградской, Новосибирской, Ярославской, Горьковской, Тульской и многих других областях. Дать подробную картину деятельности чекистов страны невероятно трудно. Но можно сказать, что чекисты активно трудились на своих постах, самоотверженно обеспечивая государственную безопасность. Общий ритм их деятельности отражал политические, организационные и оперативные процессы, происходившие в Центральном аппарате госбезопасности.

Как известно, А.Н. Шелепин возглавлял Комитет недолго, менее трех лет. Но своими действиями по реорганизации аппарата и сокращению штатов способствовал росту своей популярности и в 1960 году его избрали секретарем ЦК КПСС. Вскоре Шелепина утвердили и заместителем председателя Совета министров СССР. Была попытка создать в стране единый контрольный аппарат партии и государства. Как известно, этот очередной эксперимент того времени успехом не увенчался.

Председателем Комитета государственной безопасности в 1960 году назначили Владимира Ефимовича Семичастного, работавшего в течение двух лет до этого вторым секретарем ЦК партии Азербайджана. Его назначение сотрудниками аппарата государственной безопасности было встречено без энтузиазма, более того, с недоумением, так как необходимого опыта работы для замещения должности такого ранга он не имел. Это очередное кадровое решение Н.С.Хрущева в Комитете восприняли, как продолжающееся недоброжелательное отношение к органам.

В.Е. Семичастный дал возможность начальникам главков, управлений и самостоятельных отделов решать вопросы самим, подняв их ответственность за порученное дело и тем самым всколыхнул активность, инициативу руководящих кадров по совершенствованию оперативного мастерства и достижения высоких результатов в работе чекистов. В этот период активизировалась деятельность внешней разведки, стали более продуктивными связи с разведывательными службами стран социалистического лагеря. В работе Второго главного управления стали применяться новые приемы и методы ведения контрразведки. Управление оперативной техники создало ряд новых превоклассных образцов оперативно-технических средств.

Развернулась работа по совершенствованию оперативной деятельности и Седьмого Управления. К слову сказать, во время реорганизации Комитета госбезопасности в Седьмом управлении, по моим настойчивым требованиям не сократили ни одной единицы. В этот период в его состав передали из Девятого управления правительственной охраны значительное по численности подразделение. С этого времени наше управление стало принимать активное участие в охране правительственных лиц.

Оперативную работу управления мы коренным образом перестроили. Подверглась изменению штатная расстановка, улучшилась профессиональная подготовка кадров, тактика оперативной деятельности, материально-техническое оснащение. Появились ободряющие оперативные результаты.

В мае 1963 года был разоблачен и вскоре арестован опасный государственный преступник, шпион Олег Пеньковский — начальник отдела Главного разведывательного управления Генштаба Министерства обороны СССР. С этим агентом одновременно работали американская и английская спецслужбы. Наряду с

Пеньковским арестовали и сотрудника английской разведки Винса, прибывшего на связь к шпиону.

Без хвастовства могу сказать, что операцию по разоблачению Пеньковского и Винса мы провели блестяще, на профессиональном уровне. Впервые был применен целый каскад уникальных оперативно-технических средств. Читателю будет интересно узнать, что Винс перед тем, как явиться на явку, в течение двух часов ездил по Москве в оперативной машине госбезопасности, а сотрудник Седьмого управления, сидевший за рулем, обстоятельно рассказывал ему о достопримечательностях Москвы.

Алексея Алексеевича Румянцева, офицера контрразведки кавалера трех орденов Славы, наградили за выдающиеся заслуги в разоблачении Пеньковского орденом Красного Знамени, а начальника отделения, полковника Б.Н.Кондратенко, бывшего партизана — медалью «За боевые заслуги». Операция по делу Пеньковского заслуживает того, чтобы о ней было написано целое повествование, оно читалось бы с захватывающим интересом, и, видимо, со временем это будет сделано. Я доволен тем, что по материалам этой операции был создан замечательный документальный фильм.

Свобода действий подчиненных, характерная для периода руководства Комитетом госбезопасности В.Е.Семичастным, дело хорошее, полезное, но все же закономерно здравствует правило «доверяй, но проверяй».

Случилась в ту пору беда во Втором главном управлении. Сотрудник контрразведки Носенко сбежал за границу и передал американцам очень важные государственные секреты. Другой контрразведчик Черепанов передал американскому разведчику, сотруднику американского посольства в Москве, материалы разработок по делу Пеньковского. Американцы, перефотографировав материалы, вернули их в КГБ через министерство иностранных дел. Выявились в работе Второго главного управления и другие серьезные промахи. Все это стало предметом пристального рассмотрения на коллегии Комитета госбезопасности. Коллегия приняла решение, исключающее в дальнейшем происшествия подобного рода.

Следует сказать, что пребывание В.Е.Семичастного в должности председателя Комитета госбезопасности не принесло ему

славы даже после присвоения, минуя через множество ступеней, воинского звания генерал-полковника.

Шел десятый год с тех пор, как во главе государства встал Никита Сергеевич Хрущев. Он предпринимал активные меры к тому, чтобы укрепить свое положение первого лица в партии и государстве. Произошел беспрецедентный случай, когда в состав президиума ЦК КПСС избрали по предложению Хрущева семь членов из Украины: А.И.Кириченко, Л.И.Брежнева, А.П.Кириленко, Н.В.Подгорного, П.Е.Шелеста, Р.Я.Малиновского, А.А.Гречко и оттуда же некоторых кандидатов в члены Президиума. Это вызвало недовольство среди определенной части руководящего звена партии. С этого времени главенство украинских кадров в Президиуме, а затем и в составе Политбюро стало длительным.

Десятилетие пребывания Н.С.Хрущева на посту Генерального секретаря его ближайшее окружение предполагало отпраздновать как эру великих свершений. Зять Н.С.Хрущева Алексей Аджубей широко распространял утверждение, что таким образом мы отметим «Великое десятилетие».

Но «великого» было мало. Н.С.Хрущеву и его приближенным вскружило голову всевластие, они оторвались от действительности и уже не видели, что происходило на самом деле. Политика самовлюбленности, вера в свое величие и непогрешимость, волюнтаризм и безрассудство поступков, крупные ошибки в системе государственного управления, промахи в кадровой работе все больше и больше уменьшали влияние Н.С.Хрущева на положение дел в стране, его авторитет руководителя. Наступит время, когда от него отшатнется ближайшее окружение в составе Президиума и ЦК. К его действиям с недоверием станут относиться руководители республик, краев и областей, с каждым новым годом будет падать его авторитет в партии и в народе. Появятся о нем анекдоты и нелепые прозвища. Как не странно, но Никита Сергеевич всего этого не замечал и даже не предполагал, как катится под гору его авторитет за границей. Среди руководителей страны вызревало твердое решение об освобождении его от занимаемых постов в партии и государстве.

Подготовку операции по замене Хрущева взял на себя Л.И. Брежнев, второй секретарь ЦК партии. О том, как свергли Хрущева, написано много, подробно и повторять все это уже не имеет

смысла. Считаю возможным лишь рассказать о событиях и фактах мало известных широкому читателю.

Где-то в начале 1964 года среди части руководящего состава госбезопасности с стали ходить разговоры о возможной замене Н.С.Хрущева. Вопрос этот назрел и уже не вызывал ни у кого удивления. Стало известно, что такое мнение сложилось и у всех членов Президиума ЦК КПСС, колебался, как говорили, лишь один Шелест. А ведь в составе президиума ЦК были Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, П. Е. Шелест, А. П. Кириленко, работавшие долго вместе с Хрущевым на Украине. И все же они все считали необходимым заменить Хрущева.

Как показали события, решение о снятии Н. С. Хрущева с занимаемых им постов поддержала группа «молодых политиков» из числа бывших комсомольских работников, которую возглавлял А.Н. Шелепин. Она рассчитывала, используя ход событий, на плечах старой когорты руководителей прийти к власти. Их не удовлетворяли ни Хрущев, как руководитель, ни силы, возглавляемые Брежневым, также стремившиеся захватить руководство страной. А.Н. Шелепин, будучи председателем КГБ, вынашивал далеко идущие планы прихода к власти, группируя вокруг себя бывших руководящих работников ЦК ВЛКСМ, руководителей комсомольских органов союзных и автономных республик, краев и областей. Многие из них уже работали на руководящей партийной и государственной работе. В целом эта группа представляла из себя заметную политическую силу. А. Н. Шелепин, и после него В.Е. Семичастный, возглавляя Комитет госбезопасности, стремились расставить на руководящие посты Центрального аппарата и в местных органах многих бывших комсомольских руководителей.

Как читателю уже известно, в этот период сложилась обстановка, когда Шелепин был секретарем ЦК КПСС и одновременно заместителем председателя Совета Министров СССР, В. Е. Семичастный — председателем Комитета госбезопасности при СМ СССР, В. С. Тикунов — министром охраны общественного порядка РСФСР, Н. Г. Егорычев — первым секретарем Московского городского комитета партии. Ряд сторонников этой группы занимали другие важные посты в партии и государстве.

Как я уже рассказывал читателям, Н.С. Хрущев в этот период не уделял должного внимания деятельности КГБ И МВД и

фактически отдал все на откуп Шелепину, Семичастному и Тикунову, которые постарались использовать служебное положение в своих целях. Мы все это видели и не одобряли, но воспринимали их действия, как меры, направленные на омоложение руководящих кадров силовых структур. Никаких коварных замыслов мы у них не усматривали. Когда В.С.Тикунова назначали министром охраны общественного порядка РСФСР, в беседе со мной он сказал:

— Очень не хочется идти на работу в систему МВД, но Шелепин настаивал, говорил, что эту должность может занять Серов, а он нам совсем не подходит.

В июле 1964 года меня пригласил к себе на квартиру один из руководящих работников госбезопасности. Позволю себе не называть его фамилию, так как я всегда считал его высоко порядочным человеком, к тому же его уже нет в живых. Встреча состоялась. Товарищ сообщил мне, что готовится замена Н.С. Хрущева и идет активная подготовка к его смещению. Я поинтересовался, кто займет его место. Он сказал, что по-видимому Шелепин. Я поделился своими соображениями, заметив, что Шелепин не годится для такой ответственной работы, так как не имеет необходимого опыта партийной и государственной работы, и поинтересовался, кто возглавляет все это мероприятие. Оказалось во главе стоит Л.И. Брежнев и все члены Президиума ЦК.

— Я предпочел бы, чтобы Хрущева заменил на должности первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнев, которого знаю много лет по партийной работе. Этот товарищ вполне подготовлен для такой роли, — высказал я свое мнение.

Мой собеседник замаялся, беседа дальше не пошла. Мы разошлись. Именно тогда я достоверно узнал о готовящейся смене Хрущева. В конце июля я уходил в очередной отпуск с выездом за границу. Перед отъездом меня вызвал В.Е. Семичастный. Поговорив о текущих делах, он сказал:

— Виктор Иванович, отдыхайте, пожалуйста, но к 15 августа возвращайтесь в Москву. Вы будете очень нужны.

Я ответил, что непременно буду, и отбыл в Болгарию. Понимал, что этот разговор связан с освобождением от работы Н.С. Хрущева.

Руководящие болгарские товарищи, с которыми мне довелось встречаться, открыто критиковали деятельность Н.С. Хру-

щева, они были особенно недовольны ухудшением отношений СССР с Китайской Народной Республикой.

В октябре 1964 года десятилетняя эпопея власти Н.С. Хрущева завершилась. Лично у меня последние годы его правления ассоциировались с поездкой в телеге по сильно разрушенной дороге.

Первым секретарем Президиума ЦК КПСС был избран Л.И. Брежнев. Председателем Совета министров СССР утвержден А.Н. Косыгин, председателем Верховного Совета СССР остался А.И. Микоян. Кроме Хрущева все руководители оставались на своих местах. «Группа молодых» в борьбе за власть даже не вышла на поверхность, осталась в истории незамеченной. Она была невелика, участники ее мало известны в обществе, и их может быть даже благородный порыв потонул в ходе бурных событий.

Наступило время раздумий и решений, куда и как вести страну дальше, по какому политическому пути. Ухабы демократии остались позади. Преодолеем ли мы их на новом этапе?.. Этот вопрос пока оставался открытым.

Глава 5

ПОИСК КУРСА

ПО-КРЕМЛЕВСКИ ЖЕСТКАЯ ОТСТАВКА Никиты Сергеевича Хрущева от власти и приход к руководству партией и страной Леонида Ильича Брежнева дали старт новому восемнадцатилетнему периоду социалистического строительства в СССР. Событие это совершилось в октябре 1964 года. Настало время новых надежд и свершений. Впереди — много сложных проблем, от успешного решения которых зависела спокойная и благополучная жизнь всего советского народа и в конечном итоге судьба социализма. Хотя в ту пору о каком-то ином курсе и думать не думали. Социализм в нашей стране победил окончательно — эта казалась бы незыблемая аксиома буквально ублажала многих из тех, от кого зависела глубокая проработка путей его дальнейшего развития. Словом открывалось обширное поле работы. Главное — продолжить курс по исправлению все еще дававших о себе знать глубоких деформаций социализма, допущенных в годы сталинского правления, решительно ликвидировать политические, экономические и организационные нагромождения, сотворенные безудержным реформаторством Хрущева, очистить социализм от теоретических и практических завалов, искривлений, бездумных и необоснованных толкований, нелепых лозунгов.

Говорильня о преимуществах социализма, о всенародном благоденствии, надо откровенно признать, всем порядком надоела. Народ в полной мере так и не почувствовал его плодов, продолжая жить в нужде, в непомерных заботах о хлебе насущном. В гуще народа зрело глухое недовольство, проявились признаки уныния, неуверенности в том, что жизнь в конце концов может измениться к лучшему.

Мы, работники госбезопасности, хорошо знали о настроениях народа. Недовольство особенно усугубилось на закате хрущевского правления, когда резко, почти в два раза, повысились цены на мясо-молочные продукты, а за хлебом выстроились длинные очереди. В сложившихся условиях для партийных комитетов и органов советской власти не было задачи более важной, как поднять дух коммунистов и беспартийных, мобилизовать их на преодоление трудностей, вселить уверенность в будущее, указать верный путь социалистических преобразований.

Сосредоточив все усилия на решении сиюминутных, безусловно важных, проблем, партия и прежде всего ее ЦК, именно в этот период, как покажет будущее, допустят роковую ошибку, на неопределенный срок отложив работу по теоретической разработке путей социалистического развития, особенно в области экономики, как в нашей стране, так и в странах социалистического содружества.

В этот период я часто посещал европейские страны народной демократии, собственными глазами наблюдал за процессом общественных преобразований в городе и на селе, беседовал с видными партийными, государственными и общественными деятелями, ездил на заводы, в сельскохозяйственные кооперативы, разговаривал с рабочими и крестьянами. Я понял, что далеко не весь народ в этих странах доволен социалистическим строем, а многие вообще откровенно выступали против социализма.

Как-то в Чехословакии (тогда еще едином государстве), я встретился с членом Политбюро ЦК КПЧ, секретарем Пражского горкома партии товарищем Капеком. Помнится, оценивая тогда политическую обстановку в стране, он со всей откровенностью признал, что популярность социализма среди населения страны в данный момент не так уж и высока. Только одна треть граждан признает социалистический строй, другая треть выступает против него, ну а остальные, можно сказать, не определилась в своем выборе. Примерно такие же разговоры мне приходилось слышать и в Польше, и в Венгрии, несколько лучше политический процесс шел в Болгарии и ГДР.

Как известно, под влиянием западной пропаганды, а также внутренних негативных процессов в эти годы произошли восстания и мятежи в Польше, Венгрии, Чехословакии, ГДР, политические деформации в Румынии. Ничего противоестественного в

таких выступлениях я не видел, так как социалистический строй в этих странах политически не созрел и не окреп закономерным путем, а был привнесен в итоге войны силой Советской Армии. Помимо всего прочего буржуазный класс социалистических стран Восточной Европы сохранился и твердо стоял на капиталистических позициях. Беседы с руководителями силовых структур этих государств подтверждали такое положение дел. В Польше особенно откровенно выступала против социализма католическая церковь.

Справедливости ради следует сказать, что наблюдались попытки внести в теорию социалистического строительства нечто новое, но разработки эти как в политике, так и в экономике продолжали базироваться на основах теоретических изысканий конца 20-х — начала 30-х годов и уже безнадежно устарели. Идеологическое воспитание коммунистов и трудящихся, как и преподавание в учебных заведениях высшей и средней школы, велось по старинке, отдавало «талмудизмом», лишая учащихся творческой мысли.

Недооценка идеологической работы, углублявшийся разрыв между словом и делом дорого обойдется потом тем, кто искренне уверовал в социализм, боролся за него не щадя ни сил, ни здоровья, ни самой жизни. Горько это сознавать, но от свершившегося факта никуда не уйти. Тем не менее нельзя и упрощать эту проблему. Ведь все наши бытовые трудности, все промахи в полной мере использовали враги социализма. И тут надо отдать должное спецслужбам и идеологическим центрам ведущих капиталистических стран, которые с большим искусством, умением, настойчивостью разработали и осуществили против СССР и социалистических стран Восточной Европы диверсию, направленную на подрыв их общественного строя и, как покажет жизнь, сумели в многолетней «холодной» войне нанести делу социализма разящий удар. Удар ощутимый, но далеко не смертельный, потому что история, как известно, не имеет пути назад. Социализм — это не выдумка фантазеров, а нормальное стремление честных людей к справедливости, равенству, благоденствию и его, а уж это абсолютно точно, нельзя отменить президентским указом.

Приход нового руководства во главе с Л. И. Брежневым к власти состоялся в непростое для нашей страны и народа время. Собственно говоря, другого-то времени мы и не помнили, трудно

было всегда, но все мы жили надеждами на лучшее, старались не впадать в панику. Естественно, с новым руководством связывались новые планы и надежды. Предстояло решить чрезвычайно важные проблемы как внутренней, так и внешней политики. Самое главное — как можно быстрее расчистить нагромождения, искусственно созданные Хрущевым и его единомышленниками. Провозглашенная Никитой Сергеевичем возможность построения коммунистического общества через двадцать лет не вызывала ничего кроме улыбки. Однако идея коммунизма тут не причем. Как говорится, одно дело — замысел, другое — его воплощение. Но об этом разговор чуть позже.

Не просто обстояло и с делами международными. Сложные отношения сложились с США, Англией, Францией, ФРГ и некоторыми другими капиталистическими государствами Запада. Не лучше, если не хуже, обстояло дело и на Востоке, особенно во взаимоотношениях с Китаем и Японией.

В странах народной демократии Восточной Европы сохранялась обстановка неустойчивого равновесия. В Венгрии, Германской Демократической Республике, Польше прошли серьезные волнения, в Румынии возобладал сепаратизм, в результате которого румынское руководство изолировало себя от политики других стран народной демократии. Непокойно стало в Чехословакии, где к власти рвались прокапиталистические, ревизионистские силы. Социалистический лагерь в Восточной Европе оказался под угрозой распада.

Все это легло тяжелым грузом на плечи нового руководства, тем более что некоторая часть партийного и государственного аппарата недоброжелательно встретила приход Л.И.Брежнева к власти.

Состав Президиума ЦК в основном остался прежним. Дополнительно ввели лишь А.Н.Косыгина — Председателя Совета Министров СССР. В работе членов Президиума ЦК по-прежнему не было единства и согласия. За кулисами шла борьба за власть. Не все члены Президиума ЦК соглашались с Л.И.Брежневым в решении ряда вопросов управления и экономики.

К власти стремился Председатель Верховного Совета СССР Н.В.Подгорный, которого поддерживали члены Президиума ЦК П.Н.Шелест, Г.И.Воронов, Д.С.Полянский. «Молодежная группа» бывших комсомольских работников вынашивала замыслы при-

хода к власти А.Н.Шелепина, активно поддерживаемого бывшим в то время Председателем КГБ при СМ СССР В.Е.Семичастным, министром охраны общественного порядка РСФСР В.С.Тикуновым, секретарем МК КПСС Н.Г.Егорычевым и другими.

Словом, атмосфера, в которой начал свое движение к социалистическим преобразованиям в стране Леонид Ильич Брежнев, оставалась архисложной. Но надо отдать ему должное, он не спавал перед трудностями, несмотря ни на что прилагал огромные усилия для налаживания деловой обстановки. Уверен, те кто знал его в те годы, подтвердят мои оценки брежневского периода. Да, он умел проводить твердую и последовательную политику, но одновременно внимательно прислушивался к мнению товарищей, видел новое и старался внедрять его в практику. И еще одно положительное качество Брежнева хотелось бы мне особо отметить: он и сам много работал и своим энтузиазмом заражал других.

Именно в этот период в партии был наведен порядок. Воссоздано Политбюро ЦК КПСС, как отвечающее своему предназначению, восстановлена должность Генерального секретаря ЦК, ликвидированы параллельно существовавшие промышленные и сельскохозяйственные обкомы партии, созданы единые территориальные партийные организации.

Восстановилась прежняя структура советских органов, совнархозы ликвидировали, в полном объеме заработали министерства, выполняя свое функциональное предназначение. Принимались меры по укреплению вертикального руководства определенными отраслями экономики. Увеличились штаты Госплана СССР усовершенствовалась его структура и усилились контрольные функции.

Во главе министерства обороны встал Дмитрий Федорович Устинов выдающийся деятель партии и государства, много отдавший для повышения боеспособности Вооруженных Сил СССР, укрепления могущества нашей Родины. До этого назначения он работал секретарем ЦК КПСС по оборонной промышленности.

В этот же период значительно повысился авторитет министерства иностранных дел и его министра Андрея Андреевича Громыко. Роль Советского Союза во внешней политике нашего государства возросла и заняла весомые позиции.

Огромным событием для нас, чекистов, стало назначение видного деятеля партии Юрия Владимировича Андропова пред-

седателем Комитета государственной безопасности СССР. Благодаря своему организаторскому таланту, он сумел преобразить чекистский аппарат, сделать его мощным рычагом обеспечения государственной безопасности, высоко профессиональным, квалифицированным, боевым звеном нашего аппарата, высоко чтившим законность и справедливость, беспредельно преданным интересам народа.

Запомнился день, когда Юрий Владимирович принимал дела (кстати, председателем он проработал пятнадцать лет). Был полдень лета 1967 года. Позвонили из приемной председателя КГБ и попросили срочно прибыть к нему. Путь недолгий — несколько этажей и коридоров здания на Лубянке. В приемной я встретил других начальников главков и управлений. Через несколько минут появились члены Политбюро: секретарь ЦК Андрей Павлович Кириленко, председатель Комитета партийного контроля ЦК КПСС Август Янович Пельше, а также секретарь ЦК КПСС Иван Васильевич Капитонов, Юрий Владимирович Андропов и председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный. Пригласили всех нас пройти в кабинет. За стол председателя сели А.П.Кириленко, рядом с ним разместились А.Я.Пельше, И.В.Капитонов и Ю.В.Андропов. В.Е.Семичастный стоял сбоку у стола. Мы сели на стоявшие в кабинете стулья. По порядку размещения руководителей мы без слов поняли, что произошло. А.П.Кириленко, взяв в руки документ сообщил о состоявшемся постановлении Политбюро ЦК и Правительства, согласно которому председателем КГБ при СМ СССР назначен Юрий Владимирович Андропов. В.Е.Семичастный от должности Председателя КГБ освобожден в связи с утверждением его первым заместителем председателя Совета министров Украины. Как всегда в таких случаях, А.П.Кириленко объяснил принятие этого решения необходимостью укрепления руководства органами государственной безопасности. Разъяснять нам причину освобождения Семичастного с ключевой государственной должности особой нужды не было. Истинная причина крылась в той закулисной борьбе, которую вели бывшие комсомольские функционеры за обладание властью (Семичастный, как я уже говорил раньше, был одним из основных участников этой группы). Заканчивая свое сообщение, А.П.Кириленко попросил собравшихся оказать всяческую помощь Юрию Владимировичу, чтобы он мог быстрее освоиться в

новом для него деле. Затем он пригласил Андропова занять председательское место и приступить к исполнению своих обязанностей. Юрий Владимирович, помнится мне, был в тот момент очень краток. Призвав нас к дружной работе, он как-то буднично пообещал в ближайшие дни лично познакомиться с каждым из руководителей и с теми проблемами, которые стоят перед возглавляемыми ими подразделениями. Больше никто слова не взял и на этом представление нового руководителя КГБ завершилось.

С приходом Ю.В.Андропова в органах государственной безопасности началась по-настоящему созидательная работа, которую мы все давно ждали и к которой готовились.

Моя первая встреча глаз на глаз с Андроповым состоялась буквально на второй день. Беседа длилась более двух часов. Юрий Владимирович внимательно, не перебивая, выслушал мое сообщение о положении дел в Седьмом управлении, поинтересовался спецификой нашей работы и в завершении разговора попросил подготовить конкретные предложения, которые по нашему мнению, исходя из реальной практики, могли бы существенно улучшить работу коллектива. С этого дня я часто встречался с Юрием Владимировичем, обсуждая с ним всевозможные вопросы государственной безопасности.

Должен заметить одну существенную деталь. Хотя назначение в КГБ крупного партийного работника, каким был Ю.В.Андропов, и рассматривалось как усиление партийного влияния в органах, в реальности оно было больше условным. В партии еще действовало пресловутое постановление, принятое во времена Н. С. Хрущева, о том, что ни министр обороны, ни министр иностранных дел, ни тем более председатель КГБ не могут быть избраны в состав Президиума ЦК КПСС, чтобы своим особым положением не влиять на принимаемые решения. Это более чем странное постановление действовало еще и в 1967 году, лишая Д. Ф. Устинова, А. А. Громыко и Ю. В. Андропова только исходя из должности права быть избранными в состав высшего руководящего партийного органа, который, — ни для кого секрета тут не было, — определял всю внутреннюю и внешнюю политику советского государства. Несправедливость эта будет впоследствии устранена.

Но вернемся к Л. И. Брежневу. Несмотря на ту огромную работу, которую проводил он в непростых для него условиях, ощу-

тимой пользы делу социалистического строительства это не приносило, народ как и при Хрущеве не чувствовал улучшения жизни. Несмотря на старания агитпропа всячески затушевывать негативные явления, на раздувание в средствах массовой информации пространых разговоров о «развитом социализме», в обществе зрело упадническое настроение, особенно в молодежной среде, неверия отдельной части населения, большей частью простых обывателей, в облегчении их жизни при социалистическом строе. Все это безусловно беспокоило нас — работников государственной безопасности.

Мы хорошо чувствовали возрастающее недовольство. Кое кто достаточно откровенно признавал, что его не устраивает разрыв между словом и делом, который все чаще наблюдается в обыденной жизни. Раздавались заявления о том, что партийный и государственный бюрократический аппарат умышленно тормозит социалистическое строительство, ничего не делает для демократизации общества, ибо ему и так живется как при коммунизме. В подобных словах была, конечно, лишь доля правды, но и ее оказалось достаточно, чтобы шло брожение умов. Наши выводы о неблагополучии в обществе уже в ту пору оказались пророческими, но слышать нас тогда не очень кому-то и хотелось. Руководство видело, как затухает революционный порыв трудящихся масс, падает вера в строительство социализма, но не предпринимало кардинальных шагов для того, чтобы выправить положение. Была ли в том вина Брежнева?.. Наверное была. В нашей стране от лидера всегда многое зависело, и Брежнев тут не исключение.

С Леонидом Ильичем я познакомился еще в годы войны. Должен прямо сказать — это был обаятельный человек, в нем жил какой-то удивительный заряд бодрости, жизнелюбия. Где-то во второй половине 1967 года, когда к нам в КГБ уже пришел Ю.В. Андропов, у меня по служебной линии возникла проблема, решить которую мог только Брежнев. Помня о его добром отношении ко мне в годы нашей работы на Украине, я позвонил ему по телефону правительственной связи и попросил принять. Он тут же запросто ответил:

— Приходи завтра утром часам к десяти...

На приеме у Генерального секретаря мне раньше бывать не приходилось. Я удивился, увидев очень скромную приемную и, когда через несколько минут вошел в большой кабинет Генсека,

убедился, что и обстановка в нем такая же простая. Леонид Ильич встретил меня радушно, как всегда по-товарищески приветливо. Он вышел из-за стола, тепло обнял. Мы расцеловались. Я ощутил какой-то необычайный прилив чувств. Мы сели рядом за большим столом для заседаний. Леонид Ильич поинтересовался тем вопросом, который привел меня к нему, и быстро решил его. Разговор как-то само собой перешел в неформальную доверительную беседу. Мы вспомнили Украину, товарищей, с кем работали и воевали. Леонид Ильич не забыл, как я, тогда инспектор ЦК КП Украины, во время пребывания в Днепропетровске учил его аппаратчиков уму-разуму и с большой пользой для дела. А я напомнил ему о том, как он в то время искусно водил автомобиль. Леонид Ильич помнится улыбнулся, сказал, что может водить не только машину, но и управлять самолетом. На фронте он не раз самостоятельно совершал полеты на ПО-2. Автомобиль он любит по-прежнему, и шофера часто ругают его за излишне большую скорость.

— Но что я могу с собой поделаться, — улыбнувшись, сказал он, — если люблю быструю езду.

Леонид Ильич не скрывал, что страна переживает нелегкое время и многие трудные вопросы решать не так-то просто. Сейчас, к примеру, сложилась тяжелая обстановка с хлебом, в запасе у государства осталось мало зерна, а надо дотянуть до нового урожая, вот и приходится каждый день лично заниматься этим делом. Не называя фамилий, он рассказал мне о сложных взаимоотношениях с некоторыми членами Политбюро, которые не во всем его поддерживают.

— Обидно, — сказал он, — что с некоторыми из них я долгое время работал вместе на Украине. Баланс сил где-то пятьдесят на пятьдесят.

Я примерно знал, о ком идет речь и высказал Леониду Ильичу мысль о необходимости количественно увеличить состав Президиума, ввести туда свежие силы. Брежнев сказал, что думает над этим вопросом.

Возник разговор о «молодежной группе» Шелепина, которого к этому времени освободили от работы в ЦК. Леонид Ильич сказал, что ЦК знает о неблагоприятных действиях этой группы, которая даже вынашивала мысль «упрятать нынешнее руководство в подземелье». Но группа эта небольшая, ее участников

мало кто знает в народе и поэтому политической опасности они не представляют.

— Мы уже решили этот вопрос организационным путем, — добавил он.

Разговор у нас шел и по другим проблемам. Я чувствовал, что Леонид Ильич беседует со мной доброжелательно с большим доверием и товарищеской откровенностью. Между тем время летело быстро. Почти час прошел и, как говорится, пора и честь знать. Мы расставались как старые друзья по партии. Леонид Ильич, провожая меня, сказал:

— Виктор Иванович, если что понадобится, звони, приходи ко мне. Всегда помогу, чем могу.

Однако такой возможностью я никогда не воспользовался, считая для себя неудобным обременять относившегося ко мне по-дружески генсека. Кстати, должен заметить, что о моих товарищеских взаимоотношениях с Брежневым мало кто знал. Я, естественно, об этом никому не рассказывал.

Леонид Ильич обладал прекрасными качествами. Он удивительно просто общался с людьми, по доброму, внимательно относился к товарищам, выручал из разных бед, которые ему становились известны. К людям он привыкал, привязывался. Ни кичливости, ни зазнайства — ничего подобного он не позволял себе. Причем его простота была совершенно естественной. За что его и уважали.

В середине 70-х годов стали доходить первые тревожные вести о болезни Леонида Ильича. Я услышал об этом от Юрия Владимировича Андропова, который как-то при встрече сказал мне, что Брежнев болен серьезно. На Политбюро у генерального секретаря неожиданно онемели губы и язык, он потерял речь и работу заседания пришлось прервать.

Длилось это недолго, но заставило врачей приступить к серьезному обследованию состояния здоровья Леонида Ильича. Ему рекомендовали сократить свой рабочий день. В последующее время болезнь развивалась, уменьшалась подвижность тела.

В тяжелом состоянии генсека я убедился своими глазами. Работая в Московском управлении КГБ, я одновременно являлся членом бюро горкома партии. Во время праздников на Красной площади, по установленному распорядку, секретари и члены бюро горкома стояли на правом крыле Мавзолея. По окончании

праздников руководители страны проходили мимо членов горкома, здоровались за руку и поздравляли с праздником. Но в последние годы этот порядок стал нарушаться. Когда Леонид Ильич спускался с Мавзолея, его вели под руки сотрудники охраны. И не только его, а также председателя Совмина Н. А. Тихонова, секретаря ЦК партии К. У. Черненко, министра обороны Д. Ф. Устинова.

Знали мы о болезни и некоторых других руководителей, которые уже не могли работать, но со своих постов не уходили. Это производило тягостное впечатление. Немошное состояние некоторых вышестоящих лиц потребовало определенной реконструкции Мавзолея с пристройкой перехода через нишу Кремлевской стены.

Так и жили. А что тут поделаешь? Партийная дисциплина многих заставляла молчать. Это только сегодня все заговорили. Но как говорится, после драки кулаками не машут...

С 1967 года Центральный Комитет партии и правительство стали проявлять большое внимание к работе органов государственной безопасности. С приходом к руководству Ю.В. Андропова развернулась активная творческая работа по совершенствованию оперативной деятельности подразделений центрального аппарата и местных органов госбезопасности. Правительство выделило значительные дополнительные средства для содержания органов и войск КГБ.

Разработанный план коренной перестройки оперативной работы Седьмого управления одобрили и утвердили. Мои сотрудники работали над этим планом с большим воодушевлением и энергией, не считаясь со временем и затратой сил. За короткий срок деятельность нашего подразделения коренным образом изменилась. Обновилась структура, штатное расписание, появился оперативный центр, оснащенный многоплановой оперативной техникой, АВМ, а затем и ЭВМ. В нашем штате были теперь инженеры-радиоэлектронщики, математики, психологи и специалисты других профессий. В срочном порядке на Горьковском автозаводе наладили нам производство мощных автомашин. Заново отладили систему проводной и радиосвязи, внедрили новые виды оперативной техники, построили школу по подготовке и переподготовке кадров с различным сроком обучения и провели много других

важных мероприятий. Все это дало возможность повысить результаты оперативной работы.

В начале 1968 года нас посетил Ю.В. Андропов. Он побывал в новом оперативном центре и одобрил все наши начинания. С новой системой работы ознакомились и некоторые начальники оперативных подразделений.

Коллектив Седьмого управления с благодарностью откликнулся на то внимание, которое Центральный Комитет партии и правительство оказали чекистам в связи с празднованием пятидесятилетия органов ВЧК-КГБ. Более ста наших сотрудников получили ордена и медали, многим из них присвоили высокие воинские звания.

В декабре 1967 года я стал членом Коллегии КГБ, получил звание генерал-лейтенанта и второй орден Ленина.

Я дорожил доверием коллектива Седьмого управления, где проработал руководителем двадцать лет, активно защищал его интересы, добивался результативности его деятельности, заботился о материальной и духовной сторонах жизни сотрудников. С большой теплотой храню я в памяти имена и фамилии людей, с которыми мне пришлось вместе работать эти долгие годы. Считаю обязательным хотя бы часть их имен упомянуть в этой книге, прежде всего тех, кто в те непростые годы находился рядом со мной. Это мои заместители генерал-майор Н.В.Бойков, генерал-майор А.Д.Бесчастнов, генерал-майор А.А.Сорокин, генерал-майор В.А.Козлов, генерал-майор А.Л.Кузовников, полковник Н.П. Соболев. В Седьмом управлении выросли многие умелые руководители, такие как Герои Советского Союза, генерал-майоры М.П. Прудников, Г.Н. Зайцев, генерал-майоры — В.П. Самодуров, М.Г. Колобашкин, А.Н. Хрушев, К.Н. Курский, полковники В.Я. Левшов, Н.П. Прохоров, И.П. Сосков, Н.М. Махов, А.Т. Татарин, Н.И. Смирнов, С.М. Гришков, М.Е. Волков, Д.И. Романов, В.П. Касаткин, В.П. Казанцев, С.П. Киселев, В.М. Котенков, Н.И. Лосев, М.М. Романов, Б. П. Губицин, В.И. Сенин, Ф.Д. Котеленец, В.С. Шароватов, М.А. Смирнов, Г.Н. Кобелев, В.А. Пащенко, Г.И. Герасимов, Герои Советского Союза, полковники П.И. Федотов, В.Ф. Карпунин и другие.

Сотрудников «семерки» было много, естественно всех перечислить невозможно, но я хотел бы выразить им всем искреннюю благодарность за совместную работу.

И все же особо следует отметить высококвалифицированную работу: кавалера трех степеней ордена Славы и ордена Красного знамени А.А.Румянцева, офицеров: Р.Г.Дударевой, Н.А.Хомяковой, М.И.Чикина, В.И.Антонова, Б.Н. Кондратенко, А.А.Перова, П.А.Смирнова и других.

В Комитете государственной безопасности создалась обстановка деловитости, каждый делал то, что ему положено по службе, самоотвержению, достигая высоких результатов, старался, чтобы его труд стал полезен Отечеству. Андропов стремился к тому, чтобы деловитость, профессионализм пронизывали весь аппарат государственной безопасности сверху донизу, в центре и на местах. Он кропотливо создавал руководящее звено, вкладывая в это понятие подбор подходящих заместителей, достойных членов коллегии КГБ, профессионально подготовленных начальников Главков, Управлений, самостоятельных отделов.

Он периодически, в связи с какими-либо событиями, устраивал званые обеды, на которые приглашал руководящий состав. Как-то на одном из таких последних обедов с его участием Ю.В. Андропов сказал:

— Ну вот мы собрались все вместе — руководящее звено органов госбезопасности. Давайте продолжать дружно и самоотверженно трудиться, верно служить партии, Родине, Отечеству.

К этому времени сложился нижеследующий состав Комитета государственной безопасности:

— председатель Комитета — генерал армии Ю.В.Андропов.

— коллегия: председатель — Ю.В.Андропов, члены: Г.Е.Агеев, В.И.Алидин, Ф.Д.Бобков, Г.Ф.Григоренко, Н.А.Душин, Н.П.Емохонов, М.И.Ермаков, В.А.Крючков, В.Я.Лежепев, В.А.Матросов, Д.П.Носырев, В.В.Федорчук, В.М.Чебриков, С.К.Цвигун, Г.К.Цинев, Ф.А.Щербак.

— заместители председателя КГБ: С.К.Цвигун — первый заместитель, генерал армии Г.К.Цинев — первый заместитель, генерал армии Н.П.Емохонов — заместитель, генерал-полковник, М.И.Ермаков — заместитель, генерал-полковник, В.М.Чебриков, — заместитель, генерал-полковник, начальник секретариата председателя КГБ генерал-майор П.П.Лаптев.

Начальники Главных управлений и Управлений КГБ:

начальник Первого главного управления (внешняя разведка) заместитель председателя генерал-полковник В.А.Крючков;

начальник Второго главного управления (контрразведка) — заместитель председателя генерал-полковник Г.Ф.Григоренко;

начальник Третьего главного управления (военная контрразведка) генерал-полковник Н.А.Душин;

начальник Четвертого управления (контрразведка на транспорте) генерал-лейтенант Ю. В. Сторожев;

начальник Пятого управления (вопросы идеологической диверсии) генерал-лейтенант Ф.Д.Бобков;

начальник Шестого управления (защита госсекретов в экономике) генерал-лейтенант Ф.А.Щербак;

начальник Седьмого управления (оперативный поиск) генерал-лейтенант А.Д.Бесчастнов;

начальник Восьмого главного управления (шифровальное) генерал-лейтенант Н.А.Андреев;

начальник Девятого управления (охрана правительства) генерал-лейтенант Ю.С.Плеханов;

начальник Десятого управления (учетно-архивное) генерал-майор А.И.Фокин;

начальник Пятнадцатого управления генерал-лейтенант В.Н.Горшков;

начальник Шестнадцатого главного управления (дешифровальное) генерал-лейтенант И.В.Маслов;

начальник Главного управления пограничных войск, заместитель председателя, Герой Советского Союза, генерал армии В.А.Матросов;

начальник Следственного управления генерал-лейтенант юстиции А.Ф.Волков;

начальник Управления правительственной связи генерал-лейтенант Ю.С.Толмачев;

начальник Оперативно-технического управления генерал-майор В.П.Демин;

начальник Управления кадров, заместитель председателя, генерал-лейтенант В.Я.Лежепеков;

начальник Инспекторского управления генерал-лейтенант С.В.Толкунов;

начальник Военно-медицинского управления генерал-майор медицинской службы А.Е.Дмитриев;

начальник Хозяйственного управления генерал-майор К.Б.Востриков.

Кроме этого в структуре комитета было двенадцать самостоятельных отделов по разным направлениям оперативной работы.

20 декабря 1967 года состоялось празднование пятидесятой годовщины ВЧК-КГБ. В Кремлевском дворце съездов прошло торжественное заседание, на котором с докладом выступил Ю.В. Андропов. На торжественном заседании присутствовали все члены Политбюро ЦК КПСС и члены правительства. Я был горд тем, что находился в президиуме этого заседания, закончившегося большим концертом.

На празднование прибыли делегации из всех стран народной демократии. Членов Коллегии закрепили за делегациями для работы с ними. Я работал с румынской делегацией министерства госбезопасности во главе с министром товарищем Минеску.

Андропов сообщил нам, что в связи с торжествами Л.И. Брежнев выразил желание встретиться с членами коллегии КГБ. Он предупредил, чтобы все надели военную форму. Утром 20 декабря весь состав коллегии КГБ во главе с Ю.В. Андроповым собрались в кабинете Л.И. Брежнева. Он радушно встретил нас, каждому пожал руку, пригласил сесть. Беседа длилась около часа. Леонид Ильич кратко рассказал о положении дел в партии и государстве, о том, что он и ЦК придают большое значение деятельности органов госбезопасности. Сказал, что удовлетворен работой КГБ и выразил надежду на активную помощь партии и правительству в решении сложных проблем, стоящих перед государством.

С кратким сообщением выступил Ю.В. Андропов.

Л.И. Брежнев дружески распрощался с каждым из присутствовавших, а затем подошел ко мне, обнял и сказал всем:

— Виктор Иванович мой давний партийный друг.

Меня безмерно тронуло это внимание Леонида Ильича, поблагодарив генерального секретаря, я крепко пожал ему руку.

В последующие два года произошли еще два важных события, о которых считаю необходимым рассказать читателю.

Выше я уже говорил, что в 1967 году в Чехословакии сложилась тяжелая политическая обстановка. Ревизионистские элементы принимали активные меры к тому, чтобы дискредитировать руководство страной и повести ее по капиталистическому пути.

Во главе делегации КГБ я посетил в этом году Чехословакию. Побывал в Праге, Брно, на территории Моравии, где проходили многочисленные митинги с критикой действия властей. По телевидению неоднократно транслировали передачу «Суд поколений». В нем «разоблачались» идеи социализма, обливались грязью руководители КПЧ и Чехословацкого правительства, раздавались призывы к свержению социалистического строя. К тому времени ревизионистские элементы уже захватили средства печати, радио, телевидение и творили все, что хотели. Я наблюдал многотысячные митинги у памятника Карлу I в Праге. Чехословацкие чекисты оказались в полной растерянности. Смотреть на все это было больно, на душе лежала тревога. Возвратившись из Чехословакии, я рассказал Ю.В. Андропову о том, что видел своими глазами.

В тот период советских войск на территории Чехословакии не было и через границу с ФРГ свободно ринулся поток всевозможных враждебных элементов. Советское правительство, естественно, беспокоилось за судьбу социализма в братской стране, за будущее социалистического содружества в Восточной Европе.

Тревога нарастала. Надо было предпринимать какие-то меры. Тогда же в Москве, в Кремлевском дворце съездов состоялся московский городской партийный актив, на котором выступил Л.И. Брежнев. В своей речи он подчеркнул:

— Мы, коммунисты, строим социализм и коммунизм каждый у себя, в своей стране, и видим в этом свою первоочередную обязанность. Но мы в то же время и интернационалисты по сути своих убеждений, по воспитанию, по велению сердца, и нам не могут быть и никогда не будут безразличны судьбы социалистического строительства в других странах, общее дело социализма и коммунизма на земле...

Присутствующие в зале поняли, что он высказал отношение нашей партии и правительства к событиям в Чехословакии. Существовала опасность, что в случае переворота в Чехословакии, войска НАТО тут же придвинутся к Чопу, к границе Чехословакии с Украиной.

Это убеждение присутствующих еще более укрепилось, когда с речью выступил начальник Главпура министерства обороны, генерал армии А.А.Епишев, который сказал:

— Приход к власти в Чехословакии прокапиталистических сил допустить нельзя, и Вооруженные силы СССР, если такой приказ даст Советское правительство готовы прийти на помощь социалистическим силам в Чехословакии.

Как стало известно, к такому же решению готовы были прийти армии Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии.

В эти тревожные дни Ю.В. Андропов пригласил меня зайти к нему. Он сказал, что принято решение ввести в Чехословакию войска Варшавского договора и помочь социалистическим силам Чехословакии предотвратить переворот. Органы госбезопасности, — добавил Юрий Владимирович, — примут в этой операции активное участие. Готовится оперативная группа КГБ во главе с генерал-полковником Г.К.Циневым, в которую войдет группа сотрудников Седьмого управления, которым предстояло выполнить важную специфическую задачу. Возглавил нашу группу герой Советского Союза, в то время полковник М.П.Прудников, командир партизанского соединения в годы войны. Мы обеспечили ее всей необходимой экипировкой и, получив для вылета на исходные позиции два самолета «Антеи», группа прибыла в расположение советских войск, сконцентрированных на польско-чехословацкой границе, где поступила в распоряжение Г.К.Цинева.

Войска, в том числе оперативная группа КГБ выполнили свою задачу успешно. Герой Советского Союза П.И. Федотов, участвовавший в операции при возвращении в Москву, подарил мне на память автомат чехословацкого производства. К слову сказать, чехословацкие органы госбезопасности, руководимые в то время ревизионистом Павелом, отказались действовать в контакте с нашей опергруппой и даже создавали помехи в проводимых мероприятиях.

Впоследствии я еще не раз бывал в Чехословакии и вместе с чехословацкими друзьями с горечью вспоминал те тяжелые дни. Друзья с тревогой мне говорили, что ревизионистские элементы ушли в подполье, но продолжают активно действовать.

Очаг погашен, но он мог запылать вновь.

В начале 1969 года в Москве произошел опасный инцидент. 22 января у Боровицкой башни Кремля некто В.Ильин, младший лейтенант Советской армии, решился на гнусное преступление. Украл во время дежурства в части, расположенной недалеко от

Ленинграда, где он проходил в службу, два пистолета с боеприпасом, он выехал в Москву и у своего дяди, работавшего в милиции, «позаимствовал» милицейскую форму. Переодевшись, он пришел в Кремль и встал у входа в Оружейную палату. Раньше на этом месте всегда находился постовой милиционер, следивший за порядком около музея. Но в этот день он был снят с поста, и появление Ильина не вызвало тревоги у сотрудников безопасности. Свой террористический акт Ильин приурочил к приезду в Кремль советских космонавтов Шаталова, Вольнова, Елисеева и Хрунова после совершенного ими совместного космического полета. Машина с космонавтами шла второй. Когда она въехала в Кремль, Ильин, полагая, что в ней едут советские руководители, и в частности Л.И.Брежнев, выхватил из карманов два пистолета и начал стрелять по машине, тяжело ранив водителя, старшего сержанта Илью Ефимовича Жаркова, который вскоре скончался.

В этой машине находилось, помимо шофера, четверо космонавтов — Береговой, Леонов, Николаев, Терешкова и сотрудник безопасности, офицер Романенко. Все они, к счастью, не пострадали. После первых выстрелов террориста схватил сотрудник безопасности, разоружил и обезвредил. Его завели в помещение Оружейной палаты, обыскали, переодели в гражданское пальто, снятое с плеч одного из сотрудников безопасности и водворили в Лефортовскую тюрьму.

Через некоторое время меня пригласил к себе Ю.В. Андропов и, после короткого обмена мнениями о случившемся, сказал, что во главе группы Комитета мне предстоит выехать в Ленинград и провести необходимые оперативно-следственные мероприятия. Вместе со мной выехал заместитель начальника Следственного управления генерал-майор Николай Федорович Жуков, несколько следователей и оперативных работников.

Утром 29 января мы уже были в Ленинграде. Разместившись в здании Ленинградского управления КГБ, без промедления приступили к работе. Естественно, начальник Управления КГБ по Ленинградской области генерал-майор Василий Тимофеевич Шумилов и начальник Особого отдела Ленинградского военного округа генерал-майор Даниил Павлович Носырев, переживали случившееся, так как обязаны были выявить и обезвредить террориста еще на стадии подготовки к покушению. Мы составили план работы оперативной группы, распределили силы оператив-

ных работников и разработали конкретные оперативные мероприятия по следственному делу. Главная задача состояла в том, чтобы как можно быстрее выявить, не имеем ли мы дело с группой террористов, а если такая имеется, то срочно обнаружить ее состав и нейтрализовать. В случае, если действовал террорист-одиночка, предстояло выяснить личность покушавшегося и установить мотивы совершенного им преступления.

Привлеченные к расследованию сотрудники каждый день отчитывались перед старшими групп о проделанной работе. Ежедневно в восемнадцать часов у меня в кабинете собирались Н.Ф.Жуков, В.Т.Шумилов, Д.П.Носырев, руководители групп. Мы анализировали собранную информацию, намечали дальнейшие шаги расследования. О проводимой работе я ежедневно информировал Ю.В.Андропова по ВЧ и посылал в Москву краткие письменные сообщения. Контактировал я и с начальником Следственного управления КГБ генерал-майором юстиции А.Ф.Волковым. Оперативно-следственные мероприятия продолжались в Ленинграде около месяца. За это время я лишь дважды выезжал в Москву для личного доклада Ю.В.Андропову.

Ленинградские товарищи позаботились о нас и постарались создать все необходимые бытовые условия. Мы с Н.Ф.Жуковым жили на Каменном острове в коттедже, принадлежавшем областному управлению КГБ, там же завтракали и ужинали. В рабочие дни я вместе с В.Т.Шумиловым обедал в столовой обкома партии.

Первого секретаря обкома партии Василия Сергеевича Толстикова я посетил сразу же по прибытию в Ленинград, проинформировав его о цели приезда оперативно-следственной группы КГБ. Мы договорились, что о результатах проведенной работы доложим ему после завершения расследования. С В.С.Толстиковым у меня сложились хорошие отношения.

Он чем мог помогал нам, заботился о том, чтобы мы хорошо чувствовали себя в Ленинграде.

В.С.Толстиков пригласил меня на пленум обкома партии (пропуск на заседание в Смольный до сих пор хранится в моем домашнем архиве). Я сидел в том самом историческом зале, где выступал Владимир Ильич Ленин и была провозглашена Советская власть. Здесь все напоминало о событиях нашего славного прошлого, веяло дыханием истории.

Ленинград для меня вообще особый, святой город. Я бывал в нем несколько раз, в том числе и с семьей, и всегда этот великий город очаровывал меня своей красотой, удивительными памятниками, музеями и дворцами. И на этот раз, когда выдавался свободный часок-другой, я радовался возможностью посетить Эрмитаж, или Русский музей. Иногда просто гулял по набережным Невы, очарованный красотой города. Дважды удалось побывать в Большом драматическом театре, где с наслаждением наблюдал за прекрасной игрой знаменитых ленинградских актеров. По окончании одного из спектаклей мне представилась возможность встретиться и поговорить с выдающимся режиссером современности Георгием Александровичем Товстоноговым.

Оперативно-следственная группа в Ленинграде успешно завершила свою работу, проведя многочисленные оперативные и следственные мероприятия. После допроса многочисленных свидетелей удалось установить, что Ильин — террорист-одиночка, к тому же следствие и документы, обнаруженные при обыске у него на квартире, говорили о его психическом заболевании. В дальнейшем это подтвердила судебно-медицинская экспертиза, проведенная в Москве. Ильина решением суда направили на содержание и лечение в психиатрическую больницу закрытого типа в Казань. Следствие подтвердило его потенциальную опасность для общества — в воинской части украл оружие и боеприпасы, совершил террористический акт, смертельно ранив сержанта И.Е.Жаркова.

О результатах следствия по делу Ильина и решении суда большинство газет опубликовало сообщения; была дана информация и по телевидению.

После нас в Ленинграде побывала инспекторская группа КГБ, которая проверила состояние работы управления, выявила недостатки и промахи, определила меры по их устранению. Начальника управления генерал-майора В.Т.Шумилова освободили от должности и перевели на другую работу.

Вскоре меня опять пригласил Андропов.

— Виктор Иванович! — сказал он. — А ведь тебя очень просят перейти на работу в Ленинград, но ты нам нужен в Москве.

По поручению руководства комитета я выезжал во многие республики и города страны, где проводил кустовые совещания начальников управления госбезопасности, выступал на них с

докладами по оперативным вопросам, возглавлял ряд комиссий КГБ по проверке деятельности некоторых местных органов. За период работы в КГБ побывал на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Грузии, Армении, Латвии, Башкирии, в городах — Ленинграде, Новгороде, Туле, Белгороде, Воронеже, Горьком, Ярославле, Бухаре, Самарканде, Уфе, Волгограде, Новосибирске.

В 1970 году обнаружился факт незаконного ареста советского гражданина управлением КГБ по Липецкой области. На место выезжали сотрудники Инспекторского и Следственного управлений КГБ. Факт подтвердился. Вопрос специально рассматривался на заседании коллегии КГБ. Ю.В. Андропов и члены Коллегии осудили произвол, виновных, в том числе и начальника областного управления, строго наказали. Коллегия КГБ обратила особое внимание на необходимость неукоснительного соблюдения законности и порядка. Одновременно коллегия постановила провести по всей стране кустовые совещания руководителей местных органов КГБ и следственных аппаратов.

Мне было поручено провести совещания в Казахстане и Западной Сибири (Алма-Ате и Новосибирске).

Вспоминается полет в Алма-Ату, куда я отправился вместе с начальником Следственного управления и другими сотрудниками центрального аппарата. Ночью самолет попал в грозовую облачность и пилот набрал высоту. Где-то над нами светила луна, а под нами в густой пелене облаков разливается море огней от разрядов молний. Потрясающе-фантастическое это зрелище — бушующая гроза. Есть чему поражаться и чего бояться. Пассажиры в салоне самолета притихли, сидевшая рядом со мной студентка внезапно сникла, уткнулась лицом в мое плечо и тихонечко «ойкала», когда самолет проваливался в очередную воздушную яму. Однако экипаж умело обошел грозу и мы благополучно приземлились в алма-атинском аэропорту.

После совещания, которое по отзывам местных товарищей прошло с большой пользой для дела, нас познакомили с достопримечательностями города, свозили в горы. Впервые я своими глазами увидел великолепные горные пастбища, познакомился с прекрасными людьми — чабанами, перегоняющих огромные отары овец. Их мужественные лица, обожженные горячими лучами солнца и обветренные всеми ветрами, — суровы и строги. Во

время работы чабанам не до восхищения природой, держи, как говорится, ухо остро, да глаз имей зоркий, а то не ровен час волки могут потреть отару. Потому у чабанов, скачущих на быстрых конях, за спинами всегда висят карабины.

Осмотрели мы и горное водохранилище, снабжающее казахскую столицу питьевой водой. Жаркое лето основательно иссушило его. На берегу водоема стояла одинокая юрта, показавшаяся мне экзотическим жилищем. Правда, оборудовано оно было добротно, в соответствии с местными традициями, но жить в нем, честно говоря, мне бы не хотелось. Но, как гласит поговорка, «каждому свое». Абориген этих мест вряд ли захотел бы жить в городской квартире, пусть даже с электричеством и газом.

В декабре месяце кустовое совещание, подобное алма-тинскому, состоялось и в Новосибирске. На нем присутствовали начальники органов безопасности следственных подразделений краев и областей Дальнего Востока, Сибири и Урала. Вместе со мной приехали А.Ф.Волков, начальник Следственного управления, А. И. Фокин, начальник Десятого управления и начальник отдела Прокуратуры СССР Н. И. Терехов, а также группа руководящих работников Прокуратуры. Добирались мы поездом.

Как и в Казахстане, здесь я тоже выступил с докладом, который основывался на принятых решениях Коллегии КГБ СССР по недостаткам в работе Липецкого управления и задачах по совершенствованию следственной работы в КГБ.

Следственная работа в органах государственной безопасности, чтобы было понятно читателю, занимает исключительно важное место. Это зеркало деятельности аппарата государственной безопасности. Выше уже говорилось о том, какие моральные и политические издержки понесли органы из-за деформации принципов следственной работы. Поэтому в своем докладе я постарался обратить особое внимание руководителей местных органов безопасности, сотрудников, ведущих работу с оперативными материалами, а так же следственных работников на следующие вопросы:

— постоянно находиться в курсе политической и оперативной обстановки по кругу своей деятельности, не упуская при этом из поля зрения тревожных явлений, которые могут быть опасными для общества и советского государства;

— работать не по шаблону, а творчески, умело направляя действия чекистского аппарата по выявлению политически опасных государственных преступников, подпадающих под карательные действия закона;

— проявлять максимум профессионализма в оценке, к примеру, такого опасного явления, как воинствующий национализм и сепаратизм, которые подпадают под статьи уголовного кодекса (особенно это характерно для западных областей Украины, республик Прибалтики, Армении и Грузии);

— повышать профессиональное мастерство следователей и добиваться полноты следствия (в отдельных местных органах госбезопасности в результате слабой оперативно-розыскной и следственной работы оставались нераскрытыми опасные для общества преступления; по делу, по которому следственным путем не удавалось установить преступника, после его приостановления розыск велся пассивно, бесконтрольно, что совершенно недопустимо).

Как показывает практика, полнота расследования уголовных дел всегда являлась отличительным признаком следствия в органах госбезопасности. Они позволяли вносить полную ясность по подавляющему большинству дел, решения принимались обоснованные. И тут еще раз следует подчеркнуть, что только всестороннее, глубокое, полное и объективное исследование всех обстоятельств преступных деяний — надежная гарантия того, что ни один государственный преступник не уйдет от наказания, ни один невиновный не будет осужден.

Помню в 1967-1968 годах в результате неполноты следствия суды вынуждены были возвратить в органы КГБ на дополнительное расследование более двадцати дел. Произошло это в основном из-за неумелых действий отдельных сотрудников следственного аппарата, которые не смогли сочетать оперативную разработку со следствием, особенно на стадии реализации разработки. Еще в преддверии реализации оперативных материалов необходимо оценить ход предстоящего следствия, документацию, вещественные доказательства, т.е. все то, что дает возможность успешно провести следствие. Начало следствия — еще далеко не окончание оперативной разработки. Наоборот, оно должно обеспечивать особое взаимодействие ведения следствия и оператив-

ной разработки. К сожалению, не всегда так бывало и тут мы несли потери.

Новые веяния не могли не сказаться на стиле работы органов госбезопасности. Он значительно изменился. Чекисты, по-прежнему непримиримо относясь к политическим преступникам, одновременно проводили твердый курс на профилактическую работу, на упреждение преступления со стороны политически незрелых лиц. Работники следствия, а это уже входило в правило, стали принимать активное участие в такого рода профилактике. Это направление мы всячески стремились развивать.

Следственные работники, находясь на острие общественной жизни, изучали природу опасных явлений, вырабатывали предложения о введении необходимых правовых норм. С позиций профилактики мы уже тогда выходили на беседы со значительным числом людей. И тут строго соблюдалась социалистическая законность, для чего были выработаны четкие юридические основы, которыми мы строго руководствовались.

На совещании в Новосибирске мною подчеркивалось, что следователь обязан принимать решения по расследуемому делу и нести за них полную ответственность. В этом положении кстати заложен глубокий смысл. Следственная работа приобрела исключительный характер, ибо она сопряжена с решением судеб людей и непосредственно затрагивает существенные интересы граждан и государства. Небрежность и погрешность тут особенно недопустимы, а ошибки наносят непоправимый ущерб. Здесь, как никогда, требуются гарантии, исключая отрицательные последствия.

Персональная ответственность мобилизует следователя, заставляет с большим вниманием подходить к своим действиям и решениям. Вместе с тем, самостоятельность следователя никак не снижает ответственности за качество расследования с начальника органа безопасности, его заместителя, курирующего следственную работу; начальника следственного подразделения; руководства органов госбезопасности и руководителей следственных подразделений. Им, памятуя об этом, необходимо принимать все меры для ведения действенного контроля за работой следователей, активно направлять ее в нужное русло. И все это должно проходить в рамках уголовно-процессуального Кодекса.

Законом исключено коллективное решение вопросов, возникающих при расследовании уголовных дел. Если при совместном обсуждении какого-либо вопроса у следователя и начальника следственного подразделения возникли разные мнения, — а это вполне возможно, — то начальник, считая свою точку зрения более правильной принимает на себя ответственность и дает следователю соответственные письменные указания, обязательные для исполнения.

Помнится тогда на новосибирском совещании особо подчеркивалось, что решения Коллегии КГБ по следственной работе в УКГБ Липецкой области должны стать руководящими для каждого следственного работника. На совещании прозвучало много интересных выступлений, высказан ряд полезных советов.

По окончании совещания в Новосибирске я позвонил в Москву, доложил о проведенной работе, переговорил по «ВЧ» с Генеральным прокурором СССР Романом Андреевичем Руденко, моим давним хорошим товарищем еще с Украины. Пошутили, вспомнив забавные эпизоды прошлого времени.

Я уже говорил, что каждую свою деловую поездку старался использовать с максимальной пользой. И тут, в Новосибирске, не отступил от своего правила — с удовольствием побывал в театре оперы и балета, послушал и посмотрел прекрасную игру сибирских артистов. Жаль, что посещаемость театра оставляла желать лучшего. В конце декабря 1968 года в Новосибирске стояли крепкие морозы, температура опускались ниже 50 градусов, у прохожих дух захватывало. По улице ходили перебежками, пройдешь небольшое расстояние и бегом в первый попавшийся магазин, чтобы отдышаться. Может быть морозы и мешали новосибирцам посещать свой прославленный театр.

В эту поездку я побывал и в Сибирском отделении Академии Наук, беседовал с выдающимся ученым, создателем и руководителем научного городка под Новосибирском академиком М.А.Лаврентьевым. Меня поразила простота и скромность академика. Во время беседы он изложил свои интересные, государственной важности взгляды на постановку народного образования, подготовку научных кадров. Комнатка, где он работал — небольшая, стены покрыты «вагонкой», столы деревянные на крестовинах, вместо стульев длинные лавки, на стене простая вешалка для одежды.

Посетил я также атомный центр, видел реактор. Руководитель института рассказал нам о проводимых здесь исследовательских работах государственной важности.

Возвращаясь в город по снежному коридору, пробитому танками, мы наблюдали сказочные картины. На широком пространстве казалось бы гладкого снежного поля, то тут то там поднимались дымки. Оказалось, это полностью засыпанная снегом деревня. Для общения с «миром» между домами прорубили коридоры, очистили от снега трубы домов, из топившихся-то печей и вырывался наружу дым. Велика матушка Россия, каких только чудес не намотришься на ее бескрайних просторах.

В Москву возвращались поездом. В дороге произошел курьезный случай. Мы, трое работников госбезопасности и сотрудник прокуратуры Терехов, разместились в одном купе; соседний занимали еще двое представителей прокуратуры (один из них начальник следственного отдела), на двух других местах, как выяснилось позже, ехали муж с женой, бывшие заключенные, отбывшие наказание за воровство и возвращавшиеся к месту жительства. Вели они себя вежливо, культурно, общительно. Как-то раз они отправились в вагон-ресторан обедать. Вскоре муж вернулся, держа в руках бутылку шампанского. Быстро передав ее в руки одного из прокурорских работников, он попросил положить ее на багажную полку в купе и тут же вышел. Через несколько минут парочка вернулась вместе с официантами ресторана, которые требовали вернуть шампанское, похищенное в буфете. Бутылку вернули. Мы долго потом смеялись над прокурором, оказавшимся как бы соучастником кражи. Этот анекдотичный случай запомнился надолго.

Как я уже сказал, работа органов государственной безопасности в этот период проходила в благоприятной обстановке. Менялось лицо чекистского аппарата, повышалось профессиональное мастерство сотрудников, заметнее стали и оперативные результаты. Чекисты восстанавливали свое доброе имя в государствене и у народа.

Сразу после нового 1971 года меня пригласил к себе Юрий Владимирович Андропов. Когда я вошел в кабинет, он тут же вышел мне навстречу и, улыбувшись, что бывало с ним не часто, как-то буднично, без особого вступления сказал:

— Виктор Иванович! Вы назначены начальником Управления КГБ по Москве и Московской области. Так что прошу побыстрее принять дела и приступить к работе.

К такому повороту событий, признаюсь, я не был готов. Предварительно, как это обычно бывает, со мной никто по этому вопросу не говорил. Но я сразу же по тону Андропова понял, что вопрос этот решенный, и мне не приходится отказываться. Единственное, что я в тот момент знал со всей определенностью: участие работы этот в системе КГБ СССР чрезвычайно сложный и ответственный. Начальники управлений тут надолго не задерживались. И еще одно обстоятельство меня по человечески волновало. Я должен был сменить на этом посту моего старого и доброго товарища генерал-лейтенанта Серафима Николаевича Лялина, пришедшего как и я в начале 50-х годов в КГБ с партийной работы (Лялин занимал должность второго секретаря Тульского обкома партии). Словом, мы оба — из одного чекистского призыва, и его судьба мне была не безразлична.

Но времени на раздумья у меня, как я понял, не оставалось и поэтому я выразил Юрию Владимировичу свое согласие.

Жизнь моя, хоть и вошла в новое русло, но особых перемен не принесла, прибавила лишь новых хлопот. Помнится, я сильно переживал свое расставание с прекрасными товарищами из Седьмого управления КГБ, с которыми проработал долгих двадцать лет.

Заместитель председателя КГБ Виктор Михайлович Чебриков представил меня руководящему составу Управления, в котором мне предстояло продолжить службу и где я, нарушив «традицию», задержался на целых пятнадцать лет. Подробнее об этом периоде моей жизни я расскажу в следующей главе.

Юрий Владимировичем Андропов внес новую струю в работу всей системы государственной безопасности, открыв, в полном смысле этого слова новую эпоху в деятельности чекистского аппарата.

Во-первых, были соединены все направления работы, выполнявшие в определенной степени задачу государственной безопасности. Чекистская работа по своему характеру — коллективная. Она зависит от деятельности многих подразделений, и тем весомее ее оперативные результаты. Аппарат органов государственной безопасности — это сложный организм. В нем все взаи-

мосьязано и взаимозависимо. Изъять из него какое-то звено — это значит нарушить его жизнедеятельность.

Мудрость в простоте, сильный кулак бьет в цель мощнее.

Во-вторых, в деятельности органов государственной безопасности стал править Закон. Малейшее беззаконие сурово наказывалось. Особый контроль, как я уже говорил выше, был установлен за работой следственных подразделений. В их работе теперь участвовали постоянно закрепленные прокуроры, которые осуществляли контроль за следствием. Тщательно подбирались и кадры следственных работников. Уроки прошлого не прошли даром. И что самое важное, каждый аппарат местных органов госбезопасности мог возбудить уголовное дело по политическим мотивам только после того, как этот вопрос будет согласован с центром. Таким образом исключались из практики факты незаконных арестов и задержаний.

Должен заметить, что в это время значительно повысилась роль КГБ в получении необходимого объема важной информации государственного и оперативного значения. Думаю, нет необходимости объяснять, что своевременная и объективная информация является основным продуктом труда сотрудников государственной безопасности. Качественная информация, которой обладал КГБ, позволяла быстрее ее анализировать, обрабатывать и передавать в государственные органы для принятия решений в вопросах внешней и внутренней политики. Эта информация была также необходима нам для активного ведения оперативных разработок и вскрытия опасных политических преступлений, что несомненно повышало роль органов госбезопасности в защите интересов страны.

Более полной и действенной стала эта работа с созданием в КГБ информационно-аналитического центра, оборудованного современными электронно-вычислительными средствами.

Для обслуживания его были привлечены достаточно крупные научные и инженерно-технические силы. На всех необходимых направлениях в центре работали высококвалифицированные специалисты.

Более высоким стало и качество агентурно-оперативной работы, хотя агентурный аппарат оставался относительно небольшим (с 1951 года количество агентуры уменьшилось в десять раз). Известно, что агентурная работа, активное ведение опера-

тивных разработок являются основным предназначением чекистского труда, поэтому руководителям подразделений было настоятельно рекомендовано уделять этому участку деятельности самое пристальное внимание. И это незамедлительно сказалось на результатах. Они стали более весомыми.

Надо особо подчеркнуть, что Юрий Владимирович многое делал для внедрения в деятельность органов государственной безопасности оперативной техники. Работники Оперативно-технического управления КГБ за короткий срок сумели провести разработку и наладить производство многих уникальных по своему характеру новых оперативно-технических средств. Возможности оперативной работы значительно расширились. Оперативная техника в значительном количестве появилась в оперативных управлениях центра и в местных органах безопасности.

Особой заботой руководства КГБ стала кадровая работа. Теперь аппараты госбезопасности комплектовались только людьми с высшим образованием всех необходимых профессиональных категорий. Подбор кадров проводился, как из слушателей, окончивших высшие учебные заведения КГБ, так и из числа людей, занятых на гражданской работе. Все лица с высшим образованием, пришедшие в органы безопасности из народного хозяйства, проходили в обязательном порядке годичную подготовку в действующих специальных школах. В них же велась и переподготовка сотрудников.

На базе Высшей школы КГБ, ныне Академии, действовали курсы по переподготовке руководящего состава. Я с удовольствием и большим желанием читал лекции на этих курсах. Сочетая практическую работу с научной, я написал две монографии по важным вопросам оперативной работы, которые были высоко оценены и утверждены научным советом Высшей школы КГБ, затем изданы и нашли применение в учебном процессе учебных заведений КГБ, а также в практической работе оперативных подразделений центра и местных органов КГБ. Мною также был написан учебник и несколько учебных пособий для преподавательского состава и слушателей.

Кадры органов госбезопасности за эти годы значительно выросли, окрепли, повысилось их оперативное мастерство. Учитывая сложный характер чекистского труда, руководство КГБ добились принятия нескольких важных правительственных постанов-

лений по улучшению условий жизни и труда сотрудников государственной безопасности. За эти годы неоднократно повышалась заработная плата, улучшилось медицинское обслуживание, решены вопросы детских садов и яслей, а самое главное — была снята острота жилищной проблемы. Забота о быте сотрудников имела важное значение для создания в коллективе атмосферы дружной работы.

Естественно все эти меры стали возможны в результате большой помощи, оказанной органам госбезопасности правительством.

В стране был создан и успешно действовал мощный аппарат госбезопасности. Было полное понимание того, что власть не может существовать без органов госбезопасности, так же как госбезопасность не может существовать без органов государственной власти.

В 1981 году состоялся XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, делегатом которого я был избран на Московской партконференции. Съезд партии определил, как это было ему и положено, стратегическое направление в дальнейшем строительстве социалистического общества. После партийного съезда, по сложившейся в стране традиции, трудовые коллективы приступили к определению своих конкретных задач по претворению в жизнь принятых решений.

В конце мая 1981 года состоялось Всесоюзное совещание руководящих работников органов и войск КГБ, на котором был обсужден вопрос о состоянии и мерах улучшения служебной работы КГБ, в свете решений съезда партии.

Читателям, видимо, не безынтересно узнать о чем говорилось на столь ответственном и секретном в ту пору совещании. Докладчиком был Ю.В. Андропов.

Для многих из нас, неоднократно слышавших Юрия Владимировича, настоящее его выступление по глубине и масштабам поставленных проблем прозвучало как-то по-новому, твердо, но и озабоченно. Юрий Владимирович убедительно и аргументированно показал динамику развития нашей страны в ее противостоянии с капиталистическим миром, отметив все положительное, чего за эти годы добился наш народ, перешел к проблемам, которые в большей степени касались работы нашего ведомства. Он говорил, что международное положение Советского государства

остается сложным. Мы находились в стадии противоборства с нашими извечными оппонентами — капиталистическими сверхдержавами. В этом противоборстве мы возглавляли силы, выступавшие за обуздание гонки вооружений, за укрепление мира и разрядки, а нам противостояли силы, ведущие яростное наступление на разрядку, провозглашающие курс на гонку вооружений, подрыв мира, готовых поставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих корыстных целей. Политика агрессивных империалистических сил, — особо подчеркнул этот тезис Ю.В.Андропов, — привела к значительному росту международной напряженности со всеми вытекающими отсюда опасными последствиями.

Нам ответственным работникам КГБ было достаточно хорошо известно, что Вашингтон и его партнеры по НАТО в международных отношениях все чаще стали прибегать к политике шантажа и грубого давления, больше того они стали откровенно и бесцеремонно навязывать свою волю другим странам и народам, выдвигая авантюристические доктрины: то «ограниченной» ядерной войны, то войны с применением лишь обычного, неядерного оружия. Знали мы и то, что причиной нынешнего обострения международной обстановки является попытка империализма изменить ход событий на мировой арене в свою пользу.

Разрядка международной напряженности и нынешнее ее обострение, — заключил этот свой тезис докладчик, — являются звеньями одной цепи — цепи событий в ходе исторического противоборства социализма и капитализма, которое началось с самого рождения Страны Советов. Империализм согласился на разрядку вовсе не потому, что вдруг «подобрел». Он пошел на нее прежде всего потому, что неизмеримо возросла оборонная мощь Советского Союза, могущество стран социалистического содружества. Рухнула колониальная система. Сыграли свою роль возросшая активность трудящихся масс, выступающих с протестом против агрессивной политики империализма, и провал «грязной войны» во Вьетнаме.

Все это действительно было так, но разрядка стала возможной еще и потому, что у государств двух систем в определенных условиях появились, в известном смысле, параллельные интересы: стремление избежать ядерной катастрофы, более полно использовать выгоды международного разделения труда, решать

насущенные глобальные проблемы. Вместе с тем позиция империализма в отношении разрядки, в силу самой ее природы, была непоследовательной.

— Эта непоследовательность, — сказал Андропов, — во многом и объясняет колебания, зигзаги, которые характеризуют внешнюю политику американских правящих кругов. Наиболее реакционные силы империализма, прежде всего хозяева военно-промышленного комплекса, пересматривают теперь свое отношение к разрядке.

С трибуны съезда в отчетном докладе было заявлено, что острота классовой борьбы на международной арене предъявляет высокие требования к деятельности органов государственной безопасности, к партийной закалке, знаниям и стилю работы наших чекистов.

— Комитет госбезопасности, — заявил Юрий Владимирович, — работает оперативно, на высоком профессиональном уровне, строго придерживаясь положений Конституции, норм советского законодательства. Зорко и бдительно следят чекисты за проясками империалистических разведок. Они решительно пресекают деятельность тех, кто становится на путь антигосударственных, враждебных действий, кто посягает на права советских людей, на интересы советского общества. И эта работа заслуживает глубокой признательности, всего нашего народа...

Далее докладчик остановился на вопросах совершенствования чекистской деятельности. Именно они являются предметом постоянного внимания руководства КГБ. В настоящем докладе, — сказал Ю.В. Андропов, — поднимаются лишь актуальные вопросы, вытекающие из оперативной обстановки самого последнего времени. Политические условия у нас в стране хорошие. Это оказывает решающее влияние на оперативную обстановку. Она является для нас в целом благоприятной.

В то же время нельзя не видеть, что оперативная обстановка, будучи более подвижной в сравнении с политической, по ряду позиций усложнилась и на отдельных участках приобретает временами острый характер.

Действительно, мы на основе анализа данных, полученных в ходе разведывательной и контрразведывательной работы знали, что за последнее время спецслужбы западных стран усилили нажим на социализм по всем направлениям. В то же время этот

анализ позволял сделать следующие выводы о некоторых особенностях современной оперативной обстановки в стране.

Это прежде всего вывод о том, что в условиях морально-политического единства советского народа, повышения активности и бдительности советских людей сложились самые благоприятные условия для деятельности органов государственной безопасности. С другой стороны, обострение международной напряженности, сопровождающееся расширением масштабов, усилением натиска разведывательно-подрывной деятельности противника, требует от чекистских органов максимального использования этих благоприятных условий в интересах охраны безопасности Советского государства.

Противник действует с большей наглостью и цинизмом. Он идет на применение таких острейших форм, как террор и диверсия. Он все активнее сочетает агентурную разведку с разведкой техническими средствами.

— Соединенные Штаты и другие капиталистические страны, — отметил докладчик, — все чаще собирают разведывательные данные с легальных позиций, используя в этих целях дипломатов, журналистов, туристов, поток которых за последние годы возрос. Враг рвется к политическим, экономическим и военным секретам Советского Союза, к нашим достижениям в науке и технике, особенно в ключевых областях, которые во многом определяют общее соотношение сил СССР и США. Что касается идеологической сферы, то противник... пытается теперь воздействовать на широкие группы населения с целью создания так называемых очагов социального возбуждения и, в конечном счете, — идейной «эрозии» советского общества.

Особо Ю.В. Андропов остановился еще на одной особенности оперативной обстановки. Речь шла о подрывных действиях противника в области экономики, в попытках затормозить развитие народного хозяйства нашей страны, особенно промышленности, скрыть от нас наиболее важные результаты научно-технической революции. Все это требует активизации действий разведки и контрразведки.

— Наша разведка, — говорил Ю.В. Андропов, — имеет большой опыт, опирается на славные традиции, располагает переданными, хорошо подготовленными кадрами, вооружена современной техникой. Она смело вступает в противоборство с про-

тивником и на ряде участков добивается неплохих результатов. Но сегодня надо подумать, как перед лицом более сложных задач повысить ее эффективность.

Главная задача нашей разведки — не просмотреть военных приготовлений противника, его подготовку к ядерному нападению, не проглядеть реальной опасности развязывания противником войны. Сегодня разведка должна действовать прицельнее, точнее, быстрее. Только так она может выполнить свой долг.

Свои, не менее ответственные задачи, и у контрразведки. Она должна надежно оберегать безопасность, оборонный и экономический потенциал страны, принимать решительные меры против разведывательного проникновения противника к государственным и военным секретам. Это требует постоянного совершенствования тактики и методов борьбы с агентурой противника, технической и легальной разведками, изыскания наиболее эффективных путей и способов, позволяющих своевременно вскрывать не только классические приемы действий вражеских спецслужб, но и их новейшие ухищрения... Жизнь показала, что контрразведчики в определенной степени повысили уровень работы на главных направлениях борьбы со шпионажем. Были разоблачены и обезврежены вражеские агенты. В этом отношении хорошо потрудились работники Второго главка, Третьего и Седьмого управлений, чекисты Ленинграда, Украины, Латвии, Эстонии, Казахстана, Москвы и Московской области. Опыт показывает, что наряду с уже известными формами шпионажа противник пытается использовать более изощренные средства сбора разведывательных данных и осуществления других видов разведывательно-подрывной деятельности... Первостепенное значение должно придаваться тому, чтобы фиксировать его действия по возможности на дальних подступах, не допускать его к интересующим объектам и секретам. Надо научиться видеть противника, образно говоря, на горизонте, а может быть, и еще дальше — за горизонтом...

Я подумал о том, что мы всему этому учились и многое у нас неплохо получалось.

А Андропов продолжал:

— По-прежнему у нас уделяется мало внимания агентуре, играющей решающую роль в деятельности второй и третьей линий. Все еще имеется немало оперативных работников, особенно

из числа руководящего состава, которые избегают непосредственно участвовать в агентурно-оперативной работе. Видимо, товарищи не сознают, что без повседневного, непосредственного общения с источниками оперативной информации можно превратиться из чекиста в канцеляриста, составителя бумаг...

И тут Юрий Владимирович был недалек от истины. Мы так еще не научились как следует вести активный поиск. Действуем зачастую по старинке. А активный поиск предполагает искусное прогнозирование изменений в оперативной обстановке, подготовку и воспитание агентуры, обучение ее не пассивному ожиданию, а целенаправленным действиям. Мы отчетливо понимали, что нужно шире использовать новые возможности наружного наблюдения, ПК, слухового контроля, радиоконтрразведки, научно-технических и криминалистических исследований и экспертиз. Словом, использовать все средства для выявления шпионов. Наконец, организация активного поиска предполагает усиление деятельности по проникновению в спецслужбы и спеццентры противника. Нужно шире использовать информационно-аналитические системы, а главное — комплексное планирование работы.

Конечно, из критики надо было делать определенные выводы, и мы их делали, стараясь оправдывать оказанное доверие.

Доклад между тем продолжался. Говорил Ю.В. Андропов доходчиво, простыми словами, нередко подтверждая сказанное примерами из обыденной жизни:

— Известно, что режимные мероприятия, осуществляемые в интересах государственной безопасности на предприятиях и в учреждениях, порой вызывают чувства протеста, как и всякие меры ограничения. Надо, например, поговорить человеку по телефону, а тема разговора секретная и говорить о ней по телефону не полагается. И вот он в нарушение установленного порядка начинает, как ему кажется, разговаривать намеками, которые на другом конце плохо понимаются, и потому следует приглашение «намекать смелее». В результате разглашаются секретные данные, что наносит ущерб нашему государству... В наше время, когда противник проявляет особую заинтересованность в получении информации об оборонных секретах, несоблюдение режима граничит с государственным преступлением. Ведь за теми или иными сухими требованиями инструкции стоят конкретные контрраз-

ведывательные преграды. Некоторые наши товарищи — чекисты утверждают, что обеспечить режим — это дело руководства предприятий и Гостехкомиссии. И, что, мол, нам незачем активно включаться в режимные мероприятия, поскольку это отвлекает от работы с агентурой. Такое мнение нельзя признать правильным уже хотя бы потому, что защита секретов на предприятиях и в войсках не сводится только к работе с агентурой... Противник ныне получает информацию с помощью технических средств из космоса, из перехвата систем связи, засекая излучения, которые выделяются специальными изделиями и т.д. Здесь одна агентурная работа помочь не может. Тут нужно строгое соблюдение режима, за что в первую очередь отвечает руководство предприятий и учреждений, командование воинских частей. Но и с нас никто не снимает ответственности за осуществление контроля за соблюдением режима секретности.

Представление читателя о разговоре на совещании руководителей спецслужб страны было бы неполным, если бы я упустил затронутую Андроповым тему о идеологических диверсиях, осуществляемых Западом против нашей страны и стран социалистического содружества. В частности, он сказал:

— В первый период после Хельсинки мы пережили нажим Запада, который пытался использовать соглашения для достижения своих особых целей. Не уступая в принципиальных вопросах, мы кое-где пошли на послабление режима, в том числе для дипломатов, журналистов, туристов западных стран. В то время это было оправдано и необходимо, так как Запад увязывал эти вопросы с общим комплексом Хельсинских договоренностей. К сожалению, порой еще встречаются и в нашем обществе люди, которые неправильно поняли некоторые шаги, связанные с реализацией Хельсинских договоренностей. Они ошибочно воспринимают эти договоренности как ослабление разведывательных устремлений спецслужб, не отдают себе отчета в том, что спецслужбы пытаются использовать такое их поведение в целях усиления своей подрывной деятельности. Необходимо добиваться, чтобы граждане, имеющие дело с государственными секретами, строго соблюдали установленный режим и правила. Оперативные сотрудники, действующие на участке обеспечения режима и защиты секретов, должны постоянно помнить, что их работа не является второстепенной. Это, по сути дела, превентивная борьба со

пшионажем и другими видами разведывательно-подрывной деятельности. Отсюда — ее важность и значимость...

То, о чем говорил Ю.В. Андропов, не могло не настораживать.

Нам действительно противостоял противник опытный, хорошо технически оснащенный, действующий активно и расчетливо, оберегающий себя от провалов, маскирующий свои действия, стремящийся быть неприметным. Спецслужбы и зарубежные антисоветские центры явно изменили свою тактику в работе на Советский Союз. Продолжая поддержку отдельных лиц из числа фрондирующей интеллигенции, националистов, ортодоксальных религиозников, они пытались ориентировать свои действия на более широкие слои населения.

Негативный опыт Польши, о котором я знал отнюдь не понаслышке, подогревал аппетиты западных идеологов, которые пытались и в других социалистических странах, в том числе и в Советском Союзе, создавать, как они выражались, «очаги социального возбуждения». Кое-что им тогда уже удавалось. Так они активно пропагандировали через своих эмиссаров идею создания в нашем обществе «модных» на Западе сект религиозно-мистического толка, направленных в конечном счете на снижение общественно-политической активности личности, на развитие социального паразитизма.

Все более заметным становилось стремление идеологических центров противника проникать в рабочую среду, усиливать клеветнические измышления о якобы имеющихся у нас «ущемлениях прав рабочих», «социальном неравенстве женщин», «игнорировании жизненных интересов и запросов инвалидов».

Конечно, как говорится, дыма без огня не бывает. Оставались у нас кое-какие проблемы, решение которых откладывалось на более дальний срок, или вязло в бюрократической словесной шелухе. А наш противник, пользуясь этим, тем временем усиливал, к примеру, акции по разжиганию эмиграционных настроений среди еврейского, немецкого и армянского населения. Он пытался при этом использовать не только националистические настроения, но и религиозные мотивы, подталкивая верующих различных национальностей на выезд из СССР. Тему «права» на эмиграцию шумно эксплуатировали главари украинских, эстонских и других националистических организаций за рубежом.

Словом, как говорил Ю. В. Андропов, анализируя складывающуюся ситуацию :

—...в сфере идеологической диверсии противник стал действовать не только активно, но более изобретательно и коварно, стремясь нащупать новые возможности. В этих условиях от чекистов требуется поиск новых средств, которые позволяли бы нам успешно предотвращать подрывные акции...

И поиск этот мы вели упорно, напряженно постоянно расширяя наши возможности, благо чувствовали действенную поддержку со стороны государства, которое делало все, чтобы защитить социалистические завоевания.

В общем доклад Ю. В. Андропова охватывал обширнейший круг вопросов: и широкого обеспечения КГБ техническими средствами, и совершенствования управления, и четкого функционирования всех звеньев, и дальнейшего совершенствования планирования, контроля и проверки исполнения, и решительного пресечения любых попыток «местничества», и имеющихся фактов недооценки общих целей ради получения незначительных, но зато «своих» результатов.

В конце выступления Ю. В. Андропов подверг тщательному анализу политическую обстановку, складывающуюся в Польше. Идеологическая диверсия, совершавшаяся в братской стране, очень его тревожила. Предупреждая всех нас о необходимости повышать бдительность к различного рода проявлениям идеологического шатания и неустойчивости, он уже в то время словно предвидел трагические события, которые произойдут в нашей стране.

— События в Польше, — сказал он, — наглядно показывают, что империализм предпринимает последний и решительный штурм. И не далек тот час, когда он обрушит всю свою подрывную мощь на нашу страну.

Тревога его имела вполне реальные основания. Ибо противник, нанося удар по социалистической Польше, замахивался на все социалистическое содружество. Он пытался «польский опыт» сделать универсальным, чтобы перенести его на другие социалистические страны.

Ю. В. Андропов предупреждал:

—...мелкобуржуазная стихия самая живучая. Играя на человеческих слабостях, буржуазные идеологи, используя во всю силу

многомиллиардных долларовых вливаний, которые щедро тратятся на борьбу с социализмом, сделают все для того, чтобы отравить часть общества ядом накопительства, стяжательства, неверием в коллективные формы жизни и труда.

В начале 90-х годов именно так и случится. Пока же в фокусе идеологической борьбы оказалась Польша. И за этой жесткой борьбой мы, чекисты, как я уже выше говорил, наблюдали с болью в сердце и с огромной тревогой за судьбу социализма.

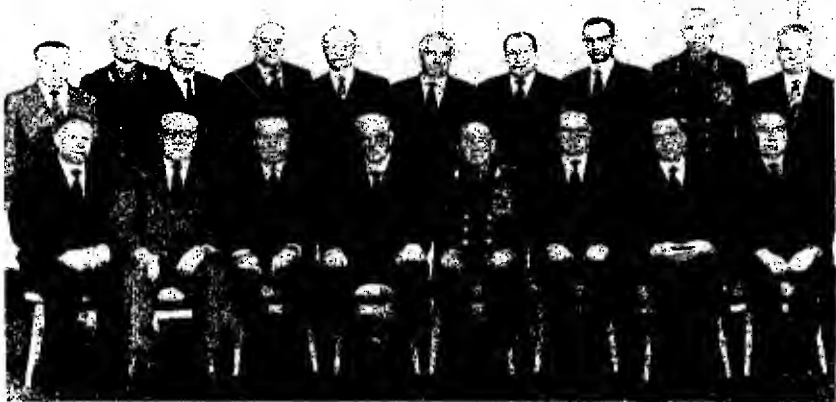
Пожалуй, ни в одной из социалистических стран контрреволюция не действовала с такой хитростью и изощренностью и вместе с тем с такой настойчивостью в достижении цели, как в Польше. Польская реакция и ее хозяева на Западе учли печальный опыт контрреволюции в Венгрии и Чехословакии, когда бесчинства оголтелых враждебных элементов пришлось подавлять с помощью армии, в том числе и Советской..

Особенность развития контрреволюционных событий в Польше состояла в том, что они по форме не выходили за рамки собраний, митингов, различного рода петиций и требований. Пресловутый профсоюз «Солидарность» сам следил за тем, чтобы в городах и на предприятиях не происходило беспорядков.

И тем не менее контрреволюция без шума захватывала одну позицию за другой. Не зря ее называли «ползучей». Стараясь использовать имеющиеся конституционные институты, как то сейм, суд, заседания партийных органов, «Солидарность» продвигала туда своих людей, действуя по принципу: «форма пока может оставаться прежней, а содержание — антисоциалистическим».

Возникает законный вопрос: как могло случиться такое при наличии в стране трехмиллионной армии коммунистов?

ПОРП оказалась тогда в трудном положении прежде всего потому, что нарушилась ее связь с массами, а это одно из важнейших условий всей политической деятельности партии. Как показала жизнь, бывшее руководство ПОРП не смогло ни правильно понять настроения масс, ни оказать на них необходимого влияния. Но, как известно, природа не терпит пустоты. Образовался вакуум в политико-идеологической области, который быстро заполнили церковь и различные оппозиционные группы антисоциалистического толка.

Коллегия Комитета госбезопасности

Генерал-полковник А.М.Сахаровский

Генерал-лейтенант Ф.К.Мортин

Генерал-полковник В.А.Крючков

Генерал-лейтенант П.П.Лаптев

Генерал-полковник Г.Ф.Григоренко

Генерал-полковник Н.А.Душин

Генерал-лейтенант Г.Е.Агеев

Генерал-лейтенант Ю.В.Сторожев

Генерал-лейтенант Ф.Д.Бобков

Генерал армии В.А.Матросов

Генерал-лейтенант Ф.А.Щербак

Генерал-лейтенант В.И.Алидин

Генерал-майор А.А.Сорокин

Генерал-лейтенант А.Д.Бесчастнов

Генерал-лейтенант Е.М.Расщепов

Генерал-лейтенант Ю.С.Плеханов

Генерал-лейтенант Е.Д.Карпещенко

Генерал-лейтенант юстиции
А.Ф.Волков

В президиуме Всесоюзного совещания руководящих работников органов и войск КГБ. 1981 г.

Генерал-лейтенант В.П.Демин

Генерал-лейтенант И.В.Маслов

Генерал-лейтенант А.П.Рагозин

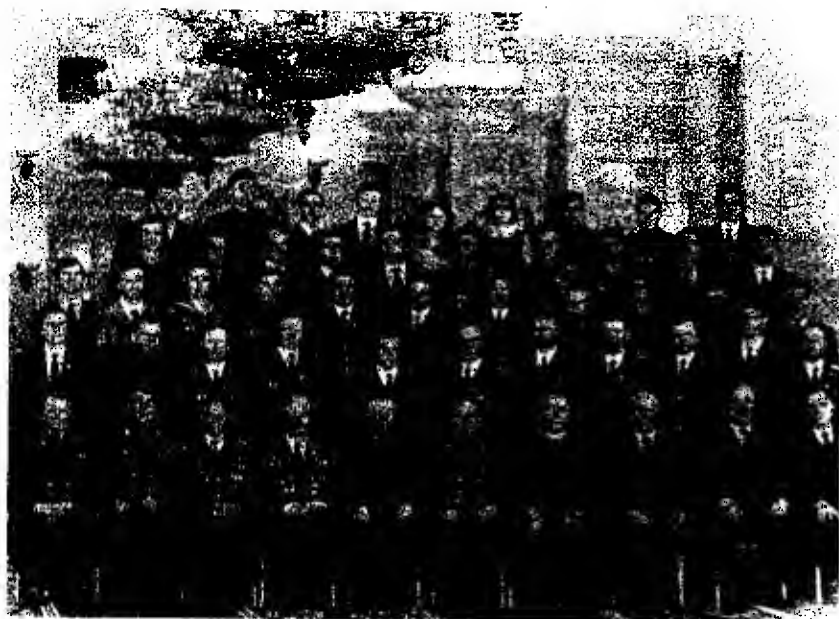
Генерал-лейтенант П.Е.Богданов

Полковник В.И.Кудрев

Подполковник медицинской службы
В.В.Исаева

Встреча с чекистами — делегатами XIX съезда ВЛКСМ

Юрий и Валентина Гагарины среди чекистов

Товарищеская встреча сотрудников управления с космонавтами Г.Титовым, П.Поповичем, В.Быковским и их женами

На просмотре художественной самодеятельности сотрудников управления

Открытие летней спартакиады 2-го райсовета «Динамо»

МОСКОВСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КГБ

Председатель КГБ Ю.В.Андропов лично курировал работу
Московского управления

Первый секретарь Московского
горкома партии В.В.Гришин

Первый секретарь Московского
обкома партии В.И.Конотоп

Генерал-полковник В.И.Алидин

Генерал-лейтенант М.Д.Боровлев

Генерал-майор Н.М.Коньков

Генерал-майор А.В.Коробов

Генерал-майор В.И.Новицкий

Генерал-майор В.А.Журавлев

Генерал-майор В.М.Фаненко

Коллегия Московского управления КГБ

На торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов

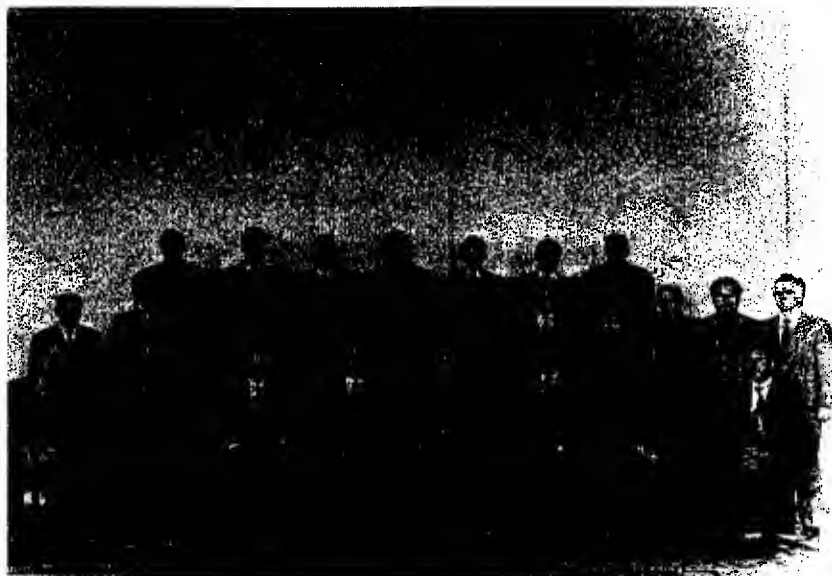

Перед Олимпиадой-80. Осмотр спорткомплекса в Крылатском членами
Политбюро ЦК

Ю.В.Андропов и В.В.Гришин на заводе им.Орджоникидзе

Руководители управления с одной из групп сотрудников, выполнявшей задания в Афганистане

Председатель КГБ В.М.Чебриков и Г.К.Цинев осматривают оружие, изъятые по уголовному делу

Камуфляж взрывных устройств, использовавшихся террористами при взрывах в метро и на ул. 25 Октября

Проходят колонны трудящихся районов Москвы

В.И.Алидин, В.Л.Говоров

Слева — министр МВД Н.А.Щелоков,
Генеральный прокурор Р.А.Руденко

Надо прямо сказать, что Герек и его окружение явно недооценили опасности отрыва от масс, действий антисоциалистических сил. Они ошибочно считали, что отдельные «диссиденты» и даже группки вроде КОС-КОР не представляют серьезной опасности и при желании их деятельность можно пресечь в любой момент. Но получилось иначе. Оппозиционные силы, закоперщики вроде Валенсы воспользовались недовольством в рабочей среде, возникшим на почве неудовлетворительного решения социально-экономических проблем, толкнули рабочих на забастовки. Руководство ПОРП не среагировало своевременно на настроения масс. Не проявило оно настойчивости и в пресечении подрывной деятельности антисоциалистических сил.

Кстати в польском вопросе были аспекты, которые напрямую касались в ту пору и нас. В нашем обществе тоже не все обстояло благополучно и наша задача состояла в том, чтобы остро, своевременно и, я бы сказал, решительно реагировать на опасные антисоциалистические проявления. То что можно было простить еще вчера, в 80-х годах стало непростительным. Речь, разумеется не о том, чтобы снова применять репрессивные меры, но, уверен, действовать надо было более строго и решительно, рамки закона это позволяли. Для нас формулой действия должны были стать слова В. И. Ленина, произнесенные им перед чекистами в первую годовщину Октября. Сам характер деятельности ЧК таков, — говорил он, — что от ее работников требуется «решительность, быстрота, а главное — верность» (ПСС, т. 37, с. 174).

Единичные, но весьма тревожные, чреватые негативными последствиями преступления совершились и у нас в стране.

Это — попытка угона военного сторожевого корабля за границу политработником, капитаном третьего ранга Саблиным. Он уговорил команду следовать в порт соседнего буржуазного государства. Несколько военных кораблей и боевых самолетов настигли беглецов в море, открыли предупредительный огонь, а затем задержали и доставили к месту дислокации. Саблина арестовали, судили и приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. Ряд членов экипажа отбывали наказание в штрафных батальонах.

В 1977 году в Москве произошли три опасных взрыва: один — в вагоне метро и два на улице 25-го Октября, в центре города. В результате взрыва в метро погибло семь и ранено тридцать

семь человек. Расследование установило, что преступные действия совершили армянские террористы на националистической почве. Подробнее об этом я расскажу в следующей главе.

Военный летчик, майор Беленко, служивший в одной из авиационных частей Дальнего Востока, изменил Родине, на истребителе МИГ перелетел в Японию, откуда был переправлен в США. Беленко судили заочно и приговорили за измену Родине к высшей мере наказания — расстрелу.

О террористическом акте, совершенном у ворот Кремля, я уже писал.

В 1963 году, на почве недовольства действиями местных властей, в городе Новочеркасске Ростовской области произошел мятеж, значительный по количеству участвовавших в нем людей. Проведя митинг, толпа двинулась к горкому партии, где учинила погром. Нашлись горячие головы, которые сумели увлечь толпу к зданию местной тюрьмы. Там группа мятежников пыталась через ограду проникнуть во внутрь и освободить заключенных. Охрана открыла по нападавшим огонь, в результате чего оказались убиты и раненые. По делу велось следствие, несколько человек, организаторов бесчинств, арестовали и судили.

Сам факт мятежа в кругах высшего руководства вызвал определенную тревогу. Все понимали, что это не выходка хулиганствующей толпы, они только перехватили инициативу, причина стихийного бунта заключалась в отрыве руководства города от трудящихся масс, откровенное пренебрежение к их нуждам и запросам. Помнится, по итогам расследования были сделаны серьезные выводы, виновные привлечены к строгой ответственности.

К счастью, подобных преступлений в стране больше не было.

Где-то в конце шестидесятых годов в Москве и Ленинграде стали появляться первые диссидентствующие личности. Тогда же началось хождение по рукам «самиздатовской» литературы. Сначала среди интеллигенции и студенческой молодежи распространялись идейно порочные художественные произведения. Особой опасности для общества эта деятельность не представляла и органам госбезопасности больше приходилось заниматься профилактической работой. Вели ее, как правило, через общественные организации. Но вскоре «самоиздат» качественно изменился, по рукам пошли документы программно-политического содержания.

В конце 60-х годов среди научной, технической и части творческой интеллигенции началась проповедоваться теория «демократического социализма». Суть этой теории заключалась в эволюционном пути внутриполитического развития, который должен был неизбежно привести к созданию в стране «истинно демократической системы».

На базе изготовления и распространения «самиздатовской» литературы происходила определенная консолидация диссидентствующих единомышленников, наглядно прослеживалась попытка создания некоего подобия оппозиции. И действительно, где-то в середине шестидесятых годов в Москве и Ленинграде возникло несколько групп, которые вызвали у нас серьезную тревогу. Деятельность их принимала все более откровенный антисоциалистический характер, хотя на словах они продолжали ратовать за совершенствование социализма. В конце 1968 — начале 1969 года из числа наиболее радикально настроенных оппозиционеров сформировалось политическое ядро, именуемое «демократическим движением». Возглавили его дети в прошлом видных деятелей советского государства Якира и Красина.

И. Якир — командующий Киевского военного округа и Красин — видный деятель советской дипломатии были репрессированы в 1937 году и расстреляны. Членов их семей, в том числе детей, сослали в Сибирь и освободили только после смерти Сталина. Жизнь этих двух молодых людей сломалась. Вернувшись в Москву больными, они, как сами рассказывали, затаили глубокую ненависть к Сталину, его окружению, ко всем нарушителям законов, проклинали их за гибель своих родных, близких, за свою поруганную молодость. Они кипели желанием сделать жизнь лучше, справедливей.

В московскую группу входило примерно триста человек, а по стране набиралось еще человек пятьдесят. Движение это, как формулировали его руководители, обладало тремя признаками оппозиции: иметь руководителей, активистов и опираться на значительное число сочувствующих; не принимая четкой формы организации ставить перед собой определенные цели и избирать тактику; добиваться легальности действий.

Основные задачи «движения», как они были сформулированы в 13-м номере «Хроники текущих событий», выпускаемой московской группой, возглавляемой Петром Якиром, включали в

себя «демократизацию страны путем выработки в людях демократических и научных убеждений, сопротивление сталинизму, самозащиту от репрессий, борьбу с экстремизмом любого толка».

Цели, как видим, ставились благие, да только методы их достижения оказались отнюдь не демократического характера. И не случайно группа эта постепенно сползла на антисоветские позиции, выражая взгляды, явно далекие от борьбы за очищение социализма. А вскоре они идейно, организационно и материально вообще сомкнулась с действиями зарубежных идеологических центров и антисоветских организаций. В руководстве действиями группы стал активно принимать участие Народно-трудовой союз, состоящий на содержании ЦРУ США. Он снабжал группу пропагандистской литературой, денежными средствами, печатной базой. В свою очередь группа готовила для Запада материалы клеветнического характера, распространяя тем самым заведомо ложную информацию о советском образе жизни. И все же надо признать, что ряд утверждений этих авторов имел определенное позитивное значение. Эти люди заслуживали внимательного отношения к себе со стороны тех, кто по долгу службы должен был анализировать все, что возбуждало ум, находило отклик у определенной части общества, ведь не чужие же они нам были. Словом, для блага дела не следовало отмахиваться от всего, что, как говорится, резало кое-кому слух.

Так, в 1971 году в Англии была издана книга двух братьев Медведевых под названием «Кто сумасшедший». В ней по сути излагалось кредо группы «демократического движения», которое в своей основе было неприемлемо для нашего социалистического общества. Но нельзя не согласиться, к примеру, с такими утверждениями:

«Один из самых серьезных недостатков нашей нынешней политической структуры, — писали авторы, — состоит в том, что лишенная гибкости структура рассчитана на полное единство взглядов во всех ее звеньях и не содержит необходимых механизмов для нормального диалога с инакомыслящими как вне партии, так и внутри ее». И далее: «Мы не будем перечислять и анализировать ныне существующие в нашей стране политические течения, среди которых есть прогрессивные и реакционные, «правые» и «левые», умеренные и радикальные, конструктивные и анархистские, националистические и шовинистические, запад-

ные и славянофильские, стоящие на почве марксизма и пытающиеся найти какую-то новую платформу. Отметим, что хотя все эти течения существуют и развиваются, отсутствие в нашей политической структуре каких-то нормальных механизмов для диалога между большинством и меньшинством, между властью и оппозицией порождает ряд нежелательных, ненормальных и уродливых явлений.»

Это утверждение, конечно же, не следовало отбрасывать в сторону без внимательного рассмотрения. Отрицать диалог — значит отрицать диалектику, как метод познания. Всем известно, что в спорах рождается истина. Многие ленинские теоретические труды построены на полемике с оппонентами.

В то же время группа «демократического движения» стала представлять серьезную опасность. Для практического руководства ее деятельностью спецслужбы и зарубежные идеологические центры стали направлять в нашу страну, и особенно в Москву, своих эмиссаров, широко использовали разведчиков из состава резидентур посольств, а также различных своих сотрудников, аккредитованных при МИД СССР. Деятельность группы «демократическое движение» приняла ярко направленный антисоветский характер и стала важным оружием в руках организаторов борьбы против социалистического строя.

В соответствии с законодательством нашего государства Следственным управлением КГБ было проведено следствие по делу группы. Некоторые активные ее организаторы, в частности Якир и Красин, подверглись аресту.

В процессе предварительного следствия проводилась воспитательная работа, благодаря чему ряд привлеченных по делу признались в своих незаконных действиях. Одних обвиняемых (Кожаринова, Попова, Юхновца), полностью отказавшихся от проведения в дальнейшем враждебной деятельности и осудивших ее, помиловали, других осудили условно. В конце концов помиловали и Якира с Красиным. Ряд активных участников группы выехали за границу. Органы госбезопасности с пятидесяти семью участниками группы провели профилактические беседы. Проводились такие беседы и по месту работы участников. Группа перестала существовать.

В начале 70-х годов, в Москве возникла вторая по значимости диссидентская группа. Академик А.Д.Сахаров объявил о создании «Комитета защиты прав человека».

О деятельности Сахарова много написано и сказано. Можно лишь добавить, что его группа существовала недолго. По решению правительства к Сахарову применили меры административного воздействия — направили на жительство в город Горький (Нижний Новгород).

Можно рассуждать о правильности или неправильности таких мер, но в те годы это было признано необходимым, чтобы не прибегать к более строгому наказанию. Административное поселение А. Д. Сахарова оказалось для правительства непростым делом, но истории известны подобные случаи определения места жительства видным деятелям в провинции, которые применялись и в царское время и в советский период, когда кто-либо из них попадал в опалу к власти.

Совещание, о котором я поведал выше, высветило много острых проблем и среди них одну, пожалуй, самую главную — необходимость защиты социалистических завоеваний. Время настоятельно требовало перемен, но провести их должен был новый лидер. У руля же партии и государства стоял больной человек. Справедливости ради должен еще раз повторить, что право на руководство огромной державой он в свое время обрел своим самоотверженным трудом, многоплановым опытом деятельности на многих направлениях общественной жизни, своими выдающимися политическими и организаторскими способностями.

Весной 1982 года произошли события, которые оказались для Леонида Ильича роковыми. Он отправился в Ташкент на празднества, посвященные вручению Узбекской ССР ордена Октябрьской революции.

Вот, что рассказал впоследствии об этой поездке следовавший с ним прикрепленный сотрудник охраны генерал-майор Владимир Медведев:

«23 марта по программе визита мы должны были посетить несколько объектов, в том числе авиационный завод. С утра, после завтрака, состоялся обмен мнениями с местным руководством, все вместе решили, что программа достаточно насыщена, посещение завода будет утомительным для Леонида Ильича. Договорились туда не ехать, охрану снять и перебросить на дру-

гой объект. С утра поехали на фабрику по изготовлению тканей, на тракторный завод. Управились довольно быстро и у нас осталось свободное время.

Возвращаясь в резиденцию, Леонид Ильич, посмотрев на часы, обратился к Рашидову:

— Время до обеда еще есть. Мы обещали посетить авиастроителей. Люди готовились к встрече, собрались, ждут нас. Нехорошо... Возникнут вопросы... Пойдут разговоры... Давай съездим.

Гостеприимный Рашидов естественно согласился:

— Давайте, Леонид Ильич, съездим.»

Разговор зашел уже при подъезде к резиденции. Вмешался Рябенко:

— Леонид Ильич, ехать на завод нельзя. Охрана снята. Чтобы вернуть ее нужно время.

Брежнев жестко ответил:

— Вот тебе пятнадцать минут, возвращай охрану.

День стоял чудесный, ясный, мы вынесли из резиденции кресла и Леонид Ильич с Шарафом Рашидовым уселись на ярком солнце. Они беседовали о чем-то. Брежнев смотрел на часы, нервничал. Рябенко связался с местным руководством госбезопасности, те стали звонить на завод. Прошло всего минут десять, не больше. Леонид Ильич не выдержал:

— Все, выезжаем, время на подготовку у вас было достаточно.

Колонна машин двинулась в сторону авиационного завода. Мы знали, что принять все меры безопасности в такой короткий срок невозможно. Что делают в таких случаях умные руководители? Просят всех оставаться на рабочих местах. Пусть бы работали в обычном режиме, и можно было никого не предупреждать, что мы снова передумали и высокий гость все-таки прибудет. Здесь же по внутренней заводской трансляции объявили: едут, встреча в центре сборки. Все бросили работу, кинулись встречать.

Мы надеялись на местные органы безопасности: хоть какие-то меры принять успеют. Но оказалось, что наша московская охрана успела вернуться на завод, а местная нет. Когда стали подъезжать к заводу, увидели море людей. Возникло неприятное чувство опасности.

Рябенко попросил:

— Давайте вернемся?

— Да что ты!

Основная машина с Генеральным с трудом подошла к подъезду, следовавшая за ней — оперативная — пробиться не сумела и остановилась чуть в стороне. Мы не открывали дверцы машины, пока не подбежала личная охрана.

Выйдя из машины, двинулись к цеху сборки. Ворота ангара были распахнуты, и вся масса людей также хлынула в цех. Кто-то из сотрудников, с опозданием, закрыл ворота. Тысячи рабочих карабкались на леса, которыми были окружены строящиеся самолеты, и расплзались наверху повсюду, как муравьи.

Охрана с трудом сдерживала огромную толпу. Чувство тревоги не покидало. Рябенко и мы, его заместители, настаивали немедленно вернуться, но Леонид Ильич даже слушать об этом не хотел.

Мы проходили под крылом самолета, народ заполнивший леса, также стал перемещаться. Кольцо рабочих вокруг нас сжималось, и охрана взялась за руки, чтобы сдержать натиск толпы. Леонид Ильич уже почти вышел из-под самолета, когда раздался вдруг скрежет. Стропила не выдержали, и большая деревянная площадка — во всю длину самолета и шириной метра четыре — под неравномерной тяжестью перемещавшихся людей рухнула! Люди по наклонной покатались на нас. Леса придавили многих.

Я оглянулся и не увидел ни Брежнева, ни Рашидова, вместе с сопровождающими они были накрыты рухнувшей площадкой. Мы, человека четыре из охраны, с трудом подняли ее, подскочили еще местные охранники, и, испытывая огромное напряжение, мы минуты две держали на весу площадку с людьми. Люди сыпались на нас сверху как горох.

... Леонид Ильич лежал на спине, рядом с ним Володя Собаченков с разбитой головой. Тяжелая площадка, слава Богу, не успела никого раздавить. Поднимались на ноги Рашидов, наш генерал Рябенко, местные комитетчики. Мы с доктором Косаревым подняли Леонида Ильича. Углом металлического конуса ему здорово ободрало ухо, текла кровь. Помогли подняться Володе Собаченкову, сознания он не потерял, но голова была вся в крови, кто-то прикладывал к голове платок. Серьезную травму, как потом оказалось, получил начальник местной «девятки», зацепило и Рашидова.

Доктор Косарев спросил Леонида Ильича:

— Как Вы себя чувствуете? Вы можете идти?

— Да-да, могу, — ответил он и пожаловался на боль в ключице.

Народ снова стал давить на нас, все хотели узнать, что случилось. Мы вызвали машины прямо в цех, но пробиться к ним не было никакой возможности. Рябенко выхватил пистолет, размахивая им, пробивал дорогу к машинам. Картина была — будь здоров, за все годы я не видел ничего подобного: с одной стороны к нам пробиваются машины с оглушительно ревущими сиренами, с другой — генерал Рябенко с пистолетом.

Ехать в больницу Леонид Ильич отказался, и мы рванули в резиденцию. В машине Рябенко доложил Брежневу, что случилось, кто пострадал. Леонид Ильич, сам чувствовавший себя неважно, распорядился, чтобы Володю Собаченкова отправили в больницу. У Володи оказалась сорвана с головы кожа, еще бы какие-то миллиметры, и просто вытекли бы мозги.

Конечно, если бы мы не удержали эту тяжелую площадку с людьми на ней — всех бы раздавило, в том числе и Брежнева.

Результаты обследования Леонида Ильича были неутешительными, правая ключица оказалась сломана. К счастью, кость не разошлась. Врачи рекомендовали ему прервать визит и возвратиться в Москву. Но Брежнев ответил, что чувствует себя вполне прилично, а возвращение домой вызовет в народе массу ненужных кривотолков.

Утром следующего дня, 24 марта состояние здоровья Брежнева ухудшилось. Врачи вновь просили его возвратиться в Москву и вновь он отказался, просил сделать все возможное, чтобы он мог выступить на праздничном торжественном заседании. Руку его укрепили на повязке.

На торжества он поехал. Перед выступлением повязку снял. Встретили его овацией. Выступал больше часа! Надо отдать должное его выдержке, если хотите, мужеству.

Движения были скованные, речь заторможенная. Он был похож на человека, который накануне сильно выпил.

На другой день, 25 марта у Брежнева хватило сил выступить на встрече с руководителями республики, а чуть позже произнести поздравительную речь при вручении ордена Октябрьской

революции Первому секретарю ЦК Компартии Узбекистана Шарафу Рашидовичу Рашидову.

Возвратившись в Москву, мы сразу отправились в больницу на улицу Грановского. Первый снимок поверг в уныние даже выдавших виды врачей. Трещина в ключице разошлась, кость сместилась.»

Теперь, в 90-е годы, некоторые «артисты» с эстрады всячески осмеивают Леонида Ильича Брежнева за недостатки его разговорной речи, но забывают, что это произошло у него, лишь в последние годы жизни и связано с болезнью. Смеяться над старостью и болезнью у нас в России всегда считалось постыдным и недостойным поступком. Это стыдно и позорно особенно для представителей культуры.

Леонид Ильич Брежнев всегда останется выдающимся общественным и государственным деятелем нашей эпохи.

Хуже всего то, что рядом с Брежневым у руководства партий и государством оказались такие же пожилые и больные люди. Руководящее начало в управлении страной слабело, темп государственной и общественной жизни страны снижался, процесс социалистического строительства затормозился. В обществе возникли опасные явления, такие как коррупция, взяточничество, упадок дисциплины, воровство на предприятиях, пьянство и другие тяжелые негативные явления.

Именно в этот период в рядах нашей партии и международного коммунистического движения появились предатели и ренегаты дела социализма. Огромной бедой стало то, что они притаились в верхнем звене руководителей коммунистического движения и ждали своего часа.

Самодовольство, самоуспокоение, самолюбование и застой было смерти подобно. Ход социалистических преобразований требовал новых революционных действий. В этой сложной обстановке, набираясь силы и опыта, вышел на политическую арену новый видный деятель коммунистического движения — Юрий Владимирович Андропов — талантливый руководитель нашего времени. Политик, организатор, руководитель, он отличался собственным, активным стилем работы, доброжелательным и товарищеским отношением к людям.

Юрий Владимирович зорко смотрел вдаль, в будущее социализма. Я горжусь тем, что посчастливилось работать рядом с

этим обаятельным человеком более шестнадцати лет. У него я учился мудрости политики и практики жизни.

Андропов Юрий Владимирович (1914-1984 гг.), член Политбюро ЦК КПСС, генерал армии, Герой Социалистического труда (1974), член КПСС с 1939 года. Окончил техникум водного транспорта в Рыбинске, учился в Петрозаводском государственном университете, потом в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

Трудовую деятельность начал с шестнадцати лет рабочим телеграфа в г.Моздоке Северо-Осетинской АССР, затем работал матросом на судах Волжского пароходства. В 1936 году избран освобожденным секретарем комсомольской организации техникума водного транспорта в Рыбинске. Вскоре выдвинут на должность комсорга ЦК ВЛКСМ судоверфи им.Володарского в Рыбинске. С 1937 года секретарь, с 1938 года — первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1940-1944 — первый секретарь ЦК ЛКСМ Карелии. С первых дней Великой Отечественной войны — активный участник партизанского движения в Карелии. После освобождения в 1944 году Петрозаводска от немецких захватчиков, — второй секретарь Петрозаводского горкома партии, с 1947 года — второй секретарь ЦК КП(б) Карелии. В 1951-1953 годах — в аппарате ЦК КПСС, инспектор, а затем заведующий подотделом. С 1953 года на дипломатической работе. В 1954-1957 гг. — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Венгрии. В 1957-1967 годах — заведующий отделом ЦК КПСС, в 1962-1967 годах — секретарь ЦК КПСС, с 1967 года — председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (с 1978 г. — КГБ СССР).

Работая долгие годы вместе с Юрием Владимировичем, мы отмечали его особые личные качества. Он любил рассуждать, анализировать, прогнозировать. Увлекался философией Конфуция, любил поэзию, театр, писал стихи. Этот обаятельный человек никогда не разговаривал с подчиненными в повышенном тоне, всегда оставался доброжелательным, умел внимательно слушать собеседника. Его можно было убеждать и даже с ним спорить. Звонил по телефону только сам, спрашивал, есть ли время и возможность поговорить, в противном случае просил позвонить позже.

При нем совершенствовалась деятельность органов государственной безопасности и вместе с ними рос, формировался как видный политик, государственный деятель Ю.В.Андропов. Располагая огромным потоком внешней и внутренней информации по всем главным направлениям государственной деятельности, он полностью владел вопросами внешней и внутренней политики. Андропов тяжело переживал, когда сталкивался с недостатками в партийной и государственной работе. Он понимал, что скопление в руководящем партийном и государственном аппарате старых и больных людей, неспособных уже осуществлять руководящие функции, к добру не приведет и плохо кончится. Разговаривая со мной, Андропов не раз упоминал о плохом здоровье Брежнева.

— Леонид Ильич не может работать в полную меру, он уже ставил вопрос об освобождении его от руководящих обязанностей, а заменить его не кем, — заметил он однажды.

— А почему бы Вам, Юрий Владимирович, не взять на себя эту роль, у Вас большой опыт партийной и государственной работы, — ответил я ему.

— Да, но я слабо знаю работу промышленности, — ответил Юрий Владимирович.

— Думаю, что те, кто сейчас занимается промышленностью в ЦК, навряд ли знают ее больше Вас, — возразил я ему.

В продолжение этого разговора Юрий Владимирович рассказал о беседе Тодора Живкова с Леонидом Ильичем.

«Я думаю заменить двух членов Политбюро БКП в связи с преклонным возрастом и слабой работоспособностью. Как вы на это смотрите, Леонид Ильич?» — спросил Живков. «Я бы этого не делал. — ответил Брежнев. — Что они мешают Вам? Новые молодые члены Политбюро будут создавать беспокойную обстановку, зачем Вам это?»

— Как видите желания менять обстановку и в нашем Политбюро нет, — закончил разговор Юрий Владимирович.

Андропов хорошо знал и умело оценивал обстановку в партии и стране. Об этом говорит тон доклада Ю.В.Андропова на Всесоюзном совещании руководящих работников госбезопасности и войск КГБ, который я изложил выше. Это была выдающаяся политическая речь. В ней Андропов пророчески предсказал, что в Советском Союзе может произойти то же, что и в Польше. Поэтому надо быть бдительными и принять экстренные полити-

ческие и оперативные меры. Он тогда оказался прав. Позднее и в нашей стране пал социалистический строй.

Где-то в начале 1982 года я узнал, что Юрий Владимирович заболел и его положили в Центральную клиническую больницу. Он периодически проходил лечение в связи с заболеванием почек, и я в таких случаях посещал его. Хотел поехать к нему и на этот раз, но мне товарищи из его личной охраны сказали, что он встретиться не сможет в связи с тяжелым ходом болезни.

Через некоторое время Юрий Владимирович вышел на работу. Мы встретились, обнялись и расцеловались. Он рассказал мне, что был в Афганистане, где встречался с местными руководителями. Там тоже принято целоваться при встрече, и он заразился оспой. В тяжелом состоянии его доставили в Москву. Несколько дней он находился без сознания, болезнь протекала тяжело, потому он и не смог принять меня.

Вид Андропова не внушал оптимизма. Он выглядел как-то понуро, лицо осело, былой энергии как не бывало.

Решив служебные вопросы, я ушел. Юрий Владимирович явно не оправился и я не хотел далее утруждать его своим присутствием. Жалко мне было его. К изнурительной почечной болезни добавилась оспа, которая серьезно потрепала его организм. Но скоро Андропов вошел в свой обычный рабочий ритм.

Юрия Владимировича сильно встревожило происшествие на авиационном заводе в Ташкенте, о котором я рассказывал. Брежнев получил серьезную травму и стало совершенно очевидно, что где-то недоглядели наши сотрудники, не обеспечили безопасность главы государства.

В апреле месяце при очередной встрече с Юрием Владимировичем, он мне с горечью сказал:

— Виктор Иванович! Вот предлагают идти работать секретарем ЦК. Что толку, что я там буду бумаги носить по коридорам, здесь же я больше пользы принесу.

Для меня этот разговор был неожиданным. Я не представлял себе, что у нас когда-нибудь будет другой руководитель. Посочувствовав Юрию Владимировичу я сказал, что ему, по моему мнению, не следовало бы делать такое предложение.

Тревога охватила меня. Стало ясно, что между Брежневым и Андроповым залегла тень недоверия. По-видимому генсек не считал его своим будущим преемником.

В ЦК была вакантная должность второго секретаря, но Андропову предложили всего лишь секретаря.

Жизнь, однако, продолжалась! Органы государственной безопасности страны самоотверженно выполняли свои обязанности по охране безопасности Советского государства, социалистического общества.

Где-то на подступах надвигалась огромная беда, но все это ожидало нас еще впереди.

Глава 6

ВО ГЛАВЕ МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

РАБОТАЛ Я НАЧАЛЬНИКОМ Управления КГБ СССР по городу Москве и Московской области с 6 января 1971 г. по 6 января 1986 г., ровно 15 лет, день в день. Естественно, коллектив московских чекистов стал для меня родным и близким, преданным мне также, как я был предан ему. Мы вместе отвечали за безопасность Москвы и Московской области, за спокойную жизнь москвичей и жителей Подмосковья, за все, что создала здесь великая история.

Приступив к работе, взвалив на себя ответственность за судьбу многочисленного коллектива сотрудников, я словно окунулся в атмосферу далекого и близкого прошлого. А сегодняшние проблемы вставали передо мной каждый день.

Московское Управление госбезопасности располагалось на улице Дзержинского (Большая Лубянка), 10, в голубом особняке дворцового типа, фасадная часть которого уходила в глубь усадьбы. Со стороны улицы здание обнесено невысокой ажурной оградой. Крылья — единый архитектурный ансамбль с главным зданием — выходили торцами на улицу. В каждом крыле — подъезды, которые вели и в помещения и на территорию усадьбы.

Здание было построено в XVII веке знаменитым итальянским архитектором Растрелли. Это архитектурный памятник, охраняемый государством. На протяжении многих лет усадьба принадлежала представителям московской знати, в том числе князю Растопчину, в 1917 году здесь размещалось страховое общество «Россия».

Над главным входом в центре здания нависает просторный балкон, опирающийся на массивные мраморные колонны. Рядом с ним — красивое японское кудрявое дерево, Бог весть когда и кем завезенное и посаженное в московской земле.

Необычайно красив парадный вход в здание. Впечатляют широкие дубовые двери, полы и лестница из белого мрамора, ведущая на второй этаж. Там, на площадке, огромное зеркало, а над лестницей свисает массивная люстра. Потолки и стены обрамлены художественной лепкой, в двух больших помещениях (видимо бывшие кабинет и спальня) камин, представляющие собой настоящее произведение искусства, потолки и стены украшены художественными миниатюрами. Полы во всех помещениях покрыты узорным паркетом. На втором этаже — большой концертный зал с отличной акустикой. Лепнина с нимфами украшает его стены.

Здание на своем веку видело многое и многих. Как гласит одна из легенд, здесь останавливался в 1812 году Наполеон. Покинув Кремль в связи начавшимся московским пожаром, он два дня укрывался в стенах этого здания перед тем, как бежать из Москвы. Окутано легендой и все пространство, окружающее усадьбу. Слева от него, буквально за стеной, прикрытое с улицы невзрачным двухэтажным строением, стоит дом, где жил великий патриот России — князь Дмитрий Пожарский. Напротив, на углу Варсановьевского переуллка, во дворе, дом, легендарного предводителя стрельцов Хованского, на другом углу переуллка здание, где размещалась Всероссийская чрезвычайная комиссия после переезда ее из Петрограда.

Усадьбу Расотчина во второй половине 1918 года занимала Московская чрезвычайная комиссия, первым председателем которой стал Ф.Э. Дзержинский. Его кабинет располагался в одном из подсобных помещений усадьбы, комната отапливалась железной печкой «буржуйкой», рядом находилась приемная. Есть фотография Дзержинского, снятого с комсомольцами МЧК в этой комнате.

Атмосфера героического прошлого Москвы, памятники истории воодушевляли меня на самоотверженный труд во имя Родины. Мне казалось несправедливым, что такой великолепный архитектурный шедевр занимает закрытое учреждение. Экскурсанты, подъезжавшие к зданию, с большим вниманием слушали гида, рассказывающего о истории этого памятного уголка Москвы. Но они не имели возможности ближе познакомиться с усадьбой. А ведь неплохо было бы здесь разместить, к примеру, дворец бракосочетаний. Событие вступления в брак в таком здании за-

помнилось бы на всю жизнь. Я эту мысль не оставлял и поставил себе цель построить для Управления новое здание. В особняке размещалась лишь штабная часть Управления. Основное же служебное помещение находилось на Малой Лубянке в доме 7. Оба здания связывал переход.

При моем первом вступлении в должность у входа в Управление меня встретили мои заместители и хозяйственные работники. Поздоровались. Взглянув на часы, расположенные над зданием, я понял, что они стоят. Мне пояснили, что часы не работают уже много лет. Первым моим распоряжением было:

— Часы исправить, чтобы они ходили точно. Пусть знают прохожие, что московские чекисты работают как часы.

Вскоре часы начали свой бег, ходят они и теперь.

Я принял дела от бывшего начальника С.Н.Лялина, моего доброго друга и товарища. Как помнит читатель, мы с ним чекисты одного призыва. Ознакомление с положением дел в Управлении показало, что Управлению особенно нечем похвастаться, многие участки вообще запущены, заметных оперативных результатов нет. Коллектив работал «на подхвате» Центрального аппарата КГБ, выполняя чаще всего второстепенные задачи.

Чем глубже я вникал в содержание предстоящей работы, тем больше понимал меру ответственности за порученное мне дело.

Я никогда не забывал того, что первым Председателем Московской Чрезвычайной комиссии был легендарный Феликс Эдмундович Дзержинский. Чекисты первых лет революции совершили много героических поступков, обеспечивая безопасность столицы. Славные дела сопутствовали московским чекистам и в годы Великой Отечественной войны, когда пришлось защищать столицу от немецко-фашистских захватчиков.

Теперь моя задача — не посрамить честь моих славных предшественников.

За годы Советской власти, Москва — столица нашей родины — разительным образом изменилась, похорошела, выросло новое поколение умных, сильных, смелых, талантливых людей. Город стал центром мировой политики, а с мнением наших политиков и дипломатов считались политические деятели большинства стран. В Москве, главном городе страны, находились все властные структуры государства. Здесь размещались центры науки: две трети фундаментальной, одна четвертая часть научно-

исследовательских институтов страны, важнейшие конструкторские бюро.

Москва и Подмосковье — важнейший промышленный регион страны, здесь много заводов, в том числе военных. Во всем мире славится Московский Государственный Университет, со всей страны съезжается молодежь поступать в многочисленные ВУЗы. Многочисленные театры, картинные галереи и музеи каждый день заполняют москвичи и гости столицы. И все эти бесценные сокровища предстояло уберечь от опасности.

Я внимательно изучал обстановку в Москве и Московской области. И если политическая жизнь столицы не вызывала у меня особых беспокойств, то оперативные задачи требовалось решать незамедлительно.

Первая группа вопросов: разведка, контрразведка, охрана государственных секретов. Надо было значительно усилить разведывательную работу Управления. Наиболее полно использовать имевшиеся у нас в этом деле возможности. Разведывательной работой занималась небольшая группа сотрудников, результаты, естественно, были слабые.

В Москву ежедневно прибывал большой поток туристов из капиталистических стран, в состав которого внедрялись разведчики, агенты, связные, эмиссары, проповедники и другие лица, выполнявшие специальные задания. В составе ряда посольств и представительств, особенно США, Англии, Франции, ФРГ, активно действовали резидентуры и их разведчики. Многие встречи иностранных разведчиков и агентов с шпионами из московских ведомств оставались неизвестными. Охрана государственных секретов на многих режимных объектах находилась не на должной высоте. Словом, результаты контрразведывательной работы в Управлении оказались, мягко говоря, слабыми. Следовало срочно принять меры к улучшению организационной и оперативной работы, перестроить всю систему деятельности Московского Управления КГБ.

Вторая группа вопросов: борьба с терроризмом, диверсиями, бандитизмом. Москва — город предрасположенный к таким опасным преступлениям, как терроризм, диверсии, бандитизм. Каждый день в Москву прибывало со всех концов страны более двух миллионов человек. Этот поток нес в себе много неожиданностей и опасностей, особенно в периоды проведения важных

политических мероприятий. Система борьбы с этими опасными видами преступлений оказалась неразработанной. А ведь наше Управление в контакте с «девяткой» (так в обиходе называлось Девятое управление КГБ СССР) участвовало в мероприятиях по охране правительства.

Третья группа вопросов: защита общественного строя. Материалы, имевшиеся в Управлении, говорили о том, что зарубежные идеологические центры осуществляют в Москве мощную диверсию. В городе существовало несколько диссидентских групп еврейских националистов, имевших тесные контакты с зарубежными идеологическими центрами. Однако контрразведка проводилась недостаточно эффективно. Квалифицированная оперативная работа, которая направлялась бы против зарубежных организаторов и исполнителей идеологической диверсии, практически отсутствовала. Недостаточно активно велась и профилактическая работа с лицами, связанными с зарубежными центрами.

Четвертая группа вопросов: борьба с коррупцией, взяточничеством, расхищениями народных богатств, контрабандой. Агентурные материалы Управления говорили о фактах расхищения народной собственности и взяточничества на ряде предприятий в городе и области, но борьбы с этими видами преступлений не велось, ее отдавали на откуп милиции. Обстоятельства требовали активизации борьбы с этими видами преступлений, так как имелись сигналы о сращивании некоторых работников милиции с преступными элементами.

Вот эти четыре группы вопросов и стали основными в дальнейшей деятельности Московского управления на многие последующие годы.

С этого времени мы стали тщательно планировать свои действия, направленные на совершенствование всей нашей деятельности.

Каждый год составлялся отчетный доклад, который направлялся в КГБ СССР, к нему прилагался план работы Управления на предстоящий год. Все подразделения составляли планы на полугодие, которые доводились до каждого оперативного работника в соответствии со сферой его деятельности. Появилась возможность контролировать работу всех подразделений и каждого сотрудника.

Оперативная обстановка в Москве и Московской области постоянно была в центре моего внимания. Я тщательно изучал общественные процессы, проходящие в столице и Подмоскovie, уточняя себе в связи с этим главное в оперативной работе, определяя основные цели оперативной деятельности. Следовало умело отладить структурные построения, направленные на решение намеченных целей, правильно расставить оперативный состав, определить их права и меру ответственности, проинструктировать каждого сотрудника по цепочке руководящей работы, организовать контроль исполнения.

Политическая и оперативная обстановка в силу и по законам жизненного процесса постоянно меняется. Поэтому я прекрасно понимал, что следует изменять и подходы к организации оперативной деятельности. Но цель всегда оставалась одна — обеспечить государственную безопасность в Москве и Московской области с населением более пятнадцати миллионов жителей.

Предстояло провести значительную организационную работу прежде, чем Управление начнет работать по новому и добьется эффективных результатов. И коллектив Управления в конечном счете к этому пришел.

Я прекрасно понимал, что дело можно поправить только усилиями всего коллектива, с помощью крепкого ядра руководящих работников. Но прежде чем приступить к организационным мероприятиям следовало разграничить полномочия и сферы деятельности центрального аппарата и московского Управления КГБ. Отсутствие такого разграничения вносило путаницу и неорганизованность в работу. Теперь в сферу деятельности центрального аппарата госбезопасности в Москве стала входить работа в пределах всех всесоюзных структур и Российской Федерации, а московского управления — всех московских городских и областных организационных структур. Теперь, если возникали какие-либо вопросы, выходящие за эти сферы, то их предварительно согласовывали и оформляли соответствующим документом. Стало предельно ясно, где ведет работу Управление и за что несет полную ответственность, а где действуют службы центрального аппарата.

Меня, естественно, волновал вопрос о людях, с которыми предстояло работать. К сожалению, положение дел с кадрами оставляло желать лучшего. Особенно тревожили меня руководя-

шие работники. В Управлении трудилось немало офицеров пенсионного возраста, выслуживших свой срок и относившихся к работе по принципу — день прошел и ладно. От многих пенсионеров ждать кипучей, инициативной работы не приходилось. В свою очередь большинству высококвалифицированных низовых оперативных сотрудников дорога к активной деятельности оказалась перекрыта.

Проблему следовало решать. Конечно, жалко людей, которых предстояло проводить на пенсию. Но что оставалось делать, жизнь есть жизнь. Предстояло круто менять судьбы многих сотрудников. Увольнение в отставку всегда сопряжено с большими переживаниями. За каждым из тех, кто должен уйти на пенсию, стояли семьи, дети. Важно, чтобы проводы прошли достойно, к каждому пенсионеру следовало проявить внимание, сказать теплое спасибо.

Я видел, как накапливались энергия и творчество молодых кадров и вновь пришедших руководителей, с каким желанием стал работать весь оперативный и вольнонаемный состав. Это радовало меня и не оставляло сомнения в том, что с таким коллективом, с таким ядром руководящего состава нам под силу любые задачи.

Естественно, меня не мог не интересовать вопрос, кто до меня руководил Управлением, какова судьба этих людей, сколько времени каждый из них возглавлял столичный чекистский аппарат. Ведь представляется очевидным, чтобы руководить таким подразделением КГБ, надо по крайней мере не меньше года для того, чтобы освоиться, раскрыть все движущие пружины его многогранной деятельности. Необходимые данные о всех моих предшественниках, работавших с 1951 года, лежали у меня на рабочем столе. Вот как выглядел этот список.

В августе 1951 года, в то время, как я пришел в органы госбезопасности, начальником Московского управления назначили Михаила Нифонтовича Головкова, которого через год проводили на пенсию. С сентября 1952 по апрель 1953 года, то есть в течение полугода, эту должность занимал полковник Петр Павлович Макарьев, уволенный из органов госбезопасности по болезни. В течение последующего времени, с мая 1953 по апрель 1954 года, всего десять месяцев, возглавлял Управление генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной. Василий Степанович, бывший за-

меститель министра МВД, уволенный со службы по фактам, дискредитирующим высокое звание офицера. В этот период органы госбезопасности находились в составе министерства внутренних дел.

С апреля по июль 1956 года, в течение всего лишь трех месяцев, занимал должность начальника Управления генерал-майор Николай Иванович Крайнов, уволенный за нарушения законности по своей прошлой работе. С апреля 1956 года по январь 1962 начальником ГБ Москвы (оно существовало отдельно от области) был генерал-майор Владимир Семенович Белоконев. Его освободили в связи с новым назначением на должность начальника инспекторского управления КГБ. В этот же период начальником Управления госбезопасности Московской области стал генерал-лейтенант Михаил Петрович Светличный. В 1962 году вновь воссоздали Управление госбезопасности по городу Москве и Московской области и генерал Светличный его возглавил. Он проработал в этой должности до октября 1967 года, затем был переведен на другую работу. С января 1968 года по январь 1971 года, то есть до моего назначения, начальником Управления работал генерал-лейтенант Серафим Николаевич Лялин, получивший назначение на должность начальника особых отделов КГБ по ГСВ в Германии.

Как видно из этого перечня, большинство руководителей Управления занимало пост его начальника очень короткое время, что, естественно, сказывалось на эффективности работы коллектива.

В Комитете государственной безопасности Московское управление курировал лично Ю.В. Андропов. Он уделял нам много внимания, всегда вникал в суть дела. Я часто встречался с ним, беседовали столько, сколько требовало дело. Андропов, как правило, всегда положительно решал поставленные мною вопросы. Если я чувствовал себя правым, то обязательно отстаивал свою правоту, а Андропов часто отказывался от своих утверждений, соглашаясь с моими предложениями. Почти каждый день он звонил мне и начинал разговор с того, что вежливо спрашивал, свободен ли я и могу ли с ним говорить (иногда у меня действительно шло совещание), и не обижался, когда я отвечал, что занят, и перезвоню через несколько минут.

За все пятнадцать лет совместной работы я ни разу не видел, чтобы он обидел кого-либо из присутствующих в своем кабинете или повысил на кого-нибудь голос. Это был человек высокой культуры и такта.

Помню, как-то при встрече я высказал Юрию Владимировичу свое соображение по поводу так называемого «совета», существующего при начальнике Управления. Готовят какой-либо вопрос на заседание «совета», сидят и обсуждают, а решить его не могут, так как совет имеет лишь совещательный голос и способен давать только рекомендации, как будто у начальника ума не хватает самому принять решение. Не полезный «совет» в Управлении, а бюрократический, бумаготворческий орган.

Я попросил Андропова вместо этого «совета» образовать при Московском управлении коллегия для совместного решения вопросов и выработки общей линии действий. Это, по моему глубокому убеждению, должно повысить ответственность за работу главного руководящего звена Управления. Юрий Владимирович с моими доводами согласился.

По согласованию с ЦК партии, приказом по КГБ в Московском управлении вскоре образовали коллегия. Создание ее, как показало время, себя оправдало. На первое января 1986 года в состав коллегии входили: В.И.Алидин — председатель, члены коллегии: М.Д.Боровлев — первый заместитель, Н.М.Коньков — первый заместитель, В.А.Журавлев, А.В.Коробов, А.Б.Корсак, В.И.Новицкий, В.М.Фаненко — заместители начальника Управления, П.Н.Галашин — начальник Особого отдела Московского округа ПВО, Ф.П.Шевченко — начальник Особого отдела Московского военного округа, А.В.Трофимов — начальник второй службы, О.В.Харламов — начальник четвертой службы, В.К.Кучеров — начальник пятой службы, В.И.Финогенов — начальник шестой службы, В.И.Поваров — начальник седьмой службы, А.Н.Елифанов — начальник Загорского отдела КГБ.

Не премину вспомнить такой факт. Мне стало известно, что один из заместителей начальника Управления как-то перед заседанием очередной коллегии собрал у себя всех других заместителей и попытался вместе с ними выработать единую линию действия, не имея на то прав и полномочий. В старом «совете» это допускалось, так как принималось не решение, а только рекомендация. При наличии коллегии такая практика была недопустима.

Нарушался принцип коллегиальности. С этим заместителем мною был проведен крутой разговор. Он признал ошибочность таких действий, конфликт, как говорится, не успев вспыхнуть, погас.

Вскоре коллегия была создана в Ленинградском Управлении КГБ, а через некоторое время советы при начальниках органов КГБ повсеместно были ликвидированы, а вместо них в территориальных управлениях КГБ были созданы коллегии.

Коллегия Управления стала авторитетным органом по руководству оперативной деятельностью. Сотрудники с уважением относились к строгим и деловым порядкам, царившим в ее работе.

Важной мерой в организации деятельности было строгое внедрение в служебную деятельность Управления права и ответственности каждого руководителя и каждого оперативного работника на порученном участке работы. Каждый заместитель начальника курировал строго определенные направления работы. Ему были подчинены конкретные оперативные подразделения, определена линия работы, даны широкие права в решении определенных задач, вместе с этим на него возлагалась и строгая ответственность. Заместитель начальника Управления имел право решать по своему усмотрению любые оперативные вопросы в рамках существующих приказов и инструкций, кроме очень принципиального характера, по которым он был обязан посоветоваться с начальником Управления. Обязанностью каждого заместителя начальника Управления было систематически информировать начальника Управления о ходе работы по важным вопросам. Этот принцип руководящей работы был распространен сверху донизу, каждому на полном доверии был дан простор в его оперативной деятельности. Мелочная опека исключалась.

Особое внимание я уделял созданию вокруг себя крепкого квалифицированного руководящего ядра, без которого была невозможна успешная работа всего Управления. К 1985 году руководящее звено Управления было следующим: первый заместитель (по городу) — генерал-лейтенант Михаил Давыдович Боровлев, историк по профессии, профессионально подготовленный руководитель. Верный товарищ по службе. Волевой, смелый и решительный офицер. Умело вел работу с подчиненными, хороший организатор.

Первый заместитель (по области) — генерал-майор Николай Михайлович Коньков. Юрист по образованию. Высоко подготов-

ленный специалист. Строгий блюститель законности. В Управлении он отвечал за следственную работу. Умелый организатор, хороший товарищ, он имел подход к каждому подчиненному, поддерживал деловые связи с областными работниками. Вырос в должности заместителя начальника следственного отдела до первого заместителя начальника Управления.

Заместитель — генерал-майор Владимир Иванович Новицкий. По образованию юрист. Вел основную линию оперативной работы. Квалифицированный специалист контрразведки. Верный товарищ, хороший организатор. Умел ладить с людьми.

Заместитель — генерал-майор Василий Александрович Журавлев. По образованию историк. Квалифицированный чекист. Вел линию борьбы с идеологической диверсией. Ранее работал на ответственной работе в ЦК ВЛКСМ. Верный товарищ. Хороший организатор. Умело работал с людьми, ведя сложную линию работы, строго соблюдал законность. Активно внедрял в деятельность Управления профилактическую работу.

Заместитель — генерал-майор Александр Борисович Корсак. По образованию инженер-кибернетик. Работал вторым секретарем МГК ВЛКСМ. По моей просьбе откомандирован в Московское Управление КГБ. Квалифицированный инженер. Он отвечал за оперативно-технические подразделения, информационно-аналитическую систему и оперативное подразделение. С большим вниманием осваивал чекистскую работу, пользовался авторитетом в коллективе, уверенно становился умелым руководителем.

Заместитель по кадрам — генерал-майор Анатолий Васильевич Коробов. По образованию юрист. Окончил юридический факультет МГУ. Хороший организатор, умело руководил крупными операциями. Дисциплинированный, четкий в делах, он хорошо знал агентурно-оперативную работу. Принципиальный и решительный, волевой, смелый офицер, он прошел все должностные стадии роста. К концу моей службы был выдвинут первым заместителем начальника Московского Управления КГБ. Я работал с ним ровно 15 лет.

Заместитель — генерал-майор Владимир Маркович Фаненко. По образованию юрист. Окончил юридический факультет МГУ. Имеет высокую чекистскую подготовку. Умело работал с людьми, хороший организатор, четкий в работе, волевой, смелый и решительный офицер. Многие годы был помощником началь-

ника Управления. Умело руководил порученным ему делом. С ним на чекистской службе я прошел путь длиною в 30 лет.

Долгие годы работали вместе со мной заместители: генералы Василий Алексеевич Конопленко, Юрий Владимирович Денисов, Александр Васильевич Алексеев, Михаил Васильевич Гречнев, Александр Петрович Родин, внесшие значительный вклад в совершенствование работы Московского Управления.

Мне приятно отметить и тот факт, что из стен Московского Управления КГБ вышли многие замечательные руководители, которые были выдвинуты на работу в Центральный аппарат, а также в самом Управлении и в другие ведомства. Им были присвоены звания генералов. Вот их имена: Алейников Виктор Васильевич, Бугаев Алексей Прохорович, Балашев Сергей Дмитриевич, Кузубин Леонид Алексеевич, Кучеров Виктор Кузьмич, Михайлов Александр Георгиевич, Манушин Виктор Тимофеевич, Олейников Анатолий Авакумович, Сеин Александр Иванович, Стародубцев Юрий Аркадьевич, Стерлигов Александр Николаевич, Фирсов Александр Иванович, Шаратов Фарит Гаряевич.

Восхищаться приходится службой талантливого работника Московского Управления безопасности полковника Николая Дмитриевича Ковалева. Он отличался незаурядными организаторскими способностями и высоким профессиональным мастерством, что послужило причиной его перевода в центральный аппарат безопасности на руководящую работу и присвоения звания генерала. Вскоре после этого его назначили заместителем директора департамента ФСБ Российской Федерации и присвоили высокое воинское звание генерал-полковник.

А в 1995 году Указом Президента РФ Николай Дмитриевич Ковалев был назначен директором департамента Федеральной службы безопасности России. Это ли не трудовой подвиг!

В 1995 году заместителем директора Федеральной службы безопасности России, начальником Управления Федеральной службы безопасности по городу Москве и Московской области назначили генерал-полковника Трофимова Анатолия Васильевича, талантливого руководителя, также выросшего в коллективе московских чекистов. К сожалению служебная карьера его в этой должности прервалась из-за интриг, которыми пронизана ныне жизнь высокого государственного чиновничества.

Умелая кадровая политика — ключ к новому качественному этапу агентурно-оперативной работы. В Управлении разработали и внедрили четкую систему подбора, подготовки и расстановки кадров. Она проста по содержанию, но эффективна в действии.

Каждое оперативное подразделение подбирало кадры в сфере своей оперативной деятельности по установленной количественной разнарядке в соответствии с профессией и образованием. На оперативную работу подбирались лица только с высшим образованием, а на ряд направлений — только со знанием иностранных языков.

Мы с благодарностью относились к городским и областным организациям и ведомствам, которые искренне помогали нам в комплектовании аппарата, отдавая подчас свои ценные кадры. Мы разработали целую систему предварительных бесед с использованием тестов, кандидатам в сотрудники давали сначала отдельные поручения. Следовало также убедиться, что подобранный нами будущий сотрудник идет на работу в органы государственной безопасности осознанно, с желанием.

Каждый год подбирали и вводили в штат Управления по семьдесят-восемьдесят новых сотрудников, которые вначале проходили на специальных курсах годичную подготовку.

Я придерживался строгого правила: два раза в год встречался с убывающими на курсы слушателями и прибывшими с них, проводил беседы, знакомил с оперативной обстановкой, с теми участками, которыми им предстоит заниматься, приступая к службе. Кадры управления с каждым годом повышали свою профессиональную подготовку. В Управлении появились физики, химики, математики, программисты, инженеры разных профессий и юристы.

Шел активный процесс выдвижения молодежи на руководящую работу. Я видел, ощущал в работе, как повышалась творческая энергия сотрудников. Большую помощь в подготовке кадров нам оказывала Высшая школа, ныне Академия ФСБ.

Однако нельзя сказать, что работа с кадрами шла гладко. Мы ввели анонимное анкетирование по разным вопросам, связанным с подготовкой кадров. В одну из таких анкет мы включили вопрос: что привело Вас на работу в органы государственной безопасности? Большинство анкетированных ответили: патристическое убеждение в необходимости защиты интересов Родины. Многие

подчеркивали фактор романтики предстоящей службы, а примерно процентов пятнадцать откровенно сказали, что их интересовала высокая зарплата. Последний ответ наводил на размышления. Видимо из среды молодежи могли попасть к нам и случайные люди. И, действительно, такие были.

В своей работе мы всегда проявляли максимум заботы о служебных и личных нуждах сотрудников. За относительно короткий срок построили новое служебное здание по Большой Лубянке, 20, с вместительным подземным гаражом. Построено и другое служебное здание с гаражом, недалеко от Управления. Два новых корпуса воздвигли в ведомственном доме отдыха. Моссовет выделил нам три небольших дома рядом с Управлением. Аппарат теперь разместили вполне сносно, создав необходимые условия для работы и отдыха. У нас появилась своя база отдыха, спортивный зал, бассейн, тир, прекрасная столовая. Решались вопросы с обеспечением сотрудников жилой площадью, питанием, лечением, с повышением денежного довольствия. Всему личному составу присвоили новые категории воинских званий.

Все это с благодарностью было воспринято в коллективе, люди работали не жалея сил и времени. В Управлении главенствовала здоровая рабочая обстановка, в целом соблюдалась служебная дисциплина. За успехи в работе многих сотрудников наградили правительственными орденами и медалями.

Когда возникла необходимость командировать сотрудников в Афганистан, более ста двадцати наших работников подали рапорта о своей готовности к выполнению задания правительства. Около шестидесяти человек мы направили в эту страну, где они с честью выполнили свой воинский долг. Подполковнику Виталию Степановичу Белюженко за проявленное мужество присвоили высокое звание Героя Советского Союза. Майора В. Г. Кузьмина, героически павшего в бою, посмертно наградили орденом Красного Знамени.

Мы предприняли серьезные меры по внедрению в оперативную работу научной методики труда. Создали информационно-аналитический центр, внедрили в работу систему «Беркут» с необходимым банком данных. Начали работать две электронно-вычислительные машины. Уже на первом этапе все эти новшества дали весомые результаты. Теперь у нас без волокиты и бюрократизма решались все оперативно-справочные вопросы. С по-

мощью ЭВМ появилась возможность решать многие сложные задачи. По системе «Беркут», кстати сказать, было написано и издано Высшей школой КГБ научное пособие с рекомендациями по внедрению подобных систем в местных территориальных органах КГБ.

Значительные творческие усилия в становлении нового направления работы проявили заместитель начальника управления генерал-майор Александр Борисович Корсак; начальник ИАО, кандидат технических наук полковник Владимир Викторович Бабаев; его заместитель, опытный оперативный работник, полковник Николай Михайлович Галкин и весь коллектив отдела. Жаль, если это новое направление запустят или, тем более, забудут о нем совсем. Мне стало ясно, что эта система работы может развиваться и приносить пользу, если действует творческая мысль аналитиков и пытливые устремления квалифицированных оперативных работников.

Оперативная работа органов безопасности многообразна и динамична по своему характеру и содержанию. И все же, насколько это возможно, я попытаюсь ознакомить читателя с тем, какими вопросами занимались эти пятнадцать лет московские чекисты, какие решали проблемы, какими средствами, приемами и методами обеспечивали государственную безопасность столицы и Подмосковья. Я покажу нашу работу на примере отдельных, наиболее важных дел.

Считаю необходимым напомнить читателю, что чекистская работа — это процесс коллективной деятельности всех его подразделений. В Управлении действовало девять служб и ряд самостоятельных отделов. Вскрытые преступления, о которых я расскажу дальше — результат работы всех оперативных подразделений, при ведущей роли каждого из них на своем направлении деятельности.

Основной организатор борьбы со шпионажем — служба контрразведки, а зеркалом всей ее деятельности стала работа следственного отдела, который участвовал в конечной стадии оперативного процесса, когда в соответствии с существовавшим законодательством возбуждалось уголовное дело против обоснованно подозреваемых лиц и проводилось следствие по доказательству совершенного преступления.

Следственный аппарат и его сотрудники действовали энергично и квалифицированно. У нас за эти годы не произошло ни одного случая нарушения законности, не приостановлено ни одно дело, все факты преступной деятельности раскрыты, из прокуратуры и суда ни одно дело не возвращалось. Надо сказать доброе слово московским контрразведчикам и следователям, а также помощнику прокурора города Москвы по контролю за следственной работой в Московском Управлении госбезопасности Николаю Ивановичу Фунтову, который все эти годы работал с нами, обеспечивая безопасность столицы и столичной области. Приказом КГБ он был награжден знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

В дальнейшем я приведу ряд фактов реализованных уголовных дел, ибо документы лучшие свидетели истории, подтверждающие правду.

Внешняя разведка. На этом направлении нами также сделано немало полезного, а главное удалось создать необходимый аппарат. Конечно, разведывательную работу за границей, с постоянным пребыванием наших сотрудников за кордоном, мы не вели. Этим занимались другие подразделения КГБ, но и здесь, в условиях Москвы, существовал и использовался внешней разведкой КГБ значительный потенциал нашего управления. Нами была завербована ценная зарубежная агентура, добыты важные документы по линии научно-технической разведки, даже получен ряд образцов военной техники. Мы делали нужное для государства дело, стояли, как говорится, на верном пути. Здесь следует отметить начальника службы разведки полковника О.С.Левченко, его заместителя полковника Л.П.Капралова, начальников отделов старших офицеров В.И.Клименко, В.И.Пономаренко, Ю.В.Мешалкина, В.П.Репина, В.Н.Зубкова и их подчиненных.

Контрразведка. Особенно радовали нас успехи в борьбе со шпионажем. Наш расчет на организацию контрразведывательной работы в условиях деятельности территориального аппарата контрразведки по контролю за потоком иностранцев снизу, по выявлению встреч разведчиков и агентуры противника с секретносителями оказался правильным. Практическая работа в этом направлении приносила свои плоды. У нас установились хорошие отношения с подразделениями внешней разведки, контрразведки и их руководителями: генерал-лейтенантом В.А.Крючковым и

генерал-лейтенантом Г.Ф.Григоренко, которые поддерживали нашу работу на этом ответственном направлении.

Расскажу об одном любопытном случае, послужившем основой к проведению крупной контрразведывательной операции по пресечению технической разведки противника.

В районе области относительно далеко расположенном от Москвы, в одном из колхозов шел трудовой день. Колхозник Алексей Востоков вместе со своим сыном Ваней пасли стадо на поляне старой лесной вырубки. Травы здесь были хорошие, но машины пройти не могли: мешали многочисленные пни. Для выпаса же место прекрасное. Востоков присел на пенек, закурил... И вдруг пенёк под ним повело в сторону. «Что за оказия», — подумал Алексей и стал рассматривать пенёк. Крестьянский глаз наметанный. Увидев, что у пня нет корней, Алексей сразу понял, что здесь дело неладное. Пенёк оказался искусственным, кем-то сюда принесенным. Ему вдруг вспомнился разговор на селе. Недавно на дорогах видели дипломатическую автомашину, сотрудник ГАИ говорил, что она с номерным знаком американского посольства.

Оставив сына приглядывать за стадом, Алексей Востоков направился в село к председателю колхоза, чтобы рассказать ему о случившемся. Позвонили в районный центр начальнику райотдела КГБ, который вскоре прибыл на место с одним из своих сотрудников. Выехали на лесную поляну, увидели загадочный пенёк, провели тщательный осмотр всей ближайшей округи и обнаружили еще один точно такой же искусственный пенёк.

Начальник райотдела, погрузив бутафорию в машину, срочно выехал в Москву. Оценив происшествие, мы поняли, что имеем дело с акцией, проводимой разведчиком из состава американского посольства в Москве.

Это направление работы находилось в ведении Второго главного управления КГБ, куда мы и передали найденные камуфляжи. С ними начали кропотливую работу специалисты из Оперативно-технического управления КГБ. Вскоре стало очевидно, что в искусственных пнях спрятаны мощные многоканальные аппараты по перехвату излучений военных изделий и радиоперехвату штабных переговоров, с передачей этой информации на американские разведывательные спутники и далее в разведывательный центр США.

Американцы не жалели усилий и средств на ведение технической разведки, особенно против наших вооруженных сил и режимных объектов, поставляющих армии высокотехнологичное вооружение. Им важно было получить данные по управлению боевой техникой. Нам удалось создать систему ложных излучений, которые теперь посылались в эфир. Начатой «игрой» мы надолго спутали карты наших противников.

В наше время техническая разведка (достоинств) противника и контрразведка требует постоянного внимания к этому вопросу.

Патриотический поступок Алексея Востокова, его бдительность были высоко оценены нами. Мы еще раз почувствовали насколько велика помощь общественности в обеспечении безопасности нашего государства. Алексея Востокова, его сына и председателя колхоза наградили ценными подарками.

Шпионаж особо опасный для государства вид преступления. Выявить шпиона и его обезвредить не так-то легко. Шпионов-то в жизни не так много, но они внедряются разведками противника в наиболее уязвимые места и с большой изобретательностью осуществляют связь со своими агентами.

Каждый факт разоблачения шпиона иностранной разведки — большой успех в контрразведывательной работе. Были такие успехи и в работе Московского управления КГБ.

22 августа 1981 года нашим Управлением совместно с соответствующими службами Комитета госбезопасности СССР был задержан с поличным при проведении шпионской акции разведчик ЦРУ Богатыр, находившийся в Советском Союзе под прикрытием третьего секретаря экономического отдела посольства США в Москве. Во время задержания у него обнаружили и изъяли: инструктивное письмо ЦРУ с заданием по сбору разведывательной информации, составляющей особо охраняемую государственную тайну (о лазерных системах, применяемых в авиационном приборостроении); портативный диктофон для записи разведывательного опроса и деньги в сумме 500 рублей, предназначенные для вручения советскому гражданину. В нашем распоряжении имелись и другие документальные материалы, раскрывающие шпионскую деятельность Богатыря, которые он передал советскому гражданину на предыдущих встречах. Из изъятых материалов следует, что американская разведка, рассчитывая на получение особо важной информации оборонного характера, открыла

счет на имя советского гражданина в одном из иностранных банков с перечислением на него ежегодно 90 тысяч долларов. Кроме того ему установили ежемесячное вознаграждение в размере 500 рублей. В указанных материалах подчеркивалось, что в зависимости от результатов сотрудничества в течение двухлетнего периода американская разведка примет необходимые меры к вывозу советского гражданина из СССР.

Задержав и доставив Богатыра в Приемную КГБ, через МИД СССР вызвали представителя посольства США. Прибыл второй секретарь консульского отдела Струбла, которого ознакомили с обстоятельствами задержания Богатыра и предъявили изъятые у американского разведчика шпионские материалы. По существу шпионской деятельности Богатыра, несовместимой со статусом дипломата, составили соответствующий акт, подписать который американцы отказались, после чего Богатыр был отпущен. 23 августа в спешном порядке американцы отправили его из СССР.

В ноябре 1982 года в одном из районов столицы обнаружили контейнер, закамуфлированный под бульжник, который американская разведка предназначала для своего агента. В контейнере, помимо основного задания, находились инструктивные письма с описанием способов поддержания агентурной связи, таблетки для проявления тайнописи, шифровальные и дешифровальные таблицы.

В результате проведенного во взаимодействии с КГБ СССР комплекса оперативно-розыскных мероприятий в феврале 1983 года было установлено, что лицом, которому предназначался шпионский контейнер, возможно, является С.В. Кириченко, бывший курсант-выпускник Житомирского Высшего училища радиоэлектроники войск ПВО, житель г.Киева. Как удалось выяснить, Кириченко, проходя службу в рядах Советской Армии, допускал нарушения воинской дисциплины. В 1982 году он подозревался в разглашении секретных сведений, составляющих военную тайну, а в мае того же года, опасаясь ответственности за попытку изнасилования, дезертировал и в течение трех месяцев находился в розыске. В дальнейшем был уволен из рядов Советской Армии.

Собранные вещественные и некоторые другие доказательства дали основание арестовать Кириченко по обвинению в шпионской связи с американской разведкой. В процессе предварительного следствия он признал, что в июле 1982 года из корыстных

побуждений решил вступить в преступную связь с американской разведкой для чего изготовил и подбросил в автомашины, принадлежащие сотрудникам посольства США в Москве, два письма с предложением своих услуг. В письмах Кириченко, представляясь офицером-ракетчиком, изъявлял готовность передавать известные ему сведения о системе противоракетной обороны страны.

Виновность Кириченко следствием была доказана, дело по его обвинению в шпионаже передано в прокуратуру для направления в суд. В конечном итоге его осудили.

В марте 1983 года в Управление поступила оперативная информация о том, что житель г.Москвы некий Андерсон, работающий в одном из научно-исследовательских институтов, намеревается вступить в преступный контакт с представителями западногерманской разведки и передать им секретную информацию. Арнольд Артурович Андерсон, гражданин Латвии, кандидат фармацевтических наук, заведовал отделом НИИ по радиологическим испытаниям химических соединений. В целях выяснения намерений Андерсона и предотвращения нанесения ущерба с его стороны интересам государства мы провели активную оперативную проверку и установили, что Андерсон настроен резко антисоветски. Умышленно, из «идейных» побуждений, с целью нанесения ущерба СССР, проявлял намерение пойти на сотрудничество с западногерманской разведкой. В апреле 1983 года Андерсон предпринял практические шаги к реализации своих преступных замыслов, для чего через посредника-иностранца переправил за границу вещественный пароль, по которому представители западногерманской разведки могли бы войти с ним в контакт. В августе того же года при попытке передать в Москве иностранцу информацию, составляющую особо охраняемую государственную тайну, Андерсона арестовали и в отношении него возбудили уголовное дело по обвинению в шпионаже.

Следствие доказало, что Андерсон пытался совершить шпионские действия. Его дело передали в прокуратуру города Москвы. Андерсона судили и приговорили к тюремному заключению.

В производстве Управления находилось несколько материалов по розыску лиц, совершивших предательство в годы войны: перешедших на сторону противника, служивших в карательных

органах немцев, истязавших и расстреливавших советских людей.

Из материалов уголовного дела по обвинению в предательстве А.И. Юхновского следовало, что он, проживая в городе Ромны, на временно оккупированной гитлеровцами территории, по научению своего отца, бывшего петлюровского офицера И.Ю. Юхновского в октябре 1941 года поступил на службу в полицию, где прослужил до апреля 1942 года переводчиком. В том же месяце он перешел на службу в фашистский карательный орган — тайную полевую полицию (ГФП-721) переводчиком и подписал обязательство о верности фашистской Германии, неразглашении секретов полиции. В задачу 721 группы ГФП входила охрана тылов немецких армий генералов Паулюса и Холлидта. До августа 1944 года А.И.Юхновский активно участвовал в карательных акциях в городах Ромны, Путивле, Сталино (ныне Донецк), Марганце, в поселке Глубоком и деревне Марьянка. Носил обмундирование немецкого солдата и имел огнестрельное оружие. После разгрома немецко-фашистской группировки в Яссо-Кишиневской операции, Юхновский с целью уклонения от ответственности за службу в ГФП-721 изменил фамилию на Мирошниченко. Впоследствии полевой военкомат призвал его в ряды Красной Армии. Под фиктивной фамилией Юхновский проживал до дня ареста. Преступная деятельность Юхновского проявилась в систематических допросах и истязаниях советских людей и в массовых расстрелах.

Следствием, в частности, был установлен факт, когда Юхновский при истязании советских граждан вырвал из рук матери ребенка и на ее глазах убил его, ударив головой о стену дома. Суд признал его виновным и 28 апреля 1976 года приговорил к высшей мере наказания — смертной казни.

Управлением было раскрыто немало тяжелых преступлений. Так, 8 января 1977 года в хороший зимний воскресный день я был на охоте в Лотошинском районе Московской области вместе с сыном Александром и близкими мне товарищами. Усталые, но довольные результатами охоты, возвращались домой. На полпути, где-то в районе Истры, в машине неожиданно зазвучал зуммер радиотелефона. Ответственный дежурный по Московскому управлению госбезопасности доложил, что в Москве произошли три сильных взрыва, есть человеческие жертвы. Меня срочно

вызывал первый заместитель председателя КГБ Семен Кузьмич Цвигун.

Пришлось прибавить скорость. Через короткое время я уже был на Лубянке 2. В кабинете уже собрались знакомые мне по работе генералы, в большинстве своем одетые по форме. Я доложил, что прибыл с охоты и попросил извинения, что одет в спортивный костюм, что встречено было с пониманием. Было не до этого. В городе стряслась беда и следовало принимать срочные меры.

С.К.Цвигун сообщил, что примерно два часа назад с небольшим интервалом произошли три сильных взрыва, один из них в вагоне метро и два на ул. 25-го Октября (Никольской) в районе книжного магазина и аптеки. Имеются жертвы. Другой информации присутствующие пока не имели.

Оценив обстановку, я решил, что делать мне на этом совещании нечего и, попросив разрешения удалиться, отправился к себе в Управление, находившееся рядом. Здесь уже собрались руководящие работники и необходимый оперативный состав. С места происшествия прибыл мой первый заместитель, генерал М.Д.Боровлев. Он доложил, что вагон метро, сильно деформированный взрывом, отправлен в депо, семь пассажиров убито, число раненых уточняется. Они вывезены машинами скорой помощи в медицинские учреждения города. На улице 25-го Октября произошли взрывы меньшей силы, здесь жертв не было.

Три созданные оперативно-следственные группы отбыли на место для осмотра и документирования мест происшествий, сбора вещественных доказательств, выявления свидетелей, а также получения возможных данных на преступников. По обстоятельствам происшествий мы могли заключить, что преступников несколько. По факту взрывов возбудили уголовное дело, ведение которого возглавил заместитель начальника следственного отдела полковник Ю.Б. Смирнов.

В эту ночь я, как и многие мои товарищи по работе, не спал. Совершенно дерзкое, опасное для государства, жестокое по исполнению преступление. Возможно, преступники предпримут и дальнейшие действия. В их розыск включился Комитет государственной безопасности и все территориальные органы КГБ. Но ориентиров к розыску пока практически не было никаких. Каж-

дый оперативник взвешивал обстановку на своей территории и пытался обнаружить хоть какие-нибудь зацепки по делу.

При осмотре мест происшествий собрали остатки взрывных устройств. Их оценкой занялись квалифицированные экспертные комиссии, которые установили, что взрывное устройство в вагоне метро оказалось наиболее мощным. Оно было закамуфлировано в чугунную кухонную утятницу с целью нанести максимальное поражение людям. Все взрывные устройства с часовым механизмом, в качестве которого применены будильники малых размеров. Взрывчатка идентична маркам, применяемым на взрывных работах.

Эти данные передали подразделениям органов госбезопасности и розыскным аппаратам милиции. Начался процесс активной работы по определению версий совершенных преступлений, вероятного облика личности преступников и мотивов, которыми они руководствовались.

Аналитические рассуждения проводились в следующем ключе:

— политическая и оперативная обстановка в Москве и области спокойная; полностью отвергалась мысль о преступниках-москвичах, больше данных говорило за то, что действовали приезжие;

— предположение о преступниках, прибывших из-за границы, иностранных террористов тоже отпадало. На нашей границе проводился достаточно квалифицированный досмотр прибывающих иностранцев. Иностранные террористы-диверсанты к тому же не могли оборудовать взрывное устройство в кухонной утятнице и перевезти ее через границу. Отсюда делался вывод — преступники из числа граждан нашей страны;

— наиболее беспокойными по оперативной обстановке оставались республики Прибалтики, Закавказья, западных областей Украины. Здесь активно действовали националистические элементы. Националисты-экстремисты — вот кто скорее всего мог свершить это преступление.

Приняв последнюю версию за основу, усилили розыск преступников в республиках.

Время шло, прошел уже почти год со дня происшедших взрывов, но никаких данных о личностях преступников мы так и не получили. Розыску помогли сами преступники.

В один из октябрьских вечеров, когда я еще не ушел с работы и готовился ехать домой, мне позвонил сотрудник нашего транспортного подразделения. Он доложил, что на Курском вокзале в зале ожидания обнаружены два взрывных устройства, по внешнему виду схожих с теми, которые преступники применили при взрывах в январе 1977 года. В течение семи минут я уже прибыл на Курский вокзал.

Начальник отделения Виталий Курашин проводил меня в бункер, куда он отнес взрывные устройства. Часы в этих самодельных минах стояли. Для обезвреживания устройств вызвали саперов.

Поднявшись наверх, я приказал всем собравшимся удалиться. Остались лишь начальник Пятого управления КГБ СССР генерал-лейтенант Филипп Денисович Бобков, заместитель начальника Второго главного управления, следователь, ведущий дело, начальник отделения Курашин и рабочий завода с сыном, которые обнаружили сумку с взрывными устройствами в зале ожидания вокзала и принесли в отделение милиции.

Я начал с ними беседу, стремясь сделать ее более свободной, непринужденной, чтобы снять напряжение у своих собеседников.

Рабочий прибыл в Москву, сопровождая груз промышленных изделий своего завода для заказчиков. С собой он взял сына-подростка, пообещав купить ему велосипед (что, кстати, в Москве в то время было не просто).

Они собрались уже ехать домой, отправились на Курский вокзал, купили билеты и, в ожидании отправления поезда, сидели на диване в зале ожиданий. Рядом с ними находилась дорожная сумка, владелец которой почему-то не появлялся. Они обратились к милиционеру, который ходил по залу, и показали ему на оставленную сумку. Милиционер предложил заявителю взять сумку и следовать с ним в привокзальное отделение милиции. Здесь дежурный по отделению ее открыл и обнаружил два взрывных устройства. Он сразу же позвонил в привокзальное подразделение КГБ. Прибывший на место Курашин взял сумку с взрывными устройствами и поместил в специальный бункер. В сумке кроме

* Заявитель по нашей просьбе остался в Москве еще на два дня и был допрошен в качестве свидетеля. Он был награжден за бдительность ценным подарком, а сыну мы купили велосипед.

взрывных устройств мы нашли меховую шапку-ушанку и спортивную куртку с эмблемой «белый медведь». Эти вещественные доказательства давали уже многое. После того, как сумку обнаружили, от перрона вокзала отошел поезд Москва—Ереван. Многие говорили за то, что именно этим поездом, чего-то испугавшись, покинули Москву преступники. Был мороз, но один из них в спешке бросил даже меховую шапку и спортивную куртку. Спутнул их, вероятно, ходивший по залу милиционер.

Посоветовавшись с Ф.Д.Бобковым, мы решили немедленно дать поручение Комитету госбезопасности Армении выслать на встречу пребывающему поезду оперативную группу и начать розыск вероятных преступников. Они успешно справились с поставленной задачей. Ориентир на вероятную группу преступников был — один из них должен оказаться без шапки. Сотрудники КГБ Армении обнаружили в поезде двух молодых людей, армян, один из которых сидел с непокрытой головой. Вскоре установили и третьего участника группы, хорошо известного армянским чекистам активного националиста С.С.Затикяна, ранее судимого за антигосударственное преступление и недавно вернувшегося в Армению из мест заключения.

Таким образом в октябре 1977 года удалось задержать группу армянских граждан, жителей Еревана, С.С.Затикяна, А.В.Степаняна и З.М.Багдасаряна. Их арестовали и доставили в Москву. В связи с тем, что преступная деятельность арестованных выходила за пределы Москвы, следственное дело передали для его дальнейшего ведения в Следственное управление КГБ, которое продолжило расследование с участием нашего аппарата.

Показаниями обвиняемых и свидетелей, вещественными доказательствами и экспертными исследованиями удалось доказать, что Затикян и его сообщники по террористической группе осуществили 8 января 1977 года взрывы в общественных местах г. Москвы, в результате чего погибло семь и ранено тридцать семь человек. Они предприняли попытку совершить в столице Советского Союза новые диверсии в канун празднования 60-летия Октября. Всех троих признали виновными.

Вдохновителем и организатором преступлений, как выяснилось, оказался Затикян. Будучи ярким националистом-фанатиком, он на следствии заявил о непризнании им советской власти, ее законов и представителей, а поэтому отказался от дачи показа-

ний, юридической помощи адвоката и потребовал предоставления ему защитника из числа иностранцев.

Степанян и Багдасарян, наоборот, дали подробные показания о своем участии в подготовке и осуществлении взрывов, и признали себя виновными.

Следствие выяснило, что вернувшись в Ереван из заключения после отбытия наказания, Затикян предпринял меры к возобновлению враждебной деятельности своей прежней группой и переходу к экстремистским методам борьбы с советской властью. Однако, не получив поддержки соучастников, он перешел к индивидуальным методам борьбы и привлек на свою сторону Степаняна и Багдасаряна.

Летом 1976 года Затикян и его новые сообщники Степанян и Багдасарян приступили к подготовке диверсионных акций. Затикян лично сконструировал взрывное устройство. В январе и октябре 1977 года он направлял своих подельников в Москву для совершения взрывов.

24 января 1979 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в открытом судебном заседании закончила рассмотрение уголовного дела по обвинению Затикяна, Степаняна и Багдасаряна. В ходе судебного разбирательства нашли полное подтверждение материалы предварительного расследования.

На суде адвокаты заявили, что они не находят оснований для возражений против предъявленного подсудимым обвинения, подчеркнув, что Затикян, Степанян и Багдасарян не выражают интересов и настроений граждан Советской Армении.

С учетом особой опасности и тяжких последствий совершенных преступлений, их направленности на массовое уничтожение ни в чем не повинных людей, суд приговорил Затикяна, Степаняна и Багдасаряна к исключительной мере наказания — расстрелу.

Вслед за этим процессом удалось раскрыть преступление террориста В. Н. Никитенкова. В 1979 году в Клину и прилегающих к нему районах Московской области произошло несколько взрывов. Имелись раненые среди проходивших мимо граждан. Расследование этих фактов вели районные прокуратуры и органы милиции, но им это оказалось не под силу. По договоренности с областной прокуратурой, наш следственный отдел взял это дело в производство.

8 июня 1979 года в г. Клину в сквере кинотеатра «Мир» произошел взрыв самодельного устройства натяжного действия, закамуфлированного под почтовую посылку в виде фанерного ящика. При взрыве пострадали рабочий комбината «Химволокно» Н.П.Дерябин и дворник кинотеатра «Мир» Н.Ф. Царева. 26 июля 1979 года в г. Химки на территории строительства кулинарного училища произошел подобного же рода взрыв. Взрывное устройство натяжного действия преступник закамуфлировал под две соединенные между собой по торцу банки из-под растворимого кофе. Устройство обнаружил на 24 километре Ленинградского шоссе и доставил на стройку рабочий СМУ-23 С.Т.Михальцов. В результате взрыва пострадал рабочий Управления механизации 8 Е.И. Михин.

В результате оперативно-розыскных и следственных мероприятий удалось установить, что корпуса взрывных устройств, сработавших в Клину и Химках, представляли собой чугунные стаканы, помещенные в банки из-под растворимого кофе с целью получить как можно больше осколков при взрыве. В обоих случаях в качестве взрывчатого вещества использовался черный дымный порох.

10 апреля 1977 года в Клину обнаружили аналогичное взрывное устройство, предназначенное для поражения людей, заложенное неизвестным лицом в телефонной будке на центральной улице города. Взрыва тогда не произошло по независимым от исполнителя обстоятельствам.

Для розыска преступника (или преступников) создали четыре оперативно-следственные группы в районах предполагаемой деятельности террориста — в Клину, Солнечногорске, Зеленограде, Химках.

29 сентября в 16 часов в деревне Малое Щапово (10 км от г. Клина) в гараже, принадлежащем местному жителю экспедитору Клинского хлебзавода Лазареву Л.М., произошел взрыв самодельного устройства, в результате которого хозяин погиб.

30 сентября по подозрению в совершении указанных взрывов был арестован Василий Николаевич Никитенков, детский хирург по профессии, инвалид второй группы с диагнозом «шизофрения», неработающий, проживающий в г.Клину. При обыске у него на квартире обнаружены и изъяты самодельные взрывные устройства, аналогичные примененным при взрывах в

Клину и Химках, различные детали для взрывных устройств, инструмент и приспособления для их изготовления.

Предварительным расследованием удалось установить, что арестованный Никитенков, опасаясь разоблачения в совершенных им преступлениях, передал на хранение своей знакомой Т.И.Шевелевой портфель с четырьмя взрывными устройствами, запасами пороха и капсюлями «Жевело». Шевелева в свою очередь спрятала этот портфель у Лазарева. Дальнейшее известно.

Лазарев получил смертельное ранение и вскоре скончался.

Следствие по делу Никитенкова было закончено. Судебно-медицинская экспертиза признала его психически больным. Учитывая опасность для общества, решением суда Никитенко поместили в психиатрическую лечебницу для принудительного лечения. Подумать только, врач, детский хирург, психиатр, террорист, склонный к убийству. Только твердая рука чекистов сумела пресечь его преступления.

Я уже говорил, что в середине 70-х годов оперативную обстановку в Москве нельзя было считать спокойной. Вспомнить хотя бы две попытки угона террористами самолетов с пассажирами. Решительными действиями московских чекистов, сотрудников городской милиции и войсковыми нарядами дивизии им.Дзержинского эти попытки были пресечены. Видимо их действия послужили наукой преступникам, так как больше подобных случаев в Москве за 15 лет не наблюдалось. Об угонах самолетов в печати тогда не сообщалось, и я приведу здесь некоторые факты.

В один из дней 1975 года утром я работал в своем кабинете, когда мне доложили, что поднявшийся в воздух самолет Як-40 с пассажирами на борту, следовавший по маршруту Москва — Минск, захвачен в воздухе бандитами, которые требуют от пилотов лететь в Стокгольм. Двое пассажиров пытались оказать сопротивление вооруженным бандитам, но угонщики открыли по ним огонь и ранили.

Я доложил о происшествии Ю.В.Андропову и немедленно отбыл на Внуковский аэродром, где решили посадить самолет якобы для дозаправки. Все произошло молниеносно. От аэродрома Быково до Внуковского аэропорта, что называется, рукой подать. Диспетчер службы полетов дал команду пилоту, под предлогом недостатка горючего в баках, посадить самолет во Внуково и подрулить его на стоянку, расположенную рядом с центром

управлению полетами. Эта стоянка хорошо просматривалась. Еще в машине мне стало известно, что самолет совершил посадку. Тогда же я узнал, что в правительственном зале вокзала находится заместитель председателя КГБ С.К.Цвигун, который провожал гостей. Подъехав к зданию вокзала, я через несколько минут нашел Цвигуна, который стоял рядом с министром внутренних дел Н.А.Щелоковым. По диспетчерской связи аэропорта они вели переговоры с бандитами. Угонщики требовали дозаправить баки самолета горючим, передать им 1,5 миллиона долларов и обеспечить полет в Швецию. В случае невыполнения требований террористы обещали взорвать самолет вместе с пассажирами. Цвигун и Щелоков приняли решение выпустить самолет за границу, но потребовали передать врачам «скорой помощи» раненых, с чем террористы в конце концов согласились. Вскоре к самолету направились автомашина-заправщик и две машины «скорой помощи». Было неясно сколько бандитов в самолете и чем они вооружены. Единственные, кто об этом мог рассказать — это раненые, которых все мы ждали с большим нетерпением. Учитывая, что их доставят в местную больницу, я немедленно поспешил туда. При подъезде к больнице я встретил одного из своих сотрудников, который, опередив меня, уже побеседовал с двумя ранеными пассажирами и узнал, что в самолете находятся четверо молодых бандитов, вооруженных охотничьими ружьями и обрезам. Ведут они себя дерзко и решительно. Взрывных устройств раненые у бандитов не видели. Это были очень важные сведения. Стало очевидно, что террористы вооружены слабо, выпускать самолет за границу не следует, надо принять меры к их захвату и освобождению пассажиров.

Прибыв в центр руководства полетами, я доложил по телефону обстановку Ю.В.Андропову и свое предложение о проведении операции по захвату бандитов, сказав при этом, что за границей над нами смеются будут, если мы выпустим бандитов с охотничьими ружьями. Ю.В.Андропов согласился с моими доводами и дал указание провести операцию по захвату банды и освобождению пассажиров, возложив ответственность за проведение операции на меня.

Никакого плана проведения операции у меня пока не было, но мысль уже активно работала в этом направлении и через некоторое время план созрел. Группа захвата в бронежилетах, воору-

женная пистолетами, в составе десяти-двенадцати человек, незаметно для бандитов, следуя цепочкой друг за другом к хвостовой части самолета, должна расположиться под фюзеляжем, у двери. Группа должна иметь обыкновенный багор и штурмовую лестницу для проникновения в самолет. С ними вместе, также цепочкой, должен проследовать войсковой наряд из десяти человек, вооруженных автоматами.

Если бандиты откроют дверь самолета, то за край проема следует зацепить багор, что не даст возможности закрыть дверь. Один сотрудник подставляет штурмовую лестницу, по которой группа захвата проникает в самолет. Чтобы обезопасить ее действия войсковой наряд на удалении трех-пяти метров перед открытой дверью рассыпается веером и открывает огонь на поражение по бандитам, стоящим в проеме двери. Было очевидно, что именно бандиты станут у двери, никого другого они к ней не допустят.

Для того, чтобы террористы открыли дверь, у них на виду к самолету подойдет сотрудник в бронежилете с чемоданом в руке и покажет обещанные доллары.

План, который я изложил присутствующим начальникам ГУВД Москвы и дивизии им. Дзержинского, был одобрен и принят к исполнению. Вся операция готовилась быстро и четко. Образовалась заминка, так как в кассе КГБ оказалось мало долларов, а слишком толстая пачка вызвала бы у бандитов подозрение. Я быстро изготовил «куклы» и заполнил ими чемодан.

Выйдя к подъезду здания управления полетами, где сосредоточились необходимые силы реагирования, в том числе несколько бронетранспортеров, я дал команду уже созданной группе захвата построиться, провел инструктаж о порядке действий. Все всем было ясно, но вот беда — под рукой не оказалось багра и штурмовой лестницы, а без них план не удалось бы осуществить. Я подошел к металлической ограде, звенья которой напоминали висящие лестницы, с силой рванул одно звено (хватило же сил!) и вырвал его. То же сделал и с другим звеном. Таким образом появились две штурмовые лестницы. Теперь встал вопрос о багре. Мне сказали, что рядом расположено пожарное депо. Я направился туда. В открытых дверях стояли две пожарные машины. На одной из них я увидел пожарный крюк, который снял на глазах двух пожарников, принес и вручил все еще стоявшей в строю группе захвата.

Командиром группы стал полковник, начальник Московского уголовного розыска. В ее составе — работники милиции и сотрудники Московского Управления КГБ.

Я дал команду приступить к выполнению боевой задачи. Пожелал товарищам удачи. Все произошло так, как предусмотрено планом. Группа захвата вышла на исходную позицию. Сотрудник с чемоданом двинулся в сторону самолета.

Бандиты увидели его еще издали и открыли дверь... Операция в течение десятка минут завершилась. У самолета, куда я подъехал, еще стоял сизый дым от стрельбы, два бандита у двери лежали убитыми, двоих других, захваченных в самолете, вывели в наручники, водворив в оперативную машину. Ни один из пассажиров в ходе операции не пострадал.

Следственная группа сразу же приступила к работе.

В этот момент к самолету подошел министр внутренних дел Н.А.Щелоков. Оценив обстановку и определив, что здесь больше делать нечего, он сказал мне:

— Следуем вместе с захваченными террористами на Петровку, к начальнику управления Самохвалову.

Я почувствовал, что начинается «дележка» лавров. Так не хотелось этого. И я ответил Щелокову:

— Заедем сначала в наше служебное помещение, я должен доложить о выполнении операции Ю.В.Андропову.

Он с неохотой согласился.

Я позвонил Ю.В.Андропову, доложил обстановку и сказал о предложении Щелокова везти бандитов на Петровку. Председатель КГБ, выслушав меня, ответил:

— Пусть везет, съезди с ним.

Поездка на Петровку показалась мне бессмысленной, но что сделаешь, если так решили министры. Прибыв в кабинет начальника главка Самохвалова, Щелоков повел неумелый допрос террористов.

— Вы знаете, с кем говорите? — сказал он. — Я министр внутренних дел Советского Союза. Кто вы?

В ответ — молчание. С большим трудом удалось выяснить, что они учащиеся ПТУ и один из убитых также учащийся. Их вожак нигде не работал, недавно возвратился из мест заключения. Преступники были в шоке и больше ничего рассказывать не стали. Я уехал к себе на Большую Лубянку.

Следствие, проведенное органами государственной безопасности, показало, что трех учащихся ПТУ уговорил на этот поступок преступник-рецидивист. Мотив преступления — «хотели красиво пожить». Все стало ясно. Преступников осудили и приговорили к содержанию в исправительно-трудовом лагере.

Была и вторая попытка захвата рейсового самолета в воздухе и угона его в Израиль. И в этом случае представляют интерес оперативные действия сотрудников Московского управления КГБ.

В один из вечеров февраля 1976 года дежуривший в Домодедовском аэропорту наш сотрудник доложил мне о том, что пилот самолета рейса Фрунзе — Москва сообщил на землю об обнаруженной стюардессой записке в туалете самолета. В ней неизвестный потребовал, чтобы самолет следовал в Тель-Авив, в противном случае он взорвет его. Рядом с запиской лежало два пиротехнических патрона. Преступник открыто пока себя не проявил.

Я доложил о происшествии Ю. В. Андропову.

— Пусть самолет следует по курсу в Москву, — сказал он, — и совершит посадку в Домодедово, как это ему и положено.

Мне приказал выехать в аэропорт и принять меры к задержанию преступника или преступников. Вместе со своим заместителем В.А. Конопленко и другими товарищами я выехал на аэродром. Путь от центра Москвы до Домодедово занимает минут тридцать — сорок. Можно спокойно обдумать предстоящую операцию и осуществить упреждающие действия.

По радиотелефону через руководителя полетами пилоту указали:

— Не показывая виду об обнаружении записки, вести самолет по заданному курсу в Москву. По прибытии на аэродром эвакуировать пассажиров из самолета, в первую очередь женщин и детей. Обеспечить наблюдение за поведением пассажиров. Обо всем подозрительном сообщать в управление полетами...

Управлению рекомендовали сразу же после посадки самолета поставить его на площадку, удаленную от людского потока и самолетов.

Сколько преступников находится в самолете, какой будет обстановка при высадке пассажиров, как проявят себя террористы — ничего этого мы не знали.

Аэродромной службе поставили задачу подготовить зал ожидания, где будут находиться все пассажиры самолета после их высадки. Одновременно подготовить несколько автобусов, которыми пассажиров следовало доставить от самолета в зал ожидания. Начальнику городской милиции определили другую задачу, а именно: оцепить стоянку, где будет поставлен самолет, плотным нарядом военнослужащих или милиции, чтобы не допустить попытки прорыва террористов, если они на это решатся.

Своего заместителя генерала Конопленко я попросил возглавить работу по «обработке» потока пассажиров (сто сорок семь человек), для чего в каждый автобус выделялось по два вооруженных сотрудника сопровождения, устанавливалась охрана в зоне ожидания, чтобы пассажиры не могли покинуть помещение без разрешения, организовывалась проверка документов и составление списков. Следовало также установить фамилии всех пассажиров, которые занимали места в хвостовой части самолета рядом с туалетом, подготовить помещение с соответствующей техникой звукозаписи, где мне, возможно, придется работать с пассажирами...

Такой объем штабной работы пришлось проделать прежде чем мы прибыли в аэропорт Домодедово. Я с удовлетворением констатировал, что все мои распоряжения задействованны и товарищи выполняли все четко, без проволочек.

Прибыл самолет. Началась высадка пассажиров, вначале вышли женщины и дети, затем мужчины. Всех доставили в зал ожидания. При осмотре самолета членами экипажа ничего подозрительного обнаружено не было. Работа переместилась в зал ожидания. Там уже установили фамилии всех пассажиров, которые занимали места около туалета, их оказалось человек десять. Я попросил пригласить всех ко мне. Рассадили их на стулья в два ряда, как в театре. С каждым я провел краткий разговор, который записывался на магнитофон. Общими усилиями вычислили, что в туалет за все время полета заходили шесть человек, установили их приметы. Пассажиры обещали показать их. Вскоре их выявили и доставили ко мне для беседы в присутствии опознавателей. Все шесть человек подтвердили, что заходили в туалет, но речь об оставленной записке и пиропатронах пока не шла. Каждый из них подробно рассказал о себе, о месте работы, цели поездки в Москву. Предъявить кому-либо из них какие-либо претензии мы не

могли. Один из шести, пассажиров, некий Попов, мужчина боксерского телосложения, вел себя при беседе несколько развязно, говорил с шутками и прибаутками, казалось, что у него сдают нервы, но это еще не позволяло делать какие-либо заключения.

Кто-то из шести преступник, но кто? И один ли он в потоке пассажиров? Ничего пока не могла сказать и записка с требованием перегнать самолет в Израиль. Кто ее написал? Человек из этой шестерки? Или он только оставил ее в туалете, а написал кто-то другой? Обвинить кого-либо из пассажиров в экстремистских действиях, не собрав достаточных данных для разоблачения и задержания, оснований пока не было. Через два часа после прибытия самолета пассажиров отпустили по домам.

Началась кропотливая оперативная работа по розыску преступника. По факту попытки захвата самолета возбудили уголовное дело. Вскоре следствием и оперативными мероприятиями было установлено, что самолет пытался угнать в Израиль некий А. Ф. Попов. Приведу выдержку из следственного дела:

«Работая в 1974 — 1975 годах в Ферзиковском райпотребсоюзе Калужской области Попов А.Ф., совместно с другими лицами совершил преступление — хищение собственности и в целях уклонения от уголовной ответственности за указанное преступление принял решение незаконно выехать из СССР за границу. Осуществляя свой замысел, Попов летом 1975 года посетил города Батуми и Сухуми, где путем личного наблюдения и в процессе общения с работниками рыболовного флота изучал возможность незаконного выезда за границу морским путем, интересовался режимом охраны государственной границы.

Отказавшись от попытки выехать за границу морем, Попов решил захватить самолет. Он планировал с применением угрозы взрыва заставить экипаж воздушного лайнера изменить маршрут следования в нужном для него направлении. В качестве взрывного устройства доморощенный террорист рассчитывал использовать три сигнальные судовые ракеты, которые он приобрел в Батуми.

В Москве Попов на киностудии «Мосфильм» раздобыл по сходной цене семь малых пиротехнических пашек, которые по его мнению тоже могли бы ему пригодиться для шантажа экипажа самолета. Дальше все было просто. Попов купил билет на самолет, следовавший 22 января 1976 года из Москвы во Фрунзе,

изготовил письмо с требованием под угрозой взрыва сменить маршрут, но в этом рейсе он чего-то испугался. Однако совсем от своего плана не отказался. Он решил попытать «счастье» в обратном рейсе и снова ему не удалось осуществить свой преступный замысел».

В результате розыскных мероприятий оперативные работники установили связь с одним из участников растраты, совершенной в райпотребсоюзе, который дал согласие разыскать Попова в Москве и привести его на указанную ему квартиру.

1 марта 1976 доверенный человек вместе с Поповым пришли в служебную квартиру КГБ, где накрыли стол будто бы по случаю встречи и знакомства. Во время тоста, сотрудники КГБ, сидевшие по две стороны от Попова, надели на него наручники. Попов был полностью изобличен и осужден к лишению свободы.

Итак, в московском небе террористы сделали всего лишь две попытки захвата самолетов, но наше Управление внимательно отслеживало обстановку на воздушных линиях. Чтобы выполнять эту трудную работу четко, эффективно и без потерь человеческих жизней, мы постоянно поддерживали уровень подготовки сотрудников, готовили молодежь к действиям в чрезвычайных ситуациях. В этих целях на Внуковском аэродроме провели оперативно-войсковое учение..

Оно предусматривало практическую отработку схем оповещения, сбора членов оперативного штаба и участников операции, проверку готовности и взаимодействия личного состава оперативных групп КГБ, МВД СССР министерства обороны и различных служб министерства гражданской авиации по предотвращению угона воздушных судов, обезвреживанию преступников, захвативших самолет и освобождению пассажиров.

В учении принимало участие 432 человека. Задействовано 38 единиц специальной техники (топливозаправщик, аварийно-спасательные машины и другие виды транспорта).

В качестве наблюдателей присутствовали ответственные работники городских и областных организаций, руководители служб КГБ, МВД и МГА СССР, а также около 250 сотрудников центрального аппарата Комитета госбезопасности, Высшей школы КГБ и 22 территориальных органов.

Впервые учение проводилось на широкофюзеляжном двухпалубном авиалайнере ИЛ-86. Отработали методы скрытного проникновения группы «А» в этот тип самолета.

Я, как руководитель учения, остался доволен слаженными действиями всех подразделений, участвовавших в операции с внешней стороны самолета. Но главная задача осуществлялась в самом воздушном корабле, где действовала группа сотрудников знаменитой «Альфы», и я решил проверить действия группы захвата, находясь вместе с руководителем «Альфы» генерал-майором Геннадием Николаевичем Зайцевым в салоне самолета.

Должен сказать, уважаемый читатель, что операцию эту «Альфа» провела с блеском. В салоне, заполненном «пассажирами», с двух сторон одновременно открылись двери, в которые ворвались одетые в причудливую форму бойцы группы, сопровождаемые звуковыми, световыми эффектами и выстрелами холостыми патронами. Последовала команда всем пассажирам лечь на пол. Условные террористы попытались сопротивляться, но они были обезврежены, их руки быстро оказались в наручниках. В другом салоне происходило нечто подобное. Мы, естественно, с Г. Н. Зайцевым на пол не ложились, наблюдая мужественную боевую работу группы «Альфа». Я объявил всем участникам учения благодарность. Очень хотелось, чтобы в будущих боевых операциях по обезвреживанию бандитов, пытающихся безнаказанно захватить самолет с пассажирами, эти подразделения действовали также эффективно.

В ходе подготовки и проведения учения были испытаны на практике составы оперативных групп, которые действовали внезапно, оказывая сильное психологическое воздействие на «преступников». Они доказали, что могут решать поставленные задачи при проведении оперативно-войсковых операций. С целью распространения практического опыта осуществления операции «Набат» сняли видеофильм.

После окончания учения состоялся его разбор, в ходе которого внимание участников обращалось на дальнейшее совершенствование взаимодействия между соответствующими подразделениями и на необходимость разработки местными органами КГБ планов проведения оперативно-войсковых учений по всем имеющимся типам самолетов гражданской авиации.

Московское управление КГБ в ту пору, с согласия Прокуратуры города и области, возбудило и провело расследование ряда общеуголовных дел, имевших политическое значение.

В конце 1981 года всех нас обескуражило внезапное исчезновение инструктора Дзержинского райкома партии В.Н.Новикова. Дело поручили вести районному управлению МВД. Время шло, но поиски не давали никакого результата. Сыщики почему-то замешкались, не зная с какого боку к этому делу подступиться. Пришлось вмешаться нашему Управлению.

После кропотливой розыскной работы выяснилось, что Новиков оказался человеком нечистоплотным. Вступив в сговор с ранее судимым С.П.Борисовым он пустился во все тяжкие. Организовав преступную группу, эта парочка совершила ряд мошенничеств. Под видом «оказания помощи» лицам, желающим иметь в Москве квартиры, сообщники получали крупные суммы денег и присваивали их себе. В октябре того же года Борисов и Новиков получили от некого Г.В.Никулина взятку в размере 26 000 рублей. Делиться с напарником на этот раз Борисов не пожелал. Уговорив водителя такси В.Н.Дудлая и его знакомого И.П.Николаевича, Борисов со своими подельщиками напал на Новикова. Жестоко избив, они затем связали его и утопили свою жертву в Москве-реке в районе Капотни.

Преступление мы раскрыли. Труп Новикова обнаружили водолазы. Народный суд приговорил С.П.Борисова к высшей мере наказания. Его расстреляли, а соучастники получили длительные сроки тюремного заключения.

В 1985 году в результате проведенных Управлением оперативных мероприятий мы обнаружили целый арсенал оружия и боеприпасов. Дело необычное, так как подпольный арсенал принадлежал группе сотрудников ГУВД Мособлисполкома. 28 февраля того же года расследование уголовного дела по обвинению старшего лейтенанта внутренней службы А.В.Морозова, лейтенанта внутренней службы В.М.Репея, а также жителя города Москвы, инженера ОКБ Московского завода радиодеталей В.П.Горова было завершено.

Эти лица на протяжении длительного времени занимались хищением огнестрельного оружия, боевых припасов и государственного имущества.

Следствие установило, что Морозов и Репей, работая на складе артвооружения ХОЗУ ГУВД Мособлисполкома (первый — в должности начальника склада, второй — его заместителя) на протяжении семи лет совместно с Горовым и другими лицами похищали вверенное им под охрану огнестрельное, охотничье, холодное, учебное и другое оружие, а также боеприпасы. Кстати сказать, там хранилось оружие, изымаемое органами милиции у населения, как незаконно им принадлежавшее.

Морозов и Репей путем должностных подлогов фиктивно списывали по документам находившееся в их распоряжении оружие и боеприпасы. Они сбывали все это своим соучастникам, получая от них крупные суммы денег. Горовой, в свою очередь, перепродавал похищенное своим знакомым на территории Москвы, Московской, Калининской областей, Ставропольского края, Грузинской ССР.

В процессе следствия у обвиняемых изъяли свыше 500 единиц огнестрельного боевого, охотничьего, холодного оружия, в том числе автоматы, винтовки с оптическими прицелами, гранаты, толовые пашки, взрыватели, свыше сорока тысяч патронов, воинское снаряжение и др. Кроме того, выявлены факты использования этого оружия при совершении тяжких преступлений, совершенных в городах РСФСР, Белоруссии и Грузии, в связи с чем из дела выделили в отдельное производство несколько других уголовных дел о хищении государственного имущества в особо крупных размерах, взяточничестве, нарушении правил валютных операций, незаконном хранении и сбыте огнестрельного оружия и боеприпасов. По всем этим делам к уголовной ответственности привлекли двадцать человек, у которых в ходе следствия изъяли деньги и ценности, нажитые преступным путем, на сумму свыше 700 тысяч рублей. По тем временам деньги немалые. Все преступники понесли суровое наказание.

Примерно с середины 70-х годов к нам в Управление стали поступать тревожные сигналы о фактах коррупции, взяточничестве, расхищении государственной собственности. Этими проблемами занималось Министерство внутренних дел, но в ту пору нам уже стало ясно, что его подразделения с подобными видами преступлений явно не справляются. Между тем, число их росло и эти опасные для общества явления приобретали политический отте-

нок. Понятно, что органы государственной безопасности не могли, да и не имели права проходить мимо подобных явлений.

Управление включилось в активную борьбу с коррупцией, взяточничеством и расхищением государственной собственности в особо крупных размерах. Вести эту работу, надо откровенно сказать, оказалось не просто, так как часто расследование вызывало скрытое сопротивление высокого чиновничества. Наблюдалось стремление не допустить возбуждения уголовных дел даже при явном составе преступления. В ЦК партии откровенно не поддерживали действий органов государственной безопасности по привлечению к уголовной ответственности работников руководящего звена, стремясь, что называется, не выносить сор из избы. Такую же позицию заняло и руководство МВД СССР. Оно сопротивлялось любым действиям, проводимым на этом направлении. Сложность состояла еще и в том, что Леонид Ильич Брежнев находился в самых близких отношениях с министром МВД Н.А.Щелоковым, а первый заместитель министра Ю.М.Чурбанов был его зятем.

Зная, что в этой борьбе я занимаю принципиальную позицию, кое-кто из руководящих работников Москвы частенько намекал мне:

— Смотри, Виктор Иванович, так и шею сломаешь.

Но я был уверен в своей правоте, а уверенности мне придавала твердая поддержка Ю.В.Андропова.

Одно из первых крупных уголовных дел о коррупции и взяточничестве в Москве вызрело в стенах министерства рыбного хозяйства СССР. По этому делу мы арестовали несколько известных руководящих работников этой отрасли. Но самым отвратительным оказалось то, что в среду взяточников попал сам министр Александр Акимович Ишков, известный человек и в стране и за рубежом, кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР. Я доложил Ю.В. Андропову, что по материалам следствия министр набрал взятку у ряда лиц на сумму в двадцать три тысячи рублей. Не исключалось, что могли выявиться и дополнительные данные. Юрий Владимирович, подумав, сказал:

— Хорошо, я доложу Леониду Ильичу, но знаю, что для него это будет тяжелым известием.

Через некоторое время Андропов позвонил мне и сказал, что материалы на Ишкова Леониду Ильичу доложены. Но Брежнев

считает, что поскольку министр кандидат в члены ЦК, то до съезда вопрос о нем решаться не будет. Неудобно получится. Словом, Леонид Ильич посоветовал мне вызвать его и поговорить.

Вскоре Юрий Владимирович снова позвонил мне. Ишков признал, что действительно брал деньги, но считал их подарками. Он просил посчитать его действия ошибкой и заявил о готовности всю сумму внести в доход государства. Что и сделал.

— Мало он внес, Юрий Владимирович, — сказал я, — следствием установлено, что за ним еще взятки на сумму в двадцать девять тысяч.

Ишкова вновь вызвали в КГБ. Не возражая, он внес и эту сумму.

Зная характер Леонида Ильича, я не очень-то удивлялся тому, что кое-кто из «согрепивших» находил к нему лазейку и выходил, как говорится, сухим из воды. Конечно же, Брежнев болезненно воспринимал каждый факт недостойного поведения руководителя. Так было и в случае с первым секретарем Краснодарского крайкома партии Г.С.Золотухиным, изблеченным во взяточничестве.

Но жизнь шла. По одному из дел о контрабанде выяснилось, что обвиняемый хорошо известен МВД. Но случай, о котором я хочу рассказать, связан не с преступным деянием подследственного. В этом случае он оказался лишь косвенно причастен к делу, но был арестован, после чего кто-то из руководящих работников МВД вывез с московской мебельной фабрики по ремонту антикварной мебели гарнитур принадлежащей этому человеку антикварной мебели то ли XVII, то ли XVIII века. И эта мебель стоимостью более сорока семи тысяч рублей была завезена на квартиру министра внутренних дел Н.А. Щелокова. Мы перепроверили этот факт, и он подтвердился. Установили, что мошенническим путем мебель с фабрики вывез начальник отдела ХОЗУ МВД.

Я доложил об этом факте Ю. В. Андропову. Он взволнованным голосом сказал мне:

— Виктор Иванович, ты ставишь меня в тяжелое положение. Ну что я могу сделать по этому делу? Поговори сам со Щелоковым, ведь ты его знаешь давно, еще по работе на Украине.

Что мне оставалось делать? Я согласился.

Встреча со Щелоковым состоялась, она носила как бы товарищеский характер. Рассказав о некоторых известных мне фактах

срачивания работников милиции с преступными элементами, я высказал ему мысль о назревшей необходимости оперативного обслуживания органами КГБ системы министерства внутренних дел по выявлению преступных элементов, действовавших в самом МВД. Он ответил, что подумает над этим вопросом. И тогда я сказал:

— Николай Анисимович, ваш подчиненный незаконно вывез с московской мебельной фабрики антикварную мебель, принадлежащую лицу, находящемуся у нас под следствием, и доставил мебель к вам на квартиру. Я прошу, желательно к вечеру, вернуть мебель по принадлежности, в противном случае мы будем вынуждены принять меры к вашему подчиненному.

Щелоков растерялся и обещал все вернуть. К вечеру он позвонил мне по телефону и сообщил, что сдал мебель. Я, естественно, доложил об этом Ю.В.Андропову.

В связи с неблагоприятными делами в министерстве рыбного хозяйства вспоминается старая пословица: «рыба тухнет с головы». Она здесь как нельзя кстати.

В 1978 году дело под названием «Океан» было одним из самых громких, о котором говорили буквально на каждом углу. На самом деле речь шла о раскрытии нашим Управлением группы расхитителей и взяточников — работников торговой фирмы «Океан» министерства рыбного хозяйства СССР.

К уголовной ответственности привлекли генерального директора фирмы «Океан» Е.Б.Фельдмана; исполняющего обязанности генерального директора Торгово-производственной фирмы «Океан» А.И. Рогова; исполняющего обязанности начальника Всесоюзного объединения «Союзпромбыт» того же министерства М.М. Левина-Львинского; заведующего отделом № 1 фирмы Л.Я. Полякова.

Следствие установило, что на протяжении длительного времени Фельдман и Рогов, используя свое служебное положение, получали взятки от подчиненных им работников фирмы «Океан» за назначение на должности, содействие в выделении фондов деликатесной и пользующейся повышенным спросом рыбной продукции. Они не принимали никаких мер к предотвращению различных махинаций в торговле рыбными товарами и допускали другие недозволенные действия. Фельдман, Рогов, Левин-Львинский и Поляков признали себя виновными и дали показа-

ния о совершенных преступлениях. Их преступная деятельность подтверждалась собранными по делу доказательствами. Общая сумма ценностей, изъятых у обвиняемых составила около 350 000 рублей.

К уголовной ответственности по этому делу привлекли также бывшие руководители подразделений отрасли: Э.И. Плохотникова — начальника производственно-сбытового объединения «Мосрыба», А.И. Сеньюшкина — заместителя директора торгово-производственной фирмы «Океан» и других. В процессе расследования этих уголовных дел вскрыты факты группового взяточничества и крутовой поруки как в министерстве, так и в подведомственных организациях. Имелись данные о взяточничестве руководителей организаций этой отрасли в городах Куйбышеве, Ростове-на-Дону, Тбилиси, Сочи, а также в отдельных московских рыбохолодильниках и производственных комбинатах.

О масштабах взяточничества свидетельствовал тот факт, что только привлеченными к уголовной ответственности лицами в течение нескольких лет передано и получено в качестве взяток около миллиона рублей, у них изъято денег и ценностей на такую же сумму. Обращало на себя внимание то обстоятельство, что помимо ответственных руководителей министерства и подведомственных организаций в сферу преступной деятельности оказался втянутым широкий круг работников торговых предприятий (подсобные рабочие, продавцы), которые получали определенную долю от похищенных средств. Особая общественная опасность указанной преступной деятельности состояла в том, что она подрывала авторитет народно-хозяйственного аппарата, нарушала нормальную работу отрасли, дискредитировала новые формы торговли.

В ходе следствия вскрылись также факты неправильного подбора, расстановки и воспитания кадров. В частности, на ответственную должность начальника оргинспекторского отдела фирмы «Океан» назначили некоего Метакса, ранее судимого за спекуляцию и злоупотребление служебным положением.

Кое-кто из привлеченных к уголовной ответственности (Рогов, Фельдман, Фишман и др.) без достаточной проверки личных и деловых качеств представлялся к правительственным наградам, присвоению почетных званий и другим поощрениям.

Должен сказать, что распутывать московским чекистам этот преступный клубок оказалось не просто. Следствие велось более полугода. И какие бы препоны нам не ставили, вина всех выше-названных взяточников была полностью доказана. Они, как говорится, получили по заслугам.

Годом раньше (5 сентября 1977 года) за взяточничество в крупных размерах к уголовной ответственности были привлечены: Александр Николаевич Пунькин, начальник подотдела сводного планирования и экономического анализа отдела легкой промышленности Госплана СССР, и Александр Евсеевич Володько, начальник Управления «Ростекстильснабсырье» министерства текстильной промышленности РСФСР. Как было установлено следствием, Пунькин и Володько поддерживали преступные отношения с А.Д.Модзгвришвили, который, работая на Малокарачаевском райпромкомбинате, выпускающем товары народного потребления, по сговору с другими лицами на протяжении ряда лет занимался хищением государственного имущества в особо крупных размерах, выразившимся в изготовлении и сбыте большого количества неучтенной продукции. В ходе следствия у Модзгвришвили изъяли нажитые преступным путем деньги, облигации трехпроцентного Государственного выигрышного займа, золотые изделия с драгоценными камнями и другие ценности на сумму около 500 000 рублей.

Сверхплановое сырье для производства неучтенных товаров Модзгвришвили получал за взятки при содействии Пунькина и Володько на различных предприятиях страны.

На первых допросах Пунькин показал, что вместе с Володько оказывал Модзгвришвили содействие в выделении сырья и получал от него за это крупные суммы, часть из которых передавал Володько. В процессе обыска на даче у Володько из тайника под полом было изъято двадцать две тысячи рублей, а по месту работы — сберкнижка с вкладом на сумму восемь тысяч рублей (пусть не улыбается читатель обозначенным суммам, ведь в ту пору на эти деньги можно было купить пять автомобилей).

Но это все, как говорится, цветики, цветочки появились позднее. Один из самых, пожалуй, громких процессов из серии о коррупции и взяточничестве связан с арестом директора гастронома № 1 главного управления торговли Мосгорисполкома (т.н. Елисеевского магазина) Соколова Ю. К. В 70-е годы в Москве он

— личность известная. Имел широкие связи в руководящих сферах МВД, Моссовета, партийных органах. Словом, подкопаться под него стоило крепких нервов. Надо сказать, что в конце концов его арестовали московские чекисты при полной поддержке Ю.В.Андропова и члена Политбюро, первого секретаря МГК партии В.В.Гришина. Но даже несмотря на столь высокую поддержку, мне все же позвонил один из секретарей горкома партии и по-товарищески сказал:

— Виктор Иванович! Вы, наверное, зря арестовали Соколова, он имеет очень высоких покровителей. Вам это может здорово аукнуться.

Я уверенно ответил:

— Ничего, выдержим. Московские чекисты всегда считали себя правыми в борьбе с коррупцией и взяточничеством. Да и на поддержку бюро горкома партии мы рассчитываем. Вы же нас одних не оставите?

Идя на столь решительный шаг, я, естественно, не мог не знать о высоких покровителях Соколова. А они действительно оказались влиятельные. Но арест Соколова многих отрезвил, большинство высокопоставленных его друзей постарались побыстрее о нем забыть, он стал им не нужен и даже опасен.

О том, как разворачивались события, лучше всего могут рассказать данные о ходе следствия. По делу проходило девять человек. Предварительное расследование установило, что Соколов и его заместитель Немцев, занимая ответственное должностное положение руководителей расположенного в центре г.Москвы крупного торгового предприятия со среднегодовым розничным товарооборотом около ста миллионов рублей, на протяжении длительного времени (1972-1982 гг.) систематически получали взятки от Конькова и других своих подчиненных за обеспечение отделов, филиалов магазина фондами дефицитных и пользующихся повышенным спросом продовольственных товаров, а также за то, что Соколов и Немцев не принимали мер по пресечению различных преступных махинаций при реализации этих продуктов и других действий. Соколов из преступно нажитых им средств неоднократно давал взятки ответственным должностным лицам главного управления торговли Мосгорисполкома, управления торговли продовольственными товарами Московского торгового «Гастронома».

Коньков и другие работники винно-фруктового отдела магазина давали также взятки должностным лицам Дзержинской плодоовощной конторы г.Москвы. Их также привлекли к уголовной ответственности. Общая сумма взяток, полученных Соколовым, Немцевым и другими привлеченными по этому делу работниками магазина № 1 торго «Гастроном» превысила 600 000 рублей. За указанный период работники отделов и филиалов магазина незаконно получили в общей сложности около полутора миллиона рублей. Все эти суммы изъяли в ходе следствия. Кроме того Ю.К. Соколов выдал следствию два тайника с ценностями, которые у него были зарыты на даче.

Из материалов уголовного дела следует, что в каждом отделе и филиале магазина существовали свои специфические способы и приемы незаконной деятельности, в которую оказался втянутым широкий круг работников магазина, а также снабженческих предприятий (базы, холодильники, мясокомбинаты и др.). Для бесконтрольного (бескассового) изъятия денег при реализации созданных различными методами излишков товаров преступники использовали столы заказов, торговали спиртными напитками и продуктами из подсобных помещений.

Особая общественная опасность совершенных Соколовым, Немцевым и другими обвиняемыми преступлений состояла в том, что они занимались взяточничеством систематически, в крупных размерах, на протяжении длительного времени и в составе организованной группы должностных лиц.

В предъявленном обвинении Соколов, Немцев и другие привлеченные к уголовной ответственности работники магазина виновными себя признали полностью.

Следствие выявило также недостатки в работе с кадрами. Так, директор магазина Соколов прежде чем его назначили на ответственную должность директора трижды привлекался к уголовной ответственности, в том числе за мошенничество; обвиняемые Коротков И.Ф. и Копылов А.В., работавшие старшими продавцами, ранее также были судимы за обман покупателей и хищение государственного имущества.

После предварительного следствия уголовное дело направили в прокуратуру г. Москвы для утверждения обвинительного заключения и передачи в суд. Верховный суд РСФСР строго на-

казал преступников. Соколова, как организатора преступной группы, приговорили к расстрелу.

Московским управлением КГБ в период июня — октября 1983 года велось расследование уголовного дела по обвинению во взяточничестве группы ответственных должностных лиц системы Главного управления торговли Мосгорисполкома Петрикова А.А., Соболева Н.Ф., Ларионова В.П., Тверитинова Б.С. и других (всего одиннадцать человек). В процессе предварительного следствия установлено, что в главном управлении торговли Мосгорисполкома и его подразделениях длительное время существовала обстановка взяточничества, круговой поруки и преступных махинаций с продовольственными товарами.

Указанные лица на протяжении длительного времени, используя в корыстных целях свое ответственное должностное положение, установили преступные отношения между собой, а также с подчиненными им работниками в более ста торговых предприятиях г.Москвы, от которых систематически получали взятки за выделение фондов продовольственных товаров, дополнительных фондов продуктов повышенного спроса.

Привлеченные к уголовной ответственности бывшие директора крупнейших в Москве продовольственных магазинов Тверитинов Б.С. (гастроном — «ГУМа»); Филиппов В.И. (гастроном «Новоарбатский»); Полищук В.Р. (Перовское объединение универсамов) путем злоупотребления служебным положением и совершения незаконных махинаций с находившимися в их распоряжении продуктами извлекали крупные суммы нетрудовых доходов, часть которых передавали в виде взяток Петрикову, Хохлову, Соболеву, Еремееву, Ларионову, Коровкину, Сонкину и другим должностным лицам. Общий объем полученных и переданных обвиняемыми взяток, как было установлено, составил более миллиона рублей. В процессе расследования, кроме того, получены данные, что Петриков, Тверитинов, Филиппов и некоторые другие обвиняемые поддерживали преступные, основанные на взяточничестве, отношения с отдельными работниками аппарата Министерства торговли СССР и РСФСР.

Все привлеченные к уголовной ответственности лица признали себя виновными во взяточничестве... В ходе следствия у обвиняемых изъяты деньги и ценности, нажитые преступным путем, а также наложен арест на принадлежащее им имущество

на общую сумму 700 000 рублей... Дело для дальнейшего расследования было передано в прокуратуру города Москвы.

Воровство, взяточничество, круговая порука, как видим, в московской торговой сети были делом обычным. Отсутствие должного контроля со стороны органов власти и служб МВД, вседозволенность, всепрощенчество привели к полному разложению многотысячного коллектива московской торговли.

Как показало следствие, корни зла гнездились в вышестоящих торговых организациях. 24 июня 1984 г. Прокуратурой РСФСР был арестован за взяточничество начальник главного управления торговли Мосгорисполкома Трегубов Николай Петрович.

Московское управление КГБ вело значительную борьбу с контрабандой и незаконными валютными операциями. КГБ СССР выявило и пресекло преступную деятельность нескольких организованных групп контрабандистов и валютчиков. Из анализа оперативных материалов и расследованных уголовных дел усматривалось, что незаконные валютные операции и контрабанда во многих случаях стали составной частью таких преступлений, как хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах и взяточничество, в особенности на предприятиях местный и легкой промышленности, а также в системе торговли и бытового обслуживания населения.

Расхитители в целях сохранения эквивалента накопленных путем хищений и взяточничества денег приобретали на них иностранную валюту, золото, антикварные изделия и художественные произведения, в том числе представляющие историческую и музейную ценность, а некоторые из этих лиц, имеющие родственников за границей или вынашивающие эмиграционные настроения, незаконно перемещали ценности через государственную границу, входя в преступный сговор с иностранцами.

Так, арестованные в 1977-1978 годах А.М.Кольцов и М.Л.Водовозов, директора магазинов №№ 19 и 28 Мосмебельторга, задумавшие выехать из СССР на постоянное жительство за границу, длительное время занимаясь взяточничеством, накопили огромные суммы денег, на которые стали скупать золото, бриллианты и другие ценности. Часть из них с помощью иностранцев контрабандным путем они переправляли за границу.

В процессе расследования у Кольцова и Водовозова были изъяты деньги и ценности на общую сумму 650 000 рублей.

Московские чекисты пресекли преступные деяния не одной опасной группы контрабандистов. К таким относилась группа Городова, корреспондента ведомственной газеты «За доблестный труд». В нее входили Вагин, старший инженер Центрального управления междугородных линий Министерства связи СССР (ранее работник Московской центральной таможни) и другие лица.

В целях незаконного вывоза из СССР за границу товаров и ценностей контрабандисты использовали канал международных почтовых перевозок между внешнеторговскими организациями СССР и зарубежными фирмами. Через него они транспортировали мелкие партии грузов в адрес западногерманской автотранспортной фирмы «Доган» для своей соучастницы Хенчель, гражданки СССР, постоянно проживающей в ФРГ (г.Мюнхен). Ее муж, Эккарт Вольфганг Иохим, возглавлял названную фирму. В посылках и бандеролях, которые преступники отправляли за границу содержались предметы старины, золотые изделия и другие ценности.

Группу раскрыли, преступников наказали.

Эккарт Хенчель, муж обвиняемой, проходивший по делу в качестве свидетеля, 9 декабря 1983 года в Бонне явился в посольство СССР и в качестве возмещения причиненного нашей стране ущерба выдал сто тысяч марок ФРГ и возвратил иконы, картины и другие ценности. Все это незамедлительно вернули в СССР.

Обстановка требовала усиления борьбы с контрабандой и незаконными валютными операциями, так как эти преступники наносили серьезный вред экономике. Мы направили в инстанции предложение по этому вопросу, в которых настаивали возложить на подразделения органов КГБ, осуществляющие контрразведывательное обеспечение промышленных министерств и ведомств, обязанность оперативного обслуживания их по линии борьбы с хищениями собственности и взяточничеством, в связи с чем предлагали укрепить агентурные позиции данных подразделений.

Под особым контролем, предлагали мы, должны постоянно находиться центральные учреждения и организаций системы снабжения и торговли, для чего в отдельных республиканских органах КГБ и наиболее крупных территориальных Управлениях

КГБ, в том числе в Москве и Московской области, Ленинградской области — создать дополнительные оперативные и следственные подразделения, специализирующиеся на вскрытии и пресечении указанных преступлений; предлагалось также возложить на эти подразделения обязанность координировать свою деятельность с соответствующими подразделениями МВД СССР, систематизировать и обобщать все получаемые органами КГБ материалы по хищениям и взяточничеству, предоставлять оперативным подразделениям право ведения дел оперативного учета по указанным видам преступлений; по согласованию с органами прокуратуры представлять следственным подразделениям органов КГБ право производства предварительного расследования по делам о хищениях государственного и общественного имущества в особо крупных размерах и взяточничестве ответственных должностных лиц.

В целях усиления профилактических мероприятий по предупреждению указанных видов преступлений предлагалось организовывать открытые судебные процессы на предприятиях и в учреждениях, где совершаются такие преступления, через печать, радио и телевидение доводить до общественности их опасность и т.д.

Должен заметить, что предложения наши практически ни в одной инстанции не вызвали возражений, наоборот, горячо поддерживались властями, но дальше разговоров о благих намерениях начать наводить серьезный порядок дело не двигалось.

Коррупция, казнокрадство, мздоимство, групповщина, словено ржа, продолжали разъедать наше общество, особенно его верхушку. Борьба с этим злом велась нами бескомпромиссная, непримиримая, о каждом факте взяточничества, воровства в крупных размерах и серьезном наказании за эти преступления общество постоянно информировалось.

И все же волна уголовных преступлений, особенно при использовании служебного положения, все нарастала. Свидетельством тому еще один довольно яркий пример.

В декабре 1983 года нами были получены оперативные данные о том, что прибывшие в Москву два представителя хлопководов Узбекской ССР настойчиво изыскивают возможность поставить на хлопкоперерабатывающие предприятия Московской области вагоны со значительным (до ста пятидесяти тонн) не-

догрузом хлопка и за содействие в осуществлении этой преступной махинации предлагают взятку на крупную сумму.

Удалось установить указанных лиц. Ими оказались Исажон Муминов, директор Учтепинского хлопкозавода объединения «Джизакзаготхлоппром» и Мирзакаримжон Халматов, товаровед Дусликского хлопкозавода того же объединения.

Учитывая особую общественную опасность незаконных операций Муминова и Халматова со строго фондируемым сырьем, имеющим важное народнохозяйственное значение, мы провели специальную оперативно-следственную комбинацию, в результате которой 26 января 1984 года Халматов был задержан с поличным при попытке по сговору с Муминовым вручить в качестве взятки сорок тысяч рублей главному инженеру Серпуховского хлопчатобумажного комбината «Красный текстильщик» Московской области.

В тот же день по согласованию с Прокуратурой Московской области в отношении Муминова и Халматова было возбуждено уголовное дело и применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

При обыске, проведенном по возбужденному уголовному делу, у И. Муминова, М. Халматова и С. Султанова изъяты наличные деньги и облигации Государственного трехпроцентного внутреннего выигрышного займа на сумму один миллион сто двадцать тысяч рублей, а также другие ценности и наложили арест на дорогостоящее имущество общей стоимостью около трехсот тысяч рублей.

На допросах Муминов, Халматов и арестованный соучастник Султанов дали показания об обстоятельствах своей преступной деятельности. Из них следовало, что в совхозах и на заводах Узбекской ССР, занимающихся возделыванием и переработкой хлопка, сложилась порочная практика приписок к показателям о выполнении государственного плана заготовок сырья, на основе которой процветают хищения и взяточничество.

Муминов и Халматов также показали, что в отгруженных ими в начале декабря 1993 года в адрес Серпуховского хлопчатобумажного комбината «Красный текстильщик» шести вагонах с хлопком общим весом около трехсот тонн недогруз сырья составлял сто пятьдесят тонн.

Генерал-лейтенант С.Н.Лялин

Генерал-майор М.В.Гречнев

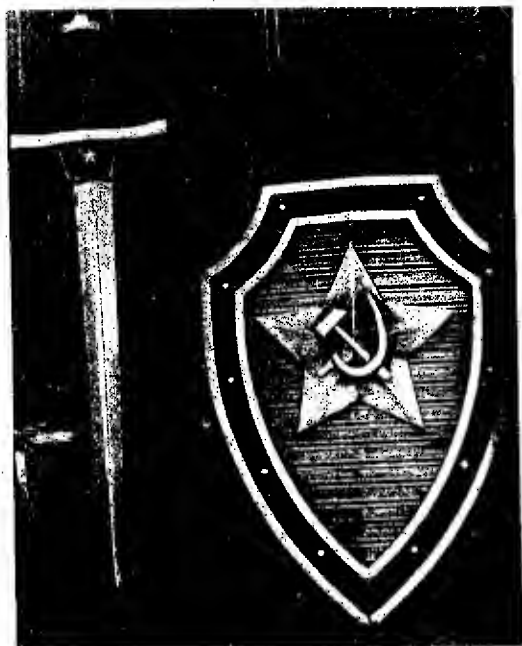
Полковник Л.Н.Власов

Полковник Ю.П.Куиков

Сотрудники управления

Рабочие ЗИЛа вручили
московским чекистам
«Щит и Меч»

Памятные встречи в Кремле с Фиделем Кастро

с А.А.Леоновым

Слева: Р.Ф.Дементьева, В.В.Терешкова, В.И.Алидин, В.П.Пирожков,
Л.И.Греков, Б.Г.Бочков

На сессии Верховного Совета РСФСР

На военном учении в Кантемировской дивизии. Пояснение дает генерал В.Л.Говоров

Делегация московских чекистов на ЗИЛе. Слева — генеральный директор В.Т.Сайкин

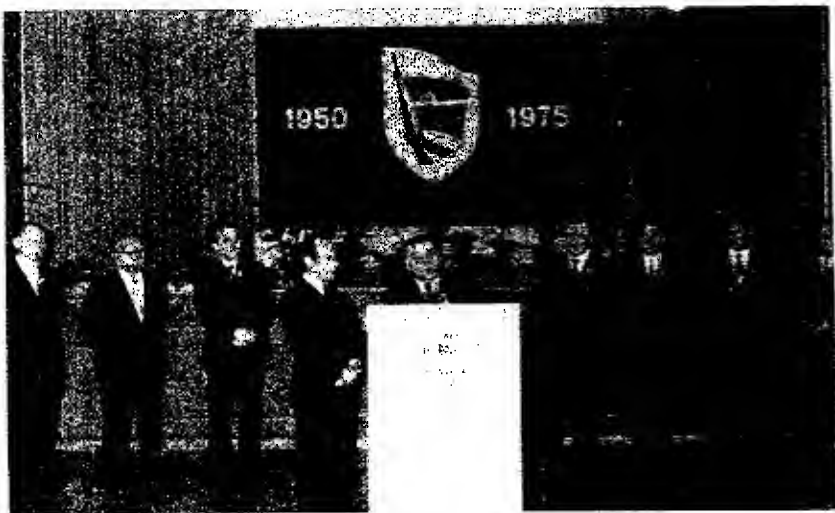
Открытие мемориального комплекса героям-памфиловцам у разъезда Дубосеково. 6 мая 1975 г.

Протокольная встреча с руководителями ГДР

Выступление В.И.Алидина перед сотрудниками Берлинского управления безопасности

София. На приеме у генерала Г.Минева

Болгария. На отдыхе в Хиссарах

ИЗ АЛЬБОМА

Генерал-лейтенант В.Л.Чумаченко с женой
Галиной Викторовной и дочерью Недой

Кандидат экономических наук М.П.Краснов
с женой Марией Викторовной и сыновьями
Петей и Ваней

Автор с внуком Виктором Алидиным

50 лет со дня Победы (1945—1995). Состоялась сердечная встреча начальника Московской ФСБ, генерал-полковника А.В.Трофимова, его заместителей и членов коллегии с ветеранами руководителями Московского управления КГБ, генерал-полковником В.И.Алидиным и его заместителями

О встрече на память

Директор департамента Федеральной службы безопасности России, генерал-полковник Н.Д.Ковалев и присутствовавшие тепло и сердечно поздравили с 85-летием со дня рождения генерал-полковника в отставке В.И.Алидина

Генерал-полковник Н.Д.Ковалев вручил В.И.Алидину нагрудный знак «За службу в контрразведке» I степени и медаль Жукова

МОСКОВСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ (1918—1921)

Председатель ВЧК и МЧК
Ф.Э.Дзержинский

Председатель Моссовета
(с 14.03.18) М.Н.Покровский

Коллегия МЧК в 1919 году. Сидят слева направо: В.Н.Манцев, Н.А.Рославец, Ф.Э.Дзержинский, А.Г.Глузман, В.Н.Николаев. Стоят: С.А.Мессинг, Е.Г.Евдокимов, Я.Ф.Березин

Б.А.Бреслав

В.Н.Манцев

С.А.Мессинг

И.С.Уншлихт

Д.Н.Певунов — Председатель
Московской Губ.ЧК

И.А.Лихачев. Командир отряда
особого назначения МЧК

Ф.Я.Мартынов. Руководитель группы
МЧК по борьбе с бандитизмом

И.М.Хомяков. Комиссар МЧК. Погиб
в схватке с бандитами

НА ЗАЩИТЕ СТОЛИЦЫ (1941—1943)

А. С. Щербаков. Секретарь ЦК, МК и
МГК ВКП(б)

М. И. Журавлев. Начальник
Управления НКВД Москвы и области

В. Д. Карасев. Герой СССР, командир
партизанского отряда

С. И. Солнцев. Герой СССР,
начальник Рузского райотдела
НКВД

И.Н.Кузьмин. Герой СССР,
командир группы подрывников

А.М.Серебряков. Герой СССР

А.Я.Маханьков. Герой СССР,
командир истребительного
мотострелкового полка

М.И.Конькова. Разведчица
партизанского отряда

**МЕМОРИАЛ «ВЕЧНАЯ СЛАВА»
МОСКОВСКИМ ЧЕКИСТАМ, ПАВШИМ
В БОРЬБЕ ЗА РОДИНУ
(В здании Московского Управления)**

При проверке указанных вагонов было установлено, что каждый из них загружен лишь наполовину. За сокрытие данной недостачи Халматов с Муминовым и пытались дать взятку.

Для производства неотложных следственных действий в Узбекскую ССР была направлена оперативно-следственная группа Московского Управления КГБ.

В ходе расследования уголовного дела удалось выяснить, что с указанными выше лицами поддерживали преступные отношения Алияр Алибетов, директор Дустликского хлопкозавода, Акрам Базарбаев, директор хлопкозавода Фаришского района; Мухитдин Кубаев, классификатор (весовщик) Учтепинского хлопкозавода; Махрам Малаев, директор хлопкозавода Октябрьского района, Абдурасул Примкулович Мыржанов, приемщик хлопка в заготпункте, Юсуп Товбаев, директор хлопкосовхоза № 27 района; Олмас Халмурадович Урунов, директор хлопкосовхоза Джизакского района.

Как показали Муминов, Халматов и Султанов, осенью 1983 года они получили от этих должностных лиц взятки на девятьсот тысяч рублей за приемку для переработки некачественного хлопка и приписки к количеству сданного сырья. Прокуратура дала нам разрешение на проведение обысков по месту жительства указанных лиц.

Было обнаружено и изъято несколько миллионов рублей, значительные суммы иностранной валюты и еще на несколько миллионов золота, ювелирных изделий и драгоценных камней.

Кроме того, были добыты документальные данные, свидетельские показания и доказательства преступных деяний всех этих лиц. Деньги и ценности переданы на хранение местным органам госбезопасности Узбекистана. Управлением было арестовано по этому делу шесть человек, новых арестов после проведенных обысков не было.

Дело уже выходило за рамки компетенции московских чекистов. Надо было определяться, как вести его дальше. Решили для дальнейшего расследования передать его в Прокуратуру СССР. Так образовалось «хлопковое дело», которое позже приняло громкий политический характер.

Московское управление госбезопасности вело активную работу по защите государственного строя. На первом месте стояла борьба с идеологической диверсией противника.

За пятнадцать лет моей работы в Московском управлении КГБ было привлечено к уголовной ответственности по этим статьям пятьдесят три человека, из числа населения более, чем 15 миллионов человек, при этом не было ни одного случая нарушения закона. Профилактическая, воспитательная работа была главным инструментом, обеспечивающим единство общества.

Вот теперь, уйдя от дел на отдых, я получил возможность более глубоко и объективно взглянуть на общественные процессы, на людские чаяния и надежды.

Безусловно, должна быть свобода в мыслях, идейных устремлениях каждого человека. Все это ему нужно, как хлеб насущный. Иначе немислим прогресс, движение вперед.

Говоря о свободе, мне кажется будет правильным утверждать, что обществу нужна организованная свобода. Она как уравнивающий противовес в жизни общества. Зажми ее и возникнет властелин, диктатор, отпусти — захлестнет анархия, хаос.

Государственная власть и состоит в том, чтобы утверждая демократическое общество, умело держать в руках рычаги свободы. В нашей работе по борьбе с идеологической диверсией, главным направлением считалась деятельность по пресечению проникновения к нам буржуазной идеологии с Запада, противостояние враждебным социализму идеологическим центрам.

Московское управление КГБ на этом направлении ставило своей главной целью проникновение в идеологические центры наших врагов, в их планы и действия, упреждение их враждебной деятельности. В ряде случаев нам это удавалось.

Надо признать, что обстановка в нашем обществе, в том числе и в Москве была хорошая и не требовала привлечения к строгой ответственности ряда лиц, которые были привлечены к уголовной ответственности, хотя и по закону.

Была пора нашему чекистскому аппарату ставить вопрос о смягчении подхода к антисоветским высказываниям, об изменении статьи 70 УК РСФСР и некоторых других, сдерживающих свободу личности.

Надо было по ряду направлений советского права менять метод принуждения и наказания на доброе слово и воспитание.

Позволю себе остановиться подробнее на работе по так называемой «пятой линии» (борьба с идеологической диверсией и антисоветскими элементами). В настоящее время на эту тему возникает немало вопросов, особенно у молодых сотрудников аппарата безопасности.

Один из таких сотрудников высказал мне примерно следующее:

— Как обидно нам было, когда, разворачивая крупномасштабную кампанию против КГБ СССР, российская радикал-демократия шельмовала нас фактически только за деяния по пятой линии. У многих из нас до сих пор существует убеждение в том, что не будь в рамках Комитета пятой линии с ее незначительным процентом к совокупной численности личного состава КГБ СССР, органам удалось бы сохранить, сберечь российскую разведку и контрразведку по крайней мере на прежнем служебном уровне.

Мне не хочется обижать моего молодого коллегу, но хочу сказать, что он и его товарищи по работе придерживающиеся таких суждений, глубоко ошибаются. Дело в том, что такая линия оперативной работы, как охрана политического строя, существует и будет существовать в каждом государстве имея разные названия, прикрытия, структуры.

Все дело в том, какое законодательство существует в стране по этой линии деятельности, как построена оперативная работа. Ведь сейчас в системе Федеральной службы безопасности существует такая линия, да не одна, а целых две (видимо в этом есть надобность), но ничего не происходит тревожащего людей, так как законы изменились, в обществе установилась свобода слова и демократия.

Виною тому, что КГБ шельмовали и поливали грязью, не пятая линия, а падение социалистического строя, к власти пришел капиталистический строй. Раньше чекисты служили Советской власти, народу, теперь вы служите власти Президентской, капиталистической.

Старый аппарат не только не годился вновь пришедшей власти, но и стал для нее опасен, так что пятая линия здесь не причем. Линия-то такая и сейчас есть, а прошлого аппарата КГБ — сильного, умного, квалифицированного — не существует.

Я уверен, что аппарат безопасности по образцу КГБ снова будет восстановлен, так как он необходим государству. Уважаемый коллега, вы не заметили, как оказались на палубе другого корабля.

Думается, что все же надо внести ясность в вопрос об идеологической диверсии.

Ныне, некоторые, особенно молодые сотрудники госбезопасности склонны упрощать политическую оперативную обстановку, в которой работали мы, чекисты старшего поколения и все чаще высказывают мысль, что не былов жизни никакой идеологической диверсии.

Просто иностранные идеологические центры оформили «своей оберткой» все недостатки общественной жизни в нашей стране и транспортировали этот «продукт» обратно. Так что, как говорится, «был ли мальчик»?

Да, был мальчик, но он утонул. Да, велась крупная идеологическая диверсия Запада против социалистического строя в СССР и странах народной демократии.

Сразу после окончания второй мировой войны премьер-министр Великобритании У. Черчилль в Фултоне выступил с речью о полевоенном устройстве.

Тогда он на весь мир заявил, что главная причина дестабилизации мира — это существование на планете социалистического строя.

И объявил, что отныне главная цель его жизни — уничтожение коммунизма, социалистического образа жизни.

Он призвал весь «прогрессивный» мир объединиться и начать крестовый поход против Советского Союза и других социалистических стран.

Это был призыв к тотальной войне с «коммунизмом», объявление «психологической войны» против нас.

За словами последовали дела. В этом походе приняли участие американцы, французы, немцы и другие народы капиталистических страны Европы, а также Япония.

Социалистический лагерь практически изолировали от капиталистических стран, создав полную политическую, идеологическую и общественную блокаду.

Прекратилась торговля, особенно так называемыми стратегическими товарами, продажа нам прогрессивных технологий, возник «железный занавес». Это была бесчеловечная диверсия, направленная против нашей страны, в том числе и идеологического характера.

Мы вынуждены были предпринять контрмеры.

Все органы государственной безопасности социалистических стран, объединив свои усилия, направили деятельность своих подразделений разведки и контрразведки на борьбу с коварными действиями империалистических стран.

А в ответ на подрывные действия империалистических государств против нашего строя мы создали Варшавский договор вооруженных сил социалистических стран и Совет Экономической взаимопомощи с организацией рынка товаров социалистических стран. Были скоординированы действия министерств иностранных дел, органов государственной безопасности и других ведомств.

Социалистические страны отбивали жестокие атаки империализма по всему фронту общественной жизни.

Диверсия противника отнюдь не сводилась к действиям на идеологическом направлении.

Учитывая широкомасштабные и коварные действия спецслужб противника, а также враждебных нам идеологических центров, в системе КГБ и образовали специальное Пятое управление.

Оно было призвано бороться с идеологической диверсией противника и противозаконными антисоветскими проявлениями отдельных наших граждан.

Но вся работа этого Управления, вся его оперативная деятельность была лишь небольшой частью общей работы органов госбезопасности.

Я полностью разделяю мнение некоторых сегодняшних оперативных работников о том, что идеологическая диверсия не есть самостоятельный подрывной фактор, а служит всего лишь вспомогательным средством подрывной деятельности противника против КПСС, СССР и стран социалистического содружества.

Я искренне разделяю сожаления многих работников безопасности в том, что за последние годы фактически разгромлены органы безопасности, ослаблена их работоспособность.

«Вам трудно представить, — говорят они, — какие чувства испытываем мы, когда за последние несколько лет уволены на пенсию опытейшие руководители, талантливые оперативные работники, вынуждено ушли целые коллективы, целые школы советской разведки и контрразведки. Уволенные и оставшиеся в ослабленных и разбитых коллективах сотрудники считают себя оскорбленными за это.

Многих уволенных следует вернуть на работу.»

Сломана система работы. Уволена масса хороших работников. ломаются души нестойких сотрудников.

Но прошу извинить за отклонение от темы.

Управлению КГБ в эти годы приходилось вести расследование по таким огромной важности происшествиям, как, например, взрыв шестидесяти тонн взрывчатки на станции Куровская. При этом образовалась воронка шестидесяти метров диаметром и почти десяти метров в глубину. В поселке практически во всех домах вылетели стекла. Предстояло выяснить, что это — диверсия или дело случая.

Расследование шло долго, с привлечением значительного числа экспертов и специалистов.

В конце концов мы установили, что на посту в эту ночь находился стрелок ведомственной охраны с заболеванием шизофренией. Ночью ему видимо что-то показалось подозрительным, он выстрелил, пуля прошла пугмановский вагон со взрывчаткой и произошел взрыв.

На дне воронки нашли затвор винтовки со стреляной гильзой.

Стрелок, естественно, погиб, других жертв не было.

В эти же годы произошел пожар в гостинице «Россия», унесший большое число человеческих жизней. Как было установлено, причиной стала халатность радиста радиоузла, оставившего не выключенной электроплитку. Огонь быстро распространился, достиг расположенной рядом шахты лифта, где произошел взрыв скопившейся пыли. Пламя перебросилось на несколько этажей. Пластиковые, быстро воспламеняющиеся панели нескольких этажей распространили огонь на большую площадь. Боль, пронизывала душу, когда мы видели, как в окнах горящих номеров люди отчаянно звали на помощь, а сделать мы ничего не могли. Лестниц и иных средств спасения людей с горящих высотных зданий в Москве не было.

Москвичи наверное помнят и другую жуткую трагедию, когда на заводе им.Орджоникидзе по вине строителей обвалилась стена цеха и погибло семеро рабочих.

Таких событий в городе происходило, к сожалению, немало, за всем был нужен, как я уже говорил, глаз да глаз..

Не проходило Управление и мимо фактов бесхозяйственности на предприятиях и в организациях города. Так наши специалисты установили, что метромост на Ленинских (Воробьевых) горах — в аварийном состоянии. Если не принять срочных мер, может разразиться катастрофа.

Руководству города предъявили не только соответствующие документы, но и целый альбом снимков, подтверждающих наше сообщение. По этому сигналу состоялось решение Моссовета и мост закрыли на ремонт.

При подготовке к Олимпиаде-80 в Москве шло большое строительство спортивных сооружений. Строители спешили, кое-где допускали серьезные отклонения от проектов. Мы своевременно информировали о всех их промахах, которые в ряде случаев могли привести к тяжелым последствиям.

Приведу лишь один пример. При строительстве спортивного дворца «Юбилейный» не учли нагрузку на опорные сооружения, и перекрытия в зимнее время вполне могли рухнуть под тяжестью снега. Получив эту информацию, строители провели дополнительные расчеты и установили, что наше предупреждение оказалось своевременным.

По окончании строительства спортивных сооружений все члены Политбюро ЦК КПСС во главе с Л.И.Брежневым осматривали их. Когда Леонид Ильич прибыл в «Юбилейный», я имел с ним краткую беседу. Здесь же ко мне подошел начальник Главмоспромстроя Г.Н.Каминский и сказал:

— Виктор Иванович! В центре дворца стоят два пилона, сдерживающие нагрузку перекрытия. Это ваш вклад в сооружение дворца.

Сознаюсь, мне было приятно это слышать.

А вот пример из другой области. В начале 80-х годов на заводских дворах Москвы лежали горы контейнеров с дорогостоящим импортным оборудованием, по приблизительным подсчетам — на сумму триста пятьдесят миллионов долларов. Оно растаскивалось, приходило в негодность. Руководители предприятий понимали свою ответственность за сохранность оборудования, но их зажало в тиски неумелое ведомственное планирование. С одной стороны, от них требовали обновления оборудования, внедрения новых технологий, совершенствования производства, причем, как правило, на существующих производственных площадях. А с другой, — требовали обязательного выполнения производственного плана, который осуществлялся на площадях, намеченных под монтаж. Вот и тянулась сказка про белого бычка. Производство хирело, новое дорогостоящее оборудование ржавело.

Мы информировали Московский городской комитет партии. По этому вопросу состоялось соответствующее решение. Дело двинулось, но крайне медленно. Тормоза неумелого хозяйствования продолжали делать свое дело.

Или другой пример. Нередко, особенно в зимнее время, на товарно-разгрузочной станции Московского железнодорожного узла скапливалось огромное количество невостребованных грузов, которые иногда лежали там годами. Так, два авиационных двигателя пролежали более двух лет. Грузы портились и расхищались. Сотрудники, ведущие работу на транспорте, показали мне фотодокументы о взломанных контейнерах, прибывших из Югославии с обувью. Когда произошла кража, обувь рассыпалась, множество ботинок и туфель валялась в снегу. Пришлось по телефону провести беседу с начальником Московской железной дороги И. Л. Паристым. Я сказал ему, что сейчас к нему придут

чекисты и покажут снимки, документально демонстрирующие сложившееся в его хозяйстве положение.

Должен заметить, что Паристый — высокопрофессиональный руководитель железнодорожного транспорта, талантливый организатор, четкий в работе хозяйственник. Он дал мне слово, что наведет порядок на товарном дворе и его сдержал.

Можно было бы привести и другие многочисленные факты, подтверждающие, что чекисты берегли народное добро, упреждали людей об ожидающей их во многих случаях опасности, когда они о ней и не думали, активно боролись с промахами в ведении народного хозяйства в Москве и области, честно выполняли свой служебный и гражданский долг.

Мне приятно, что многие москвичи в трудную минуту обращались за помощью в Управление, в том числе и ко мне.

Однажды позвонила мне как-то вечером заведующая библиотекой из Дзержинского района и сообщила, что в подвальном помещении прорвало канализационную трубу. Книги гибнут! Помогите!

— Только Вы сможете это сделать, — сказала она в отчаянии.

Заведующего райотделом коммунального хозяйства дежурный по управлению обнаружил дома. Я попросил срочно ликвидировать аварию и доложить мне. Заведующий хорошо меня понял, течь быстро устранили и книги спасли.

Вспоминается другой случай. Как-то позвонил мне по телефону ректор Московского авиационного института, уважаемый в Москве человек, товарищ Белов. Сказал, что обращается ко мне за помощью. «В институте плохо идут дела со строительством, а это мешает учебному процессу. Помогите! Знаю, что у Вас дел своих много, но я, куда не обращался, — помощи не получил. Я знаю, Вы можете это сделать». Пришлось вмешаться.

Оперативное обеспечение массово-политических мероприятий в условиях Москвы, а также в местах временного пребывания руководителей партии и правительства также лежало на плечах нашего Управления. Вопросом этим мы занимались серьезно, разрабатывали четкие штабные планы проведения мероприятий, организовывали техническое обеспечение. Должен сказать, для успешного решения задачи нам прикомандировывалось необходимое количество сотрудников центрального аппарата, а в неко-

торых случаях и местных территориальных органов КГБ. Мы имели в своем распоряжении два специально оборудованных штабных автобуса и тяжелые автомашины со всеми видами связи, телевидения и оперативным составом.

Прекрасно справлялись с проведением таких крупных массовых операций мои заместители М.Д.Боровлев, А.В.Коробов, руководители службы правительственной охраны («девятки») полковники А.М.Шорин, Г.Б.Гахович, А.В.Абрамов и другие.

Особенно следует рассказать читателям об оперативной работе по обеспечению безопасности проведения такого сложного мероприятия, как Олимпиада-80.

Была создана специальная система с мощным стационарным и подвижным штабом управления, задействована разнообразная оперативная техника, большое количество оперативного состава с прикомандированными из местных органов КГБ.

Было обеспечено тесное взаимодействие с органами МВД, Московским военным округом, спортивными организациями, руководителями Олимпиады-80. Проведен большой объем организационных мероприятий. На девятью пяти олимпийских объектах создали и задействовали оперативные группы. Остальные объекты закрепили за конкретными подразделениями и оперативными работниками. С 5 июня сотрудники Управления, входящие в состав оперативных групп, приступили к выполнению своих обязанностей непосредственно на местах.

Оперативный штаб Управления совместно с руководителями групп тщательно проанализировал и спрогнозировал вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций и негативных проявлений применительно к каждому конкретному объекту. Мы предусмотрели все необходимые меры по предупреждению нежелательных явлений и их локализации. Проинструктировали, обучили и составили по олимпийским и другим объектам сотрудников Управления, а также прикомандированных к нам двух тысяч работников центрального аппарата КГБ, девятьсот девять — территориальных органов, четыреста восемьдесят курсантов и офицеров из Орловского училища связи. Решили все вопросы, связанные с размещением и обслуживанием приданных сил. Отработали порядок получения, обобщения, оценки и выдачи информации. Ежедневно выпускались «Информационные сводки» о фактах и событиях, заслуживающих оперативного внимания. Своевремен-

но была завершена работа по созданию и укреплению оперативных позиций на всех объектах, участках и направлениях, связанных с проведением Олимпиады-80. Агентура, доверенные лица, внештатные оперативные сотрудники тщательно проинструктированы, с ними отработаны надежные способы связи.

В целях пресечения разведывательной деятельности иностранцев во время их передвижения по олимпийским трассам в зонах уязвимости промышленных и военных объектов совместно с Особыми отделами КГБ СССР мы разработали планы проведения активных профилактических мероприятий. Особое внимание уделялось организации оперативной работы по выявлению и проверке лиц, незаконно хранящих или пытающихся приобрести огнестрельное оружие, взрывчатые и отравляющие вещества. Совместно с органами МВД был организован действенный контроль за сохранностью оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ в местах их хранения и во время транспортировки.

В целях успешного решения задач по обеспечению государственной безопасности в период проведения церемоний открытия и закрытия XXII Олимпийских игр был разработан и осуществлен специальный план оперативных и организационных мероприятий. Приняты меры по усилению контрразведывательной работы на объектах транспорта. Особое внимание уделено предотвращению возможного захвата и угона самолетов в аэропортах «Внуково», «Быково», «Домодедово» и в Московской воздушной зоне. Для обезвреживания преступников приобретено специальное вооружение и средства защиты.

Совместно с Московским транспортным Управлением МГА разработаны и осуществлены мероприятия по организационному укреплению групп спецконтроля, улучшению их технического обеспечения и профессионального обучения.

Важное значение придавалось обеспечению безопасности участников и гостей Игр во время передвижения по олимпийским автотрассам Московской области и по магистралям города, входящим в систему олимпийских маршрутов. Мы выявили все уязвимые с точки зрения безопасности места и определили меры, исключаяющие их использование для совершения враждебных акций. Разработали планы оперативных мероприятий по обеспе-

чению безопасности на трассе прохождения эстафеты Олимпийского огня с учетом оперативной обстановки в каждом районе.

Была активизирована контрразведывательная работа на объектах культурной программы, питания и медицинского обслуживания иностранцев.

Режим и охрану особо важных оборонных и промышленных объектов мы ужесточили, предусмотрели меры противодействия визуальной, радиотехнической и иных средств разведки. Особое внимание уделялось объектам, расположенным вблизи олимпийских сооружений, мест проживания и маршрутов передвижения иностранцев. Усилена чекистская работа в организациях, обеспечивающих олимпийские объекты электроэнергией, связью, водой, газом. На период Олимпиады предусмотрены меры по усилению их охраны.

Работа по подготовке к Олимпиаде проводилась в тесном контакте с подразделениями центрального аппарата КГБ и органами МВД.

Я привел лишь скудные отчетные данные об оперативных мероприятиях по проведению Олимпиады-80 в Москве. В жизни эту работу проводил огромный коллектив, и мы гордимся тем, что такое важное государственное мероприятие прошло без происшествий.

Сотрудники Управления помогли городскому управлению МВД в борьбе с особо опасными уголовными преступлениями. Мы арестовали сорок двух бандитов и грабителей, вскрыли совершенные ими преступления. Среди арестованных оказались три сотрудника МВД. Московские чекисты установили и арестовали террориста, прибывшего из ближневосточной страны.

Как я уже сказал, поставленную перед нами правительством, руководством КГБ, руководителями Москвы и области задачу по охране Олимпиады-80 мы выполнили четко. Свидетельство тому — награждение большой группы сотрудников управления правительственными орденами и медалями. Меня удостоили ордена «Трудового Красного Знамени» и звания Лауреата государственной премии СССР.

Огромная оперативная работа, проведенная коллективом, лежала на плечах самоотверженных сотрудников, которые трудились, не жалея сил, энергии и даже жизни.

В этой главе я рассказал о большой работе, проведенной московскими чекистами по обеспечению порядка в Москве и Московской области. Это успех нашего слаженного коллектива, его руководящего и оперативного состава. Это их инициативная и творческая работа дала возможность своевременно вскрывать опасные преступления, оберегать столицу и область, безопасность их жителей.

О всех членах нашего большого коллектива, конечно, не расскажешь. И все же считаю необходимым вспомнить и сказать доброе слово о многих моих товарищах, соратниках по работе.

Особенно хочу отметить таких опытных руководителей, как Станислав Васильевич Гулин, Анатолий Васильевич Трофимов, Евгений Павлович Карабанов, Евгений Львович Матвиенко, генерал-майор Александр Николаевич Стерлигов, Анатолий Степанович Байдак, Валентин Николаевич Шалаев, Юрий Евгеньевич Горбачев, Олег Владимирович Харламов, Александр Григорьевич Царенко, генерал-майор Виктор Кузьмич Кучеров, Игорь Сергеевич Ромазанов, Геннадий Иванович Лебедев, Николай Николаевич Брагин, Станислав Николаевич Жорин, Леонид Алексеевич Куцубин, Борис Иванович Финогенов, Виктор Тимофеевич Манушин, Анатолий Васильевич Гуров, Владимир Ильич Поваров, Станислав Федорович Гришин, Вячеслав Петрович Шипов, Вячеслав Михайлович Лисицин, Виктор Александрович Симаков, Виктор Георгиевич Ушаков, Герой Советского Союза Виталий Степанович Беложенко, Валентин Васильевич Сапожников, Владимир Викторович Бабасв, Анатолий Михайлович Галкин, Виталий Георгиевич Котов, Владимир Иванович Пупнов, Николай Сергеевич Пуньков, Александр Иванович Хлыстов, Александр Борисович Беспалов, Валернан Николаевич Зайцев, Михаил Григорьевич Денисов, Николай Николаевич Юшкин, Евгений Павлович Орешин, Евгений Григорьевич Кузнецов, Валентина Михайловна Брайловская, Светлана Николаевна Новикова, Алексей Иванович Бардин, Наталья Николаевна Волкова, Владислав Владимирович Федосеев, Виктор Васильевич Алейников, Иван Алексеевич Гришков, Лев Константинович Зиновьев, Владимир Павлович Попов, Александр Анатольевич Андреев, Александр Всеволодович Ремигайло, Юрий Петрович Куликов, Валерий Михайлович Прудников, Владимир Иванович Семижин, Александр Иванович Фирсов, Юрий Леонидович Левшин, Влади-

слав Ильич Нарожной, Василий Макарович Скидан, Леонид Сергеевич Мышов, Анатолий Сергеевич Саркисов, Юрий Владимирович Кравцов, Владимир Георгиевич Гончаров, Борис Иванович Гаврилов, Игорь Тимофеевич Бойков, Анатолий Васильевич Федотов, Владимир Васильевич Карташев, Анатолий Никифорович Епифанов, Валерий Владимирович Макаровский, Игорь Михайлович Ившин, Валентин Иванович Битев, Виктор Иванович Чеченев, Виктор Дмитриевич Бухов, Аркадий Александрович Силаев, Виктор Георгиевич Ребров, Владимир Александрович Кочнев, Валентин Николаевич Кузнецов, Владимир Павлович Филиппов и многие многие другие.

Я с большой благодарностью всегда относился к следственным работникам. Труд их важный и тяжелый, ведь они решали судьбы людские, вершили законы Фемиды. Следственные работники трудились частенько по десять-двенадцать часов в сутки. Следственные действия — это нервный, изнуряющий процесс. Большую часть своего рабочего времени следователям приходилось проводить в стенах следственного изолятора.

В управлении работали высококвалифицированные следственные работники, способные не только документировать преступление, но прежде всего раскрывать его, с помощью вещественных доказательств доказывать вину, и, когда в рамках закона надо, выносить обвинительное заключение.

Мы не допускали брака в работе, ни одного следственного дела не вернулось на доследование, ни одно дело не приостановилось из-за того, что преступника не удалось разыскать, все преступления раскрыты, все виновные понесли наказание.

Я с благодарностью вспоминаю заместителя начальника управления генерал-майора Н.М.Конькова, курирующего следственную работу в Управлении, высококвалифицированного следственного и оперативного работника; бывшего в то время начальником следственного отдела, а затем начальником службы контрразведки, теперь ставшего начальником Московского управления Федеральной службы безопасности генерал-полковника Анатолия Васильевича Трофимова, прекрасного следственного работника и профессионального контрразведчика.

Навсегда останутся в памяти заместитель начальника следственного отдела полковник Сергей Дмитриевич Балашов, полковники Юрий Борисович Смирнов, Юрий Сергеевич Яковлев, Вла-

димир Сергеевич Сорокин, Николай Викторович Грашовень, начальники отделений: Владимир Михайлович Жмячкин, Вячеслав Николаевич Князев, Алексей Иванович Ермаков, Владимир Сергеевич Кузнецов, Анатолий Алексеевич Левченко.

Пусть простят меня товарищи по ратному труду за то, что я не имею возможности назвать все их фамилии в этой книге. Но каждого, кто работал со мной, сердечно благодарю за то, что он честно, самоотверженно служил нашему дорогому Отечеству.

Авторитет зарабатывается трудом. Только заметно улучшив работу Управления, успешно решая возникавшие оперативные задачи, мы добились того, что на московский коллектив чекистов стали смотреть с уважением и наши действия встречали поддержку.

Мы приняли линию на укрепление связи с руководящими органами Москвы и области, с хозяйственными руководителями, представителями науки, ВУЗов, с трудящимися, представителями всех сфер общественной жизни города и области. Я лично и многие руководящие работники Управления выступали с докладами на фабриках и заводах, на семинарах, городских и областных активах, рассказывая об оперативной обстановке в городе и области, об очередных задачах, которые решали сотрудники Московского Управления КГБ.

У нас как-то состоялся разговор с Юрием Владимировичем Андроповым. Я тогда сказал ему, что наше ведомство должно быть в меру открытым. Надо, чтобы люди знали, чем мы занимаемся, не боялись нас, а уважали. Следует периодически отчитываться о нашей работе перед руководящими органами, выступать с докладами перед трудящимися, давать информацию в печати. Такую линию мы собираемся держать в работе нашего московского Управления...

Юрий Владимирович полностью со мной согласился и дал свое добро. Помню, он тогда сказал мне откровенно:

— Виктор Иванович! Вам я разрешаю выступать с отчетными докладами о работе Управления на бюро горкома и обкома партии, а в территориальных органах страны этого пока разрешить не могу. Наговорят Бог знает чего, потом иди и разбирайся. К этому людей надо серьезно готовить.

Я два-три раза в году выступал на районных, в Москве, и на городских, в области, торжественных заседаниях, посвященных

большим праздничным датам. Рассказывал о работе Управления и рабочим одного из цехов ЗИЛа, на заводе им.Калинина в Подольске и в других коллективах.

В Управлении создали группу квалифицированных сотрудников, которая готовила методические материалы для докладчиков. Я докладывал о деятельности органов КГБ для активов городской и областной парторганизаций, рассказывал о борьбе со шпионами, диверсантами, террористами, бандитами. Одновременно устраивалась выставка шпионского снаряжения, изъятого главным образом у американских шпионов, которая всегда вызывала большой интерес.

О деятельности московских чекистов мы рассказывали в газетах и журналах, публиковались также отдельные сообщения по уголовным делам, проведенным Управлением. Мы издавали информационные бюллетени для оперативного состава и готовили материалы по оперативной обстановке для горкома и райкомов партии в Москве.

В здании Управления мы создали впечатляющий «Зал славы» о деятельности московских чекистов, который посещали кроме сотрудников Управления и центра их семьи, представители ряда трудовых коллективов. Организовывали мы и экскурсии учащихся средних школ Москвы.

Проведенные мероприятия по укреплению связи с трудящимися способствовали значительному повышению авторитета московских чекистов в глазах трудящихся. К нам все больше стали относиться уважительно, с вниманием.

Активная оперативная деятельность московских чекистов стала фактором того, что некоторые работники центрального аппарата КГБ стали проситься к нам на работу, говоря при этом, у Вас интересно, можно заниматься живым делом.

Лично ко мне руководство постоянно проявляло внимание, и я благодарен ему за это. В 1971 году меня избрали членом бюро Московского городского комитета партии, и я проработал там четырнадцать лет. Был избран членом Московского обкома, избирался депутатом Верховного Совета РСФСР, в его составе работал членом комиссии законодательных предположений. Депутатом я состоял четыре созыва. Кроме того избирался депутатом Моссовета, членом Комитета обороны Москвы, членом Президиума Центрального республиканского и Московского городского

советов «Динамо». Я поддерживал тесные связи с этим уважаемым мною обществом. В «Динамо» я с 1932 года. И, честно говоря, горжусь званием «Почетного динамовца». Мне были дороги товарищи по спорту, председатели Центрального совета общества Петр Богданов и Валерий Сысоев, с которыми мы часто «болели» на футбольных и хоккейных матчах за динамовские команды. У меня хранится футбольный мяч с автографами динамовской команды, подаренный мне капитаном Борисом Кузнецовым и Львом Яшиным.

Весь этот период я был членом Коллегии Комитета государственной безопасности страны. Поручений получал много, но старался везде успевать и строго выполнять обязанности депутата Верховного Совета и Моссовета в своих избирательных округах; ежемесячно вел прием избирателей. Ко мне обращались многие, даже из других округов, но я старался помочь всем в их бедах и нуждах, особенно по трудным жилищным вопросам. В двух случаях, выслушав горькую просьбу своих избирателей, поехал к ним на квартиру, увидел в каких тяжелых условиях они живут и оказал помощь в получении жилья. В моем домашнем архиве хранятся телеграммы и письма избирателей с благодарностью за оказанную помощь.

Не чуждались общественных дел и мои заместители. Первый заместитель по области стал членом бюро обкома партии, первый заместитель по городу — избран членом МК КПСС и депутатом Моссовета, большинство начальников горрайотделов КГБ города и области стали членами бюро горкомов и райкомов партии, депутатами городских и районных Советов.

Многих руководящих работников и сотрудников Управления наградили высокими правительственными наградами.

Население доверяло нам и не раз помогало по собственной инициативе раскрывать опасные преступления. Двоих москвичей даже наградили орденами.

Мы придавали большое значение работе горрайаппаратов КГБ. Их люди находились ближе к трудящимся, располагали большой и важной информацией и могли принести большую пользу делу обеспечения безопасности. Несмотря на небольшие штаты райгоротделов, они очень помогали нам в работе, а Фрунзенский райотдел Москвы (начальник полковник Ионов) и Дубнинский горотдел (начальник В.В.Карташев) сумели даже обез-

вредить двух шпионов. Большую помощь оказывали они предприятиям, своевременно информируя их руководство о промахах в хозяйственной деятельности и помогали быстро устранять недостатки.

Лично у меня, как начальника Управления, установились хорошие взаимоотношения со многими министрами страны, руководителями научных центров, хозяйственными и административными руководителями, командованием Московского Военного округа, руководящим составом главного Управления МВД города и области, прокуратурой республики и города Москвы. Товарищи меня поддерживали и это вселяло уверенность в успехе работы.

Командующий Московского Военного округа генерал армии Владимир Леонидович Говоров и член Военного Совета МВО мой старый друг и товарищ по партийной работе Константин Степанович Грушевой как-то пригласили меня на военные учения Таманской дивизии. План учения — «батальон в наступлении» с наведением речной переправы, танковой атакой и имитацией малого атомного взрыва (порохового). Все это было интересно. Я участвовал в боях в период войны, но теперь техника и выучка войск шагнула далеко вперед, и от проведенного учения у меня сохранилось большое зрелищное впечатление.

Работая в Московском Управлении КГБ, я по-прежнему поддерживал товарищеские отношения с Леонидом Ильичем Брежневым и Юрием Владимировичем Андроповым.

Широко известно, что Леонид Ильич любил охоту. Азартный охотник, он любил еще и водить машину, причем на больших скоростях. Сотрудники его охраны и сегодня в своих воспоминаниях с добром пишут о Леониде Ильиче, рассказывая о бытовых сторонах его жизни. Не могу не привести одного отрывка из воспоминаний Владимира Тимофеевича Медведева:

«...После удачного выстрела, когда кабан у наших ног, Леонид Ильич разрешал нам разлить по рюмке водки. Это был неизменный ритуал, мы поздравляли друг друга с «полем».

По окончании охоты следовал другой ритуал, который как бы продлевал удовольствие охоты. Он поручал начальнику охраны, кому какой кусок отрезать. В начале через охрану, а позже через фельдсвязь Брежнев отправлял кабанятину членам Политбюро, министрам. Вдогонку звонил, рассказывал подробности

охоты, советовал как лучше готовить вырезку, грудинку и т.д.» («Человек за спиной», Русслит, 1994).

В течение многих лет Леонид Ильич присылал и мне охотничьи подарки. Сотрудники его охраны доставляли мне их на квартиру или на дачу. В эти дни в доме всегда поднималось настроение, угощения хватало не только на мою семью, но и на всех родственников. За столом мы вспоминали Леонида Ильича добрым словом.

16 июня 1980 года в 11.50 у меня состоялся теплый сердечный телефонный разговор с Леонидом Ильичем Брежневым. Я сразу же записал его:

А л и д и н: Здравствуйте, Леонид Ильич! Рад слышать ваш голос. Выражаю вам глубокую сердечную благодарность за внимание ко мне, за присланные «дары природы».

Б р е ж н е в: Здравствуйте Виктор Иванович! Я не досмотрел, какой-то период не посылал тебе «дары природы», виноват. Кабан требует стопку водки в выходной день вместе с семьей, обязательно под кабана надо выпить.

А л и д и н: Леонид Ильич! Мы «старая гвардия» желаем вам хорошего здоровья. Рады, когда видим вас по телевизору жизнерадостным и бодрым. Докладываю вам, что оперативная обстановка в Москве и Московской области хорошая.

Б р е ж н е в: Вашему аппарату трудно. Я не раз говорил Юрию Владимировичу Андропову о необходимости помогать Московскому управлению. Вы на переднем крае работаете.

А л и д и н: Мы ощущаем большую помощь Центрального Комитета КПСС, вашу лично Леонид Ильич! Нам много помогает Юрий Владимирович Андропов. Мы всегда в строю, с задачами справимся.

Б р е ж н е в: Виктор Иванович! Впереди XXVI-й съезд партии. Надо внимательно смотреть за оперативной обстановкой, это наше общее дело. Я об этом говорил Юрию Владимировичу Андропову. Это не мне, Брежневу, надо — партии, народу. Пожалуйста, посмотрите.

А л и д и н: Леонид Ильич! Я понимаю вами сказанное. Можете быть уверенными — все что требуется, будет сделано.

Б р е ж н е в: Желаю вам успеха. До свидания....»

Леонид Ильич был человеком простым, открытым, обращался с людьми и товарищами почти всегда как равный с равными.

С этим его качеством я был знаком давно, еще со времени совместной работы на Украине. Я с тревогой наблюдал как болезнь все больше и больше сжигала Леонида Ильича, делая его вялым, малоподвижным. Речь давалась ему с трудом. Все чаще в голову приходили мысли, почему он не идет в отставку, почему в руководящем звене так много старых, неэнергичных людей, как и кого готовит Леонид Ильич себе на смену.

В декабре 1979 года персональным постановлением Совета Министров СССР мне присвоили высокое воинское звание генерал-полковника, а 16 октября 1981 года Указом Верховного Совета СССР, в связи семидесятилетием и за заслуги перед государством, — наградили орденом Ленина. Это была моя третья высшая награда.

У меня, как я уже выше говорил, сложились хорошие товарищеские отношения с Юрием Владимировичем Андроповым. Весь период моей работы начальником Московского управления КГБ он щедро делился со мной своими сокровенными мыслями. Рассказывал о том, как недруги в период его работы в Петрозаводске строчили на него доносы, клеветнические письма, а один из этих людей пишет и до сих пор. Болезненно переживал Юрий Владимирович недостатки и промахи в государственной работе, особенно тревожился в связи с предельным возрастом руководства страны. Я знал, что Юрий Владимирович дружил с министром обороны Дмитрием Федоровичем Устиновым и министром иностранных дел Андреем Андреевичем Громыко, много раз присутствовал в кабинете Юрия Владимировича, когда он с кем-либо из них разговаривал по телефону.

Юрий Владимирович очень переживал за положение дел в Афганистане. Мне было известно от ответственного работника КГБ, что «Афганский вопрос» родился в глубинах внешней разведки КГБ. Как я себе представляю, Ю.В.Андропов, Д.Ф.Устинов, и А.А.Громыко не раз обсуждали его, прежде чем внести предложение Л.И.Брежневу.

Стратегический замысел был хорош, тактическое решение — ошибочным. Иметь рядом дружеский соседний Афганистан дело очень заманчивое. Просматривалась дружественная Индия, просторы Индийского океана, Ближний Восток. Кстати, с этого направления можно всегда ожидать и недругов. Словом, выход на эти рубежи представлялся впечатляющим и стоящим делом. Ведь

в начале предполагалось, что вопрос может быть решен мирным путем прогрессивными силами в Афганистане. Просчет состоял в том, что силы внутренней революции оказались слабыми. Тараки, стоявший во главе революционных сил, был мало кому известен, а революционные идеи далеки от простого народа, который стоял на низкой ступени общественного развития. Афганистан в значительной своей части представлял собой конгломерат племенных, своеобразных объединений с внутренней организацией власти и даже небольшими вооруженными силами. Народы исповедовали исламское верование. Социалистические и общественные отношения были им далеки и непонятны. Тараки со своей небольшой группой приверженцев естественно был не в состоянии сделать Афганистан государством нового типа. К тому же внутри афганской правящей верхушки все время продолжались распри.

Тараки недолго оставался у власти, его отстранил и возглавил государство Амин. Впоследствии он убил своего предшественника. Комитет государственной безопасности располагал кинолентой об этом зверском злодеянии, которую просмотрели некоторые руководители КГБ. Видел ее и я. На ней запечатлена небольших размеров камера, в ее углу на полу — тюфяк, на котором сидел Тараки. В камеру вошли два палача, атлетического телосложения, по пояс оголенные, с бритыми головами. Один палач взял Тараки за руки, прижал их к тюфяку, навалился на тело, другой сжал горло и удушил несчастного. Кинолента — короткая, но зловещая и омерзительная. Тараки охраняли сотрудники КГБ из группы «А». Как его арестовали — это осталось для меня тайной.

Амин, вступив во власть, постепенно переходил на враждебные позиции по отношению к СССР. Он отказался от охраны группы «А», создав свою собственную. Учитывая быстро меняющуюся обстановку, неприятие Амином действий предыдущей афганской власти и наших войск, было принято решение по просьбе афганских товарищей оказать им содействие и силой отстранить Амина от власти. Выполнение этой задачи поручили группе сотрудников «Альфы», при поддержке спецбатальона Главного разведывательного управления министерства обороны. «Альфу» тогда возглавлял полковник М. М. Романов. Эти боевые силы штурмовали президентский дворец. Они уничтожили охрану и самого Амина. Как мне рассказал при встрече Андропов, охра-

на Амина сопротивлялась отчаянно. Амин отстреливался, стоя за столом своего кабинета. На его теле обнаружили шесть пулевых ранений.

Наши войска увязли на территории Афганистана. Линии фронта не существовало, повсюду образовались многочисленные очаги боевого сопротивления. Велись ожесточенные бои, войска несли потери.

В начале 1987 года в Афганистане у власти стоял Наджибула, наиболее умелый из афганских руководителей, но и он не мог решить сложные военные и гражданские проблемы. Последующая трагическая судьба его известна.

Обстановка в стране обострялась. Во второй половине 1981 года Андропов прибыл в Афганистан. Это была его вторая поездка туда. Он лично хотел разобраться с положением дел на месте.

Но поездка оказалась неудачной. Юрий Владимирович тяжело заболел оспой и был срочно доставлен в Москву в Центральную клиническую больницу. В период нахождения в больнице доступа к нему не было.

Еще плохо отдохнув после болезни, Юрий Владимирович вышел на работу. При встрече он рассказал мне о пребывании в Афганистане, своей тяжелой болезни, оказывается он пять суток находился без сознания. А подхватил он там оспу, потому что пришлось часто обниматься и целоваться при встрече с местными руководителями.

Юрий Владимирович перенес вскоре новые серьезные переживания, когда в марте 1982 года на авиационном заводе в Ташкенте произошла катастрофа, обвал ступеней у строящегося самолета, в результате чего Леонид Ильич Брежнев получил серьезные ранения. Юрий Владимирович чувствовал свою моральную ответственность за случившееся, так как он как Председатель КГБ отвечал за безопасность Генсека. В начале мая 1982 года Леонид Ильич в большой тайне вылетел на несколько часов в Киев. Это мне стало известно от начальника подразделения Управления, оперативно обслуживающего Внуковский аэропорт. Я, естественно, доложил об этом Андропову.

У меня сложились хорошие, товарищеские отношения с первым секретарем Московского городского комитета партии Виктором Васильевичем Грипиным. Мы часто беседовали по вопросам работы городской организации, обсуждали состояние городского

хозяйства, промышленных предприятий, строительства домов и культурных учреждений для москвичей. Я нередко высказывал практические замечания по этим вопросам, вносил предложения. Виктор Васильевич всегда внимательно выслушивал меня, делал заметки. Нередко обсуждаемые нами вопросы становились предметом обсуждения на бюро горкома. Говорили мы и на бытовые темы, о семейных делах, о разных случаях из жизни наших детей. И это еще больше сближало нас. Гришпин с возмущением рассказывал о несправедливых оценках со стороны некоторых членов Политбюро положения дел в Москве, которые они давали без знания дела.

Если сказать кратко, между нами была полная уважительность и товарищеское доверие друг к другу. Однажды, по просьбе Виктора Васильевича мы встретились у него в кабинете. Он поведал мне, что несколько часов тому назад у него был посол Болгарской республики, рассказал, что недавно в их стране был сын Леонида Ильича, заместитель министра внешней торговли со своей секретаршей, вел себя недостойно и что в Болгарии ходят неприятные разговоры о Леониде Ильиче.

Виктор Васильевич сказал, что он думает поставить об этом случае в известность Леонида Ильича, и попросил моего совета.

Я категорически заявил, что делать этого, по моему мнению, не следует. Леонид Ильич подобный разговор может расценить как вмешательство в его личную жизнь. Ведь посол Болгарии мог и сам встретиться с Леонидом Ильичем и рассказать ему о сыне, а он сделал хитрый ход, подбросив эту проблему Гришпину.

Виктор Васильевич правильно воспринял совет, сердечно поблагодарил меня, сказав, что он как-то не подумал о возможных последствиях такой информации.

Мои беседы с Гришпиным приносили нам обоюдную пользу.

Виктор Васильевич безусловно являлся талантливым политиком, деятельным и умелым организатором партийного и хозяйственного строительства. Он компетентно руководил московской партийной организацией, сделал много полезного по благоустройству города, строительству уникальных сооружений, жилищному строительству, развитию промышленности, науки, оказанию помощи сельскому хозяйству Подмосковья.

В ельцинское время на Гришпина выпали много грязи с целью очернить его, вычеркнуть из памяти москвичей. Газетчики

писали, что Гришин якобы потворствовал коррупции в Москве, не вел борьбу со взяточничеством и расхищением народной собственности. Это совершеннейшая ложь. Московское Управление КГБ вело решительную борьбу с коррупцией, взяточничеством, расхитителями социалистической собственности в особо крупных размерах, контрабандой и все это делалось при полной поддержке и с помощью Виктора Васильевича Гришина, в деловом содружестве с органами прокуратуры и судов города Москвы. Дай бы Бог нынешним органам безопасности, МВД, прокуратуры и суда вести эту борьбу на таком же уровне. И иметь такую же поддержку руководителей Москвы.

Хорошие отношения сложились у меня и с первым секретарем Московского областного комитета КПСС Василием Ивановичем Конотопом. Мы нередко вместе выезжали в города и районы области, встречались с руководителями и трудящимися фабрик и заводов, конструкторских бюро, колхозов и совхозов. Находили даже время вместе поохотиться.

Василий Иванович Конотоп более двадцати лет руководил Подмосковьем, сложными объектами промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры.

А когда хорошие деловые отношения со всеми, работа спорится, появляются хорошие результаты.

На моей памяти навсегда останется 16 октября 1981 года, день моего семидесятилетия. Именно тогда я почувствовал в полной мере теплое отношение ко мне людей. Я получил огромное количество поздравительных писем от московских организаций, от земляков из Твери и Кимр, многих видных деятелей и дорогих мне друзей и товарищей из Москвы, Ленинграда, Украины, из братских зарубежных стран.

Но вот наступил беспокойный, тревожный, печальный 1982 год. В один из майских дней я ехал на машине из дома на работу. И тут мой водитель Женя Кудрявцев неожиданно сказал:

— Виктор Иванович! Поздравляю вас с новым Председателем комитета госбезопасности. Им стал Федорчук с Украины. Да вот и Щербицкий едет на работу в Москву, ему уже машину готовят.

Я был огорчен. Как же так, уже и водитель об этом знает, а я совершенно не в курсе. Мне не терпелось побыстрее добраться до работы. Сразу же по приезде я узнал о заседании Политбюро, на

котором Юрий Владимирович Андропов был утвержден секретарем ЦК КПСС и освобожден от должности Председателя КГБ. Вместо него назначили В. В. Федорчука, члена Коллегии КГБ, работавшего Председателем КГБ Украины. Для Комитета госбезопасности уход Ю. В. Андропова был большой потерей. Замена — явно не равноценная.

Все было так, как сказал водитель. Федорчук уже сидел в кабинете Андропова, куда пригласили и нас, членов Коллегии. Юрий Владимирович сухо и кратко представил Федорчука, как нового Председателя КГБ, пожелал нам хранить боевые традиции органов госбезопасности, беречь их авторитет. На этом мы и разошлись.

В 1982 году случилось и другое печальное событие. Утром 10 ноября на даче умер Леонид Ильич Брежнев. Я в то время присутствовал на совещании в горкоме партии, которое проводил Гришин. Мне передали записку: «Виктор Иванович! Вас просил позвонить товарищ Федорчук В.В., как только закончится совещание в горкоме партии, М.Боровлев.»

Я вышел и позвонил Федорчуку. Разговор был кратким. Он сообщил:

— Умер Брежнев.

Записка, которую мне передали на совещании, хранится у меня до сих пор. Я сообщил Гришину о смерти Леонида Ильича. Он ускорил проведение совещания и по его окончании я сразу же уехал на работу.

На следующий день состоялось заседание Политбюро, на котором Дмитрий Федорович Устинов, опередив всех, внес предложение избрать Генеральным секретарем Юрия Владимировича Андропова. Предложение было принято. Было горе, что умер Л.И.Брежнев, жалко, хороший был человек, но была и радость избрания Генеральным секретарем Ю.В.Андропова, безусловно выдающегося партийного и государственного деятеля.

С Андроповым страна и мы, его близкие товарищи, связывали много надежд и ожиданий. Мы знали, что Юрий Владимирович примет решительные меры по укреплению партийных рядов и государства, даст новый импульс созидательному строительству социализма, поведет решительную борьбу с коррупцией, взяточничеством и разворовыванием народного имущества, укрепит

государственную и служебную дисциплину, будет бороться за лучшую жизнь трудящихся.

Мы, конечно, понимали, что Юрий Владимирович совершил геройский поступок, дав согласие быть Генсеком. Он очень хотел сделать много полезного для партии, страны, народа, он был несомненно способен это сделать, совершив свои первые шаги по наведению порядка в стране, но он был уже больным человеком.

Как известно, одним из первых его мероприятий было освобождение от должности министра внутренних дел Н.А.Щелокова и наведение порядка в МВД. На должность министра утвердили В.В.Федорчука. Председателем КГБ стал В.М.Чебриков. Конечно, и он не мог заменить в полной мере Ю.В. Андропова, но безусловно, как руководитель был классом выше своего предшественника.

Юрий Владимирович, решая вопрос об укреплении МВД, как-то вечером (я уже пришел с работы домой) позвонил мне на квартиру, рассказал о мерах по укреплению МВД, и одновременно сообщил о решении Политбюро об обязательном оперативном обслуживании органами КГБ ведомства внутренних дел.

— Мы это как-то обсуждали с тобой, — сказал и добавил, что Федорчук просит помочь кадрами.

— Поможем, — сказал он и по интонации его голоса я понял, что он надеется на меня.

С хорошими кадрами мне, естественно, расставаться не хотелось, но я ответил положительно. Тогда Юрий Владимирович спросил меня:

— Сколько дашь ему хороших офицеров руководителей? Работать им, имей ввиду, предстоит лет пять, не меньше.

Подумав, я ответил:

— Человек тридцать.

На том наш разговор и закончился.

В эти же дни мне позвонил помощник Андропова и передал его просьбу подобрать в Москве машиностроительные предприятия, которые можно было бы посетить. С такой же просьбой обратился он и в горком партии. По словам помощника, Юрий Владимирович сделает выбор из двух предложений.

Как оказалось, и горком партии и я назвали по три предприятия, но в двух предложениях значился станкостроительный завод им. С. Орджоникидзе Ленинского района. Этот завод Андро-

пов и выбрал для посещения. Я тоже выехал к станкостроителям и там мы накоротке встретились с Юрием Владимировичем. Я видел с каким огромным вниманием он изучал всю технологическую цепочку от начала до конца. Андропов задавал массу вопросов, одинаково интересовался и экономикой, и технологией. Он приехал не речи произносить, не для показухи, а учиться, разбираться в проблемах одного из важнейших машиностроительных заводов. Беседу, конечно, как водится, он провел, но говорил с рабочими и инженерно-техническими персоналом на общеполитические темы.

Последний раз я видел Юрия Владимировича осенью 1983 года на Курском вокзале в момент его отъезда на лечение в Железноводск. Он прибыл только со своей охраной, провожающих не было. Андропов вообще ввел твердый порядок, отменив все проводы и встречи. Он считал, что следует прекратить эти шумные представления, которые только раздражают народ. У дверей вагона с ним стоял только Ю.С.Плеханов, начальник Девятого управления, и помощник П.П.Лаптев.

Передо мной лежит красный пропуск с черным окаймлением № 000007 на похороны Генерального секретаря ЦК КПСС Председателя Президиума Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова. 14 февраля 1984 года в 12 часов. Я скорбно стоял вместе с товарищами в Доме Союзов у гроба в почетном карауле, всматриваясь в лицо дорогого нам человека. Мы похоронили Юрия Владимировича на Красной площади за Мавзолеем В. И. Ленина рядом с могилой И.В. Сталина. Бюст из серого гранита, как и другие бюсты других великих людей эпохи — И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского, Л. И. Брежнева, М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, и теперь Ю. В. Андропова, как верные часовые эпохи стоят на страже сурового, но прекрасного XX века.

А время между тем шло своим чередом. Генеральным секретарем ЦК КПСС Председателем Президиума Верховного Совета избрали совершенно больного Константина Устиновича Черненко. За больным Черненко стояла зловещая фигура М. И. Горбачева, который всеми силами рвался к власти.

С приходом к власти Черненко положение КГБ в государстве, как и роль его Председателя Виктора Михайловича Чебрикова, значительно изменилось. Теперь у нас не было твердой уве-

ренности в работе, все делалось с оглядкой, многие старались приспособиться к характеру Черненко, а позднее и к изменчивой политике Горбачева.

Мне пришлось работать с Виктором Михайловичем Чебриковым всего три года. Сказать о каком-то особом стиле его работы трудно, он «проживал богатство» всего хорошего, что было накоплено в КГБ за пятнадцатилетие руководства органами госбезопасности Ю. В. Андропова. Теперь шла текущая работа, основанная на приспособлении к обстановке.

У КГБ не было ориентира на более активную борьбу с коррупцией, взяточничеством, расхищением социалистической собственности. Имеющиеся у нас подобные дела рекомендовалось передать в прокуратуру, а вновь полученные материалы — в МВД. Конечно, обходя острые углы, жить легче. Я против такой постановки дела возражал, но получил обязательное для исполнения указание. Пришлось подчиниться, хотя я испытывал глубокое разочарование, так как коррупция, взяточничество и расхищение расцветало.

Когда мы возбудили так называемое «хлопковое дело», о котором я уже писал в этой главе, с самого начала, стало ясно, что в этой сфере действуют крупные преступники.

Но помнится уже тогда В. Н. Чебрикову позвонил первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана с просьбой передать дело для дальнейшего ведения прокуратуре Узбекистана. При этом он посветовал, что приближается 50-летие Узбекистана, и очень не хотелось бы, чтобы республику позорили.

Мы прекрасно понимали — попади дело в Узбекистан, как оно немедленно будет прекращено. Поэтому и я, и начальник следственного управления генерал-лейтенант юстиции Александр Федорович Волков категорически воспротивились передаче дела в республику, написав докладную записку в Комитет госбезопасности с просьбой направить все материалы в Прокуратуру Союза. Мы мотивировали это тем, что по делу, кроме трех жителей Узбекистана арестовано еще три директора текстильных фабрик из РСФСР. В. М. Чебриков в конце концов согласился с нами, и дело было отправлено в Прокуратуру СССР. Дело получило свое развитие

В апреле 1986 года произошла чернобыльская катастрофа. Считаю необходимым заявить, что ее можно было бы избежать,

если бы конкретные лица проявили высокую ответственность. В середине 1985 года в Комитет государственной безопасности стали поступать сигналы о том, что на Чернобыльской АЭС может произойти серьезная авария. До катастрофы было еще десять месяцев, достаточное время, чтобы ее предотвратить.

Во второй половине 1985 года Коллегия КГБ рассмотрела вопрос о недостатках в обеспечении безопасности работы атомных электростанций страны и мерах по их устранению. К заседанию Коллегии была подготовлена обстоятельная служебная записка, в которой указаны серьезные недостатки в обеспечении безопасности на ряде АЭС страны и особенно подчеркнуто было неблагоприятное положение на Чернобыльской атомной электростанции.

В то время в СССР эксплуатировалось 12 атомных электростанций. В XII и XIII пятилетках намечалось ввести в строй еще 27 атомных станций различного назначения. В соответствии с Энергетической программой развития СССР суммарная мощность атомных электростанций (АЭС) к 2000 году должна была составлять треть мощностей всех электростанций страны.

По советским проектам и с активным участием СССР были построены и строились 14 АЭС в странах-членах СЭВ и Финляндии, велись переговоры о строительстве атомных станций в Ливии и Индии.

На этой Коллегии КГБ, располагая обстоятельными и достоверными данными, я в выступлении заявил, что должны быть приняты немедленные меры к предотвращению возможной катастрофы на Чернобыльской АЭС, так как только-что побывавшие там ученые и специалисты делают вывод об аварийной обстановке на работающем оборудовании и что в случае непринятия немедленных мер катастрофа неминуема. Одновременно на основании таких данных я заявил, что серьезные неполадки с оборудованием имеют место на Запорожской и Ленинградской АЭС.

Выступив с тревожным заявлением, я полагал, что те, кому положено, примут меры.

Посчитав, что дело очень серьезное, и одного выступления на заседании Коллегии будет мало, для того, чтобы устранить угрозу, я написал письма с приложением оперативных материалов об угрозе катастрофы на Чернобыльской АЭС и плохом состоянии реакторов на Запорожской АЭС председателю Комитета госбезо-

пасности Украины Мухе, а о неполадках на Ленинградской АЭС — начальнику УКГБ по Ленинградской области Д.П.Носыреву. Но видно, мои молитвы не дошли до Бога. Катастрофа на Чернобыльской АЭС случилась через 9 месяцев, в апреле 1986 года.

Работая над своими воспоминаниями, я попытался поднять из архивов КГБ мои письма по этому вопросу, но к сожалению кто-то посчитал необходимым их уничтожить.

Я говорю сейчас о печальных событиях, между тем было и чему порадоваться. В 1985 году исполнилось 40-лет со дня Победы над Германией. Я воевал на Украине и был рад, что ее руководители вспомнили обо мне в этот день. Меня наградили Почетной грамотой Верховного Совета Украинской ССР. Кроме того я получил благодарственное письмо от ЦК КПУ, Верховного Совета Украины и Совмина УССР.

В декабре 1985 года в Доме Союзов проходило очередное общественное мероприятие. В служебном помещении Президиума, где я находился, ко мне подошла второй секретарь Московского горкома партии Раиса Федоровна Дементьева и сказала:

— Только-что в комнате, где находились члены Политбюро ЦК, Виктору Васильевичу Гришину сообщили, что его отправляют на пенсию.

В этот момент к нам подошел Гришин, который, услышав, о чем мы вели беседу, с горечью подтвердил неприятное для него известие. Мы понимали, что это начало какого-то процесса в Московской городской партийной организации.

Через несколько дней состоялся пленум горкома партии. Как всегда в небольшой комнате, примыкающей к залу заседаний, собрались члены бюро горкома. Вскоре в комнату вошли М.С.Горбачев, В.В.Гришин и Б.Н.Ельцин. Поздоровались. Стало очевидно, что первым секретарем Московского городского комитета партии будет Ельцин. В.В.Гришин представил каждого члена бюро Горбачеву и Ельцину, сели за стол пить чай. Так случилось, что Ельцин оказался против меня. В один из моментов мы, не отводя взгляда, посмотрели друг на друга и поняли, что видимся в первый и последний раз.

Пленум горкома вел Горбачев. Гришина освободили от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию. Первым секретарем избрали Б.Н.Ельцина. Его мало знали в Москве. Это был человек из провинции. Многие уже тогда ожидали, что с его при-

ходом в Москве начнется массовая замена кадров. Так оно и случилось.

Вслед за В.В.Грипиным состоялась отставка первого секретаря Московского областного комитета партии Василия Ивановича Конотопа. Затем дело дошло и до меня. Состоялась беседа с Председателем КГБ В.М.Чебриковым. Он спросил, готов ли я начинать все снова, взаимодействовать и работать с новыми руководителями Москвы и Московской области. Я категорически отказался и заявил:

— Нет, прошу отставки.

В январе 1986 года меня освободили от должности члена Коллегии и начальника управления КГБ по городу Москве и Московской области в связи с уходом на пенсию по возрасту. Мне уже исполнилось тогда семьдесят четыре года.

То было горькое время. Предстояло коренным образом перестроить свою психологию, свой образ мышления и уклад жизни. Но я не сомневался, что в новой обстановке найду себя, постараюсь по-прежнему оставаться нужным людям.

Теперь вдали от кипучей служебной и общественной жизни я имею возможность как бы со стороны оценивать последовавшие жизненные процессы. В конце 1986 года я подал в отставку с поста депутата Верховного Совета РСФСР.

За короткий пятилетний срок произошли события огромного масштаба. Не стало Советского Союза, Советской власти, пал общественный социалистический строй, померкла жизнь людей. Враждебные социалистическому обществу силы принесли народу подобие капиталистического строя с уродливой рыночной экономикой. Пришло смутное время, принесшее огромные страдания трудящимся.

Государственной безопасности в ее классическом виде тоже не стало. На разгромленный Комитет государственной безопасности словно шакалы набросились недруги и скрытые враги России, стремясь добраться до секретных документов, хранившихся в его архивах, особенно до агентуры и архивных оперативных разработок. На этом поприще поработали временно назначенный министр государственной безопасности Вадим Бакатин, передавший американцам важнейшие секреты. Американский слуга, редактор «Огонька» Виталий Коротич на страницах журнала вылил потоки грязи и лжи на органы госбезопасности, на честных людей, верой

и правдой служивших государству и народу. Ему помогали лгать и клеветать на чекистов повылезшие из всех щелей злобные борзописцы, калифы на час. Глеб Якунин, с крестом и в рясе, пробрался в хранилище оперативных архивов и выкрал важные материалы. То была оголтелая пляска ведьм.

Президент России решил полностью стереть с лица земли органы государственной безопасности. 21 декабря 1993 года своим Указом он ликвидировал Министерство безопасности Российской Федерации, создав «Федеральную службу контрразведки» и подчинив ее лично президенту. В ликвидированном министерстве из оперативных служб фактически оставалась одна контрразведка. Практически все дело начали ставить заново. Работали те же люди, коллектив создавался годами, изменить его в один момент невозможно, даже если бы этого и очень хотелось.

Я знаю лично многих работающих ныне чекистов. Это славные, честные, образованные люди, готовые, не жалея жизни, служить своей Родине, трудовому народу.

Каждая структура государственной безопасности есть порождение государственного строя своего времени.

Генерал армии Ю.В.Андропов говорил: «Защита интересов отечества — это сфера совместной деятельности государства, общественных и административных органов. Чекисты не могут выгородить здесь себе какой-то узко профессиональный участок и сказать: «Это наше, а остальное нас не касается». Все негативное, чуждое нашему обществу, могущее вызвать нежелательные эксцессы, должно находиться в поле нашего зрения.»

Система государственной безопасности есть историческая категория, какова власть, такова и эта система. Государственная безопасность — тень существующей власти, она выполняет ее директивы. Не может быть и речи о каком-то внесударственном существовании аппарата госбезопасности. У него нет догм, самостоятельной политической цели. Менялись исторические периоды, но чекисты всегда оставались верными политическому строю государства, непреклонно твердыми, волевыми, честными, организованными в борьбе за достижение цели.

Конечно, как говорят, в семье не без урода, и в числе чекистов на моей памяти встречались прохвосты и проходимцы, но таких были единицы. Чекисты имеют иммунитет на честность. Даже в тяжелые годы коррупции, поразившей государственный

аппарат, чекистский коллектив оказался самым надежным, неподкупным, не пораженным коррупцией. Как никому, нашим работникам доверяют многое. Честность — вот их ответ за доверие.

Обращая взор в прошлое, можно твердо сказать, что органы государственной безопасности оставались такими, какой была политическая линия руководства страной. Говорят, чекисты были жестоки, но и революционная, а потом военная обстановка требовала твердости и решительности. В то же время я считаю, что чекистов справедливо критикуют за их действия в мирной обстановке, в период НЭПа, коллективизации и ликвидации кулачества, в годы сталинских репрессий и беззаконий. Но внутренне я убежден, что главная вина лежит на политическом руководстве партии и правительства, на Сталине, его ближайшем окружении. Чекисты все же солдаты, а солдат выполняет приказ. Однако мы проклинаем тех личностей, вышедших из нашей среды, которые на крови, слезах и горе строили свое личное благополучие, карьеру.

Времена великих потрясений насыщены примерами массовых жестокостей и произвола. Гибли миллионы людей в Китае, Индии, в странах Ближнего Востока. На памяти у всех исторический факт, когда в годы Французской революции министр внутренних дел Франции Жозеф Фуше, в Тулоне лично руководил расстрелом якобы революционно настроенных жителей. Сковав восемьсот человек цепями, он вывел их всех на городской холм и расстрелял из пушек.

Жизнь идет, история регистрирует все новые и новые жестокости властелинов, которые устрояя и усмиряя непокорных нередко кровавыми расправами пытаются удерживать существующий строй. История надолго запомнит дни 3—4 октября 1993 года, когда по приказу «великого демократа современности» был расстрелян из танковых пушек Российский Верховный Совет, в котором находились депутаты Верховного Совета Российской Федерации и добровольные защитники Конституции, той самой на которой еще совсем недавно перед всем честным народом клялся этот «демократ». И никто не несет за этот факт злодеяния никакого ответа. А органы государственной безопасности продолжают обливаться ложью и грязью. Сегодня мы, чекисты, во весь голос заявляем, что да, были беззакония, допущенные и культи-

вируемые Сталиным. Но в 1953 году, вскоре после его смерти, главных преступников, совершивших чудовищные репрессии, таких как Берия, Абакумов, Кабулов и их сообщники, предали суду и расстреляли. С этого времени многое сделано по пресечению произвола. Реабилитированы сотни тысяч людей, незаконно осужденных в годы «великих чисток» «тройками» и «особыми совещаниями».

Тяжелое пятно лежало на чекистах, их не уважали, а боялись. Пришлось много потрудиться для того, чтобы вернуть в народе доверие к органам госбезопасности, укрепить связь с массами, с коллективами заводов, фабрик, колхозов и совхозов, с работниками науки и культуры. Постепенно лед отчуждения растаял, дружба с трудящимися укрепилась, а это привело к большим успехам в агентурной работе.

С 1964 года в органах государственной безопасности не отмечалось ни одного сколько-нибудь серьезного нарушения закона.

Большой и тяжелый путь прошли органы государственной безопасности. За прошедшие годы менялись их названия — ЧК, ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, АФБ, МБВД, ФСК, и вот теперь Федеральная служба безопасности России, но не меняется их суть. Они всегда были и остаются политическими структурами на службе государства.

Смена названий, как известно, происходила в связи с изменением политической обстановки. Она менялась, но механизм действий органов безопасности оставался прежним. Они продолжали носить характер политического государственного аппарата и верно служить новой политической ориентации. Естественно, что новые веяния в политике любого вновь пришедшего государственного руководителя непосредственно отражались на деятельности аппарата госбезопасности. Его сотрудники обязаны были проводить новую политическую линию государства, выполнять личные указания вновь пришедшего к власти руководителя.

Кому все это становилось не по душе, уходили в отставку. Так было, так есть и так будет. Такова логика вопроса.

Анализ деятельности органов госбезопасности показывает, что нельзя всю их работу за многие десятилетия валить в одну кучу, она имеет свое своеобразие на разных этапах истории. Некоторые наши политики, историки и журналисты не учитывают

этих обстоятельств. Для части из них вообще не существует понятий «черного и белого», они продолжают оценивать работу органов госбезопасности по принципу — чем хуже, тем лучше, то есть чем хуже они о них говорят, тем для них лучше. Но пусть это остается на их совести, если, конечно, она у них есть.

Перестраивать структуру государственной безопасности надо с умом. Труд чекистов — процесс коллективный, результаты его зависят от того, насколько все звенья структуры, работающей на безопасность, действуют слаженно, квалифицированно, оперативно, грамотно. Перестраивать аппарат — это не значит дробить или концентрировать его структуры. Надо стремиться к тому, чтобы он стал сильным, высоко организованным, результативным.

В настоящее время наметилась, как мне видится, линия к исправлению допущенных ошибок, принимаются меры к объединению подразделений, ранее отторгнутых от КГБ, созданию единой, мощной, сильной системы государственной безопасности. Со временем, по мере наведения правового порядка в государстве, безусловно следует освободить госбезопасность от несвойственных ей милицеских функций. Но это возможно лишь в дальнейшем, когда жизнь улучшится.

Органы государственной безопасности всегда имели замечательные, профессионально подготовленные, преданные кадры руководящего и оперативного состава. За годы своей работы я встречался с многими сотрудниками госбезопасности, как в центре, так и на местах. Практически все они высоко чтили звание офицера, его честь и достоинство. Я лично наблюдал как эти люди проводят оперативные мероприятия, участвуют в трудных, опасных, порой смертельных акциях.

Правительство по достоинству награждало многих чекистов орденами и медалями, присваивало им звание Героев Советского Союза. Таких людей нашего поколения никогда и никому не удастся повернуть на капиталистический путь развития.

В органах госбезопасности работает большое число высоко подготовленных кадров всех профессий и специальностей. Они не только прекрасные оперативные работники, но и математики, физики, химики, юристы, журналисты, праведы, инженеры. Многие владеют иностранными языками. Родина не жалела

средств на подготовку таких кадров для органов государственной безопасности страны.

Надо найти пути к душам людей, увлечь их полезной и нужной для государства работой. А они, я уверен, отдадут все свои силы, опыт и знания делу защиты интересов Родины — России, но не амбиций правителей.

Работа чекистов трудная, кропотливая, порой опасная. Борьба со шпионажем, с терроризмом коренным образом отличается от труда милиции, которая имеет дело с конкретным преступлением, сбором доказательств и улик, поимкой преступника и раскрытием уголовного дела. В госбезопасности особое внимание уделяется профилактике преступлений, агентурной работе, оперативной технике и аналитическим методам. В связи с развалом органов госбезопасности внимание к этим вопросам принижено. Особенно жестокий удар нанесен агентурной работе. Теперь многие не соглашаются сотрудничать с органами безопасности. Политические авантюристы типа Бог весть кому служащего священника Якунина даже пытались обнародовать списки агентуры. Эти действия нельзя расценивать иначе, как государственное преступление, но, к сожалению, такие люди сейчас поддерживаются властями.

Агентура — это неоценимые помощники государства, дающие возможность решать важные государственные задачи. Тратя свое драгоценное время, действуя добровольно, на патриотической основе они вносят большой вклад в дело государственной безопасности. Руководству государства и органов безопасности следует относиться к агентам с благодарностью и вниманием. Работа с агентурой — большое оперативное искусство. Здесь на первый план выступают проблемы подбора, использования, воспитания агентов, определения необходимого их числа. Основы этой работы — достоверность информации, честность агента, добросовестное отношение к делу. Следует отметить, что в прошедший период наблюдались серьезные ошибки, перегибы в работе с агентурой, особенно при определении ее количественного состава.

Агентурный аппарат надо беречь, как государственное достояние, так же как оперативную технику и систему оперативного анализа — это основа боеспособности органов госбезопасности, показатель их готовности обеспечивать безопасность государства.

Требуется постоянно повышать качество агентурных разработок, беречь их от разглашения, строго соблюдать порядок конспирации в работе. Это непереносимое и обязательное правило.

В Советском Союзе существовала мощная система государственной безопасности, успешно решавшая задачи разведки и контрразведки. Накопленный положительный опыт необходимо использовать для пользы государства.

Силовые структуры не должны служить отдельным личностям, а только государству, Конституции, закону, народу. Следовало бы в Конституции записать, что министр обороны, министр внутренних дел и министр государственной безопасности при назначении на должность должны приносить присягу на сессии Государственной Думы на верность Конституции. В числе других обязательств в присяге должно быть указано — министры могут не выполнять требования, которые нарушают Конституцию или антинародны по своей сути.

Вот и конец моим воспоминаниям. В моих жизненных планах не было помысла написать эту книгу. Тема сложная, специфическая и раскрыть ее не просто. Выступить с воспоминаниями меня убедили товарищи по совместной работе в КГБ. Я выполнил свой долг перед ними, написал книгу, а по сути летопись своей жизни, назвав ее «Государственная безопасность и время». Хотелось бы, чтобы ее прочли с интересом и она была бы полезной читателю.

Начиная работу над книгой я обещал писать правду и только правду, какой бы горькой она не была. Писать о тяжелых обвалах, которые за истекшее десятилетие обрушились на нашу родную землю, на дорогой мне российский народ трудно, очень трудно. Но лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Я старался в жизни быть открытым, твердым, верным избранному мною делу и никогда не изменял этому правилу.

Один из первых читателей моей будущей книги обратился ко мне со следующими словами:

— Виктор Иванович! Без обиды, поймите нас читателей! Было бы неплохо, на наш взгляд, если бы автор, хотя бы раз себя покритиковал за какое-то допущенное малодушие, или за то, что поступил против своей совести.

Я внимательно посмотрел себе в душу, посоветовался с нею, и решил, что не допускал когда-либо малодушия, не поступал

против совести, твердо хранил честь и достоинство. Если замечал что-то несправедливое, то любому человеку говорил об этом прямо в глаза. Конечно, и я не избежал ошибок, промахов, просчетов, каких-то неправильных поступков, но все они могли быть в дальнейшем исправлены. Ведь путь-то у меня в жизни длинный, в этом году исполнилось 85 лет.

За истекшие десять лет на нашей Российской земле произошли трагические события — отступил и пал в стране социалистический народный строй. Но жизнь неумолимо берет свое. Нарастает волна народного гнева, отмщения за поруганную жизнь. Расправила плечи Коммунистическая партия Российской Федерации. Ее символы — Россия, труд, народовластие, социализм оставляют глубокий след в душах трудящихся. Победа коммунистов на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 года, успехи на региональных выборах подтверждают, что ошибка истории о временной утрате социалистического строя и приходе к власти «демократов» будет исправлена. Страна вновь встанет на путь социалистического развития. «Россия встрянет ото сна», народ вернет себе утраченное счастье.

Январь 1994 — январь 1997 г.г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕРОИЧЕСКИЕ ГОДЫ МОСКОВСКИХ ЧЕКИСТОВ*

Из истории Московской чрезвычайной комиссии.

К должности начальника Управления КГБ СССР по Москве и Московской области я приступил, как уже говорил в книге, в январе 1971 года. Естественно, в первую очередь мне предстояло окунуться, буквально с головой, в вопросы служебной деятельности, познакомиться с оперативной обстановкой в Москве и области, оценить состояние агентурно-оперативной работы и, конечно же, познакомиться с людьми. От них в конечном счете зависело успешное решение возложенных на Управление задач.

Уже с первых шагов в этом направлении, я понял на какой важный участок в аппарат государственной безопасности страны, представляющий столицу нашей Родины — Москву, был назначен.

Москва и Московская область — это центр сосредоточения высокой политики, крупной военной и гражданской экономики, передовой научной мысли, культуры, искусства, образования. Естественно, здесь возникают и всегда будут возникать наиболее острые проблемы, связанные с государственной безопасностью.

Жизнь столицы невольно влекла меня к воспоминаниям о прошлом, о деятельности коллектива московских чекистов в прожитые годы. Как боролись они за утверждение новой жизни в первые послереволюционные годы, как сражались с немецко-фашистскими захватчиками, когда гитлеровские орды стояли у стен столицы, а значительная часть Подмосковья оказалась оккупированной.

Помнится, по приходу в московское управление госбезопасности, товарищи доложили мне, что в архивах Управления имеется огромное количество уникальных документов, наглядно подтверждающих вышесказанное. Посоветовавшись, мы тогда решили вернуть к жизни эти бесценные свидетельства героических деяний московских чекистов.

* Московский рабочий. 1978. Редакционная коллегия: В.И.Алидин (председатель), А.С. Велидов, Н.Н.Пономарев. Составители: А.С.Велидов, И.Е.Поликарено, В.Г. Ушаков.

Конечно, с документами предстояло серьезно поработать, привести их в порядок, систематизировать и уж только после этого опубликовать. Созданная летопись должна рассказать читателям не только о трудном боевом пути московской ЧК, но и о будничной работе — о том, как чекисты участвовали в разработке нового социалистического законодательства о государственной безопасности и охране правопорядка, в подъеме разрушенного хозяйства, в воспитании подрастающего поколения.

Большая историческая ценность документов состояла в том, что Московской чрезвычайной комиссией одно время руководил ближайший соратник В.И.Ленина, «железный Феликс» — Феликс Эдмундович Дзержинский.

Честно говоря, в этой книге я не ставил перед собой задачу воспроизвести историю московских чекистов, но поскольку пятнадцать последних лет моей службы были отданы Московскому управлению, считаю своим долгом хотя бы коротко познакомить читателя с теми, кто создавал МЧК, кто верой и правдой служил Отечеству, делу его государственной безопасности.

Представленные ниже документы рисуют впечатляющую картину борьбы московских чекистов против врагов Советской власти.

* * *

Все сообщения принимаются в отделе донесений (Бол. Гнездиковский пер., д. 3).

Ответственный коллектив комиссии по борьбе с контрреволюцией при президиуме Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области.

Печатается по тексту газеты «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области».

* * *

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ВЧК 19 марта 1918 г.

С л у ш а л и: О слиянии московских комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией со Всероссийской чрезвычайной комиссией.

П о с т а н о в и л и: Московские комиссии... сливаются со Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Комиссия несет ответственность перед Советом Народных Комиссаров, дает отчет и делает доклады Московскому Совету. Входят в состав Чрезвычайной Комиссии следующие товарищи: Магеровский, Артишевский, Янушевский.

С л у ш а л и: О районных собраниях.

П о с т а н о в и л и: Тов. Полукаров берет па себя инициативу совместно с московскими товарищами созвать собрания заведующих отделами для выработки общего плана дальнейшей работы.

(Коллекция архивных материалов по истории ВЧК и МЧК.)

ОБРАЩЕНИЕ ВЧК К НАСЕЛЕНИЮ МОСКВЫ С ПРИЗЫВОМ ОКАЗЫВАТЬ ПОДДЕРЖКУ В ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3 апреля 1918 г.

Волею Совета Народных Комиссаров Российской Федеративной Социалистической Республики мы призваны к деятельности в г. Москве. Вступая в отправление своих обязанностей, Всероссийская чрезвычайная комиссия считает необходимым довести до сведения граждан г. Москвы, что первейшей ее задачей будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия самовольных захватчиков и бандитов, разбойников и хулиганов и обыкновенного жулья, осмелившихся скрываться и выдавать себя за анархистов, красногвардейцев и членов других революционных организаций. В борьбе с этими двойными преступниками, охотно входящими в сношения и принимающими в свою среду контрреволюционеров, ударников и белогвардейцев, будет проявлена особая решительность и беспощадность.

Все население Москвы призывается к полному спокойствию и содействию законной власти и неукоснительному искоренению всех элементов, деятельность которых явно враждебна свободному республиканскому строительству нашего социалистического отечества. Население должно знать, что во Всероссийской чрезвычайной комиссии оно встретит самую живую отзывчивость по каждому делу, где поправа справедливость, совершено или готовится совершиться преступление. За каждое сведение о местопребывании громил, захватчиков, спиртоносов, спиртоносов, спекулянтов, саботажников и контрреволюционеров

Всероссийская чрезвычайная комиссия будет признательна и благодарна. Надо твердо знать, что только общими усилиями твердой власти и друзей свободной России мы можем непоколебимо и могущественно утвердить начала нового строя революционно-социалистической России.

За истекшие месяцы со дня Октябрьской революции к работе правительства примазались, под маской сочувствующих и единомышленников, различные нежелательные элементы. Очищением от этой скверны комиссия займется особенно усердно, и здесь мы просим содействия граждан. Необходимо немедленно заявлять Всероссийской чрезвычайной комиссии о каждом неправомерном, незаконном или преступном поступке всех без различия положения и службы, наперед зная, что всякое такое заявление, письменное или устное, будет встречено искренней благодарностью.

Все лица, носящие оружие, должны немедленно озаботиться о направлении у Советской власти надлежащих удостоверений, причем Всероссийская чрезвычайная комиссия предупреждает, что после опубли-

ликования этого обращения к населению всякое незарегистрированное холодное или огнестрельное оружие не только будет отбираться, но собственники его будут подвергаться самой суровой ответственности.

Все взрывчатые вещества, хранящиеся в сыром виде, а также бомбы, гранаты, машины и прочие приспособления, находящиеся в распоряжении частных лиц, учреждений и партийных организаций, не получивших правительственного разрешения, должны быть сданы во Всероссийскую чрезвычайную комиссию немедленно. Лица, не подчинившиеся этому постановлению, тем самым объявляют себя врагами народа и становятся вне закона.

Лицам, занимающимся грабежами, убийствами, захватами, налетами и прочими т. п. совершенно нетерпимыми преступными деяниями, предлагается в двадцать четыре часа покинуть город Москву или совершенно отрешиться от своей преступной деятельности, зная вперед, что через двадцать четыре часа после опубликования этого заявления все, застигнутые на месте преступления, немедленно будут расстреливаться. Предупреждая всех о начале своей деятельности, Всероссийская чрезвычайная комиссия будет всегда публиковать во всех газетах о всех выдающихся случаях борьбы.

Все заявления, письменные или устные, по делам комиссии должны быть направляемы по адресу: Москва, Лубянка, дом страхового о-ва «Якорь».

Телефон № 5-79-23.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией

(Печатается по тексту сборника «Упрочение

Советской власти в и Московской губернии», с. 115 — 116.)

* * *

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЧК Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО С СОТРУДНИКОМ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ» О РАЗОРУЖЕНИИ АНАРХИСТОВ В МОСКВЕ

16 апреля 1918 г.

По поводу мотивов, вызвавших разоружение анархистов, наш сотрудник беседовал с председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией т. Ф. Э. Дзержинским.

— Нашей задачей, сказал т. Дзержинский, — с самого начала возникновения Чрезвычайной комиссии как органа борьбы с антиреволюционными явлениями была борьба с преступностью во всех ее проявлениях. Поэтому совершенное нами очищение города в ночь на 12 апреля следует рассматривать как одно из наших мероприятий, осуществленное в широком масштабе.

В специальном воззвании, выпущенном комиссией, мы за несколько времени до разоружения анархистов объявили беспощадную войну

всякого рода преступным элементам, и те из них, которые не покинули Москвы, естественно, должны были ждать нашего воздействия. Что же касается собственно анархических организаций, то, хотя идейные анархисты обещали отделить и изолировать себя от преступных элементов, проникших в большом числе в федерацию анархистов, но до самого последнего времени это обещание выполнено не было. Кроме того, дело с продажей опиума, который был взят якобы для того, чтобы быть сожженным, а потом оказался проданным, затем дело Мамонта Дальского, наконец, дело Кебурье — все это вполне показало, что идейные элементы анархистских организаций не только не в состоянии очистить организации от преступных элементов, но сами находятся в плену у последних.

Я должен заявить, продолжал т. Дзержинский, и при этом категорически, что слухи в печати о том, что Чрезвычайная комиссия выходила в Совет Народных Комиссаров с ходатайством о предоставлении ей полномочий для борьбы с анархистами совершенно не верны. Мы ни в коем случае не имели в виду и не желали вести борьбу с идейными анархистами и в настоящее время всех идейных анархистов, задержанных в ночь на 12 апреля, мы освобождаем, и если, быть может, некоторые из них будут привлечены к ответственности, то только за прикрытие преступлений, совершенных уголовными элементами, проникшими в анархические организации.

Идейных анархистов среди лиц, задержанных нами, очень мало, среди сотен — единицы.

Далее т. Дзержинский коснулся обстоятельств, сопровождавших самую ликвидацию анархических групп. Интересно отметить, сказал он, что многие арестованные утверждали, что они не анархисты, а просто безработные, однако большинство из этих «безработных» оказывались с уголовным прошлым. Среди них выделяются типы явно контрреволюционные. Мы имели определенные сведения, что вожди контрреволюции хотят воспользоваться преступными элементами для выступлений против Советской власти. Последнее обстоятельство подтверждается также и теми своеобразными мотивами, которыми руководствовались анархические группы при занятии особняков: они выбирали стратегические пункты как раз против всех наиболее важных советских учреждений города, поэтому мы имели основание предполагать, что якобы анархическими организациями руководит опытная рука контрреволюции.

И действительно, как доказывают найденные при аресте «анархистов» инструкции, выбор тех или иных особняков был далеко не случайным. В инструкциях точно указано, в каком именно районе следует занимать особняки. Подобные инструкции были отпечатаны во многих экземплярах и найдены у многих лиц. Приводим текст одной из инструкций:

«1. Найти особняки в районе Мясницкой ул. и переулков Чудовского, Мал. или Больш. Харитоньевского.

2. Найти особняк в районе Неглинного проезда, против Г. Б. (Государственного банка).

3. Моховая ул., N 6, Красильщиковой (разузнать все насчет дома).

4. Пречистенская наб., особняк найти напротив А. Д. (против этого пункта нарисованы пупки).

Тов. Нелидов в районе Мясницкой в Мал. Харитоньевском пер., особняк г. Зуттер (напротив Политехнич. о-ва), 2-й этаж. Охраны в доме нет (охрана соседнего дома). В Чудовском пер., д. № 5, Пастуховой, 2-й этаж, охраны нет. 4 квартиры, в доме не живут (гараж). Дом № 6, Высоцкий,

3-й этаж, охрана есть немногочисленная».

В помещении одной из групп найдено предписание переменить свое местопребывание и найти особняк, который бы находился на углу улицы, чтобы тем самым обладать лучшим стратегическим положением. В ночь на 12 апреля одна из групп анархистов в 2 часа ночи заняла особняк, на протест хозяев, требовавших разрешения от Советской власти, было отвечено, что Советская власть еле дышит.

Мы в настоящее время будем продолжать с должной энергией довершение начатого дела по очищению города от преступных элементов. В ближайшем будущем нами образуется особый подотдел, который систематически займется борьбой с преступными элементами.

В заключение т. Дзержинский категорически опроверг сведения, помещенные в № 63 газеты «Вперед» (Центральный орган партии меньшевиков), о том будто бы арестованные, числящиеся за Чрезвычайной комиссией, содержатся в ужасных условиях, в подвале и испытывают грубое обращение.

— За нами числится в настоящее время не 126, как указано в газете «Вперед», а всего 66 человек, и сидят они не в подвале, а в сухом хорошем помещении; все они допрошены, и всем предъявлено обвинение.

При предъявлении нами задержанных в ночь на 12 апреля для опознания лицам, потерпевшим от ограблений, некоторые из грабителей опознаны. Между прочим, один пострадавший артельщик опознал ограбившего его на 300 000 руб. преступника.

(Печатается по тексту кн.: Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, изд. 3-е, т. 1. М., 1977, с. 160—171.)

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ МОСКВЫ НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

29 мая 1918 г.

Ввиду обнаруженной связи московских контрреволюционных заговорщиков, в центре коих стоят правые социалисты-революционеры, с

восстанием погромных банд в Саратове, мятежом казацкого генерала Краснова на Дону и восстанием белогвардейцев в Сибири, а также ввиду разнузданной агитации контрреволюционеров, стремящихся использовать продовольственные затруднения народа в интересах восстановления власти капиталистов и помещиков,

Совет Народных Комиссаров постановляет: объявить Москву на военном положении.

На Н. И. Муралова (Н.И.Муралов, командующий войсками Московского военного округа) возлагается обязанность принятия всех вызываемых обстоятельствами чрезвычайных мер в интересах поддержания революционного порядка.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Народный комиссар по военным и морским делам

(Печатается по тексту сборника «Декреты Советской власти», т. 2, с. 343.)

* * *

ИЗ СООБЩЕНИЯ ВЧК О РАСКРЫТИИ И ЛИКВИДАЦИИ
КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «СОЮЗ ЗАЩИТЫ РО-
ДИНЫ И СВОБОДЫ» В МОСКВЕ

[Не ранее 30 мая 1918 г.]

В середине мая 1918 года одной из сестер милосердия Покровской общины было сделано заявление командиру латышского стрелкового полка в Кремле, что в ближайшие дни в Москве ожидается восстание и особо жестоко будут расправляться с латышскими стрелками. Об этом ей рассказывал влюбленный в нее юнкер Иванов, находящийся на лечении в Покровской общине. Последний ее умолял покинуть на это время Москву, дабы избежать неприятностей и опасности, угрожающей в результате междоусобной войны. Этому заявлению нельзя было отказать в серьезности. Заявление было передано в ВЧК.

Последняя немедленно установила наблюдение за Ивановым и скоро обнаружила, что Иванов часто заходит в Малый Левшинский переулок, д. 3, кв. 9. В этой квартире постоянно собиралось много народу, поэтому было решено произвести обыск во время одного из сборищ. В квартире было обнаружено 13 человек: Иванов, Парфенов, Сидоров, Висчинский, Голиков, Голикова и др. На столе, среди прочих бумаг, был найден набросок схемы построения пехотного полка и небольшая сумма денег, от которой все отказывались. При личном обыске была обнаружена программа «Союза защиты родины и свободы», перепечатанная на машинке, картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки с буквами О. К., пароль и адреса в г. Казани.

При допросе Иванов сознался, что был введен в «Союз защиты родины и свободы» Сидоровым. Он же показал, что в этой организации

состоят: офицеры — Парфенов, Сидоров, Пинка, Висчинский, Никитин, Литвиненко, Виленкин, Олейник с отцом, Коротаев и Шингарев. Организатором московской организации был Пинка, он же Альфред. Адрес последнего был установлен при допросе, а он сам, после приезда из деревни, куда выезжал к родным, арестован.

Пинка, в свою очередь, изъявил согласие выдать всю организацию при условии дарования ему жизни. Это ему было обещано. Тогда он показал следующее:

« Ввел меня в организацию Готшер Карл Иванович. Наша организация придерживается союзнической ориентации, но существует еще и немецкая ориентация, с которой мы хотели установить контакт, но пока еще не удавалось. Эта немецкая ориентация самая опасная для Советской власти. Она имеет много чиновников в рядах советской организации.

Во главе этой организации стоит от боевой группы генерал Довгерт. В курсе дела инженер Жилинский.

По данным, исходящим из этой ориентации, Германия должна была оккупировать Москву в течение двух недель (к 15 июня).

В этой же организации работает князь Кропоткин, ротмистр, и полковник генерального штаба Шкот. Эта организация имеет связь с Мирбахом... Цель этой организации — установить неограниченную монархию. Наша организация называлась «Союзом защиты родины и свободы». Цель — установить порядок и продолжать войну с Германией. Во главе нашей организации стоит Савинков. Он побрился, ходит в красных гетрах и в костюме защитного цвета. Начальник нашего штаба Перхуров.

Савинков ходит в пальто защитного цвета и во френче, роста невысокого, брюнет, стриженные усики, без бороды, морщинистый лоб, лицо темное. Сильное пособие мы получали от союзников. Пособие мы получали в деньгах, но была обещана и реальная сила. Наши планы были таковы: при оккупации Москвы немцами уехать в Казань и ожидать там помощи союзников. Но союзники ожидали, чтобы мы создали правительство, от лица которого бы их пригласили официально. Правительство было уже намечено во главе с Савинковым. Цель — установить военную диктатуру.

Казанская организация насчитывает 500 человек и имеет много оружия. 29 числа (мая) отправились в Казань квартирьеры. Явиться они должны по адресу — Северные номера, спросить Яковсена, отрекомендоваться от Виктора Ивановича для связи с местной организацией. Из политических партий к нашей организации принадлежат: народные социалисты, социал-революционеры и левые кадеты, а сочувствовали даже меньшевики, но оказывали помощь только агитацией, избегая активного участия в вооруженной борьбе.

По Милотинской, д. 10, живет фон дер Лаунц, он служит в Красной Армии начальником эскадрона. Он тоже состоит в организации. Торгово-промышленные круги принадлежат к немецкой ориентации. Наш главный штаб имеет связь с Дутовым и Деникиным, ставшим на место Корнилова. Новое Донское правительство — работа Деникина. Из адресов я знаю Виленкина, присяжного поверенного: Скатертный пер., д. 5а, кв. 1. С ним связь поддерживал Парфенов. Он — заведующий кавалерийскими частями. На Левшинском, д. 3, был штаб полка.

Право заходить туда имели только начальники и командиры батальона. Один человек должен был знать только четырех. Все устроено строго конспиративно. Все идет только через несколько рук.

Адрес главного штаба — Остоженка, Молочный пер., д. 2, кв. 7, лечебница (между 12 — 2).

Троицкий пер., д. 33, кв. 7, Филипповский, полковник (спросить поручика Попова, где живет Филипповский), рекомендация от Арнольдова.

Начальник продовольственной милиции Веденников тоже состоял в организации. Через него получались оружие и документы. Цель вступления в продовольственную милицию — получить легальное существование, вооружение и документы...

Пока в составе дружины были только офицеры. В пехоте нашей числилось в Москве 400 офицеров. Сколько было кавалерии — не знаю. Из наших людей часть работает в Кремле. По фамилии не знаю. Один из них по виду высокого роста, брюнет, георгиевская петлица на шинели, лет 23 — 24, стриженные усы, без бороды.

В гостинице «Малый Париж», Остоженка, д. 43, можно встретить начальника штаба и тех, кто с докладом приходит. Там живет Шрейдер, офицер, принимает между 4 — 5, спросить Петра Михайловича.

В 19 верстах от Москвы по Нижегородской жел. дор. имеется дача, в которую недавно переселилась одна парочка. Недалеко от дачи на железной дороге два моста, под которыми подложен динамит в целях взрыва советского поезда при эвакуации из Москвы.

Бол. Николаевская, д. 5, кв. 7, спросить Гусева. В его ведении состоят все склады оружия в Москве. Прием от 1 — 3.

Наши организации имеются в Ярославле, Рязани, Челябинске и приволжских городах. Было условлено, что японцы и союзники дойдут до линии Волги и тут укрепятся, потом продолжат войну с немцами, которые, по данным нашей разведки, в ближайшем будущем займут Москву. Отряды союзников составлялись смешанные, чтоб ни одна сторона не имела перевеса. Участие должны были принимать американцы. Семеновские отряды пока действовали самостоятельно, но связь все же хотели установить».

При помощи того же Пинка были установлены казанские адреса, куда немедленно были посланы уполномоченные ВЧК. Воспользовавшись паролем, им удалось связаться с казанским штабом и арестовать его целиком. В числе их был генерал Попов.

(Печатается по тексту сборника «Из истории ВЧК», с. 121-124.)

* * *

СООБЩЕНИЕ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ» ОБ АКТИВНОМ УЧАСТИИ ФРАНЦУЗСКОЙ МИССИИ В ВЕРБОВКЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ В РОССИИ

2 июля 1918 г.

Недавно ВЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией получила определение сведения о том, что здесь, в Москве, неизвестная организация занимается вербовкой среди чехословаков и поляков добровольцев в контрреволюционные отряды. При этом имелись точные указания об активном участии в этой организации одной из миссий союзного дипломатического корпуса. Данные свидетельствовали о широком масштабе этой секретной деятельности по вербовке контрреволюционных отрядов. Филиальные отделения этой конспиративной организации имелись почти во всех крупных городах Советской Республики. По-видимому, вербовка контрреволюционных отрядов происходила по определенному плану и указаниям из центра.

Вчера ВЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией стало определено известно, что в 9 час. вечера на Ярославском вокзале приготовлено два вагона для посадки на вербованных добровольцев — чехословацких и польских офицеров.

ВЧК по проверке сведений на месте обнаружила два вагона в составе поезда, отправляющегося на Вологду, специально предназначенных для добровольцев, которые официально назывались солдатами французской армии.

Скоро начали появляться добровольцы и садится в отведенные вагоны. Когда погрузка людей кончилась, ВЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией оцепила вагоны и арестовала всех находившихся там лиц. При них были найдены бумаги, выданные французской миссией, удостоверяющие принадлежность данных лиц к составу французской армии. Когда сотрудники ВЧК начали допрашивать арестованных о направлении и цели их пути, то эти мнимые французы оказались почти ни слова не понимающие по-французски. Арестовано 45 человек, главным образом офицеров.

Из дальнейших допросов выяснилось, что вербовкой непосредственно занималась французская миссия, причем все дело было сосредоточено в руках секретаря этой миссии поляка Юлбского. Во главе отряда стоял капитан Поппельский.

Вербуемым разъясняли, что они приглашаются выполнить свой патриотический долг, причем конкретно указывались три способа выполнения этого долга:

- 1) формирование из них особого корпуса для посылки во Францию в помощь французской армии;
- 2) отправка в Вологду на предмет получения там какой-то важной инструкции;
- 3) посылка в помощь чехословацким бандам, оперирующим в Поволжье.

При этом добровольцы утверждали, что вербовка их велась исподволь, очень осторожно, путем агитации великосветскими дамами и представителями аристократических фамилий. Агитаторы начинали с похвал «геройству» чешских контрреволюционных банд, помогающих России «освободиться от большевистского гнета и выявить свое подлинное лицо». Когда агитаторы замечали сочувствие их агитации, они начинали призывать к активному участию в патриотической борьбе против Германии.

Добровольцам по условию полагалось 400 руб. подъемных.

Добровольцев на вокзале провожала великосветская публика с букетами цветов. Среди провожающих были произведены некоторые аресты, причем арестован один крупный миллионер-фабрикант.

(Печатается по тексту сборника «Из истории ВЧК», с. 144-145)

* * *

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ О ЛЕВОЭСЕРОВСКОМ МЯТЕЖЕ И ОБ УБИЙСТВЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА

6 июля 1918 г.

Сегодня, 6 июля, около 3 час. дня, двое (негодяев) агентов русско-англо-французского империализма проникли к германскому послу Мирбаху, подделав подпись т. Дзержинского под фальшивым удостоверением, и под прикрытием этого документа убили бомбой графа Мирбаха. Один из негодяев, выполнивших это провокационное дело, давно уже и многократно связывавшийся в советской печати с заговором русских монархистов и контрреволюционеров, по имеющимся сведениям, — левый эсер, член комиссии Дзержинского, изменнически перешедший от службы Советской власти к службе людям, желающим втянуть Россию в войну и этим обеспечить восстановление власти помещиков и капиталистов либо подобно Скоропадскому, либо подобно самарским и сибирским белогвардейцам.

Россия теперь, по вине негодяев левоэсеровства, давших себя увлечь на путь Савиновых и компании, на волосок от войны.

В Германии самая сильная партия, военная партия, давно ищет повода для наступления на Петроград, Москву и Царицын. Теперь повод для этой партии есть такой, лучше коего нельзя бы ей и желать.

На первые же шаги Советской власти в Москве, предпринятые для захвата убийцы и его сообщника, левые эсеры ответили началом восстания против Советской власти. Они захватили на время комиссариат Дзержинского, арестовали его председателя Ф. Э. Дзержинского и его члена Ладиса, виднейших членов Российской Коммунистической партии (большевиков).

Левые эсеры захватили затем телефонную станцию и начали ряд военных действий, заняв вооруженными силами небольшую часть Москвы и начав аресты советских автомобилей.

Советской властью задержаны как заложники все бывшие в Большом театре делегаты V съезда Советов из партии левых эсеров, а равно приняты все меры для немедленного военного подавления и ликвидации мятежа новых слуг белогвардейских замыслов и скоропадчины.

Все, кто понимает безумие и преступность вовлечения России теперь в войну, поддерживают Советскую власть. В быстрой ликвидации мятежа нет ни тени сомнения.

Все на свои посты! Все под оружие!

Долой слуг белой гвардии и Скоропадского!

Москва, 6 июля 1918 г.

(Печатается по тексту сборника «Декреты Советской власти», т. 2, с. 530 — 531.)

* * *

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ О ЛИКВИДАЦИИ МЯТЕЖА ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В МОСКВЕ

7 июля 1918 г.

Контрреволюционное восстание левых эсеров в Москве ликвидировано. Лезвостеровские отряды, один за другим, обращаются в самое постыдное бегство. Отдано распоряжение об аресте и разоружении всех левостеровских отрядов, и прежде всего об аресте всех членов центрального комитета партии левых эсеров. Оказывающих вооруженное сопротивление при аресте — расстреливать на месте.

Арестовано несколько сот участников контрреволюционного мятежа, в том числе видный член партии левых эсеров — Александрович, занимавший пост товарища председателя в комиссии по борьбе с контрреволюцией и действовавший так же, как действовал провокатор (Азеф — один из организаторов партии эсеров и руководителей ее «боевой организации», являвшийся в то же время агентом царской охраны.) Рабочие и красноармейцы призываются к бдительности. Мобилизация сил должна продолжаться. Все до единого члены левостеровских отрядов должны быть обезврежены.

(Печатается по тексту сборника «Декреты Советской власти», т. 2, с. 534).

* * *

СООБЩЕНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» О БОРЬБЕ ВЧК С БАНДИТИЗМОМ

25 июля 1918 г.

ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями арестовала около 200 лиц, занимавшихся грабежами, налетами и убийствами. Благодаря бдительности и усиленной деятельности по борьбе с преступлениями в последнее время таковые имеют место значительно реже, чем в ноябре прошлого и феврале сего года.

Надо отметить, что деятельность этого отдела ВЧК встречают сочувствие и полное доверие со стороны населения, что доказывают частые просьбы жителей об оказании помощи при поимке и задержке преступников. ВЧК решила бороться с бандитами и грабителями самыми решительными мерами, вплоть до расстрела пойманных на месте преступления с оружием в руках.

Кроме того, ВЧК будет помещать в периодической печати и в иллюстрированных изданиях фотографические карточки разыскиваемых опасных преступников, чтобы их «познакомить» с публикой и пострадавшими от них.

В руки ВЧК попала целая шайка громил во главе с Васьюкой (Кабановым), которая в Бронницком уезде убила артельщика завода Шлихтермана И.Н. Кремлева и кучера Каменского и похитила 160 000 рублей. Участники убийства все арестованы: Егор Мигунов, Петр Скворцов, Андрей Феонов, А. Кронем и В. Чупков.

На Курском вокзале арестован бандит Вагновский, который около трех месяцев оперировал в окрестностях Москвы и раньше состоял в шайке расстрелянного бандита Адамского. При нем найдены револьвер и бомба.

(Печатается по тексту газеты «Правда» № 154, 25 июля 1918 г.)

* * *

ИЗ ПАМЯТКИ СОТРУДНИКАМ ЧК

Июль 1918 г.

ЧТО ДОЛЖЕН ПОМНИТЬ КАЖДЫЙ КОМИССАР, СЛЕДОВАТЕЛЬ, РАЗВЕДЧИК, РАБОТАЯ ПО РОЗЫСКУ

Быть всегда корректным, вежливым, скромным, находчивым.

Не кричать, быть мягким, но, однако, нужно знать, где проявлять твердость.

Прежде чем говорить, нужно подумать.

На обысках быть предусмотрительным, уметь предостерегать несчастия, быть вежливым, точным до пунктуальности.

Быть всегда в обращении с публикой вежливым, а при случае уметь проявить твердость.

Каждый сотрудник должен помнить, что он призван охранять советский революционный порядок и не допустить нарушения его, если он сам это делает, то он никуда не годный человек и должен быть исторгнут из рядов комиссии.

Быть чистым и неподкупным, потому что корыстные влечения есть измена рабоче-крестьянскому государству и вообще народу.

Быть выдержанным, стойким, уметь быстро ориентироваться, принимать мудрые меры.

Если ты узнаешь, где о небрежности и злоупотреблении, не бей во все колокола, так как этим испортишь дело, а похвально будет, если ты их тихо накроешь с поличным, а затем к позорному столбу перед всеми.

Храни, как зеницу ока, данные тебе поручения.

(Печатается по тексту сборника «Из истории ВЧК», с.

165 — 166.)

РАСКРЫТИЕ КРУПНОГО ЗАГОВОРА В МОСКВЕ

22 августа 1918 г.

РАЗГРОМ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Московские белогвардейцы уже давно мечтали устроить в Москве вооруженное выступление против Советской власти с целью помешать посылке войск на чехословацкий фронт и этим вызвать сильное замешательство.

Вооруженное выступление готовила особая организация белогвардейцев, имевшая тесную связь с генералом Алексеевым и руководствовавшаяся его инструкциями. Выступление было назначено на 2 августа с.г., но этот план был разрушен внезапной регистрацией всех бывших офицеров и распоряжениями по стратегическому уплотнению квартир.

ПЛАН ВЫСТУПЛЕНИЯ

У арестованных белогвардейцев найден подробно разработанный план вооруженного выступления против советских учреждений 2 августа с.г.

Первым делом белые хотели захватить здание Всероссийской чрезвычайной комиссии и арсенал и открыть огонь по Кремлю. Весь Городской район был разделен на плане на участки с отметкою тех домов, где предполагалось поставить пулеметы.

Характерно, что буржуазия и духовенство, поднявшие крик и плач по поводу обстрела Кремля во время Октябрьской революции, теперь на колокольнях церквей и на чердаках высоких домов принялись за устройство площадок для пулеметов и даже орудий, предназначенных как раз для обстрела Кремля. Такие площадки, наверное, не без ведома отцов

церкви, намечались на колокольне церкви Всех Святых (Варваринская площадь), на колокольне церкви Николая (Устинский проезд), на чердаке Воспитательного дома (Москворецкая набережная) и на фабрике Носенкова, откуда открывается великолепный вид на Кремль.

ГЛАВАРИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Благодаря бдительности и энергичным мерам Чрезвычайной комиссии удалось вовремя арестовать главарей этой организации и тем предотвратить вооруженное выступление, назначенное на 2 августа. Во главе белых стоял Петр Борисович Полянский, бывший штабс-капитан, адъютантом штаба состоял Михаил Эмильевич Розенов, бывший корнет Туземской дивизии, сын профессора.

Кроме этих двух лиц, деятельное участие в белогвардейской организации принимали: Павел Эрнестович Вебер, бывший солдат 10-й автомобильной роты, лавочник на Мясницкой улице; Исидор Львович Маргулис, ударник, бывший унтер-офицер пулеметной команды; Владимир Николаевич Куракин, бывший поручик и главарь московской организации алексеевцев; Владимир Семенович Астафьев, полковник, бывший командир 86-го сибирского стрелкового полка, смотритель Воспитательного дома, на чердаке которого предполагалась постановка пулеметов и даже одной пушки.

При обыске у полковника Астафьева найдены винтовки, гранаты и золотые монеты.

Все эти лица по постановлению Чрезвычайной комиссии расстреляны.

ХАРАКТЕР РАЗГРОМЛЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Согласно показаниям арестованных белогвардейцев, их организация носила строго конспиративный характер... так что никто из членов этой организации не мог знать больше десяти соучастников.

Средства отпускались союзниками в широких размерах, так что оклады простых рядовых этой организации доходили до 500 рублей в месяц.

ОБЯЗАННОСТЬ ЗАЩИТНИКОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Для успешной борьбы с контрреволюцией Всероссийская чрезвычайная комиссия значительно расширила свою деятельность и сейчас после бело-лево-эсеровской авантюры по предложению тов. Петерса приступила к организации городских районных чрезвычайных комиссий, куда должны войти сотрудники советских учреждений.

Защита Советской власти — дело самих рабочих, обязанность каждого сознательного рабочего стать сотрудником Чрезвычайной комиссии, донося о всех замеченных контрреволюционных явлениях...

Сознание твердой необходимости защищать завоевание революции все больше и больше распространяется в среде деревенского населения.

Во всех уездных и губернских городах, а в некоторых местностях даже в волостях учреждены чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

Все на защиту интересов трудового народа, все на защиту Советской власти!

(Печатается по тексту газеты «Известия ВЦИК» №180, 22 августа 1918 г.).

* * *

СОБЩЕНИЕ О РАСКРЫТИИ В МОСКВЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАГОВОРА, ОРГАНИЗОВАННОГО ИНОСТРАННЫМИ ДИПЛОМАТАМИ

4 сентября 1918 г.

Комиссией по борьбе с контрреволюционной и спекуляцией раскрыты все подробности грандиозного заговора в Москве, организованного представителями английской и французской дипломатической миссии.

В руках имеются данные, уличающие господ дипломатов в подготовке восстания в Москве путем подкупа советских войск.

Комиссия при обыске обнаружила планы, по которым должны были действовать заговорщики. Во главе заговора стоял английский представитель Локкарт. При помощи своего адъютанта он попытался подкупить начальника одной из воинских частей. С этим начальником происходил ряд совещаний на конспиративных квартирах, причем ему вручались крупные суммы денег.

Воинские части, которые должны были поднять восстание в Москве, должны были арестовать Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина и других видных комиссаров. Арест должен был состояться во время заседания пленума ЦИК. Особенное внимание было обращено на кабинет товарища Ленина. Здесь должны были быть захвачены все документы.

По разработанному плану, начальник подкупленной воинской части должен был выехать в Петроград, где завязать сношение с местными воинскими частями для совместной работы. Одновременно должно было быть поднято восстание в Нижнем Новгороде.

В ночь на 31 августа комиссия получила сведения, что заговорщики прибыли на свою конспиративную квартиру в одном из домов на Басманной улице. Здесь комиссия арестовала всех участников. Между прочим, на этом собрании был арестован один из служащих военного комиссариата, Фриде.

(Печатается по тексту «Красной газеты» № 184, 4 сентября 1918 г.)

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА О СОЗДАНИИ МОСКОВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

16 октября 1918 г.

В Комиссариат внутренних дел

Слушали: О структуре Чрезвычайной комиссии.

Постановили: Заслушав доклад Всероссийской чрезвычайной комиссии об ее деятельности, мнение президиума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, Московского комитета Российской коммунистической партии и комиссии по выработке инструкции для Московской чрезвычайной комиссии по вопросу о структуре чрезвычайных комиссий — постановлено принять для доведения до сведения Совета Народных Комиссаров и Комиссариата внутренних дел:

1. Все районные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем должны быть подчинены и следовать директивам президиумов районных Советов и Исполнительного комитета Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов.

2. Для объединения деятельности районных чрезвычайных комиссий создается Московская чрезвычайная комиссия, подчиненная Исполнительному комитету Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов.

3. Вопрос о формах взаимоотношений Всероссийской чрезвычайной комиссии и имеющий должен быть разрешен в общероссийском масштабе органами высшей власти с участием представителя от Московского Совета.

Для немедленного приведения Всероссийской чрезвычайной комиссии по г. Москве, все конфискованные по г. Москве товары, продукты и проч. если таковые по декретам Совета Народных Комиссаров не идут в доход казны, должны быть немедленно переданы и впредь поступать в распоряжение Московского совета рабочих и крестьянских депутатов.

Инструкцию об организации Московской чрезвычайной комиссии, выработанную комиссией согласно постановлению президиума от 12 октября, размножить для раздачи членам исполнительного комитета до следующего заседания.

Управляющий делами Член президиума Секретарь

(ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 216 л. 164. Печатается по подлиннику)

* * *

РЕЧЬ В.И. ЛЕНИНА НА МИТИНГЕ-КОНЦЕРТЕ СОТРУДНИКОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

7 ноября 1918 г.

(Буря аплодисментов)

Товарищи, чествуя годовщину нашей революции, мне хочется остановиться на тяжелой деятельности чрезвычайных комиссий.

Нет ничего удивительного в том, что не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК. Тяжелую задачу мы взяли на себя. Когда мы взяли управление страной, нам естественно, пришлось сделать много ошибок и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция подхватывает эти ошибки, не желая вникнуть глубже в сущность дела.

Что удивляет меня в воплях об ошибках ЧК, — это неумение поставить вопрос в большом масштабе. У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними.

Мы же говорим: на ошибках мы учимся. Как во всех областях, так и в этой мы говорим, что самокритикой мы научимся. Дело, конечно, не в составе работников ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность. Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие. Это напоминает мне проповедь Каутского о диктатуре, равняющуюся поддержке буржуазии. Мы же говорим из опыта, что экспроприация буржуазии достается тяжелой борьбой — диктатурой.

Маркс говорил: между капитализмом и коммунизмом лежит революционная диктатура пролетариата. Чем больше он, пролетариат, будет давить буржуазию, тем бешенее будет ее отпор. Мы знаем, как во Франции в 1848 году расправлялись с пролетариями, и когда нас упрекают в жестокости, мы недоумеваем, как люди забывают элементарнейший марксизм. Мы не забыли восстания конкеров в Октябре, мы не должны забывать про ряд подготовляющихся восстаний. Нам приходится, с одной стороны, учиться творческой работе, а с другой — сломить сопротивление буржуазии. Финляндская белая гвардия не постеснялась расстреливать рабочих, несмотря на ее «демократичность».

В глубоких массах укрепилась мысль о необходимости диктатуры, несмотря на ее тяжесть и трудность. Вполне понятно примазывание к ЧК чуждых элементов. Самокритикой мы их отпишем. Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом.

(22 апреля 1967 г., в девяносто седьмую годовщину со дня рождения В.И. Ленина, на фасаде дома 13 по улице Дзержинского, где перед чекистами выступал с речью В.И. Ленин, в память об этом событии была открыта мемориальная доска).

(Печатается по тексту: Полн. собр. соч. В. И. Ленина, т. 87, с. 178 — 179.)

* * *

СООБЩЕНИЕ О СОСТАВЕ МОСКОВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

23 ноября 1918 г.

На днях начнет функционировать Московская чрезвычайная комиссия, организация которой совершенно закончена. Состав комиссии следующий: председатель — т. Дзержинский, члены: тт. Юровский, Бреслав, Мессинг и Манцев.

(Печатается по тексту газеты «Вечерние Известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов» № 106, 23 ноября 1918 г.)

* * *

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РКП (6) О КАНДИДАТАХ В МЧК

26 ноября 1918 г.

С л у ш а л и: О кандидатах в МЧК.

П о с т а н о в и л и: Утвердить следующие кандидатуры: Бреслав, Манцев, Дзержинский, Юровский и... (в документе пропуск), Пегов или Лихачев.

(МПА, ф. 3, оп. 1, д. 26, л. 11. Печатается по копии.)

* * *

ИЗ СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ» О СЛЕДСТВИИ ПО ДЕЛУ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАГОВОРА ЛОККАРТА

26 ноября 1918 г.

Назначенное слушанием на 25 ноября дело Локкарта отложено на 28 ноября ввиду ходатайства защиты о предоставлении возможности обвиняемым, не владеющим русским языком, ознакомиться со следственным материалом на своем языке. Трибунал это ходатайство удовлетворил и постановил перевести заключение Обвинительной коллегии на французский, английский и чешский языки для вручения обвиняемым.

В деле выступают 14 защитников: граждане Полети, Вебер, Кажелакки, Гольдман, Кармель, Липскеров, Плевако, Тагер, Трестар, Кобяков, Михайловский, Сороколетов, Якулов и Савари.

Обвиняемые Локкарт, Гренар, Рейли и Вормон от суда скрылись и будут судимы заочно. Суть дела Локкарта, как это уже раньше сообщалось в «Известиях», заключается в следующем.

В августе нынешнего года английский посланник Локкарт и французский генеральный консул в Москве Гренар путем подкупа старались склонить командира 1-го дивизиона латышской стрелковой бригады Берзина перейти на службу к англо-французам и работать в том направ-

лении, чтобы латышские стрелки восстали против Советского правительства и низвергли его.

Доложив об этом председателю ВЧК Петерсу, Берзин по его поручению вступил в организацию заговорщиков с целью раскрыть все их намерения.

Обнаружилось, что согласно плану, выработанному одним французским генералом, два латышских полка должны были движением на Вологду способствовать захвату союзниками Северной области; одновременно оставшиеся в Москве латышские части должны были арестовать пленарное заседание ВЦИК вместе с Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным.

За содействие перевороту Локкарт и Гренар обещали Берзину до пяти миллионов рублей и выдали ему 1200 тыс. на организацию восстания, объяснив, что деньги они берут у богатых русских людей в обмен на чеки, по которым будет платить английское правительство.

Показание Берзина относительно намерений Локкарта и Гренара дополняет и развивает найденное ЧК при обысках письмо французского гражданина Рене Маршана к президенту Французской республики Пуанкаре. Письмо написано под впечатлением одного из закрытых собраний в американском генеральном консульстве; в нем Рене Маршан предупреждает Пуанкаре о рискованности действий представителей английского и французского правительства, действий, направленных к тому, чтобы еще более обострить в России классовую и политическую борьбу, и обрекавших страну на ужасные страдания и голод.

Этот важный документ устанавливает, что Локкарт и Гренар, стремясь путем подкупа Берзина взбунтовать латышские войсковые части, одновременно развивали план взрыва мостов через реку Волхов, около Званки и около Череповца, с целью обезопасить латышские войска после захвата ими Вологды от удара петроградской Красной Армии и вместе с тем вызвать голод в Петрограде для создания недовольства против рабоче-крестьянского правительства.

На основании представленного Берзиным материала был арестован целый ряд членов организации, осведомлявших главарей ее о политическом и военном положении каждой отдельной местности России. Уликами против обвиняемых служат их собственные признания в том, что они состояли на службе у главаря организации бывшего американского генерального консула Коломатiano, получая за труд от 500 до 1000 руб. в месяц. Большинство обвиняемых утверждает, будто бы они не знали о преступных целях, с какими им предлагалось давать информации, и думали, что назначение сообщаемых ими сведений чисто коммерческое. Винодность их, кроме того, устанавливается вещественными доказательствами в виде найденных при обыске крупных сумм — до 50 тыс. руб., предназначенных, по показанию подсудимого Загряжского, для

уплаты агентам — шпионам. С несомненностью устанавливают виновность заговорщиков письменные донесения шпионов, найденные в трости Коломатиано, шифр и ключ к нему; корреспонденция велась под флагом экономической и торговой информации; так, австрийцы назывались «металлургическая промышленность», германцы — «сахарная», мобилизация русских для немцев — «банковская операция», дух войск — «положение и состояние сахара» и пр.

На основании следственного материала суду Верховного трибунала предаются следующие лица.

Бывший английский посланник Локкарт и бывший французский генеральный консул Гренар по обвинению в том, что они вопреки международному праву и обычаю использовали свое положение для создания в России контрреволюционной организации, причем в задачу их входило путем повреждения железнодорожных мостов и путей сообщения создать в стране волнения на почве голода и, пользуясь недовольством масс, при помощи подкупленных латышских войск свергнуть рабоче-крестьянское правительство Советской Республики с целью реставрации буржуазно-капиталистического строя.

Лейтенант английской службы Сидней Рейли и бывший американский генеральный консул Коломатиано, проживавший по подложному паспорту Сергея Серповского, обвиняются в том, что, зная о планах Локкарта и Гренара, принимали непосредственное участие в их осуществлении, причем Рейли для подкупа латышских стрелков внес Берзину 1200 тыс. руб. Бывший подполковник А. В. Фридс, служивший в управлении начальника военных сообщений, и бывший генерал-майор А. А. Загрязский обвиняются в том, что они участвовали в созданной Коломатиано организации в качестве ближайших его сотрудников.

А. В. Потемкин, бывший чиновник московской таможни, П. М. Солюс, бывший полковник генерального штаба и военный цензор, Е. М. Голицын, студент Петроградского университета, А. К. Хвальнский, корреспондент газет, Д. А. Ишевский, бывший служащий в Центропланбеже, Л. Л. Иванов, чешский гражданин И. И. Пшеничко, бывшая служащая распорядительного отдела ВЦИК О. Д. Старжевская и бывший заведующий автомобильным складом Московского военного округа М. В. Трестар обвиняются в том, что они собирали сведения для Коломатиано и Рейли, пользуясь при этом своим служебным положением.

Артистка Художественного театра Е. Е. Оттен, бывшая надзирательница женской гимназии М. В. Фриде и бывшая директриса женской гимназии Ж. Моренс обвиняются в том, что они принимали участие в контрреволюционной организации в качестве посредниц по тайной передаче донесений, сводок и вообще корреспонденции. Бывший генерал-майор П. Д. Политковский, чешские граждане Я. В. Шмейц, А. Л.

Лингарт и С. Ф. Иеллинек обвиняются в том, что они укрывали агентов-шпионов и облегчали им работу по собиранию сведений.

(Печатается по тексту сборника «Из истории ВЧК», с. 221 — 223.)

* * *

ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА МОССОВЕТА О МОСКОВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

26 декабря 1918 г.

Утверждается следующее положение и инструкция для МЧК:

1) для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при М. С. Р. и К. Д. создается Московская чрезвычайная комиссия.

2) Московская чрезвычайная комиссия является отделом М. С. Р. и К. Д.

3) Московская чрезвычайная комиссия пользуется всеми правами, присвоенными губернским чрезвычайным комиссиям, и в своей деятельности руководствуется инструкциями, выработанными ВЧК для губернских ЧК, поскольку эти инструкции применимы к московским условиям.

4) Во главе МЧК стоит назначенная президиумом Московского Совета коллегия из председателя и 4 членов. Кроме того, в комиссию входят по одному представителю от юридического и административного отделов Московского С. Р. и К. Д.

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И КРУГ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЧК

5) Ведению МЧК подлежат все дела по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности по г. Москве.

6) Для этой цели МЧК разделяется на следующие отделы: а) заведование районами МЧК, б) следственный отдел, в) отдел по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности, г) отдел борьбы со спекуляцией.

П р и м е ч а н и е. Количество отделов может расширяться решением МЧК с извещением ВЧК, М. С. Р. и К. Д.

7) Отдел заведования РЧК руководит деятельностью РЧК согласно тем общим московским планам, которые будут приняты и разработаны МЧК.

8) Следственный отдел МЧК сосредоточивает в своих руках ведение следствий по всем возникшим в г. Москве делам, входящим в ведение ЧК.

П р и м е ч а н и е. Способ распределения следователей по районам вырабатывается следственным отделом с утверждения МЧК.

9) Остальные отделы ведают... собиранием материалов по тем делам, которые по своему характеру относятся к ним.

10) Во главе каждого отдела стоит коллегия из 3 лиц, из которых один заведующий.

11) Заведующий отделом ответственен перед МЧК за всю деятельность своего отдела: все важные бумаги должны быть им подписаны.

12) Общая канцелярия МЧК, которая наблюдает за точным выполнением всех решений комиссии и направляет дела и сведения в соответствующие отделы, находится под непосредственным руководством управляющего делами МЧК.

13) Районные чрезвычайные комиссии являются органами МЧК.

14) Все сведения по контрреволюционным, спекулятивным и должностным преступлениям, имеющиеся в распоряжении РЧК, сообщаются МЧК.

15) РЧК имеют право ареста и предварительного дознания, но обо всяком аресте РЧК немедленно, не позже чем в 48 часов, обязаны известить МЧК вместе с мотивами ареста и всякими данными обыска. По получении всех этих сведений от РЧК МЧК постановляет об освобождении или приступе к формальному следствию.

П р и м е ч а н и е. По всем тем делам, по которым РЧК найдут нужным немедленно освободить или передать в соответствующую судебную инстанцию, РЧК сами принимают об этом постановление, доводя до сведения МЧК...

17) По окончании следствия дело передается следователем с его заключением в соответствующий отдел через заведующего следственным отделом. По получении дела с заключением следователя отдел выносит свое решение.

П р и м е ч а н и е. Особо важные дела передаются для вынесения решения в коллегиям МЧК.

18) При наложении штрафов или конфискации части или всего имущества МЧК должна передать: денежные средства — в депозит республики, остальное — в учетные и распределительные органы М. С. Р. и К. Д., с доведением до сведения соответствующих центральных органов.

19) Для контроля над повседневной деятельностью как членов, так и сотрудников МЧК образуется контрольная комиссия из представителей: Исполкома [Моссовета], МК РКП (большевиков) и МЧК, права и обязанности контрольной комиссии устанавливаются особой инструкцией.

20) МЧК имеет право организовать при себе особые вооруженные отряды, кредиты на эти отряды отпускаются президиумом М. С. Р. и К. Д. в общем порядке. Отряды МЧК находятся под контролем и учетом Революционного совета республики.

21) Все сметы МЧК утверждаются Исполнительным комитетом и президиумом Московского Совета в общем порядке и по штатам, выра-

ботанным ВЧК для губернских ЧК, причем все ассигнования и всякий отпуск средств для МЧК производится через президиум Совета.

22) Со дня утверждения настоящей инструкции МЧК вступает в отправлении своих обязанностей.

Президиум Московского Совета
рабочих и крестьянских депутатов.

(Печатается по тексту сборника «Из истории ВЧК» с. 238.)

* * *

ОБРАЩЕНИЕ ВЧК, МЧК И АДМИНИСТРАТИВНОГО ОТДЕЛА МОСКОВСКОГО СОВЕТА «КО ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ МОСКВЫ»

26 января 1919 г.

В городе за последние дни участились случаи разбойных нападений. С обнаглевшими бандитами начата решительная борьба, в которой население должно содействовать органам Советской власти. Бандитизм, нарушающий нормальное течение жизни в Москве, будет твердой рукой искоренен как явление, дезорганизующее и играющее на руку контрреволюции. О всех случаях нападения немедленно звонить по телефонам: N 1-34-90, 1-20-62 и 3-92-64.

Обо всех подозрительных лицах сообщать в МЧК (Лубянка, 14).

Всероссийская чрезвычайная комиссия.

Московская чрезвычайная комиссия.

Административный отдел Московского Совета.

(Печатается по тексту газеты «Известия ВЦИК» № 18, 26
января 1919 г.)

* * *

СООБЩЕНИЕ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ» О РАССТРЕЛЕ БАНДИ- ТОВ ПО ПРИГОВОРУ МЧК

13 февраля 1919 г.

По приговору Московской чрезвычайной комиссии расстреляны 10 февраля пять бандитов. И. М. Волков, известный среди бандитов под кличкой Конек, В. О. Михайлов — кличка Васька Черный, И. С. Лазарев — кличка Данилов, Ф. А. Алексеев — кличка Лягушка и Карл Фед. Гросс.

Из расстрелянных бандитов Волков — Конек участвовал во многих вооруженных грабежах. При его активном участии в ночь на 26 января был ограблен артельщик артиллерийского склада на 130 000 руб. При ограблении были убиты несколько милиционеров.

Михайлов — профессиональный бандит, шесть раз судившийся, участник ограбления Московской Виндавско-Рижской железной дороги, особняка Иванова на Новинском бульваре и ограбления артельщика за Крестовской заставой. Алексеев был уличен в покушении [на] ограбление Лубянского пассажа, в ограблении на 15 000 руб. кассирши Марко-

вой — старый уголовный преступник, неоднократно судившийся за грабежи.

Лазарев — участник ограблений, совершенных совместно с Волковым, Алексеевым и Михайловым.

К. Ф. Гросс укрывал бандитов и снабжал их оружием.

(Печатается по тексту газеты « Известия ВЦИК » № 33, 13 февраля 1919 г.

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА О СЛИЯНИИ МЧК С МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИЕЙ

5 марта 1919 г.

С л у ш а л и: О слиянии МЧК с Московской губернской чрезвычайной комиссией.

П о с т а н о в и л и:

1. Признать желательным слияние МЧК с губернской чрезвычайной комиссией при условии, что МЧК, распространяя свои действия на губернию, остается отделом Московского Совета.

2. Поручить МЧК сделать доклад с фактическими данными об ее деятельности.

(ГАМО, ф. 66, оп. 10, д. 610, л. 120. Печатается по заверенной копии).

* * *

ДОКЛАД СОТРУДНИКА ОТДЕЛА МЧК ПО БОРЬБЕ С БАНДИ- ТИЗМОМ Ф. Я. МАРТЫНОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЧК Ф. Э. ДЗЕР- ЖИНСКОМУ

[Не ранее 16 апреля 1919 г.]

Уголовным отделом МЧК (имеется в виду отдел МЧК по борьбе с бандитизмом) раскрыто ограбление поезда, который должен следовать из Москвы в гор. Харьков, где в почтовом вагоне должны быть деньги на сумму четыре миллиона рублей. Также вскоре была обнаружена квартира бандитов по Долгоруковской, № 52, и стало известно, что главарем этой шайки был

Владимир Иванович Орлов, под кличкой Айдати. Шайка была хорошо вооружена и имела в своем распоряжении моторы, разные мандаты, имела широкие связи с советскими служащими. Благодаря усиленной работе сотрудников уголовного отдела часть этой шайки удалось переловить, и ныне пойманные бандиты расстреляны.

По полученным сведениям, и очень верным, стало обнаруживаться, что это не есть простая шайка бандитов, что здесь слилась с бандитами какая-то правая контрреволюционная организация. Это видно из состава расстрелянных: тут были коменданты, комиссары, почтово-телеграфные служащие и даже бывшие фабриканты. Шайка ликвидируется.

А также раскрывается зверское ограбление фабрики Морозова на сумму 2 200 000 рублей, где совершено и убийство. Мы надеемся, что в скором времени все главные шайки будут ликвидированы. Только просим Вас, товарищ Дзержинский, оказать нам содействие должное. Очень трудно бороться с бандитизмом, когда нет поддержки, а в особенности в провинции.

Например, нам нужно было срочно произвести на 16 сего апреля целый ряд операций. Для этого необходимо было выехать в деревню Малое Жабкино по Курской дороге. Приехавши в Подольск, мы целые сутки просидели не евши, но это еще можно перенести, раз нет ничего на станции. Нам пришлось и ночевать на станции под открытым небом вместе с мешочниками.

И хотя я и предъявлял ордер и мандат председателю ПДЖЧК (Подольская железнодорожная чрезвычайная комиссия) и начальнику станции, нам не оказали никакого содействия и гоняли нас с двумя арестованными взад и вперед, несмотря на то что председатель ЧК мог нас поместить где-нибудь в комнате.

При сем прилагаю Вам протокол заседания бандитов от 12 сего марта, найденный у расстрелянного бандита. По всем ограблениям разведка и следствие продолжается.

Сотрудник уголовного отдела Мартынов

(*Коллекция архивных материалов по истории ВЧК и МЧК*)

* * *

СООБЩЕНИЕ ВЧК О РАСКРЫТИИ В МОСКВЕ ЗАГОВОРА «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА»

23 сентября 1919 г.

Сейчас, когда орды Деникина пытаются прорваться к центру Советской России, шпионы Антанты и казацкого генерала готовили восстание в Москве. Как в свое время на Петроградском фронте они сдали Красную Горку и чуть было не сдали Кронштадта и Питера, так теперь они пытались открыть врагу ворота на Москву. Они очень торопились, эти негодяи. Они даже подготовили «органы власти» на случай своего успеха, и их продавшийся англичанам «Национальный центр» должен был бы вынырнуть на поверхность, как только генеральская заговорщическая организация взяла бы Москву.

Но изменники и шпионы просчитались! Их схватила за шиворот рука революционного пролетариата и сбросила в пропасть, откуда нет возврата. Шпионская организация была частью раскрыта во время мятежа офицеров на Красной Горке. Оттуда нити вели в разные стороны, в том числе и в Москву. В результате очутились под замком члены московского и петроградского «Национального центра», этой «будущей

власти» буржуазного сборода, члены их военно-технической организации, их вспомогательные агенты и т. д.

Зажатые в пролетарский кулак, они стали выдавать друг друга, как жалкие трусы. Так Чрезвычайная комиссия открыла все важнейшие подземные норы заговорщиков.

Рабочие! Посмотрите на этих людей! Кто собрался вас продать и предать? Тут и кадетские домовладельцы, и «благородные» педагоги со шпионским клеймом на лбу, офицеры и генералы, инженеры и бывшие князья, бароны и захудалые правые меньшевики. Князь Андронников, друг Распутина и Николая, обвинявшийся в германском шпионаже, кадет Щепкин, председатель «Национального центра», генерал Махов, барон Штремберг и меньшевик Розанов, попавший в засаду на квартире истинно русского шпиона Вильгельма Штейнингера, — все смешалось в отвратительную кучу разбойников, шпионов, предателей, продажных слуг английского банка.

Большинство пойманных попались с поличным. Революционные агенты пролетариата наложили свою руку на десятки шпионских донесений, сведений о наших войсках, приказов и инструкций из «добровольческой армии» Деникина, зашифрованных записей, адресов, а также оружия.

Всероссийская чрезвычайная комиссия обращается ко всем товарищам — рабочим и крестьянам:

Товарищи! Будьте начеку! Стойте на страже республики днем и ночью. Враг еще не истреблен целиком. Не спускайте с него своих глаз!

*(Печатается по тексту газеты «Правда» № 211, 28
сентября 1919 г.)*

* * *

ИЗ СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ» О ВЗРЫВЕ В ПОМЕЩЕНИИ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РКП(б)

26 сентября 1919 г.

На вчерашнем заседании Московского комитета РКП, происходившем в помещении комитета в Леонтьевском переулке, были собраны ответственные работники Москвы и представители от районов.

Около 9 часов вечера в окно, выходящее во двор, брошены были в зал, где происходило заседание, не обнаруженным пока контрреволюционером две бомбы; силой взрыва произведены значительные разрушения.

Из присутствовавших на заседании убиты: т. Кропотков, член Московского Совета, т. Загорский, секретарь МК, т. Аня (А.Халзина) — сотрудница МК) и трое неопознанных...

(Печатается по тексту сборника « Из истории ВЧК», с. 325 — 326.)

ОТЧЕТ МЧК О РАСКРЫТИИ ЗАГОВОРА АНАРХИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

28 декабря 1919 г.

25 сентября была брошена бомба на собрании ответственных работников Московской организации РКП, которое происходило в помещении Московского комитета РКП.

На этом собрании должен был быть сделан доклад о раскрытом тогда белогвардейском заговоре (имеется в виду раскрытие контрреволюционного заговора «Национального центра», с тем чтобы товарищи, приглашенные на это собрание, ознакомились с материалами по заговору и смогли использовать их в своих выступлениях на ближайших митингах в пятницу, где они должны были указать рабочим массам на всю серьезность белогвардейской опасности и призвать рабочих к организованному отпору белогвардейским заговорщикам.

И вот в этот момент в наших товарищей, среди которых было большинство представителей рабочих районов, была кем-то брошена бомба.

Ясно, что в первый момент большинство товарищей, в том числе и мы в ЧК, были убеждены в том, что бомба брошена кем-либо из уцелевшей от арестов белогвардейской сволочи.

Появившееся вскоре после этого где-то нелегально напечатанное «Извещение» за подписью «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан» не разрушило этого убеждения. Ибо по своему содержанию оно как раз играло на руку белой реакции, которая в это время предприняла так позорно для нее окончившееся наступление на фронтах против красной рабоче-крестьянской России. В этом «Извещении» была написана явная ложь о целях собрания, так как там было написано буквально следующее: «Вечером 25 сентября на собрании большевиков в Московском комитете обсуждался вопрос о мерах борьбы с бунтующим народом. (NB. Это в то время, как мы громили реакцию в тылу и все силы бросали на фронт.) Властители-большевики все в один голос высказывались на заседании о принятии самых крайних мер для борьбы с восстающими рабочими, крестьянами, красноармейцами, анархистами и левыми эсерами, вплоть до введения в Москве чрезвычайного положения с массовыми расстрелами». (NB. Это в то время, как нами расстреливались белогвардейские заговорщики, а все крестьяне и рабочие единодушно кровью решили защищать Советскую Россию в тылу и на фронте.)

Дальше в этом «Извещении» рабочие и крестьяне призывались к немедленному восстанию против Советской власти. Заканчивалось «Извещение» угрозами («динамиту и бомб хватит») по отношению к рабоче-крестьянской власти. Все это, написанное в тот момент, когда

Советская Россия напрягала все силы на отпор врагу на фронтах и на разгром реакции в тылу, еще больше укрепило в нас убеждение, что террористические акты совершаются и подметные листки печатаются белыми.

Но 2 октября была задержана в поезде около Брянска неизвестная женщина, которая оказалась членом конфедерации анархистских организаций Украины «Набат» Софией Каплун и была командирована организацией из Москвы для работы в тылу Деникина. При ней было найдено письмо вождя украинского «Набата» Барона, в котором он, между прочим, писал:

«Теперь Москва на чеку, пару дней тому назад местный комитет большевиков взорван бомбой, погибло больше десятка, дело, кажется, подпольных анархистов, с которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Правит всем человек, мнящий себя новым Наполеоном». И дальше: «Они сегодня, кажется, публикуют извещение, что это сделали они». И вот только после этого стало очевидным, что наше прежнее предположение о виновниках взрыва ошибочно, что белые получили неожиданную поддержку со стороны тех, которые мнят себя архиревольюционерами, — со стороны анархистов.

Московская чрезвычайная комиссия имела теперь нить, по которой она должна была, употребив все усилия, дойти до раскрытия истинных виновников взрыва. Произведенные аресты Барона, некоторых московских анархистов и приехавших с Украины не дали практических результатов. Стало ясно лишь одно, что так называемые «легальные» анархисты знают участников взрыва и организации анархистов подполья и своим молчанием покрывают их. «Легальными» анархистами, арестованными МЧК, была проделана комедия с выбором из своей среды следственной комиссии якобы для раскрытия, а на самом деле для заматывания следов и затруднения работы ЧК.

В это время анархисты подполья выпускают первый номер своей газеты «Анархия», и затем в течение двух недель ими выпускаются «Декларация анархистов подполья», № 2 «Анархии» (напечатаны в нелегальной типографии, как нами установлено позже), листок «Медлить нельзя» (напечатан в советской типографии). Во всей этой «литературе» анархисты беззастенчиво клеветают на Советскую власть и ведут чисто белогвардейскую агитацию, призывая к восстаниям, в то время как Красная Армия героически сражалась на юге против наседавших на нее деникинских банд.

Тогда МЧК обратила внимание на то, что за последнее время с политического горизонта исчезли некоторые анархисты, с которыми ЧК имела дело раньше, в 1918 г., во время разоружения анархистов в Москве, во время расследования ограбления Центротекстиля, а также члены

«Союза анархистской молодежи», которые были в июне арестованы ЧК на их съезде, а затем выпущены...

К концу октября удалось установить, что в квартире, занимаемой в прошлом году «известной» по Украине Марией Никифоровой, проживают теперь также анархисты, которые, по установленному за ними наблюдению, безусловно вели в Москве нелегальную работу. Был произведен внезапный обыск и оставлена в квартире засада, между которой и пришедшим на эту квартиру неизвестным произошла перестрелка, во время которой неизвестный был убит, а один из наших комиссаров был им ранен. При неизвестном были найдены револьвер «браунинг», из которого он отстреливался, фальшивые документы и черновики обращения, за подписью московской организации левых эсеров, по содержанию почти совершенно сходного с выше цитированным «Извещением».

Неизвестным также была брошена бомба, к счастью, не разорвавшаяся. Двое других неизвестных — мужчина и женщина (жившие в этой квартире) воспользовались суматохой и скрылись. По имеющимся в МЧК фотографиям раньше арестованных анархистов по делу об ограблении Центротекстиля было установлено, что убитый неизвестный некто Казимир Ковалевич, бывший служащий Московско-Курской ж. д. Он являлся идейным вождем организации анархистов подполья. В ближайшие дни было установлено, что проживающий недавно на упомянутой квартире некто Александр Восходов проживает в данное время в Москве в другой квартире. 3 ноября МЧК там был произведен обыск и оставлена засада, которой удалось арестовать целый ряд членов организации анархистов подполья. Как в квартире, так и у задержанных засадой был обнаружен богатейший материал, который дал возможность МЧК в 2 — 3 дня установить вполне организацию подпольщиков (так в документе) и ликвидировать ее. Найдены были списки адресов некоторых членов организации, приходно-расходная записка и пр. Между прочим, были найдены инструменты для взлома несгораемых шкафов, бомбы, револьверы и пр.

По этим данным были произведены аресты боевиков, причем почти ни один из них не сдавался без сопротивления, имея при себе и бомбы, и по несколько револьверов. В это время был убит один из виднейших организаторов анархистов подполья — Петр Соболев, непосредственный участник взрыва Московского комитета РКП, тот, который бросал бомбу. Убит он был в перестрелке с двумя комиссарами МЧК, во время которой один комиссар был им ранен тремя пулями в грудь. При нем найдены три револьвера и записная книжка, записи в которой устанавливают получение награбленных денег виднейшими членами партии левых эсеров и тесную связь вообще всей партии с анархистами подполья. Петром Соболевым во время перестрелки была брошена бомба, которая не взорвалась (бомба случайно попала в портфель товарища

комиссара, который зажал ее там). Имевшимся у него в другой руке револьвером он застрелил Петра Соболева. Во время этих арестов были также задержаны и другие участники взрыва Московского комитета РКП, в том числе один левый с.-р., Федор Пиколаев (Федька-боевик). Тогда же была обнаружена связь эсеров-максималистов с организацией анархистов подполья (об этом уже сообщалось нами в «Известиях ВЦИК») и арестован ряд боевиков эсеров-максималистов, участвовавших совместно с анархистами-боевиками и левыми эсерами (которые также арестованы) в целом ряде ограблений советских учреждений в Москве и вне ее.

В эти же дни были установлены легальные типографии, где подпольщики печатали некоторые из своих листков, и арестованы лица, печатавшие их, среди них член московской организации меньшевиков, наборщик типографии Наркомпути, член партии меньшевиков с 1912 г., а с 1906 по 1912 г. член партии с. — р. Молчанов. Он во всем сознался. В своих показаниях он, между прочим, говорит, что «совершил этот гнусный поступок по недомыслию» (его подлинное выражение). Но Московской чрезвычайной комиссией еще не была открыта ни нелегальная типография, в которой подпольщики печатали свои произведения, ни место, где ими заготавливались бомбы и адские машины и был склад оружия и огнестрельных припасов.

В то же время в МЧК имелись определенные указания, что к октябрьской годовщине, которая наступала через день-два, анархисты подполья подготовляли ряд покушений и для этого свозили в Москву динамит и пр. Необходимо было найти это и устранить для московского пролетариата всякую опасность в день празднования им годовщины его победы. И вот за день до годовщины МЧК установила, что анархистами подполья была месяца полтора-два тому назад снята дача в дачном поселке Красково, верстах в 25 от Москвы. Немедленно туда был послан отряд в 30 человек, который рано утром оцепил дачу Горина. Бывшие в ней анархисты (шесть человек) встретили прибывших залпами из револьверов и ручными гранатами. Ими было брошено больше десятка бомб. Перестрелка продолжалась около 2,5 час. Затем анархисты зажгли адскую машину и взорвали дачу. Сила взрыва была громадна, дача целиком была поднята на воздух, затем она загорелась, и почти во все время пожара (часа четыре) происходили взрывы взрывчатых материалов, находившихся на даче, поэтому мер к тушению пожара принять было невозможно.

На месте пожара были обнаружены трупы, остатки типографского станка (вал, рама и пр.), две невзорвавшиеся адские машины (жестяные бидоны, наполненные пероксидами), оболочки бомб, револьверы и пр. Типография и лаборатория бомб анархистов были здесь уничтожены. Московский пролетариат мог спокойно праздновать ок-

тябрьскую годовщину. Отряд МЧК, несмотря на то, что перестрелка происходила почти вплотную (на расстоянии 10 — 30 шагов) и люди отряда были вооружены только револьверами и карабинами, не потерял ни одного человека по причине того, что дача была окружена густым сосновым лесом. Затем случайно в дачной местности Одинцово был обнаружен склад динамита, который был брошен подпольщиками в силу разгрома их организации МЧК.

Но, кроме организации в Москве, анархисты имели ряд агентов и организаций и в других городах России. МЧК предпринят ряд мер для ликвидации этих организаций. На днях получено известие от наших товарищей, посланных в Самару, что там ими ликвидирована также организация подпольщиков, причем взяты четыре пулемета, 18 пулеметных лент, 10 ящиков ручных гранат, один ящик капсюлей и пр., и арестованы известные боевики-экспроприаторы...

(Печатается по тексту сборника «Из истории ВЧК», с. 349 — 354.)

* * *

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ МК РКП(б) ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ЧЛЕНОВ КОЛЛЕГИЙ И ЗАВЕДУЮЩИХ ОТДЕЛАМИ МОССОВЕТА

3 января 1920 г.

[С л у ш а л и:] Утверждение членов коллегий и заведующих отделами Московского Совета...

П р и н я т о: [По] МЧК. Утвердить коллегия [МЧК] в составе: зам. председателя — т. Мессинга и членами коллегии — тт. Леонова, Залогина, Николаева и Кормилицина (он же Певунов Д.М.).

(МПА, ф. 3, оп. 1, д. 156, л. 3).

(Печатается по копии).

* * *

НОВЫЕ УСЛОВИЯ БОРЬБЫ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

15 января 1920 г.

Всем губчека

Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска, взятие в плен «верховного правителя» создают новые условия борьбы с контрреволюцией.

Разгром организованных армий контрреволюции подрывает в корне надежды и расчеты отдельных групп контрреволюционеров внутри Советской России свергнуть власть рабочих и крестьян путем заговоров, мятежей и террористической деятельности. В условиях самообороны Советской Республики против двинутых на нее Антантой контрреволюционных сил рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам подавления шпионской, дезорганизаторской и мятежнической деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной Армии.

Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти дают нам ныне возможность отказаться от применения высшей меры наказания (т. е. расстрела) к врагам Советской власти.

Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатирует, что взятие Ростова и пленение Колчака дают им возможность отложить в сторону оружие террора.

Только возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устройению социалистического хозяйства неизбежно может вынудить возвращение к методам террора.

Таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительства-вующие классы стран Антанты и дружественных ей русских капиталистов.

Вместе с тем чрезвычайные комиссии получают возможность и обязанность обратить усиленное внимание на борьбу с основным нашим для данного момента внутренним врагом — с хозяйственной разрухой, со спекуляцией, с преступлениями по должности, содействуя всеми находящимися в их распоряжении средствами налаживанию хозяйственной жизни и устраняя все препятствия, создаваемые саботажем, недисциплинированностью или злонамеренностью.

Исходя из вышеизложенного, ВЧК постановляет:

1. Прекратить с момента опубликования этого постановления применение высшей меры наказания (расстрел) по приговорам ВЧК и всех ее местных органов.

2. Поручить т. Дзержинскому войти в Совет Народных Комиссаров и ВЦИК с предложением о полной отмене применения высшей меры наказания не только по приговорам чрезвычайных комиссий, но и по приговорам городских, губернских, а также Верховного, при ВЦИК, революционных трибуналов.

3. Постановление это ввести в действие по телеграфу.

Председатель ВЧК Ф. Дзержинский

(Печатается по тексту кн.: Дзержинский Ф. Э.,

Избранные произведения, изд. 3-е, т. 1, с. 199 — 200.)

НА ЗАЩИТЕ СТОЛИЦЫ

В архивах управления хранятся документы («Чекисты на защите столицы. Сборник, Москва, «Московский рабочий», 1982. Редакционная

коллегия: В.И.Алидин (председатель), Н.М.Коньков, А.В.Ступнов, Д.Н.Щеголев.

Составители: А.С.Байдак, И.Е.Поликаренко, В.Г.Ушаков), связанные с боевой деятельностью московских чекистов в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Чекисты Москвы (в период войны государственная безопасность входила в систему НКВД) проявили доблесть и героизм при защите Москвы от немецко-фашистских захватчиков, приняли активное участие в разгроме немцев под Москвой.

Сотрудники госбезопасности выявляли и обезвреживали вражеских шпионов и диверсантов, участвовали в создании и боевых действиях партизанских отрядов, истребительных батальонов, диверсионно-разведывательных групп, сражавшихся на территории Московской и соседних областей, временно оккупированных немецкими захватчиками. Много лет прошло с тех пор, но подвиг защитников Москвы останется навечно в благодарной памяти потомков.

Ниже публикуются материалы о деятельности чекистов в годы войны.

* * *

ИЗ ДИРЕКТИВЫ СОВНАРКОМА СССР И ЦК ВКП(Б) ПАРТИЙНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЕЙ

29 июня 1941 г.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Вилейскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями.

Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города — Ригу, Минск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом — немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией. Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьется за каждую пядь советской земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители еще не осознали значения этой угрозы и не

понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

6) Немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) заявляют, что в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Теперь все зависит от нашего умения быстро организовать и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

(КПСС в Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1958, с. 354 — 356.)

* * *

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО РАДИО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И.В.СТАЛИНА

3 июля 1941 г.

...Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага.

Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов,

оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь ввиду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия...

(И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с. 24 — 27).

* * *

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(Б) ОБ ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ В ТЫЛУ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК

18 июля 1941 г.

В войне с фашистской Германией, захватившей часть советской территории, исключительно важное значение приобрела борьба в тылу германской армии. Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов. Во всем этом нас беззаветно поддержат в каждом городе и в каждом селе сотни и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с нашей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами.

Чтобы придать всей этой борьбе в тылу германских войск самый широкий размах и боевую активность, необходимо взяться за организацию этого дела на месте самим руководителям республиканских, обла-

стных и районных партийных и советских организаций, которые должны в занятых немцами районах лично возглавить это дело, возглавить группы и отряды самоотверженных борцов, уже ведущих борьбу по дезорганизации вражеских войск и по уничтожению захватчиков...

...ЦК ВКП(б) требует от ЦК национальных компартий, обкомов и райкомов в захваченных и находящихся под угрозой захвата врагом областях и районах проведения следующих мер:

1. Для организации подпольных коммунистических ячеек и руководства партизанским движением и диверсионной борьбой в районы, захваченные противником, должны быть направлены наиболее стойкие руководящие партийные, советские и комсомольские работники, а также преданные Советской власти беспартийные товарищи, знакомые с условиями района, в который они направляются.

2. В районах, находящихся под угрозой захвата противником, руководители партийных организаций должны немедленно организовать подпольные ячейки. Для обеспечения широкого развития партизанского движения в тылу противника партийные организации должны немедленно организовать боевые дружины и диверсионные группы из числа участников гражданской войны и из тех товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения и др....

3. Партийные организации под личным руководством их первых секретарей должны выделить для формирования и руководства партизанским движением опытных, боевых и до конца преданных нашей партии, лично известных руководителям парторганизаций и проверенных на деле товарищей.

4....ЦК ВКП(б) требует, чтобы руководители партийных организаций лично руководили всей этой борьбой в тылу немецких войск, чтобы они вдохновляли на эту борьбу преданных Советской власти людей личным примером, смелостью и самоотверженностью, чтобы вся эта борьба получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной Армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом.

(КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 6. М., 1971, с. 23 — 24).

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО МК И МГК ВКП(б) О СОЗДАНИИ
ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ ПО БОРЬБЕ С ПАРАШЮТНЫМИ
ДЕСАНТАМИ И ДИВЕРСАНТАМИ ПРОТИВНИКА**

27 июня 1941 г.

В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) и СНК СССР объединенное бюро МК и МГК ВКП(б) постановляет:

1. В районах г. Москвы, районах и городах Московской области создать для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника истребительные батальоны, по одному батальону в каждом районе.

2. Обязать первых секретарей ГК и РК ВКП(б) в трехдневный срок отобрать из проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием, бойцов для укомплектования истребительных батальонов.

3. Обязать председателей исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся по требованию командиров истребительных батальонов немедленно предоставлять в их распоряжение все имеющиеся виды транспорта (автомобили, мотоциклы, велосипеды, лошадей, подвод) и связи.

4. Обязать исполкомы районных и городских Советов предоставить необходимые помещения с постельными принадлежностями для размещения дежурных групп истребительных батальонов.

5. Обязать облздравотдел (т. Холодков) и горздравотдел (т. Левант) совместно с областным и горкомитетами Красного Креста обеспечить истребительные батальоны медицинским персоналом (медсестры) с медикаментами.

6. Руководство истребительными батальонами по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника возложить на УНКВД МО.

7. Обязать ГК и РК ВКП(б) и ВЛКСМ развернуть массовую разъяснительную работу о роли населения и задачах в борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника.

(Выстояли и победили. М., 1966, с. 26).

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ О ВВЕДЕНИИ В МОСКВЕ И ПРИЛЕГАЮЩИХ К ГОРОДУ РАЙОНАХ ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

19 октября 1941 г.

Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100 — 120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов, с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правилам, утвержденным московской противовоздушной обороной и опубликованным в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта г. Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

Председатель Государственного
комитета Обороны

И. Сталин

Москва, Кремль, 19 октября 1941 г.

(Правда, 1941, 20 октября).

* * *

СООБЩЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО Г.МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НКВД СССР О БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ Т.ЦЫСАРЯ

9 ноября 1941 г.

9 ноября 1941 года после проведения боевых действий в тылу противника возвратился на базу один из сформированных в конце сентября с. г. в городе Москве партизанских отрядов.

Отряд, состоящий из 70 бойцов, прошедших спецподготовку под командованием командира т. Цысаря и комиссара лейтенанта государственной безопасности т. Бабакина, был переправлен 26.X с. г. через линию фронта в районе город Серпухов — станция Трояново (Высокининский район) с задачей уничтожения живой силы противника и дезорганизации его тыла.

За время нахождения отряда в тылу фашистов им было убито до 20 немецких солдат, уничтожены две штабные машины с семью офицерами, самолет истребитель «Мессершмитт-109», сделавший вынужденную посадку в районе нахождения отряда, заправочная база горючего и две подводы с артиллерийскими боеприпасами. При столкновении с против-

ником в районе деревни Черная Грязь был подорван и выведен из строя средний танк. На путях движения фашистских обозов взорваны три моста.

Кроме того, в районе деревень Семкино — Макарово при нападении на артиллерийский обоз противника бойцами отряда была брошена в ехавших на лошадях офицеров противотанковая граната, взрывом, которой были уничтожены три фашистских офицера. По полученным штабом 49-й армии сведениям (показания пленных), среди убитых офицеров оказался полковник Шеренберг — командир 95-го немецкого артиллерийского полка.

Потери отряда составляют: один убитый и два бойца легко ранены. За время нахождения в тылу противника отрядом добыты ценные разведывательные данные о противнике, которые переданы в штаб 49-й армии.

Начальник Управления НКВД МО

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ.)

* * *

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО Г.МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НКВД СССР О СФОРМИРОВАНИИ 87 ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ И СПЕЦГРУПП В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА

25 ноября 1941 г.

В соответствии с решением правительства во всех районах города Москвы и области были сформированы истребительные батальоны (87 батальонов).

Личный состав батальонов вооружен винтовками, ручными пулеметами, ручными гранатами и бутылками с горючей смесью. Полностью обеспечены противогазами, теплой одеждой.

Истребительные батальоны помимо повседневной боевой подготовки несут службу, как-то: охрану важнейших мостов, аэродромов, патрулирование в населенных пунктах, в районных центрах — охрану узлов связи и наблюдение за линией связи, несение службы охранения на подступах к важнейшим предприятиям и объектам государственного значения, а в настоящее время, помимо выполнения этих задач, несут службу в соответствии с имеющимся приказом в секторах по охране тыла.

Истребительные батальоны на протяжении всего своего существования активно проводили розыск и вылавливание диверсантов, шпионов и фашистских летчиков, прочесывая большие площади лесных массивов. Истребительными батальонами собрано большое количество фашистских листовок.

Активно принимали и принимают участие в тушении пожаров, возникаемых в результате налета вражеской авиации. Из числа 87 ис-

стребительных батальонов — 33 городских и пригородных истребительных батальона переданы в МВО, где они сведены в полки и, как вполне подготовленные войсковые части, продолжают нести боевую службу в составе соединений Красной Армии.

Во временно оккупированных противником районах Московской области часть личного состава истребительных батальонов перешла в партизанские отряды, а оставшаяся часть этих батальонов в большинстве своем участвовала в боях совместно с воинскими частями Красной Армии, после чего этот личный состав почти полностью передан в Красную Армию.

В предвидении вторжения немецких войск на территорию Московской области проведена следующая работа по созданию партизанских и истребительно-диверсионных отрядов. Для обеспечения нормальной боевой деятельности отрядов в районах были своевременно созданы базы с запасами продовольствия и боеприпасов на три — шесть месяцев.

Из общего числа партизанских отрядов в настоящее время 14 находятся на нелегальном положении, ведя вооруженную борьбу с немецкими захватчиками. За это время партизанами Лотопинского, Угодско-Заводского, Рузского, Остафьевского, Верейского и Можайского районов убито и ранено до 200 немцев, из них 15 — офицеров, взято в плен три немецких солдата, кроме того, уничтожены: один танк, две бронемашинны, десять грузовых и три штабные автомашины, один мотоцикл, десять подвод с боеприпасами и медикаментами и два фашистских самолета. На пути движения немецких войск партизанами взорвано 3 моста.

Данные о боевой деятельности остальных партизанских отрядов, перешедших на нелегальное положение в ноябре 1941 г., еще не получены. Руководство и связь с партизанскими отрядами осуществляются через функционирующий институт уполномоченных при секторах охранной зоны Московской области и связников центральной связи. Общее число последних к настоящему времени составляет 35 человек.

Одновременно с партизанскими отрядами оккупированных районов в тылу противника ведут боевую деятельность 14 партизанских истребительно-диверсионных отрядов. По неполным данным, эти отряды уничтожили: один танк, один самолет, две штабные автомашины, две повозки с артиллерийскими снарядами. Подрывниками-партизанами на важнейших дорогах (Высокинический и Верейский районы) взорваны четыре моста, одновременно произведено повреждение телефонно-телеграфных линий. Убито 25 немецких солдат и 13 офицеров, в числе их один полковник (командир 95-го артполка). В ноябре 1941 г. сформированы и переправлены в тыл врага 15 истребительно-диверсионных групп, которые произвели минирование важнейших дорог в Лотопинском, Волоколамском и Остафьевском районах, установив 41 мину.

С целью подготовки бойцов для лыжных партизанских отрядов создана учебно-лыжная станция. Партизаны ведут беспощадную борьбу с предателями — пособниками врага. Из выявленных в оккупированных районах 28 предателей и провокаторов партизанами уничтожено 13 человек.

В связи с появлением противника на территории Московской области для истребления оккупантов, уничтожения техники и дезорганизации тылов противника начиная с ноября с. г. из лучшей части личного состава истребительных батальонов, оперативно-чеккистского и милицейского состава райотделов УНКВД г. Москвы и области, из личного состава пожарной охраны и частично из рабочих предприятий г. Москвы и области организуются мелкие, по 10 — 15 человек, боевые истребительные группы и перебрасываются в тыл противника с задачей истребления фашистов, уничтожения их техники, разгрома штабов, минирования дорог и дезорганизации тыла противника.

За ноябрь организовано и переброшено (в основном начиная с 7 ноября) в тыл противника 128 групп. Указанные группы переброшены в тыл противника в следующих направлениях:

Клин-Высоково — 18 групп, Волоколамское — 24, Можайское -31, Наро-Фоминск и Малоярославец — 28, Серпуховское — 27 групп.

Из общего количества переброшенных боевых истребительных групп возвратились 33 группы. В тылу противника продолжают оставаться 95 групп.

По далеко не полным данным, возвратившимися группами проделано следующее убито и ранено 395 немецких фашистов, из них 18 офицеров и 76 автоматчиков. Уничтожено: один самолетов, один средней танк, две штабные машины и пять 2 грузовиков, один бензозаправщик с бензином, два мотоцикла, две повозки с боеприпасами, взорвано и сожжено четыре моста. Уничтожен склад боеприпасов в деревне Усатово. Три истребительными группами повреждена телефонно-телеграфная линия в нескольких местах. Заминирована дорога Устиново — Дятково. Взят в плен один фашист.

Помимо указанного возвращающиеся группы дают ценные разведывательные данные для войсковых частей Красной Армии.

Наши потери из состава возвратившихся групп составляют: убитыми — 8 человек, ранеными — 19, без вести пропавшими — 8. Считать без вести пропавших как окончательно установленное количество нельзя, так как одиночки продолжают возвращаться.

Большим недостатком в вооружении боевых истребительных групп является отсутствие автоматического оружия, что безусловно снижает их возможности по истреблению фашистов.

В настоящее время подготовлено 35 групп, которые в ближайшие 10 — 15 дней с этими же задачами будут переброшены в тыл противника.

Начальник Управления НКВДМО

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ.)

* * *

ИЗ ВЕЧЕРНЕГО СООБЩЕНИЯ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО О РАЗГРОМЕ ПАРТИЗАНСКИМИ ОТРЯДАМИ ШТАБА НЕМЕЦКО- ГО КОРПУСА

*(Речь идет об угодско-заводской операции
подмосковных партизан).*

29 ноября 1941 г.

Получено сообщение о большом успехе партизан, действующих в оккупированных немцами районах Московской области. 24 ноября несколько партизанских отрядов под командованием товарищей Ж., К., П., Б. (начальные буквы фамилий командиров партизанских отрядов расшифровываются так: капитан Жабо, капитан Карасев, лейтенант Пигосов, лейтенант госбезопасности Бабакин), объединившихся для совместных действий против оккупантов, совершили налет на крупный населенный пункт, в котором расположился штаб одного из войсковых соединений немецко-фашистской армии. Ночью после тщательной разведки славные советские патриоты обрушились на ничего не подозревавшего врага. Прервав сначала всякую связь немецкого штаба со своими частями, партизаны затем огнем и гранатами уничтожили несколько больших зданий, в которых расположились воинские учреждения фашистов. Разгромлен штаб немецкого корпуса. Захвачены важные документы.

Отважные бойцы-партизаны перебили около 600 немцев, в том числе много офицеров, и уничтожили склад с горючим, авторемонтную базу, 80 грузовых машин, 23 легковые машины, 4 танка, бронемашину, обоз с боеприпасами и несколько пулеметных точек.

При подготовке этой операции разведкой партизанского отряда был разгромлен карательный отряд гестапо. Гитлеровцы потеряли при этом убитыми и ранеными около 40 солдат и офицеров. Разведка партизан расстреляла десятника лесничества Багана, сообщавшего гестапо о местах расположения партизан в лесах.

(«Правда», 1941, 30 ноября.)

* * *

ИЗ ДНЕВНИКА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОГО ОТ- РЯДА В.Н.БАБАКИНА

(Бабакин Вадим Николаевич, лейтенант госбезопасности, погиб в бою 11 февраля 1942 г., награжден орденом Красного Знамени.)

Ноябрь 1941 г.

26.X.41 г. в 9.00 назначено выступление. Собирались долго, при выезде сломалась одна автомашина, пересаживались, часть отряда пошла пешком. В 22.10 после долгого согласования выехали со ст. Серпухов в направлении ст. Трояново по узкоколейной железной дороге. Паровоз искрит, дальше ехать нельзя. В 2 — 2,5 км за ст. Станки поезд остановили и сошли прямо на полотно. Распрощались с сопровождавшими и тронулись в путь. В колонне по одному вдоль полотна железной дороги тронулись, идет дождь, идти очень тяжело, груз тянет, неимоверно сыро, темно.

Впереди идет разведка истребительного батальона г. Серпухова. Прошли два разъезда.

27.X.41 г. за разъездом Буриново вошли в лес направо от железной дороги, отдыхали. Строй растянули, есть отстающие. Колонну замыкает помощник начальника отряда Еременко, с трудом заставил людей идти. На привалах ложатся прямо на дорогу, засыпают. В течение дня во главе с проводником Карповым ищем выход к дер. Трояново и далее вдоль реки Аложи на реку Протву. Обошли почти кругом дер. Буриново; в бинокли видно, как группа немецких солдат из Буринова направилась в соседние деревни. Встретили группу бывших бойцов РККА, выходящих из окружения... Дальше идти с таким грузом нет сил, многие отстают, даже падают. Решили расположиться на ночлег. Перед этим «катаковали» кавалерию (по приказу командира) — ложная тревога. В 21.10 командир решил провести налет на ближайшую деревню, где, по предположениям, есть немцы. С группой бойцов командир в 22.00 выступил в дер. Тростье. Спим на земле, на дровах: ломать ветви рискованно — сильный шум, идет дождь, холодно.

28.X.41 г. Ночь прошла относительно спокойно. Выставили секреты — дозоры. Один из дозоров окликнул двух неизвестных, которые убежали в лес. Аккуратно в яме жгли костер, варили концентраты — кашу. В 9.20 слышали стрельбу очередями и одиночную. Комиссар выслал на опушку 1-й взвод. В 10.20 выслали разведку из бойцов Неронского и Наумова с заданием разведать, что делается в дер. Трояново. 1-й взвод вернулся — ничего не обнаружил, выслали вторую разведку в составе Ещенко и 3 бойцов. Возвратился Неронский: в дер. Трояново немцы, стреляет зенитка и прошла легковая машина. Ещенко доложил: на разъезде Трояново немцев нет, бьются наездами. Начальник станции — член ВКП(б). Решили лагерь перенести в более густой лес. Так как командир отряда не вернулся, выслали разведку по розыску отряда во главе с Муфталеевым. 33 человека под командой помощника начальника отряда Еременко вышли на новый лагерь...

В сумерках вернулся Муфталеев, следов отряда не обнаружено, прочесали весь ближайший лес. Расставили посты, снесли все вещи в одно место, подготовились к ночи.

В 21.00 вернулся отряд командира в полном составе. Немцев в деревне не обнаружили. Обстреляли двух немецких разведчиков, были атакованы немцами, отошли в лес, подосланного немцами разведчика расстреляли. В операции хорошо себя проявили: Архипов, Кузьмин, Степанов и другие.

29.X.41 г. ночью ударил мороз. Все в инее и хрустит. Ночь спали плохо, «плясали», стучали ногами. Комиссар обходил посты. Утром пришли связные из нового лагеря, строили палатки. На дорогу Семкино-Макарово выслали разведку во главе с Ещенко. Комиссар и боец Горцелев ходили на разведку до линии железной дороги — все спокойно, определили координаты нашего лагеря. Группа Ещенко вернулась ни с чем, ночью потеряли ориентиры.

30.X.41 г. Собрали собрание. Говорили командир и комиссар. Говорили о необходимости большей дисциплины и организованности. После собрания комиссар собрал членов, кандидатов ВКП (б) и комсомольцев. Так как многие готовились к выполнению боевой задачи, ряд товарищей заявили о своей просьбе считать их коммунистами, если они погибнут в бою: Архипов, Ещенко, Горцелев, Муфталеев и другие. Сформировали две группы для действия по дорогам противника. Первая группа под руководством Архипова в составе 11 человек с задачей уничтожать обозы, материальную часть и живую силу противника на так называемой Старой Калужской дороге между селениями Боево и М. Лепешино, задание на двое суток. Группа вышла в 13.15. Вторая группа под руководством Ещенко в составе 8 человек с заданием уничтожать обозы и живую силу противника на дорогах: Высокинич — Макарово, Высокинич — Семкино. Задание на одни сутки. Группа выступила в 14 часов.

Третья группа под руководством Казанкова направлена в разведку в район Семкино — Трояново с целью установления путей движения обозов противника и его зенитной батареи. Помощник начальника отряда и боец Петров приступили к устройству лагеря. Вечером решили еще раз разведать разъезд Трояново и установить связь с начальником станции. На разведку пошли комиссар и боец Наумов. На разведке задержались дотемна. На разъезде все спокойно, зашли в станционное помещение, 5 — 6 дезертиров ночуют. Расспросили об обстановке, покурить. По полученным сведениям, на разъезде Буриново немцы обстреливают всех подходящих. Разведка Казанкова установила, что в дер. Семкино немцы были до вечера, вечером уехали, угнав всех женщин в дер. Воронино копать картофель. В Семкино порезали весь скот и приказали его привезти в дер. Воронино. В дер. Воронино и селении Буриново до дивизии немцев с артиллерией и обозами.

Днем в деревнях Трояново, Тростье и Покров был разъезд немцев с собакам — ищут партизан.

31.X.41 г. Перешли в новый лагерь, расположились неплохо. Открыли базу для части продуктов и боеприпасов. Перераспределили боеприпасы, многое промокло, поржавело. Вернулась группа Ещенко — немцев на этих дорогах, за исключением небольшого разъезда, не обнаружено. От Архипова сведений нет.

1.XI.41 г. Идет дождь, холодно и мокро, спим в шалапах, которые текут. Всю ночь в районе дер. Семкино идет бой, слышен артиллерийский и пулеметный огонь, стрельба продолжается весь день. В 11.00 вновь выслали группу Ещенко, увеличив ее до 11 человек, направили для действия на так называемый большак в районе сел Высокиниччи — Бор с заданием рвать обозы и материальную часть противника. Для обнаружения батарей противника, которые бьют в непосредственной близости, выслали разведку в составе:

Верченко, Павлинова и... (в тексте пропуск). Разведка вышла в 13.00. Много беспокойства доставляют бывшие бойцы РККА, выходящие из окружения. Многие из них попадают в район расположения лагеря, задерживаем, опрашиваем.

Комиссар, политрук и боец Кузьмичев окружили в лесу вблизи лагеря группу бойцов РККА Западного фронта (растерялись они очень). Идут на Черную Грязь для диверсионных целей. Разбились на 4 отряда, нет ни карты, ни компаса. Вскоре обнаружили в лесу еще 4 человек из их же отряда во главе с лейтенантом Щегловым, эти уже возвращаются. Вернули и тех, которые нами были окружены. Поделились с нами, дали нам 8 гранат, 2 плащ-палатки. Рация у них без батарей. При операции они потеряли 4 человек, взорвали мост и 2 орудия.

2.XI.41 г. Опять дождь, послали в старый лагерь группу Казанкова для варки пищи. В 13.00 вернулся Архипов с частью своей группы. Трех оставили в лесу — устали. За трое суток группа Архипова совершила налет на Старую Калужскую дорогу. Уничтожила вражескую штабную машину и 3 человек, взяла много документов. Принесли винтовку, много сумок с перепиской, плащи, ремни со свастикой и другую мелочь. При возвращении группа Архипова подорвала толлом самолет противника, совершивший вынужденную посадку в районе деревень Комарово — Покров. Обстреляла двуколку противника. Потерь не имеют. Вскоре вернулись и остальные 3 человека. В этот же день утром выслали группу Кузьмина с задачей: разгромить из засады обоз противника на дороге Черная Грязь — Трояново.

Данные о движении обозов по этой дороге принесла накануне наша разведка под руководством бойца Наумова. Наумов был послан на поиски землянки, о которой нам сказали бойцы диверсионной группы Западного фронта (землянка обнаружена, но находится вблизи дорог). Группа Кузьмина выступила в составе Кузьмина, Еременко, Федотова, Кальгина, Павлинова, Берченко, Волкостова, Луканина, Кондратьева, Смирно-

ва-младшего, Теплова, Семченко и Суркова. Вышли в 9.15. Группу снабдили: 3-килограммовыми гранатами — 6 пгт., бутылками с зажигательной смесью — 6 пгт., минами — 2 пгт., толом — 2,5 кг, дпнуром — 3 м.

3.XI.41 г. Мороз. Холодно спать, днем организовали на старом лагере варку горячего. В 15.15 в лагерь возвратился боец из группы Кузьмина Кальгин, отбился от своих. Через 40 минут пришли еще 4 человека: Павлинов, Семченко, Федотов, Сурков, рассказывают сбивчиво, поразному. К сумеркам вернулась и остальная часть группы. Группа Кузьмина на дороге Черная Грязь — Трояново атаковала танк и легковую автомашину противника. Машина разбита и взорвана. Танк поврежден, сбита пушка и башня, но, будучи подвижен, подобрал раненых и убитых и ушел. Группа принесла 2 винтовки, 2 каски, 2 ящика снарядов от 37-миллиметровой пушки (для образца), остальные 8 ящиков взорвали на месте. Танк толкал по грязи легковую машину, в машине было трое. Бросили 2-килограммовые гранаты, машина встала, дали несколько очередей из пулемета и ППД. Танк вышел вперед и собой загородил подбитую машину, взяли раненых. По танку бросили 3-килограммовую гранату, сбили башню. Танк перестал стрелять, но ушел. Машину взорвали двух или трехкилограммовыми гранатами. Павлинов, Федотов, Сурков без приказа командира стали отходить, за ними потянулся Семченко, разбились и пришли в разное время. Хорошо себя проявили Волкостов и Верченко. По группе стрелял танк, после в район действия группы были брошены немецкие разведчики.

Днем при варке пищи задержали группу бойцов РККА, указали дорогу. Отобрали два автомата ППП, два пистолета ТТ и наган, записанное в удостоверениях оружие и гранаты оставили у них.

В 19.10 вернулась в полном составе группа Ещенко. В Высокиничках много машин и немецких войск. Из Высокиничей немцы что-то увозят к западу. Подойдя к селению Бор, группа взорвала на большаке мост. Ночью наткнулись на бронечасть, были обстреляны и отошли в лес. На дороге Макарово — Высокинички обстреляли обоз, бросили гранаты, были отбиты полуротой немецких солдат, шедших позади обоза. Из боя с ротой вышли. На дороге Высокинички — Трояново взорвали телеграфную линию — 4 столба. В районе Семкино встретили партизанский отряд под командованием Деднева.

Связи с Москвой не имеет, о его деятельности сведений нет. Вместе репили напасть на немецкую пекарню дер. Семкино. Оказалось, что Семкино немцами сильно укрепляется, все жители (дети, женщины) выселены. Встретили отряд под руководством Лихого. Рекомендуют действовать в районе Черной Грязи.

4.XI.41 г. Весь отряд в сборе. Мороз. Объединили все продукты, их не очень много. Объявили новые назначения: Неронский — начальник боепитания, Верченко — командир взвода разведки и др. Собрали

совещание по поводу дальнейших действий. Решили действовать в районе Черной Грязи и на Старом Калужском шоссе. Сформировали 4 группы под руководством Еременко, Архипова, Ещенко, Кузьмина. Весь день летают самолеты, наблюдали воздушный бой.

5.XI.41 г. В 8.15 после принятия горячей пищи вышли на задание 4 группы. Группа Кузьмина в составе Кузьмичева, Верченко, Самитина, Калыгина, Савинова, Цыганова, Семченко, Пожилова, Тарасова с заданием уничтожить обозы, материальную часть и живую силу противника на дороге Черная Грязь — Трояново. Группа Еременко в составе Волкеедова, Беззубова, Горцелова, Задкова, Кондратьева, Павлинова, Соколова, Луканина, Сафонова и Ильинова с заданием уничтожить обозы, материальную часть и живую силу противника по Старой Калужской дороге в районе селений Лыково — Баево.

Группа Ещенко в составе Раусова, Кувшинникова, Сорокина, Сопряхина, Мотина, Калугина, Басова, Щеглова, Ершова с заданием уничтожить обозы, материальную часть и живую силу противника на дорогах: Высокинич — Щиголево, Высокинич — Макарово, Высокинич — Семкино. Группа Архипова в составе Макарова, Акимова, Муфталеева, Казанкова, Петрова, Лобакина, Астафьева, Кисельмана и Крысанова с задачей уничтожить обозы, материальную часть и живую силу противника на Старой Калужской дороге в районе селений Малое Летьшево — Тартутино. Все группы снабжены необходимым количеством противотанковых гранат, тола, пнура, запалов, бутылок. Все бойцы получили по одной пачке галет, одной пачке супа-концентрата. Задание рассчитано до 10 часов утра

7.XI.41 г. В 13.50 с группой в 16 человек с разведывательными целями в район дер. Семкино выступил (без карты и ориентира) командир отряда. В лагере комиссар и 14 бойцов при трех пулеметах. С питанием туго, перепили на уменьшенный паек. Мороз. Замерзают чернила (16.40). В 17.30 пришел боец Ершов, ушедший с группой Ещенко. Доложил: группа Ещенко напала на артиллерийский обоз, убила нескольких человек и отступила в лес. При отходе Ершов отстал и, не найдя никого из участников группы, вернулся в лагерь самостоятельно. В 21.05 из разведки вернулась группа командира. Обнаружили в дер. Тростье большой немецкий обоз и массу немецких войск. При разведке хорошо себя проявила медсестра Маруся. Она, одевшись в гражданское платье, прошла в деревню, разведала расположение немцев. При этом т. Конькова проявила смекалку и инициативу. Идя по деревне, она, чтобы не быть замеченной, взяла хворостину и гнала идущий по деревне скот. Перед вечером пять «мессершмиттов» сбили один наш истребитель.

6.XI.41 г. Всю ночь сильный мороз. Луна светит. До утра бойцы не спят — греются, топают ногами. Ночь кажется долгой, с трудом согреваются, закапываясь в сено.

Подъем в 7.00, отправили группу бойцов варить щи на место старого лагеря. Вместе с командиром и группой бойцов отправились в старый лагерь. Весь лес в инее, болото и лужи покрылись толстым слоем льда. Над головой воздушный бой, наши истребители бьются с «мессершмиттами». В районе дер. Семкино слышна артиллерия, изредка пулеметные очереди.

Питание организовали быстро. Решили выслать разведку в район дер. Семкино на звук батарей. Пошел комиссар и с ним десять человек из числа оставшихся в лагере, в том числе и медсестра Маруся. Дошли до линии узкоколейной железной дороги с необходимыми предосторожностями, перешли ее и углубились в лес на 1 км. Стрельба слышна теперь слева — в Семкине. Подошли ближе к опушке, слышны голоса немцев, погоняющих лошадей, стук колес по мерзлой земле и периодическая стрельба орудий и пулеметов. Группа идет неорганизованно. От движения группы шум и треск, мороженная земля и опавший снег сильно хрустят под ногами. Решили выслать в разведку непосредственно к дер. Семкино двух человек, бойцов Наумова и Исадченко, остальные расположились двумя группами вблизи двух дорог. Большой стук колес по мерзлой земле и голоса. Постепенно голоса удаляются. Комиссар решил сам перепроверить. Взял бойца Пронина, оставил за себя Теплова. Пошли в направлении дер. Семкино. Орудие бьет совсем близко. Смеркается, мороз, под ногами хруст. Стук колес окончательно замолк. Вернулись. Подойдя к тому месту, где оставил Теплова и Марусю, нашел там всю группу. В мое отсутствие по дороге вблизи расположения Теплова и Маруси прошли 5 вооруженных немцев. Теплов пытался организовать их захват, но группа оказалась недостаточно подготовленной и дисциплинированной, собирались долго, немцы ушли. По азимуту дошли до железной дороги и пришли в лагерь. В 17.00 вернулась группа Ещенко и доложила: В районе дер. Макарово — Семкино на лесной дороге 5.XI.1941 г. в 14.00 из засады группа налетела на обоз, шедший из Семкина на Макарово, сопровождало его до 10 человек пехоты. Обоз обстреляли и бросили две двухкилограммовые гранаты. Убили два человека и отошли в лес. Через час-полтора в этом же самом месте, на 50 метров ближе к селению Семкино, заняли место для засады, обнаружили артиллерийский обоз противника, приготовили противотанковые гранаты. При непосредственном приближении противника впереди верхом на лошадях ехала группа офицеров, один из них с полковничьи ми погонами. Полковник увидел сидящих в засаде бойцов, схватился за кобуру, боец Раусов метнул противотанковую гранату, убил двух человек и две лошади, третий был ранен. Броском второй гранаты был убит и третий. Отстреливаясь из ППД и винтовок, отошли в лес. При возвращении на другой день утром на дорогу группа обнаружила в местах действия пикеты противника, расставленные через каждые 80 — 100 м,

и два патрулирующих мотоцикла. Ночью были у лесника Петрова. В 19.55 возвратилась группа Кузьмина и доложила: на участке Черная Грязь — Трояново ничего не обнаружила. На дороге Высокинички — Макарово обнаружили легковую машину, которая ушла в лес, не будучи уничтожена. Пройдя по следам машины, обнаружили в лесу цистерну ЗИС с бензином. Цистерну взорвали гранатой (противотанковой) (гранату бросил Кузьмичев) и сожгли. На дороге Макарово — Высокинички обнаружили большой обоз (гужевой) с артснарядами; так как обоз хорошо охранялся (через каждые 4 подводы конные и пешие), напасть на него не рискнули, в течение 4 — 5 часов наблюдали за движением обоза, дождались хвоста обоза. Мимо группы проскочил на мотоцикле немецкий офицер, уничтожить его не могли, так как на другой стороне дороги были свои. Напали на две отстающие подводы. Кузьмичев бросил гранату на дорогу, убили лошадь и возницу, двое отстреливались. Выстрелом из ППД Кузьмин и Верченко убили еще двоих, в одну подводу бросили бутылки с горючим, вторую подводу разгрузили (часть принесли с собой).

При отходе слышали взрывы. В результате: трое убитых, уничтожена цистерна с горючим, два воза со снарядами, принесли два ящика с 75-миллиметровыми снарядами и винтовку.

Группа Архипова возвратилась в 20.50. В районе селения Буриново заметили 6 автомашин, из них 1 легковая, 5 с прицепом противотанковых пушек. Место для нападения неудачное. Вышли на дер. М. Леташево, в темноте подстрелили лося, приняв его за противника.

Вышли на Старую Калужскую дорогу 6.XI.41 г. в 5.30.

На шоссе кругом бьют зенитки. На шоссе движения нет, в районе М. Леташево и тригонометрической вышки обнаружили артчасть. Близко подошли наши разведчики, видели большой чин (офицер с большими погонами в сопровождении 2 человек). Вблизи, по-видимому, штаб, отошли в лес к дер. Боево.

Встретили 6 связистов РККА, указали дорогу, обозов противника не обнаружили. Возвратились к месту лагеря. В районе дер. Покров — Трояново обнаружили крупный обоз, движущийся к дер. Буриново. Разведка подползла к селу: 50 подвод, 7 стоят в селе Покров, часть из них ремонтируется.

Группа Еременко. В 16.00 прибыли на Старую Калужскую дорогу, движения по дороге нет. До утра ничего не обнаружили. Продвижение на север на 4 — 5 км, охрана дороги солидная (разъезды, орудия). Движения также нет. В одном районе обнаружили группу и обошли ее со стороны леса, отступили в лес. При возвращении на узкоколейной железной дороге западнее дер. Трояново подобрали до 12 кг прессованного тола, разбросанного по дороге. Установили довольно крупные, хорошо охраняемые обозы противника по дороге Макарово — Трояново — По-

кров. По данным, полученным от местных жителей, в районе дер. Лыково повешено 25 человек за 2 убитых немцев. Оказали помощь медикаментами раненому красноармейцу, лежащему у старушки на станции Трояново.

7.XI.41 г. ночью выпал снег, стало теплее. Фронт, повидимому, приближается, слышна пулеметная и оружейная стрельба в направлении дер. Семкино. Праздник решили отметить усиленным питанием. В село Покров выслали разведку в составе Казанкова, Акимова и двух бойцов с целью разведать движение обозов для возможного нападения на них. Так как срок нашего пребывания в тылу на исходе, решили послать разведку в район разъезда Буриново для разведки путей отхода. Пошла группа 8 человек во главе с Ещенко.

По возвращении из разведки группа Ещенко доложила: по северную сторону железной дороги (путь нашего движения назад) противника близ дороги нет. Разъезд Буриново занят конным немецким разъездом. Поставленную задачу разведать дорогу разъезд Буриново — с. Буриново группа Ещенко не выполнила без наличия каких-либо веских причин.

Разведка из с. Покров вернулась в 16.30. В с. Покров сосредоточен большой немецкий обоз с сильной охраной. Пришедшие накануне обозы находятся там. Удобных мест для нападения нет (село далеко от лесного массива).

Стали готовиться к отходу. Часть тола и патронов закопали в землю, точно нанеся место на карту. В 20.45 отряд в составе 70 человек во главе с командиром и комиссаром выступил. Выделили разведку: Архипов, Верченко, Казанков, Петров, Наумов, Теплов, Басов. С просеки азимутом 75 градусов пошли на советскую территорию. Довольно светло, идет снег, еще больше падает его с ветвей деревьев. Пройдя азимутом 75 градусов 1 час 20 мин, изменили его на 105 градусов и двигались им до момента выхода на железнодорожную линию на разъезде Буриново. На дорогу выскочили случайно, так как направляющий произвольно сдвинул лимб компаса на 120 градусов. Развели дорогу, находимся за разъездом Буриново, но в непосредственной от него близости. Решили двигаться вдоль полотна железной дороги лесом. Пройдя 200 — 300 м, натолкнулись на горящий костер, вокруг костра 5 — 6 человек, стоит шатер, слышна немецкая речь, по-видимому, разъезд противника. Некоторое замешательство. Не знаем — атаковать или обойти. Всем отрядом стоим в 30 — 40 м от костра. Выделил две группы. Группа Раусова подошла ближе и установила, что кроме стоящих у костра немцев еще больше их в палаше. Решили отойти, не атакуя. Отряд повернул кругом, отошли метров 100 — 200 и взяли курс на север, шли до километра, после чего вновь изменили курс на 105 градусов. Идем уже 5 часов, лес, болота, глубокий снег, ноги у всех промокли, груз тянет плечи, идти тяжело. Примерно через 30 — 40 минут бойцы отдыхают, засыпая на

снегу, с трудом поднимаясь по команде. Замыкает колонну помощник начальника отряда Еременко. Изменили азимут на 120 градусов, по-прежнему ведут попеременно Казанков и Петров, особенно уверенно идет по азимуту Казанков. Ночь на исходе, никаких ориентиров. На одном из привалов выслали разведку на юг, железнодорожной линии в 1,5 — 2 км не обнаружили, продолжаем движение. Наш поход длится уже 9 часов. Над головой пролетают артиллерийские снаряды, по-видимому, наша артиллерия бьет по противнику.

Справа также слышны выстрелы, подозрительные на разрыв снарядов. Пропадает уверенность в правильности курса.

Комиссар настаивает идти по курсу. В 8.35 вышли на железнодорожное полотно. Двух первых прохожих окружили и задержали — наши бойцы, мы на советской территории. Можно громко разговаривать, смеяться, курить и даже петь. Все повеселели, ободрились. Шагаем по шпалам, слева и справа наши части. Нас угостили хлебом (мы его не ели 11 суток).

Идем бодро, переключаемся. За ночь похода все поосунулись, еще больше почернели, обросли. Двигаемся вперед к разъезду Шатово, где ходят поезда. Из последних сил передвигаем ноги, сильно болят плечи и трут мокрые сапоги. Наш поход длился 13 часов. В 11.15 комиссар явился в штаб 5-й гвардейской дивизии. Командование дивизии с большим интересом выслушало сведения о расположении войск противника в районе действия отряда. Нам был подан поезд узкоколейной железной дороги, которым мы доехали до г. Серпухова. В 13.25 вошли в г. Серпухов. Расположились в клубе истребительного батальона. Командир отряда проинформировал штаб и командование армии о расположении и движении войск противника в районе Буриново — Трояново — Семкино. Работник разведывательного отдела штаба в личной беседе с бойцами отряда уточнил эти сведения, в частности сообщив, что убитый группой Ещенко 5.XI.41 г. офицер с полковничьими погонами является командиром 95-го арtpолка германской армии полковником Шеренбергом.

9.XI.41 г. в 7.50 на машинах, предоставленных нам штабом армии, мы выехали в Москву, куда и прибыли в тот же день в 11.45.

Комиссар отряда лейтенант госбезопасности Бабакин
(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ).

* * *

СПРАВКА УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО Г.МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ О БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ ГРУПП ЗА ПЕРИОД С 9 НОЯБРЯ ПО 23 ДЕКАБРЯ 1941 г.

23 декабря 1941 г.

Переброшено к линии фронта 6008 человек. Находились и еще находятся в тылу противника 4130 человек. В результате действий истребительных групп в тылу противника, по неполным данным:

убито солдат и офицеров — 1504 чел.;
уничтожено самолетов — один;
уничтожено танков и бронемашин — 16;
уничтожено пгтабных и легковых автомашин — 38;
уничтожено грузовых автомашин — 108;
уничтожено мотоциклов — 13;
уничтожено бензозаправщиков — два;
уничтожено повозок с боеприпасами, медикаментами — 26;
минировано дорог в 23 местах;
взорвано и уничтожено мостов — 8;
уничтожено складов боеприпасов и баз горючего — 4;
повреждено телефонно-телеграфных линий в 88 местах;
уничтожено пулеметных точек — 6;
захвачено орудий — 9;
захвачено станковых пулеметов — 4;
захвачено ручных пулеметов и автоматов — 23;
захвачено 11 телефонных аппаратов и 1 радиостанция;
захвачено винтовок — 200;
наши потери в личном составе: убитых 64 человека,
раненых — 110 человек, без вести пропавших — 44 человека.
Зам. начальника УНКВД МО майор госбезопасности
Запевапин
Зам. начальника отдела полковник Леонтьев
(ГАМО, ф. 4611, оп. 1, д. 4а, л. 1. Копия).

* * *

ПРИСЯГА, КОТОРУЮ ПРИНИМАЛИ БОЙЦЫ И КОМАНДИРЫ
СПЕЦГРУППЫ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ
ОБЛАСТИ ПЕРЕЛ ОТПРАВКОЙ В ТЫЛ ПРОТИВНИКА

Октябрь — декабрь 1941 г.

Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей советской земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину.

За сожженные города и села, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь и смерть за смерть.

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство коварному фашизму.

Если же по моей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предаю интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей.

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ).

* * *

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДОВАНИЯ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ О НАГРАЖДЕНИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА

11 января 1942 г.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю: По истребительным отрядам и группам Управления НКВД г. Москвы и Московской области Орденом Красного Знамени:

1. Ананко Леонида Леонтьевича, командира истребительной группы,
2. Башмакова Михаила Николаевича, бойца отряда Ленинградского района г. Москвы,
3. Брукса Алексея Ивановича, бойца истребительного батальона Лопасненского района,
4. Борисова Ивана Васильевича, командира взвода 25-го истребительного батальона,
5. Вдовина Павла Павловича, бойца 25-го истребительного батальона,
6. Глухова Ивана Ивановича, помощника командира взвода мотострелкового полка УНКВД г. Москвы,
7. Колесова Виктора Васильевича, командира истребительной группы,
8. Карапузикова Александра Ивановича, комиссара отряда Ленинградского района г. Москвы,
9. Кузнецова Константина Петровича, бойца мотострелкового полка УНКВД г. Москвы,
10. Кузюкова Петра Ильича, бойца мотострелкового полка УНКВД г. Москвы,
11. Липатова Алексея Ивановича, командира роты мотострелкового полка УНКВД г. Москвы,
12. Михеева Алексея Павловича, комиссара взвода 25-го истребительного батальона,
13. Меркулова Григория Кузьмича, командира взвода 25-го истребительного батальона,
14. Проценко Дмитрия Ивановича, начальника отделения Ленинградского райотдела УНКВД г. Москвы,

15. Рипинского Сергея Петровича, командира отряда Ленинградского района г. Москвы,

16. Соломатина Ивана, командира взвода мотострелкового полка УНКВД г. Москвы,

17. Таларая Николая Багратионовича, курсанта полковой школы мотострелкового полка УНКВД г. Москвы,

18. Тихомирову Веру Михайловну, санитарную дружинницу истребительной группы,

Орденом Красной Звезды

1. Абапкина Михаила Афанасьевича, связника партизанских отрядов,

2. Афанасьева Михаила Владимировича, командира взвода полковой разведки мотострелкового полка УНКВД г. Москвы,

3. Арясова Александра Степановича, комиссара батальона мотострелкового полка УНКВД г. Москвы,

4. Бурмистрова Афанасия Никитовича, бойца истребительной группы Куйбышевского района г. Москвы,

5. Лейтенанта Бобкова Владимира Ивановича, начальника штаба Серпуховского истребительного батальона,

6. Бадапкина Ивана Михайловича, бойца истребительного батальона Коломенского района,

7. Вишнякова Григория Андреевича, шофера отряда Ленинградского района г. Москвы,

8. Гаврильчика Андрея Артемьевича, политрука Краснополянского истребительного батальона,

9. Демина Василия Яковлевича, бойца Подольского истребительного батальона,

10. Елпанова Ивана Павловича, бойца Подольского истребительного батальона,

11. Загирова Фазула Загировича, командира роты Подольского истребительного батальона,

12. Зиновьева Максима Филипповича, начальника разведывательного отделения УНКВД г. Москвы,

13. Зуева Павла Никитича, начальника спецшколы при УНКВД,

14. Котенко Михаила Евдокимовича, помощника командира взвода мотострелкового полка УНКВД,

15. Курмышева Ибрагима Веляловича, командира взвода мотострелкового полка УНКВД,

16. Кутина Валентина Тимофеевича, командира отделения 25-го истребительного батальона,

17. Мжельского Василия Андреевича, командира отделения 25-го истребительного батальона,

18. Московца Василия Ивановича, командира роты мотострелкового полка УНКВД,

19. Медведева Сергея Ивановича, помощника командира взвода мотострелкового полка УНКВД,

20. Морозова Алексея Васильевича, командира истребительной группы,

21. Немцова Михаила Сергеевича, старшего оперуполномоченного Управления милиции г. Москвы,

22. Погосыня Врека Аветовича, командира роты мотострелкового полка УНКВД,

23. Полушкина Петра Ильич, командира батальона мотострелкового полка УНКВД,

24. Смирнова Николая Павловича, командира отделения истребительного батальона Серпуховского района,

25. Сокова Василия Степановича, командира отделения Ленинградского истребительного отряда г. Москвы,

26. Стромкова Николая Ивановича, партизана отряда Можайского района,

27. Тарасова Ивана Михайловича, бойца мотострелкового полка УНКВД,

28. Тарасова Трофима Игнатовича, политрука истребительной группы Куйбышевского района г. Москвы,

29. Французова Евграфа Васильевича, шофера Малоярославецкого райотдела УНКВД,

30. Хромова Ивана Никифоровича, командира отделения мотострелкового полка УНКВД.

Медалью «За Отвагу»

1. Верадзе Доротью Поликарповича, курсанта мотострелкового полка УНКВД,

2. Беляева Василия Егоровича, командира взвода Подольского истребительного батальона,

3. Белоусова Виктора Петровича, бойца Подольского истребительного батальона,

4. Ведерникова Сергея Александровича, бойца истребительной группы Куйбышевского района г. Москвы,

5. Дементьева Алексея Алексеевича, связника партизанских отрядов,

6. Ермошину Марию Семеновну, санитарку истребительного батальона Подольского района Московской области,

7. Журавлева Александра Павловича, пулеметчика мотострелкового полка УНКВД,

8. Карнова Сергея Алексеевича, бойца Серпуховского истребительного батальона,

9. Козловского Алексея Степановича, командира взвода Малоарославского истребительного батальона,
 10. Наумкина Василия Александровича <197><N>связника партизанских отрядов УНКВД,
 11. Орлова Леонида Васильевича, старшего оперуполномоченного Управления милиции г. Москвы,
 12. Полякова Михаила Ивановича, бойца Подольского истребительного батальона,
 13. Полина Василия Михайловича, бойца отряда Ленинградского района г. Москвы,
 14. Прозорова Алексея Евгеньевича, бойца истребительной группы Куйбышевского района г. Москвы,
 15. Савельева Якова Зиновьевича, заместителя начальника разведотделения Управления НКВД г. Москвы,
 16. Сыроежкина Виктора Матвеевича, бойца мотострелкового полка УНКВД,
 17. Терехина Николая Ивановича, помощника командира взвода мотострелкового полка УНКВД,
 18. Чубаренкову Елену Семеновну, санитарку-дружинницу мотострелкового полка УНКВД,
 19. Школьников Якова Семеновича, бойца истребительной группы,
 20. Шпаченко Ивана Наумовича, бойца отряда Ленинградского района г. Москвы,
 21. Шурупова Евгения Петровича, связиста партизанского отряда,
 22. Шепелеву Варвару Константиновну, медсестру мотострелкового полка УНКВД,
 23. Шурахаева Ивана Кирилловича, помощника оперуполномоченного Малоарославского райотдела милиции,
 24. Юхновца Афанасия Васильевича, пулеметчика мотострелкового полка УНКВД,
- Командующий войсками Западного фронта
генерал армии Жуков
Член Военного совета Западного фронта
Хохлов
(ЦАМО СССР, ф. 33, оп. 717037, д. 4345, л. 305 — 310. Копия).

* * *

СООБЩЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО Г.МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НКВД СССР О ГИБЕЛИ КОМИССАРА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА, НАЧАЛЬНИКА РУЗСКОГО РАЙОТДЕЛА НКВД С.И.СОЛНЦЕВА

28 февраля 1942 г.

20 ноября 1941 года немецкими оккупантами был зверски казнен начальник Рузского райотдела НКВД Московской области лейтенант государственной безопасности т. Солнцев Сергей Иванович, 1906 года рождения, член ВКП(б) с 1930 года, в органах НКВД работал с 1937 года.

С занятием Рузского района немецкими войсками (октябрь 1941 года) т. Солнцев являлся комиссаром партизанского отряда и руководил разведкой отряда, а также разведывательной работой в районе. Данные о противнике, добываемые разведывательной группой т. Солнцева, широко использовались командованием Красной Армии.

По этим данным частями 144-й дивизии в дер. Вишенки был разгромлен и уничтожен штаб немецкой части. В дер. Горбово нашей авиацией и артиллерией было уничтожено 230 солдат и офицеров, 150 лошадей, много повозок, артиллерийская установка и два пулеметных гнезда. В дер. Богаево истреблено 130 солдат и офицеров и 65 лошадей.

Всего разведывательной группой т. Солнцева в тылу противника произведено 18 глубоких разведок, в которых участвовало 60 человек из числа партизан. Т. Солнцев также лично участвовал в боевых операциях. В районе деревень Голосово и Велькино 14 ноября 1941 года партизанским отрядом был разбит немецкий обоз, при этом было уничтожено 47 солдат. В самый критический момент т. Солнцев личной храбростью увлек бойцов отряда, чем был решен успешный исход операции.

Как комиссар отряда т. Солнцев характеризовался смелым, волевым человеком, не теряющим присутствия духа в решительные минуты. После разгрома немцами штаба партизанского отряда т. Солнцев был застигнут с группой партизан в одной из землянок у Глубокого озера. В завязавшейся перестрелке он был ранен и схвачен немцами.

Несмотря на жестокие пытки, которым немцы подвергли т. Солнцева, отрубив ему два пальца на правой руке, проколов штыком левую ногу, обжигая огнем пальцы рук и ног, скальпировав череп, он не выдал известные ему военные и государственные тайны, погибнув смертью героя. После казни труп т. Солнцева немцами был повешен на дереве.

Прошу Вас войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета Союза ССР о присвоении т. Солнцеву Сергею Ивановичу посмертно звания Героя Советского Союза.

Начальник Управления НКВД МО

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК --- КГБ).

* * *

ИЗ ВЕЧЕРНЕГО СООБЩЕНИЯ СОВИНФОРМБЮРО О БОЕВЫХ
ДЕЙСТВИЯХ В ТЫЛУ ВРАГА ГРУППЫ БОЙЦОВ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ И.А. КОНДРАШОВА

(Кондрашов И. А. — командир одного из отрядов Московского истребительного мотострелкового полка. Отряд забрасывался в тыл противника на Кировском направлении (Западный фронт).

13 июня 1942 г.

Группа наших бойцов под командованием т. Кондрашова в течение двух месяцев действовала в тылу противника. За это время группа пустила под откос 7 железнодорожных составов, в которых помимо паровозов разбито 85 вагонов и платформ, срезано около 30 км телефонного кабеля, уничтожено 4 немецких танка, 10 автомашин, истреблено 600 немецких солдат и офицеров.

(Беспримерный подвиг, с. 434).

* * *

УКАЗАНИЕ НКВД СССР НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО Г.МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ О ЗАГОТОВКЕ ДРОВ ДЛЯ МОСКВЫ

9 августа 1942 г.

В связи с постановлением СНК СССР от 23.XII 1942 г. заготовке дров для Москвы Вам предлагается:

1. Организовать оперативную работу в районах заготовок, сплава, погрузки и выгрузки дров.

2. Своевременно вскрывать и пресекать возможные попытки враждебных элементов сорвать выполнение постановления СНК СССР о снабжении Москвы дровами.

3. Учítывая, что на заготовки, сплав и выгрузку дров мобилизуется городское население, в основном женщины, не имеющие опыта в лесозаготовках, обратить особое внимание на своевременное выявление и предупреждение фактов нарушения правил техники безопасности, а также обеспечение мобилизованных жильем, питанием, спецодеждой и инструментами.

4. В основные районы заготовок, сплава и выгрузки дров, а также в Конаковский леспромхоз Калининской области командировать сроком до конца работ опытных оперативных работников УНКВД.

5. Через каждые 5 дней информировать НКВД СССР о ходе дровозаготовок и о состоянии оперативной работы.

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ).

* * *

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО Г.МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НКВД СССР О НЕМЕЦКОМ ДЕСАНТЕ

15 августа 1942 г.

По сообщению дежурного по НКВД СССР, 15 августа 1942 года в 2 часа 50 минут на стыке Лотошинского, Высоковского и Волоколамского районов Московской области в большом лесном массиве в районе дере-

вень Назарец, Покровское и Кузьминское с двух самолетов противника был сброшен десант.

При этом с земли были поданы красный и зеленый сигналы.

В целях ликвидации авиадесанта противника Управлением НКВД Московской области проводятся следующие мероприятия:

1. В район приземления вражеских парашютистов направлены Высоковский, Клинский, Волоколамский, Лотошинский, Ново Петровский истребительные батальоны и оперативный состав РО НКВД и милиции этих районов с задачей закрытия и прочесывания района приземления парашютистов и прилегающей к нему местности. Операция будет закончена 16 августа с.г. к 15 — 16 часам.

2. В прилегающие к району приземления парашютистов населенные пункты послана группа оперативных работников УНКВД МО.

Для руководства операцией создан штаб в составе: начальника штаба истребительных батальонов УНКВД МО полковника т. Леонтьева, начальника КРО УНКВД МО капитана государственной безопасности т. Федосеева и начальника Управления милиции Московской области старшего майора милиции т. Полукарова. Штаб находится в районе приземления парашютистов.

Приложение: план проведения операции.

Начальник Управления НКВД МО

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ).

* * *

СООБЩЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО Г.МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НКВД СССР О ЗАДЕРЖАНИИ ГРУППЫ ГИТЛЕРОВСКИХ ДИВЕРСАНТОВ

30 августа 1942 г.

В ночь на 29 августа 1942 года Управлением НКВД Московской области были получены сведения о том, что в районе деревни Федорцово Константиновского района Московской области на опушке леса с немецкого самолета сброшено шесть парашютистов.

Для розыска и задержания парашютистов были мобилизованы оперативный состав Константиновского и Загорского РО НКВД, бойцы истребительных батальонов Константиновского и Загорского районов. В Константиновский район была послана группа оперативных работников УНКВД МО во главе с капитаном госбезопасности т. Федосеевым. В операции по розыску парашютистов также принимала участие группа бойцов 23-й бригады внутренних войск НКВД.

В 6 часов 29 августа в Константиновский райотдел НКВД явился мужчина в военной форме, который заявил, что он с пятью другими парашютистами сброшен на территорию Константиновского района с немецкого двухмоторного самолета «Хейнкель-111». Через час в тот же райотдел явился второй парашютист.

В результате прочесывания лесных массивов и населенных пунктов между 9 и 19 часами 29 августа на территории Константиновского района были задержаны остальные четыре парашютиста. Будучи допрошены, задержанные показали, что они посланы немецкой разведкой в советский тыл с целью вывода из строя путем взрыва двух мачт высоковольтной линии Москва — Углич и двух подстанций, питающих электроэнергией заводы № 11 и 347.

Попав к немцам в плен, они 25 апреля 1942 года в числе других были завербованы немецкой разведкой и направлены в школу для подготовки диверсантов, находившуюся сначала в местечке Видаки (около города Рига), а затем в местечке Вихула (Эстония). 4 ВО указанной школе слушатели изучали подрывное дело, стрелковое дело, топографию, тактику, немецкий язык, способы и приемы сбора и передачи разведывательных данных, а также строевую подготовку. После окончания школы диверсанты были тщательно проинструктированы и подготовлены для направления в советский тыл с диверсионными заданиями. Им было выдано около 10 килограммов взрывчатки, 30 капсюлей взрывателей, 446 кислотных взрывателей, два взрывателя с часовым механизмом, два автомата ППД, четыре нагана, пять пистолетов, шесть ручных гранат, компасы, географические карты, запас продуктов и 50 тысяч рублей денег советскими знаками. Для проникновения на объекты немецкая разведка снабдила их различными сфабрикованными документами, а также средствами специальной техники, при помощи которой они могли изготовить необходимые документы.

Полученное от немецкой разведки задание диверсанты должны были выполнить в течение двухнедельного срока, после чего перейти через линию фронта и явиться в немецкий штаб. Для этого немецкая разведка снабдила их особыми пропусками, которые они хранили в кобулах сапог.

При задержании у диверсантов изъяты: радиоаппаратура, код для работы на радиопередатчике, взрыватели, противогаз, наполненный взрывчатой смесью, два автомата ППД, пять пистолетов, различные сфабрикованные документы (партибилеты, военные билеты, удостоверения личности, командировочные удостоверения на заводы № 11 и 347 и др.).

Груз со взрывчатыми веществами, сброшенный с немецкого самолета, разыскивается.

Ведется следствие.

Начальник Управления НКВД МО

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ).

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО Г.МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НКВД СССР О ЗАДЕРЖАНИИ ВРАЖЕ-

СКИХ ПАРАШЮТИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ МОЖАЙСКОГО РАЙОНА

28 сентября 1942 г.

В ночь на 27 сентября 1942 года бойцами Можайского истребительного батальона в районе деревни Пуршево Можайского района Московской области было зафиксировано появление вражеского самолета. Продолжая наблюдение за самолетом, они заметили выброску с него двух парашютистов.

Для розыска и задержания парашютистов были немедленно мобилизованы оперативный состав райотделов НКВД и бойцы истребительных батальонов Рузского, Можайского и Верейского районов. На место были направлены зам. начальника Управления НКВД МО майор госбезопасности т. Лынько, начальник КРО УНКВД МО капитан госбезопасности т. Федосеев, зам. начальника штаба истребительных батальонов ст. батальонный комиссар т. Филиппов с группой оперативных работников УНКВД МО.

В результате прочесывания лесных массивов и населенных пунктов оба парашютиста были обнаружены и задержаны в 6 часов 27 сентября на территории Можайского района. Ими оказались: Черемискин С. С., 1909 года рождения, из кулацкой семьи, бывший боец Красной Армии, добровольно сдавшийся в плен немцам. Сажин Н. Т., 1902 года рождения, бывший помощник старшины эскадрона 221-го кавалерийского полка.

На допросе задержанные показали, что, попав в июле с. г. в плен к немцам, они были завербованы германской разведкой и направлены в диверсионную школу (местечко Красный Бор, близ Смоленска), где в течение 15 дней обучались технике подрывного дела.

После окончания школы Черемискин и Сажин были соответствующим образом проинструктированы и направлены в тыл Красной Армии с задачей совершения диверсий на железнодорожном транспорте в районе Волоколамск — Ржев.

Диверсантов снабдили тремя минами замедленного действия с часовыми механизмами, двумя револьверами системы «наган», запасом продуктов и 5 тысячами рублей советскими знаками.

Полученное от немецкой разведки задание они должны были выполнить в течение 2 — 3 дней, после чего перейти линию фронта к немцам. Для беспрепятственного прохождения линии фронта диверсанты имели особые пропуска и пароль.

При задержании у диверсантов изъяты: мины с часовыми механизмами, два револьвера системы «наган» с запасом патронов, парашюта (2 из них — грузовые). По показаниям задержанных, в самолете кроме них находились также обучавшиеся в школе в Красном Бору бывшие военнослужащие Красной Армии Августовский и Дубровский. Последних,

как показал Сажин, должны были выбросить в районе города Торжок Калининской области.

Следствие продолжается.

Начальник Управления НКВД МО

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК-КГБ).

ИЗ СООБЩЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО г. МОСКВЕ и МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ в МК и МКК ВКП(б) О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА СПЕЦГРУПП «БОРЦЫ» И «БЫСТРЫЕ»

3 ноября 1942 г.

Управлением НКВД по Московской области в сентябре 1942 года были направлены в тыл противника специальные группы «Борцы» в составе 15 человек и «Быстрые» в составе 9 человек.

В соответствии с полученным заданием группы действовали на коммуникациях противника в районе Западного и Калининского фронтов. За время с 19 сентября по 22 октября 1942 года спецгруппами проведен ряд специальных операций на участках: Ярцево — Свищево (железная дорога Вязьма — Ярцево), железнодорожная ветка Вадино — Яковская, железнодорожная ветка Ярцево — Дорогобуж и большак Ярцево — Духовщина. Произведено крушение 4 воинских эшелонов с техникой, боеприпасами и живой силой противника, взорван железнодорожный мост, сожжена мельница, склады с зерном и сеном и осуществлен ряд других диверсионных мероприятий.

В результате всех проведенных спецгруппами действий уничтожено: четыре паровоза, 58 вагонов и платформ с боеприпасами, средними танками, автомашинами, продовольствием и живой силой; один железнодорожный мост; одна танкетка; два грузовика с фуражом и живой силой; вырезано две тысячи метров телефонного провода; убито и ранено до 300 немецких солдат и офицеров; убито 18 полицейских; расстреляно четыре провокатора и пособника; взят живьем один ст. ефрейтор, передан в Особый партизанский отряд.

Разведкой установлено, что в районах действий групп регулярных войск противника не имеется, а исключительно их ставленники — полицейские.

Спецгруппы «Борцы» и «Быстрые» в личном составе потерь не имели.

Начальник Управления НКВД г. Москвы и МО

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ).

ИЗ СООБЩЕНИЙ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО г. МОСКВЕ и МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ в НКВД СССР О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА СПЕЦГРУПП «ПАТРИОТЫ» И «СМЕЛЬЧАКИ»

Ноябрь 1942 г.

Управлением НКВД по Московской области в сентябре 1942 года были направлены в тыл противника специальные группы «Патриоты» в составе пяти человек и «Смелчаки» в составе одиннадцати человек.

В соответствии с полученным заданием группы действовали на коммуникациях противника перед Западным и Калининским фронтами. За время с 20 сентября по 5 ноября 1942 года на железнодорожной магистрали Минск — Вязьма спецгруппой «Патриоты» произведено крушение четырех воинских эшелонов с техникой, боеприпасами, горючим и живой силой противника на участках: Вязьма — Издепково и Ярцево — Дорогобуж...

Командир спецгруппы «Смелчаки», действующей на магистрали Витебск — Невель, сообщил по радио, что группа 10 ноября 1942 года произвела крушение двух эшелонов противника.

Специальные группы «Патриоты» и «Смелчаки» в личном составе и вооружении потерь не имеют.

Начальник Управления НКВД г. Москвы и МО

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ).

* * *

ИЗ СООБЩЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В МК И МГК ВКП(б) О ГЕРОЯХ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ И ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ, СРАЖАВШИХСЯ В ПОДМОСКОВЬЕ И ПАВШИХ В БОЯХ ЗА РОДИНУ

1943 г.

Советский народ никогда не забудет имена партизан Подмосковья, павших смертью храбрых. В схватках с врагом отдали свою жизнь верные сыны Родины Гурьянов М. А., Бабакин В. Н., Христофоров Вячеслав, Муфталиев Михаил, Лебедев Николай, Ермолаев Анатолий и другие партизаны Подмосковья. Некоторые из названных партизан погибли при разгроме в Угодском Заводе штаба 12-го армейского корпуса немцев.

Во время Угодско-Заводской операции погиб смертью храбрых Гурьянов Михаил Алексеевич. Последние два года т. Гурьянов был председателем исполкома райсовета Угодско-Заводского района. После захвата немцами Угодского Завода он ушел партизаниить. В отряде он был комиссаром. Скромный, выносливый, Гурьянов стойко переносил все трудности и лишения партизанской жизни. Он всегда шел бесстрашно на выполнение самых опасных поручений. Когда сводный партизанский отряд направился к Угодскому Заводу для налета на немцев, Гурьянов говорил товарищам: «Я пойду громить офицеров в здании райисполкома. Явлюсь туда и скажу им: «Выходи, пришел настоящий хозяин!»

После боя при возвращении в лагерь т. Гурьянов, делаясь своими впечатлениями, говорил: «Ну и дали же мы им жару!» Гурьянов расска-

зал, как на несколько секунд он потерял сознание от взрыва противотанковой гранаты. Захватив с собою раненого командира отряда т. Карасева, Гурьянов вместе с 10 товарищами ускоренным маршем стал пробираться на базу.

Не доходя километров 5 до базы, он вместе с партизаном Каревым пошел впереди группы кратчайшим путем, стремясь как можно скорей попасть в землянку, развести там костер и приготовить пищу для изголодавшихся товарищей. Когда те пришли в землянку, то ни Гурьянова, ни Карева там не оказалось. Как было впоследствии установлено, Гурьянов вместе с Каревым нарвался на немецкую засаду и попал в руки гестаповцев. Они несколько дней подряд пытали Гурьянова. Вначале он не называл себя. Но местный житель Меркулов, продавшийся немцам, опознал его. Гурьянов с гордостью заявил своим палачам: «Да, я Гурьянов, председатель районного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся».

Немцы безуспешно добивались от него сведений о партизанах, коммунистах и их родственниках. Они избивали его, жгли ему ноги, пальцы, лицо, выкручивали руки, изматывали голодом и жаждой. Но им ничто не помогло. Они не сумели поколебать его стойкости.

Под вечер 27.XI.1941 г. товарищ Гурьянов был повешен на железных балках райисполкомовского здания. Во время казни все население было разогнано по домам, так как немцы знали, что Гурьянов умрет героем. Но несмотря на это, некоторые из жителей, притаившись за заборами и за дверьми своих домов, были свидетелями последних минут героя. Они видели, как Гурьянов с руками, засунутыми в карманы, спокойно и гордо стоял на месте казни. И в то время, когда палачи спешили набросить на него веревку виселицы, раздался его недрогнувший голос: «Всех не перевешаете! Нас миллионы. Наше дело правое, победа за нами. Да здравствует коммунизм! Долой фашизм!»

За доблесть и мужество т. Гурьянову указом Президиума Верховного Совета СССР посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Во время Угодско-Заводской операции геройской смертью пал комсомолец-партизан — Михаил Муфталиев. В начале Отечественной войны т. Муфталиев добровольцем пошел в истребительный батальон Ленинградского района г. Москвы. Там он был назначен старшиной роты. Вскоре его, как одного из лучших бойцов, направили в спецшколу НКВД, где он стал командиром отделения. После окончания спецшколы т. Муфталиев был причислен в партизанский отряд т. Бабакина. При неоднократных походах в тыл противника он зарекомендовал себя отличным разведчиком, хладнокровным и выдержанным бойцом, уложившим немало фашистов. Он настолько хорошо овладел искусством снайперской стрельбы, что однажды по слуху убил с одного выстрела лося, ошибочно принятого партизанами за противника. При разгроме

немцев в Угодском Заводе т. Муфталиев метким выстрелом снял немецкого автоматчика, простреливавшего улицу и тем самым затруднявшего успешность действия партизан. Уничтожив автоматчика, он стал расстреливать немцев из их же оружия. В разгар боя из-за угла выскочила танкетка, из которой двумя пулеметными очередями фашистские мерзавцы застрелили храброго народного мстителя Михаила Муфталиева. Приказом по Западному фронту т. Муфталиев награжден орденом Красной Звезды.

Во время Угодско-Заводской операции смертью героя погиб мужественный партизан-чекист Лебедев Николай Алексеевич.

При разгроме немцев в Угодском Заводе он вместе с т. Гурьяновым, Карасевым, Домажевым, Демидовым отличился как народный мститель и истребил не одного фашистского офицера. При возвращении с операции около дороги Рытково — Барсуки т. Лебедев пошел на разведку и нарвался на немецкую засаду. В неравном бою он пал смертью храбрых. Партия и правительство высоко оценили боевые подвиги партизана-чекиста. Посмертно его наградили орденом Красной Звезды.

При возвращении с боевой операции 13.1.1942 г. партизанский отряд был настигнут карательным отрядом финнов в составе 60 автоматчиков. В партизанском отряде было только 28 бойцов, сильно уставших и частично обмороженных и раненных. Ввиду этого командование отряда решило не вступать в неравный бой с финнами. Последние наседали и приближались все ближе и ближе. Так как финны шли по следам, проложенным отрядом, а партизанам приходилось прокладывать тропу в полутораметровой снежной целине, то в конце концов враг подошел к бойцам отряда на 50 — 70 метров. Рассыпавшись веером, финны стали обстреливать отряд, стремясь его окружить. Тогда партизаны разбились на четыре группы. Первая группа из десяти человек пошла вперед для прокладки дороги, а остальные три группы стали отражать наступающего противника.

Во время огневого боя разрывная пуля смертельно поразила в голову комиссара отряда чекиста Ермолаева. Товарищ Ермолаев не один раз переходил с диверсионно-истребительными отрядами линию фронта и громил фашистов. За боевые заслуги он посмертно был награжден орденом Красной Звезды.

Кроме т. Ермолаева в этой схватке смертью храбрых пали лучшие автоматчики отряда — Саша Кувшинников, Андрей Казанков и Федор Сафонов. Эта тройка отважных огнем своих автоматов обеспечила отряду отход от наседающего врага. Они были молодыми комсомольцами и с начала войны добровольцами пришли в истребительный батальон. В отряде их знали как бесстрашных автоматчиков, не один раз доказавших свое мужество в борьбе с немецкими оккупантами.

Своих четырех товарищей партизанский отряд похоронил с боевыми почестями в Москве. Их прах замурован в Стене Героев, рядом с лучшими сынами Родины генерал-майорами Доватором и Панфиловым и Героем Советского Союза Талалихиным.

Сводный диверсионно-истребительный отряд командиров Еременко и Раусова действовал на Рузском направлении.

Во время боя партизаны потеряли двух комсомольцев — Сережу Соколкова и Лешу Чибисова. Бесстрашный Сережа Соколков, одним из первых подползший к вражеским блиндажам и забросавший их гранатами, был наповал убит осколком немецкой гранаты. Лешу Чибисова скосила в грудь пуля вражеского автоматчика в тот момент, когда он оторвался от земли для броска гранаты в блиндаж противника. Смертельно раненный, он все же метнул свою гранату и заставил навеки замолчать пулеметчика.

Два друга — Сережа Соколов и Леша Чибисов совершили в тыл к оккупантам 6 подходов. За эти походы они лично уничтожили ряд немецких солдат и офицеров, взорвали вместе с товарищами до десятка шоссейных мостов, железнодорожную магистраль Кубинка — Наро-Фоминск и, как разведчики, добыли немало ценных сведений о противнике.

Комсомолка Оля Колесникова работала ватерпичей на прядильно-ткацкой фабрике в Наро-Фоминске. Она была членом бюро фабричной комсомольской организации. В 1940 г. окончила курсы сандружинниц. Когда немцы вероломно напали на Советский Союз, Оля подала заявление о посылке ее на фронт.

Ее направили в Наро-Фоминский истребительный батальон. 16.10.1941 г. Оля была послана в спецшколу. По окончании спецшколы ее причислили к партизанскому отряду, действовавшему в Малоярославецком районе. Из школы вместе с ней в этот отряд поехала комсомолка Таня Капралова, сандружинница истребительного батальона Таганского района г. Москвы. Вместе с отрядом тт. Колесникова и Капралова участвовали во всех боевых операциях. Не один раз они ходили в г. Малоярославец на разведку и кроме ценных разведанных приносили часто продукты питания для товарищей по отряду.

Однажды тт. Колесникова и Капралова были посланы со спецдосмотром в Москву. При переходе линии фронта их обстреляли немецкие автоматчики. Таню смертельно ранили. Оля вынуждена была вернуться обратно. Отряда на месте уже не оказалось. Тогда она приняла решение — домой к отцу.

Через несколько дней, под вечер к ним в дом пришел неизвестный человек. Он вызвал Олю на улицу. Она вскоре вернулась, молча оделась и, ни слова не говоря своим, куда-то вышла из дома. Отец подумал, что ее вызвали товарищи по отряду. Ему не пришло в голову, что немцы

подослали к Оле провокатора и что гестаповцы вызвали ее из дома обманным путем. Воспитанница Ленинского комсомола, Оля, не дрогнув, перенесла все пытки гитлеровских палачей, которые добивались от нее фамилий коммунистов и родственников партизан. Когда немецкие захватчики были изгнаны из Малоярославца, то отец Оли на площади города среди повешенных немцами местных жителей опознал труп своей дочери. Было видно, что немцы жестоко надругались над комсомолкой-партизанкой и подвергли ее перед казнью зверским пыткам и истязаниям.

Когда враг подходил к Можайску — родному городу Христофорова, то он не мог заниматься своим слесарным мастерством. Вместо напильника в руки просилась винтовка, от верстака хотелось уйти к окопному брустверу. Но в армию не брали — молод, и Вячеслав ушел в истребительный батальон. Он исправно ходил в караулы, хорошо изучил оружие и втайне тосковал по большому делу. Оно подошло. Враг, минуя Бородино, ломился на Можайские холмы. Распропавшись со стариками родителями, он ушел в партизаны.

Это было его большое дело. Не было вылазки, в которой бы он не участвовал, не было руководителя операции, который бы не просил дать ему с собой Христофорова. Едва успев разметать во врага свой запас гранат, он уже требовал пополнения, чтобы еще и еще громить, сокрушать, запутивать, уничтожать врага.

«Когда я сижу в засаде, меня грызет ярость, — говорил своим товарищам партизан Христофоров. — Еще бы! Я, хозяин русской земли, боюсь каплянуть, чтобы не обнаружить себя, а собаки, для фашистов у него не было другого имени — топчут землю моей Отчизны. И он затыкал фашистским собакам глотки.

Однажды в одной из боевых операций враг оттеснил Христофорова от товарищей и проливным автоматным огнем прижал к Москве-реке. На возглас: «Русс, сдавайся!» — он ответил метким броском гранаты. Фашистские собаки завывли. Христофоров торжествовал. Из схватки с 20 бандитами трудно было выйти живым, и, презирая смерть, он дорого отдавал свою жизнь. Тело его пронизали несколько пуль. Из груди сочилась кровь. Горячая, она бежала от локтя к кисти. Но рука продолжала сжимать винтовку, и Христофоров посылал меткие пули во врагов. Когда кровь из раны в голове замутила взор комсомольца, он напряг остатки своего ослабевшего зрения, поймал на мушку фигуру немца в бабьем платье, и тот, взметнув руками, покатился с холма. За смерть героя фашисты расплатились 12 солдатами.

В Волоколамском партизанском отряде героически погибли партизаны Дитятин и Яров. Тов. Дитятин зарекомендовал себя в отряде смелым и отважным разведчиком. Однажды бывшая кулачка выдала фашистам Дитятина, когда тот был в очередной разведке в деревне. Немцы схва-

тили партизана. Они обещали ему жизнь за несколько слов. В ответ они получили презрение советского патриота. Тогда они стали над ним издеваться. После истязаний немцы бросили связанного по рукам и ногам Дитятину на снег. Там он пролежал больше суток. Он старался не шевелиться, чтобы меньше причинять себе боль и нечаянным стоном не дать врагу возможности злорадствовать над его муками. В конце концов взбешенные гестаповцы повесили партизанского разведчика на березе. Тон. Дитятин умер, так и не разжав своих запекшихся окровавленных губ.

Тов. Яров погиб при таких обстоятельствах. Возвращаясь из села Ильинского после выполнения боевого задания, ему пришлось пересечь шоссе, на которой незадолго до этого партизаны взорвали автобус с немцами. Дорога усиленно охранялась, и Яров нарвался на патруль. Его уже давно кончили обыскивать, а он упрямо продолжал стоять с поднятыми руками, опасаясь выронить пистолет. Так и повели его в штаб. На одном из поворотов дороги он схватил свой пистолет и быстро выстрелил в одного из фашистов. Когда второй обернулся, Яров всадил ему пулю в грудь. Оба немца свалились замертво. В этот самый момент из-за поворота выехала немецкая легковая машина. Не успев отважный партизан броситься в лес, как его сразила вражеская очередь из автомата.

В феврале 1942 г. партизаны Подмосковья понесли тяжелую утрату. В бою с фашистами был смертельно ранен отважный партизан-чекист, пламенный патриот Родины, командир партизанского отряда коммунист Бабакин Вадим Николаевич.

17 января 1942 г. отряды В. Н. Бабакина и 10. Д. Миловзорова слились в один отряд и направились в очередной поход в тыл противника. Сводный отряд должен был забраться в глубокий тыл противника и действовать там на крупных железнодорожных магистралях. Боевые действия сильно затруднялись бегством противника, так как его трудно было догнать. Все же отряду удалось провести ряд боевых операций, в результате которых было уничтожено свыше 30 фашистов. При возвращении из немецкого тыла на лесной дороге между деревнями Торопец — Успенское отряд неожиданно столкнулся с немцами. Разгорелся жаркий бой. Вадим Бабакин в упор расстреливал из своего автомата фашистов, подавая бойцам образец отваги и смелости.

В разгар схватки вражеская разрывная пуля у самого плеча раздробила Вадиму руку. Когда отряд отбился от немцев и стал продолжать переход к своим, смертельно раненный Вадим, беспокоясь о судьбе товарищей, просил его застрелить, чтобы не тормозить продвижение отряда вперед. Здесь проявилась врожденная черта т. Бабакина, за которую он был горячо любим бойцами — личная скромность, готовность к самопожертвованию, забота о своих товарищах. Его ослабленный дли-

тельным переходом организм не выдержал, и через несколько часов после ранения он к вечеру скончался.

Партизаны, знавшие т. Бабакина, всегда восхищались его простотой, душевностью и чуткостью к людям. Партизанка-орденоносец Маруся Конькова, вспоминая своего боевого командира, рассказала: «В боях Вадим всегда был первым. Партизаны его очень любили. Когда он находился среди нас, с ним было не страшно ни при каких обстоятельствах. Как командир, он был смелый, решительный, умный, находчивый.

Партизаны, хоть раз ходившие с Вадимом в поход, всегда просились состоять только в его отряде. В самых трудных условиях с ним было как-то уютно и спокойно. Казалось, отец дома и мы не сироты. Будучи серьезным, культурным человеком, он любил послушать шутки товарищей и часто увлекательно рассказывал о себе, о своей работе в комсомоле, о своей поездке в Англию».

Тов. Миловзоров в своих воспоминаниях о Вадиме рассказал:

«В самые трудные минуты Вадим никогда не терялся. Во время последнего похода в одной из деревень в тылу противника на нас неожиданно напали немцы. С расстояния 200 — 300 метров они стали обстреливать трансирующими пулями хату, в которой мы отдыхали. Через несколько минут в окнах дома не осталось ни одного стекла, а русская печь от ударов пуль стала вся пятнистой. Вадим спокойно стал быстро одеваться и лишь слегка наклонял голову от пролетавших пуль, подав бойцам команду о выходе из дома».

За время боевой деятельности партизаны, руководимые тов. Бабакиным, истребили свыше сотни немецких солдат, до двух десятков офицеров, в том числе командира 95-го немецкого артполка полковника Шеренберга, сожгли самолет «Мессершмитт-109», уничтожили несколько подвод с боепитанием, взорвали ряд деревянных мостов, танк-бензозаправщик с бензином.

Участвуя в разгроме немцев в Угодском Заводе, партизаны т. Бабакина сожгли здание почты и радиотелеграфа, уничтожив до 40 немцев. Лично сам т. Бабакин в этой операции уложил 3 немецких автоматчиков. В лице Вадима Николаевича Бабакина партизаны Подмосковья потеряли пламенного большевика-чекиста, отважного партизанского командира. За его смерть товарищи-партизаны поклялись отомстить фашистско-немецким ордам. Эта клятва будет выполнена.

В боях с фашистами на подступах к столице с оружием в руках сражались и пролили свою кровь лучшие сыны Родины. Партизаны Подмосковья, павшие смертью храбрых, были этими лучшими сынами Отчизны.

(Коллекция архивных документов по истории ВЧК — КГБ).

* * *

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОБ
УЧРЕЖДЕНИИ МЕДАЛИ «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ»

1 мая 1944 г.

1. Учредить для награждения участников героической обороны
Москвы медаль «За оборону Москвы».

2. Утвердить Положение о медали «За оборону Москвы».

3. Утвердить описание медали «За оборону Москвы».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль, 1 мая 1944 г.

* * *

Плодотворная деятельность московских чекистов и в первые послереволюционные годы, и в годы героической борьбы по защите нашей столицы от немецких захватчиков навсегда останутся в благодарной памяти москвичей, а особенно у молодых поколений сотрудников Московского управления государственной безопасности.

Пройдет время и многие героические эпизоды гражданского и ратного подвига московских чекистов, о которых весьма скромно рассказано в приложении к этой книге, безусловно станут яркими страницами литературно-художественной летописи, создать которую еще предстоит тем, кто как и их предшественники стоит на защите государственных интересов России, безопасности ее граждан.

ОТ АВТОРА

Закончен мой трехлетний труд над книгой «Государственная безопасность и время». Я выполнил свой долг, завещанный судьбой.

Мои соратники по работе в органах безопасности как-то в беседе просили, чтобы я написал такую книгу, убеждая в том, что имею большой опыт работы, многое познал в жизни, и что мои воспоминания будут с интересом восприняты читателями. Товарищи обещали оказать мне помощь в написании и издании книги и слово свое сдержали. Спасибо Вам моим дорогим соратникам.

Я искренне выражаю свою благодарность литературному работнику А.В.Диенко, бывшим моим сослуживцам: полковникам Е.Л.Матвеевко, А.В.Алидину, В.П.Попову, А.А.Андрееву, В.Б.Кравцову, журналистке Ж.В.Алидиной за оказанную помощь в подготовке книги к изданию.

Сердечно благодарю близких мне в жизни Л.Г.Алидину, Е.П.Кудреву, И.В.Алидину, подполковника медицинской службы В.В.Исаеву за создание условий для творческой работы, полезные советы и предложения, за духовную поддержку моей литературной деятельности.

Приношу искреннюю, сердечную благодарность Президенту концерна „СОБИ“ Владимиру Николаевичу Зубкову за оказанную помощь в издании книги.

В.И.Алидин

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
ГЛАВА 1. Дорога в Москву.....	7
ГЛАВА 2. В министерстве госбезопасности.....	69
ГЛАВА 3. Тревожное время.....	102
ГЛАВА 4. Ухабы демократии.....	142
ГЛАВА 5. Поиск курса.....	186
ГЛАВА 6. Во главе Московского Управления.....	239
Приложение.....	327

*Фотографии взяты из
личного архива автора*

В. Алидин
Государственная безопасность и время

редактор *Диенко А.*
художник *Бадмаев Д.*
корректор *Бем Ю.*

Москва, Смоленская пл.13/21, Ветеран МП
Лицензия на издательскую деятельность ЛР 050041 от 25.11.91

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.06.97.
Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл.
печ. л. 21,0+2,52 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 77386

Отпечатано в типографии ОАО «Молодая гвардия»

Адрес типографии «Молодая гвардия»:
Москва, 103030, Суцеская ул., д. 21